

АНН БРЕНОН

ИСТИННЫЙ ОБРАЗ КАТАРИЗМА

ФОТОГРАФИИ ЖАНА-ЛУИ ГАСКА

перевод с франц. Наталии Дульневой

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЖАНУ-ЛУИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Катаризм с истинным лицом... Лицо, которое могло смотреть, глаза, в которых отражались страх, радость, доверие; уши, которые слышали проповеди, смех, крики страданий; рот, который мог говорить о сотнях повседневных дел и очень серьезно о Боге, который диктовал писарю диалектические аргументы, пересыпанные цитатами из Евангелия, или, еще чаще, излагал свои воспоминания в виде показаний перед Инквизицией

Катаризм с человеческим лицом, с живым лицом. Лица, которым уже шестьсот лет, кому больше, а кому меньше; лица расплывающиеся, незавершенные, скрытые в тени или в тумане, как и те средневековые манускрипты, где запечатлена память, сотканная из этих древних слов, правдивых или уклончивых, слов, выдающих слабости, сомнения и неуверенность, но также несущих незаменимые свидетельства.

Чего здесь не будет - так это тщетных конструкций «наполненного пустотой воображения», по выражению Симоны Вэйль - которые возводили столько авторов с конца XIX столетия, фабрикуя мифологические, но, увы, коммерческие катаризмы. Не будет рассказов о спрятанных сокровищах, пиренейских Граалях, неизданных трудах Платона, буддийской и гиперборейской экзотики, или пошлого эзотерического оккультизма.

Эти сфабрикованные образы катаризма не являются лицами: они искажают истинное лицо. Мы не будем говорить здесь о «ложных образах катаризма». Это - исторический феномен, имеющий человеческое измерение, и из уважения, а почему бы и не из любви к этим людям, мы можем теперь попытаться вновь восстановить их человеческую реальность во всей ее невесомой и иррациональной тяжести. Эта их реальность существует в мире, параллельном миру смехотворных и безликих артефактов.

Целью этой книги является, по меньшей мере, опровержение одного за другим всех старых фантазмов - как катарофильских, так и антикатарских - которые до сих пор кружат в современном восприятии, опровержение путем неустанных попыток открыть взгляду истинный образ жизни Церкви Добрых Христиан.

И первым из этих лопнувших мыльных пузырей будет фальшивая «аура» таинственности, окружающая катаризм. Уже в 1988 году у нас достаточно оснований, чтобы понять эту религию. Вполне возможно, если найти время, прочитать и изучить средневековые источники, разбросанные и считавшиеся пропавшими в течение многих столетий, но отныне известные, каталогизированные, и во многих случаях опубликованные и переведенные. Исторические исследования и работы на основе документов продемонстрировали нам, что ничего таинственного в катаризме нет.

Это архаическая - хотя в определенном смысле и новаторская - форма христианства, буквально интерпретирующая предписания Евангелия, но с дуалистической точки зрения. Она знала периоды взлетов и падений, и просуществовала на довольно обширной территории - от Малой Азии до Западной Европы - с X по XV века. Это течение, прекрасно распознаваемое в море средневековой ортодоксии, было организовано в независимые Церкви по образцу раннего христианства: эти Церкви в общем и целом были связаны друг с другом тесными связями, но иногда различались по доктринальным вопросам.

Последователи этого христианского течения, однако, недвусмысленно определяли себя как непосредственных и единственных наследников аутентичного послания Христова. Это была Церковь Добрых Христиан, или Истинных Христиан, Добрых Людей, противопоставляемая узурпаторской Римской Церкви. По укоренившемуся

литературно-историческому обычаю, для ее обозначения теперь принято употреблять термин «катары». Это была отдельная Церковь, со своими таинствами, экклезиологией, метафизикой, верными, клиром и моралью Спасения.

Ее метафизика и экклезиология известны нам по двум теологическим трактатам, один из которых происходит из Северной Италии (*Книга о двух началах*, найденная во Флоренции и впервые опубликованная отцом Донденом в 1939 году), а второй, возможно, из Каркассес, но это всего лишь гипотеза (*Анонимный Трактат*, частично содержащийся в опровержении, написанном Дюраном де Уэска, вальденским полемистом, перешедшим в католицизм, и найденный в двух копиях - в Праге и в Национальной Библиотеке Парижа все тем же отцом Донденом, но опубликованный Кристин Тузелье в 1961 году). Метафизика и экклезиология известны нам также по многочисленной литературе «идеологической борьбы», созданной католическими интеллектуалами, цистерцианцами и братьями-проповедниками, вступавшими в дискуссии, в том числе и публичные, с тезисами катарских докторов, несомненно, «основанными на Писании». Для того, чтобы быть эффективными и приводить убедительные аргументы, католические полемисты должны были знать, о чем говорят оппоненты, и потому совершенно не следует сбрасывать со счетов этот тип источников. Один из авторов этих «антиеретических Сумм» в прошлом был катарским иерархом, обратившимся в католицизм и ставшим инквизитором: Райнерий Саккони.

И катарские, и антикатарские трактаты в основном происходят из Северной Италии. Доктрина Церкви Добрых Христиан известна нам еще и по трем Ритуалам - прежде всего, по Латинскому Ритуалу, копия которого была прикреплена к *Книге о двух началах*, но также и по двум другим Ритуалам на окситан, один из которых, по-видимому, происходит с Юга, с территории современных французских департаментов Арьеж или Од (копия этого Ритуала была прикреплена к Катарской Библии, находящейся в Муниципальной Библиотеке Лиона), а второй, скорее всего, из провансальско-альпийского региона (фрагмент Дублинского Ритуала). Кроме того, сами реестры Инквизиции дают нам всевозможную информацию о социологии и этнологии «живого» катаризма на территории трех главных регионов Окситании: графств Фуа и Тулузского и виконств Тренкавеля - Каркассон, Альби и Разес.

Можно сказать, что теоретический и доктринальный катаризм лучше известен нам по северо-итальянским источникам; но катаризм семейный, человеческий, катаризм, живший в менталитете и сердцах, мы знаем лучше по Окситании. Однако, фрагменты проповедей совершенных катаров Лаурагэ, сохранившиеся благодаря показаниям перед Инквизицией, как и догматические положения окситанских Ритуалов, не особенно разнятся от этих великих теологических трактатов. Тем не менее, ясно, что больше всего богатых документальных источников сохранилось именно об окситанском катаризме, и потому мы лучше знаем о его историческом развитии.

Такова дорога - возможно, с приключениями - куда я вас приглашаю. Это не будет подробное описание крестового похода против Альбигойцев, или история завоевания и постепенной аннексии Юга Франции централизованной королевской властью: *Эпопея катаров* Мишеля Рокбера (в пяти томах) вполне определенно, ясно и четко описывает эти события, и я буду на нее ссылаться.

Итак, я приглашаю вас оставить ложные пути мифологических идей прошлого, чтобы шаг за шагом узнать это религиозное меньшинство, задушенное Историей, во всей его аутентичности, различить его специфику в пульсирующем и вибрирующем контексте средневекового христианства, намного более сложного, подвижного и гибкого, чем это обычно представляется. Приглашаю прислушаться к эху стука посохов Добрых Людей, раздававшемуся на мостовых бургад или в коридорах замков, в городах и лесах. Приглашаю поискать отзвуки памяти, застывшие в словах верующих, увлеченно следовавших за теми, кого они любили, по дороге их рвения и веры, и нередко плативших за это жизнью. Вот это истинное лицо, лицо самих катаров, которое мы можем различить в зеркале, отполированном текстами и временем.

Монсегюр, лестница катарской деревни

ч. I СРЕДНЕВЕКОВОЕ ХРИСТИАНСТВО / ОТКРЫВАЯ ГОРИЗОНТЫ...

Первые идеи, вышедшие из лагеря историков, изображали катаризм очень односторонне, сводя его к какому-то необъяснимому экзотическому цветению в маленьком окситанском садике на острове, посреди неподвижного, застывшего океана средневековой религиозности. Таким образом, катаризм представляли как некий изолированный феномен, вне пространства, времени и Истории.

Также очень часто наблюдалась тенденция ассимилировать катарскую мысль и Окситанию. С одной стороны, это понятно, поскольку Церкви Добрых Христиан лучше известны нам, благодаря инквизиторским источникам и хроникам репрессий, именно в этом регионе, чем в остальной Европе. С другой стороны, пост-романизм и пост-романтизм объединили катаров и трубадуров и подняли на щит мечту о средневековой цивилизации радостей жизни и толерантности, существовавшие на Юге современной Франции. Однако, катаризм был распространен по всей Европе, от Балкан до пролива Ла-Манш (не говоря уже о его безуспешных попытках проникнуть на Британские острова...) и даже, частично, в Малой Азии, где он, по-видимому, предпочитал места оживленного торгового обмена.

Катаризм был, по сути, христианским движением, одним из многих - хотя и уникальным - вдохновенных пылким спиритуализмом и непрерывно сотрясавших доминировавшую догматику Римской Церкви от золотого века Каролингов до протестантской Реформации.

Потому необходимо решиться открыть великие горизонты катаризма и бесстрашно устремить взгляд на пространства европейской истории X-XV веков.

I ПУЛЬСИРУЮЩИЙ И БРОДЯЩИЙ КОНТЕКСТ

Начиная с эпохи Тысячелетия, то есть, с того момента, с которого появляются интересующие нас документы, когда католический монашеский чин, запершись в престижных аббатствах, занимался интеллектуальными и философскими изысками, а священнический чин, сельские и городские попы, преимущественно жили в атмосфере всеобщего бескультурья, христианский народ был охвачен волнениями и поисками возврата к евангельским идеалам бедности, чистоты нравов и проповедей Слова Божьего.

И клирики, и светские люди, снимались с насиженных мест и проповедовали. Некоторые такие движения были индивидуальными инициативами, иные были позитивно восприняты Римской Церковью (Роберт д'Арбриссель и орден Фонтенвро, Франциск Ассизский и братья-минориты, Доминик де Гусман и братья-проповедники). Были среди них и диссидентские движения, призывавшие к реформам, как в области догматики, так и нравов, из которых начала формироваться контр-Церковь. Кто-то из этих диссидентов вдохновлялся проповедями Иоахима Флорского об Апокалипсисе и доходил даже до «пред-революционного» экстремизма, с его классовыми и социальными эксцессами, а кто-то оставался исключительно на дороге надежд на Царствие Небесное.

ОБНОВЛЕНИЕ В СРЕДЕ КАТОЛИЧЕСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

В ходе грегорианской Реформы, которая стала первой попыткой католической Церкви на переломе XI-XII веков ответить на новые проблемы, возникшие в западноевропейском христианстве после установления мира в Европе, бенедиктинцы и цистерцианцы жили изолированно, укрывшись за стенами своих аббатств - сначала романских, потом готических - и за «деревянным языком» своей церковной латыни.

На уровне простого христианского народа наиболее видимым эффектом грегорианской Реформы стала регламентация брака: сожителство без таинства приходских церковных служителей было так же жестко запрещено, как настоятельно устанавливался брак в качестве таинства для мирян. Однако бескультурье низшего класса продолжало оставаться повсеместным явлением.

Конечно же, новый, рожденный Реформой, монашеский орден цистерцианцев выказывал в первой половине XII века больше активности, чем старый престижный орден Клуни, где бенедиктинцы преимущественно

удовлетворяли свое стремление к искусству - роскошной архитектуре и украшениям своих огромных аббатств, красочным и тонким миниатюрам в манускриптах, переписываемых в их *scriptoria* - и стремление к теологическим исследованиям, рефлексиям, комментариям, глоссам и толкованию Писания, которыми они неустанно снабжали эти самые *scriptoria* - огромные мастерские-библиотеки, где монахи-переписчики сменяли монахов-мыслителей.

Орден Сито был основан с двойной целью: некоторого упрощения в стиле и манере бытия, по сравнению с роскошью и избытком бенедиктинцев, а также вовлечения монахов-интеллектуалов в проповедничество христианскому народу, и особенно против еретиков. Потому что еретики к тому времени уже появились. Прекрасным примером цистерцианского вмешательства в дела мира может служить кампания Бернара из Клерво, «светоча Сито», будущего святого Бернара, который, в середине XII столетия, в сопровождении хрониста Жоффре д'Оксерр, совершил турне по Альбижуа и Тулузен с проповедями против предположительно арианской ереси монаха Генриха. Однако, в тех землях святой Бернар встретил еретиков нового поколения, и в своей среде стал называть их «Альбигойцами». Поскольку «в полевых условиях» он не смог найти достаточно убедительных аргументов против них, то опроверг их тезисы письменно, позже, в тишине своего бургундского аббатства, в проповеди против «ариан» или «ткачей» (вторая проповедь *in canticam*).

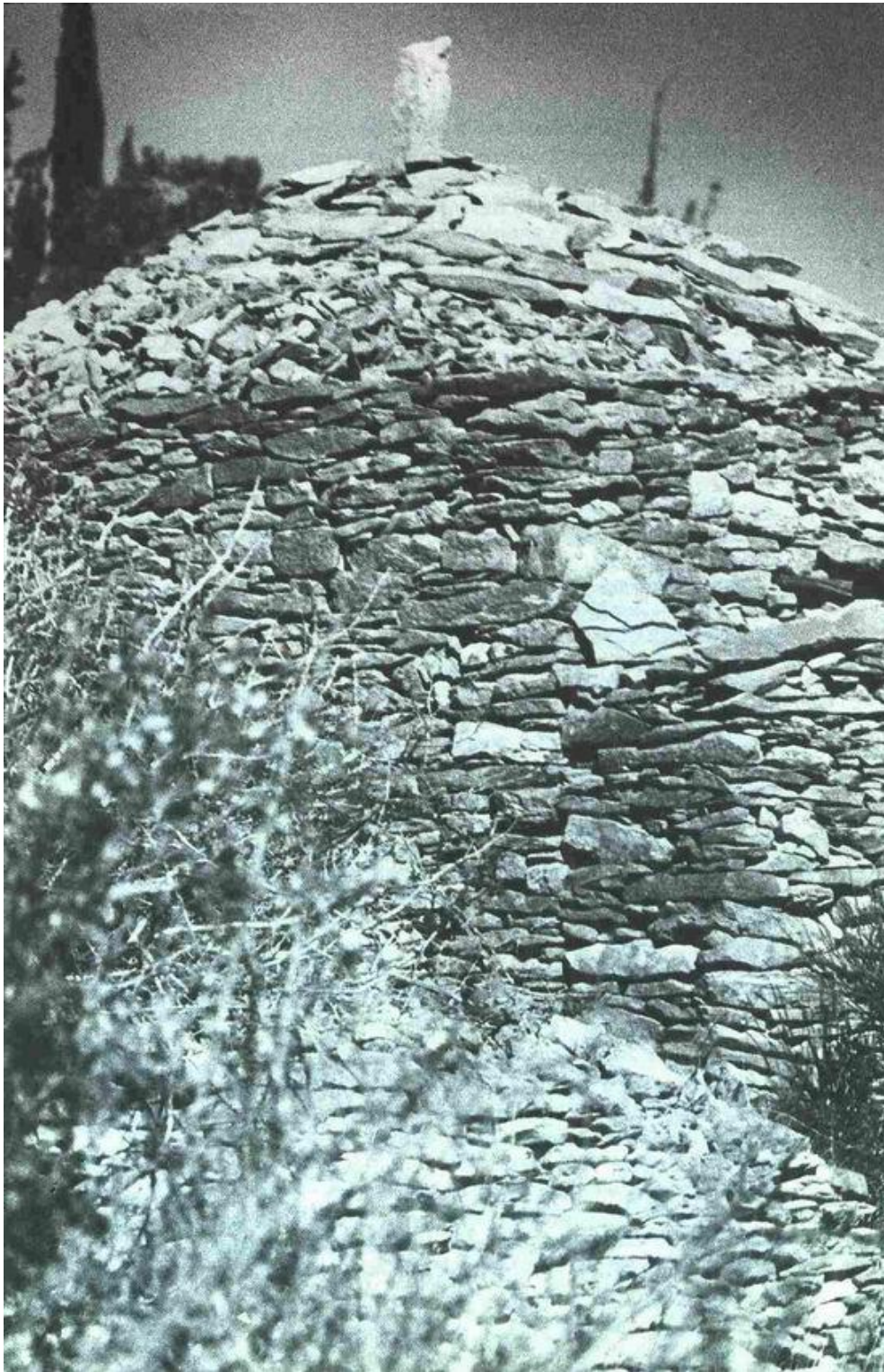
Пастырская деятельность цистерцианцев, как одна из первых попыток реакции католической Церкви на духовные искания христианского народа, была не очень хорошим ответом: эти духовные искания требовали чего-то более пылкого и непосредственного.

НОВАТОРЫ СРЕДИ КЛИРА И В ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ

Тем временем цистерцианский монах из Калабрии Иоахим Флорский во второй половине XII столетия на кончике своего пера дал кое-какие ответы, ставшие достаточно серьезными аргументами в ту эпоху, когда духовные поиски христианского народа происходили и вне строго ортодоксальных путей. Он получил понтификальное разрешение оставить свою должность аббата ордена Сито, чтобы, поразмышляв в одиночестве, написать и отредактировать пророческий комментарий к Откровению Иоанна: *Вечное Евангелие*.

Иоахим Флорский был человеком ортодоксии; он решительно противостоял еретикам – «патаренам» Калабрии; он, конечно, никогда даже не воображал себе, какой отзвук найдут его идеи, более или менее правильно понятые, среди алчущих Бога, к чему они их приведут. Он описывал время в терминах Троицы, и провозгласил, что после эпохи откровения Отца и второй эпохи откровения Сына, которая подходит к концу, грядет эпоха Духа Святого, эпоха мира и любви. Его ученики и комментаторы добавили к его идеям множество размышлений и конкретных деталей, после чего, практически независимо от личности автора, стали зваться «иоахимитами». Начиная с XIII столетия, «иоахимизм» породил многочисленные течения религиозной экзальтации, которые пытались выяснить будущую судьбу мира.

Это был, можно сказать, наиболее оригинальный и конкретный вклад ордена Сито в построение обновленного христианства...

Пастушеский летник (капитель) в Минервуа

Однако на переломе XI и XII столетий скромный священник из Западных Марок, Робер д'Арбриссель, вопреки своим епископальным властям и побуждаемый великим ветром грегорианской Реформы, который в то время еще не утих, увлек за собой целые толпы в поход за евангельскими идеалами. Эти толпы оборванцев, мужчин и женщин, - конечно же, это вызвало скандал. И когда он получил разрешение основать собственный монашеский орден в Фонтенвро в 1101 году, то встал во главе двойного аббатства – мужчины и женщины жили теперь раздельно, в монашеских домах, и женские дома возглавляли аббатисы. Новый скандал продолжался недолго, но он был симптомом новой религиозности, стремления женщин к духовным поискам. Фонтенвро вскоре стало изысканным убежищем великих дам. Однако на этом событии виден отпечаток порыва женщин к более или менее спонтанным, но всегда ревностным движениям, которые Рим иногда упустил из-под своего ортодоксального контроля.

МИРЯНЕ, КОТОРЫЕ СРЫВАЛИСЬ С МЕСТА И ПРОПОВЕДОВАЛИ

В кипящем бульоне духовных поисков, характерном для этой эпохи, когда люди бродили по дорогам паломничеств и пускались в народные крестовые походы, миряне часто превосходили профессиональный клир в своем рвении и стремлении к более живой духовности.

XI столетие стало временем постепенного установления мира: утихали последние «варварские» набеги, вторжения венгров и викингов; настало время демографического роста и экономического развития. Вырубались леса, чтобы сеять зерно и основывать села, появлялись технические новшества, такие, как водяная мельница и плуг, имевшие позитивный эффект для сельского хозяйства. Феодальный порядок установился, однако города уже начали приобретать свой нынешний облик и становиться центрами торгового обмена.

Появился обычай бродяжничать; вместе с вагантами - бродячими монахами, покинувшими монастырское затворничество, полу-расстригами, полу-жонглерами, сочинявшими латинские вирши о любви к Богу и вину - ходили и отдельные крестьяне, и группы людей, и даже целые толпы срывающихся с мест христиан: паломничество в Рим, в Святую Землю, в Сант-Яго-де Компостелла, и, наконец, крестовые походы. Вначале походы рыцарей, затем бедняков... А в дороге они разговаривали. Странник, приходивший в деревню и просившийся переночевать, часто приносил новости, другие мнения. Он не боялся критиковать нерадивость приходских священников и жадность высшего клира. И он мог задавать неудобные вопросы о Спасении...

Были среди них люди, умевшие говорить о Боге просто и доходчиво. Таким был Робер д'Арбриссель, но были также и другие клирики, которые уже не оставались в таких хороших отношениях с Римской Церковью: Пьер де Брюи, монах Генрих, сам Арнольд из Брешии, поднявший на восстание жителей Рима. Арнольдисты, от которых впоследствии пошли Ломбардские бедняки, проповедовали универсальное священство верных. Рубикон был перейден, когда на это отважился скромный крестьянин из Шампани, Лиотар, в первые годы XI столетия: миряне снимались с мест и проповедовали Слово Божье без посредников. Они проповедовали своими словами, громко и уверенно, и собственным примером.

В Милане, начиная с конца XII столетия, зарождается движение гумилиатов, которое поначалу было всего лишь собранием благочестивых мирян, желающих практиковать предписания Евангелия. В XIII столетии часть этого движения вернулась в лоно Римской Церкви и стала основой движения «католических Бедных», куда вступали и обращенные вальденсы; другая же его часть присоединилась к Ломбардским беднякам.

ВАЛЬДЕНСЫ: СЛОВО И БЕДНОСТЬ

Движение вальденсов является прекрасным примером проявления скрытого евангелизма средневекового христианского населения. В нем словно бы сошлись воедино все духовные стремления конца XII столетия - идеал бедной и чистой жизни и ответ на проблему жажды Слова Божьего. Основатель, по фамилии которого названо движение, - возможно, мифический - был богатым купцом из-под Лиона, скорее всего, по имени Пьер. Пьер Вальд или Вальдо - абсолютный предшественник подобного демарша Франциска Ассизского тремя десятилетиями позже. О мифичности Пьера Вальдо можно поставить вопрос, как и о том, не является ли его биография ретроспективной копией источников. Но ответа на этот вопрос у нас нет.

Из того, что нам известно, Пьер Вальдо из Лиона раздал свое имущество бедным в присутствии архиепископа Лионского. Третью часть имущества он оставил жене и двоим дочерям, которые (не случайно) вступили в орден Фонтенвро. Что касается мотивов его обращения, состоявшегося около 1170 года, то это были размышления над пассажем из Евангелия от Матфея (19, 21): «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною».

И Вальдо стал последователем Христа в абсолютной бедности. Он просил милостыню и проповедовал у порталов церквей. В то же самое время, и это очень важно, он использовал остатки своего богатства для немедленного перевода с латыни на «вульгарный», народный, понимаемый всеми (скорее всего, франко-провансальский лионского региона) язык двумя учеными клириками отрывков из Писания. Так открылась возможность для прямого восприятия Слова Божьего простыми верующими, которые раньше слышали только его отзвуки, скупо уделенные им священниками в проповедях. Открылась также возможность и для проповеди этих святых Евангелий в гуще христианского народа, не знавшего латыни, и в большинстве своем неграмотного, но всем сердцем воспринимавшего вечный хлеб Слова, ставшего теперь доступнее благодаря переводам.

Вокруг Вальдо собрались Лионские Бедняки - его последователи, мужчины и женщины, проповедовавшие, обращаясь к толпам на площадях, пока, наконец, архиепископ Гвишард не прогнал их из Лиона. В 1179 году Александр III по-отечески принял вальденсов на Латеранском соборе «в их евангельской бедности», но посоветовал им слушаться решения архиепископа. По этому поводу клирик Уолтер Мэп, встретив Лионских Бедняков, написал в своей хронике: «Они не имеют постоянного жительства, ходят по дорогам по двое, босые, одетые только в шерстяную тунику. Не имея ничего, они всем владеют сообща, как апостолы. Нагие, они служат Христу нагому».

В таких же обстоятельствах Лионские Бедняки впервые встретились с Ломбардскими бедняками. Но хотя Пьер Вальдо в марте 1180 года согласился произнести исповедание веры, которого потребовали от него архиепископ и папский легат, Генрих из Клерво, четко отрекаясь от всякого арнольдизма и всякого дуализма, тем не менее, все вальденсы скопом были отлучены от Церкви, потому что не хотели отказываться проповедовать. И тогда загорелись первые костры. Вальдо ответил на это парфразой из Деяний Апостолов: *Melius obedire Deo quam hominibus* (лучше покоряться Богу, нежели человекам). Этим все было сказано, или почти все. Вальденскому движению, основанному в жажде бедности и проповедей, и отныне объявленному еретическим (Веронский собор 1184 год), не оставалось ничего, как отвергнуть Церковь и радикализироваться. Понемногу вальденсы, встречаясь с более «жесткими» движениями, такими как Ломбардские бедные в начале XIII столетия, или гуситы в позднее Средневековье, стали разделять их отказ от церковной иерархии и монашеского сословия, и считать недействительными таинства, уделенные недостойными священниками, и отрицать индульгенции, заупокойные (и дорогие!) службы, а также Чистилище. Но с самого начала своего движения, они тщательно придерживались предписаний Нагорной Проповеди: отказывались от всякого насилия, лжи, клятв...

На рубеже XII-XIII столетий некоторые вальденсы примирились с Римом, и, сгруппировавшись вокруг Дюрана де Уэска и Бернара Прима, вместе с некоторыми ломбардскими гумилиатами, сформировали движение Католических Бедных, будущий инкубатор для доминиканцев. Но движение Вальдо, в начале объявленное простой дисциплинарной схизмой некоторых слишком благочестивых мирян, желающих любой ценой проповедовать и слушать Слово Божье, а потом переведенное в ранг доктринальной ереси, вальдеизм, распространился по всей Европе, пережил Средние века, и, несмотря на Инквизицию, влился в протестантскую Реформацию.

II КАТАРЫ СРЕДИ СВОИХ СОБРАТЬЕВ

Катаризм без труда вписался в контекст духовных исканий описываемой эпохи, где то и дело выныривали бродячие клирики или миряне, желающие следовать за Христом в Его евангельской бедности и жаждущие Слова Божьего. Комментаторы - начиная с XVII столетия – часто ассимилировали или, по крайней мере, сближали катаров и вальденсов как два «братские» движения. Они действительно были братьями, враждующими братьями, но, тем не менее, братьями, вскормленными одним и тем же вдохновением, одной и той же новой надеждой.

Дело в том, что это великое и разнообразное движение, каким было средневековое христианство, являлось – если мы попробуем описать его изнутри – движением беспорядочным, мятущимся и абсолютно искренне тянувшимся как к ортодоксальным святым, так и к ересиархам. Возможно, Римская Церковь использовала это явление на очередном повороте Истории, основывая нищенствующие ордена, Братьев-проповедников и Братьев Миноритов, короче говоря, попыталась сравнять счет. И некоторые говорят, что история еретика Вальдо – это ретроспективное отражение инициатив Доминика де Гусмана и, особенно, Франциска Ассизского...

Правда также и то, что нищенствующие ордена, больше других воплощающие пульсацию будущего христианства, послужили для Римской Церкви инструментом реконквисты против двух наиболее опасных на то время «ересей» - катаризма и вальдеизма.

СТРАНСТВУЮЩИЕ ПРОПОВЕДНИКИ ЕВАНГЕЛИЯ

Катаризм был евангелизмом: буквальным следованием заповедям Христовым, и особенно, как, в общем, это было характерным и для вальдеизма, предписаниям Нагорной Проповеди. Это был один из центральных пунктов катаризма. Странники абсолютного ненасилия, они отказывались лгать и клясться, и представляли перед христианским народом, как бедные странствующие проповедники, несущие Слово Божье.

Они брали на себя право проповедовать Евангелие, не заботясь о разрешении официальной Церкви, а также право переводить Писания с латыни. То, как Уолтер Мэп описал в 1179 году первых вальденсов, можно без труда отнести и к катарским проповедникам: они по двое обходили города и деревни, не имея ничего, кроме черных одежд и Евангелия на поясе.

Их способ проповедования, как мы можем судить из робких воспоминаний тех, кто свидетельствовал перед Инквизицией, и из их собственных трактатов, дошедших до нас, был комментариями к Святому Писанию. Уже этого одного достаточно, чтобы разрушить неверные, но широко распространенные представления о катаризме, как о чем-то экзотическом: в абсолютно христианские Средние века катары проповедовали исключительно христианское Писание. В катарских проповедях нет ни фразы из обильной манихейской религиозной литературы, хотя она была очень распространена на Востоке (и переводилась даже на китайский). И, конечно же, не стоит там искать никаких следов учения Будды...

И эти проповедники были грозными конкурентами для клириков Церкви Римской, потому что они прекрасно, наизусть, знали авторитетные тексты Писания и умели их использовать.

КАТАРСКАЯ БИБЛИЯ

Эта Библия, святая Книга, которую носили с собой странствующие проповедники, и которая представляла собой фундамент их учения, часто ассоциируется у современных историков с Евангелием от Иоанна. Но эта Книга, несомненно, была более толстой.

Мы также обладаем очень точной информацией о ее содержании, потому что среди многочисленных средневековых «Библий» на окситан, дошедших до нас, можно выявить рядом с пятью вальденскими Библиями одну аутентично катарскую Библию. Потому что в той же самой копии после текста Библии следует текст Ритуала *servici*, передачи священной молитвы и *consolament* – таинств и церемоний собственно Церкви Добрых Христиан. Эта рукопись называется Лионским Новым Заветом (рук. РА 36 муниципальной библиотеки этого города), за текстом которого следует Ритуал на окситан.

Это полный текст Нового Завета, состоящий из четырех Евангелий, Деяний Апостолов и канонических Посланий. Рукопись можно со всей определенностью датировать второй половиной XIII столетия. Ее происхождение можно локализовать благодаря лингвистическому анализу – это юг графства де Фуа или же бывшее виконство Каркассон. Интересно отметить, что катарский евангелизм основывался на тех же базовых текстах Писания, что и у вальденсов, потому что дошедшие до нас более поздние вальденские Библии (XIV- начало XV веков) – это тоже тексты Нового Завета, как, впрочем, и остальные Библии на «старопровансальском». Они точно не идентифицированы и могли бы принадлежать к любому христианскому течению того времени. Библия, переводившаяся на «народный» язык с конца XII столетия до начала XV столетия – это Новый Завет. Духовное обновление, породившее подобные движения в сердце христианства того времени, было основано на послании Христа. В этом отношении катаризм несколько не отличался от остальных таких же наступательных движений.

Несомненно, что *отрывки из Писания*, которые Вальдо из Лиона в конце XII столетия перевел на свои последние денье на лионский диалект, были теми же самыми новозаветными текстами. Вальденские Библии XIV столетия содержат, в общем-то, и кое-какие фрагменты и Ветхого Завета, всегда одни и те же: Книги Мудрости (Экклезиаст, Псалмы, Песнь Песней и так далее). Следует отметить, что единственный экземпляр катарской Библии, которым мы располагаем, не содержит этих текстов. Однако Книги Мудрости были одними из немногих ветхозаветных текстов, встречающихся в аргументации катаров – это обнаруживается при сравнении реестров Инквизиции и катарских трактатов.

Но следует сказать, что катарская и вальденская версии Библии совпадали не полностью. По всей видимости, латинский (или греческий?) оригинал, с которого делались различные переводы на окситан, был одним и тем же, то есть версией Нового Завета, более ранней, чем упорядоченная Вульгата святого Иеронима, официальная Библия Римского католицизма на протяжении многих столетий. Но отталкиваясь от одного и того же оригинала, переводы катаров и вальденсов различались между собой, и это не было простой лингвистической проблемой. Катары и вальденсы по-разному понимали переводимый ими текст. Катаризм и в самом деле был своеобразным прочтением Святого Писания, в то время, как все остальные – вальденсы и католики – были согласны в понимании текста. Но мы еще вернемся к этому пункту.

ТЕОЛОГИ НА СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МАНЕР

Эти катарские проповедники с Книгой в руке несли христианскому народу связанное и непосредственное послание Писаний, своей жизнью и нравами на практике демонстрируя чистоту и ригоризм апостольского способа жизни. Такой чистоты требовал, например, крестьянин Лиотар, живший немного спустя 1000 года. Ту же чистоту практиковали в конце XII столетия вальденсы, миланские гумилиаты, римские арнольдисты. Таким было требование времени.

Катары играли первую скрипку в «евангельском пробуждении» той эпохи; в бедности следовали бедному Христу и более, чем другие, возрождали образцы раннехристианской Церкви. И они выражали свою точку зрения как письменно, так и, конечно же, устно – потому что в Средние века писанный текст был отзвуком произносимого. Они действовали согласно принятому в то время процессу изложения мысли, где каждый абзац, каждый новый уровень объяснения сопровождался двумя или тремя цитатами из Писания. Это средневековый способ интеллектуального дискурса в рамках схоластических правил.

Катарские доктора, писавшие дошедшие до нас трактаты или тезисы трактатов, руководствовались строгой и совершенной логикой, медленно, но верно доказывая свои тезисы: средневековое мышление редко выходило за пределы «охранной зоны» Святого Писания:

De duobus autem principiis ad honorem Patrem sanctissimi volui inchoare (Во славу Наисвятейшего Отца, я хочу приступить к моему рассуждению о двух началах), прежде всего, опровергая теорию об одном начале... Прежде всего, я полагаю следующее: или существует только одно начало-первоисточник (*principium principale*), или более чем одно?... Действительно, если есть лишь одно начало, и не больше, как говорят непросвещенные, тогда, по необходимости, оно должно быть либо благим, либо злым. Но оно, конечно же, не может быть злым, так как тогда от него проистекало бы только зло, но не благо - как говорит Христос в Евангелии от святого Матфея: «Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые.» (Матф. 7:17,18); и то же святой Иаков сказал в своем Послании...»

Уже первые строки катарского трактата *Книга о двух началах* задают тон. Это изложение мысли на средневековый манер, в дискурсе, переполненном цитатами из Писания. Однако, Римской Церкви было достаточно трудно искоренить логику этого дискурса...

III КАТАРЫ ОДНИ ПРОТИВ ВСЕХ

Даже при кратком сравнении катарской и вальденской Библий видна огромная разница: независимо друг от друга, катары и вальденсы испытывали необходимость в том, чтобы работать над параллельными переводами Нового Завета. И результаты их трудов несхожи друг на друга ни по форме, ни по содержанию, потому что мотивация этих двух великих движений диссидентского евангелизма не была одной и той же.

Filius hominis... Сын Человеческий; *lo filh de l'ome*, сказано в переводе катарского текста. *Lo filh de la vergena*, Сын Девы, переводит вальденский текст, что может звучать немного анекдотично.

Verbum... Слово пролога Евангелия от Иоанна, переводится как: *lo filh*, Сын, в вальденской Библии. Катарский текст говорит: *la paraula*, Слово, аналог греческого Логос. Является ли эта разница в переводе простым следствием того, что катарский перевод более строгий по отношению к латинскому тексту?

Последуем дальше за их переводом Евангелия от Иоанна: *et sine ipso factum est nihil quod factum est* (Ио. 1, 3), говорит католическая Вульгата (и без Него ничто не начало быть, что начало быть). *E alcuna cosa non es feita sença lui*... или *...e nenguna causa non son fach senes el* переводят вальденские Библии Гренобля или Карпентра, а также окситанская Библия неизвестного происхождения, датируемая концом XIII столетия (рук. Б.Н. фр. 2425). А катарский перевод просто и ясно, безо всяких прикрас говорит иначе: *...e senes lui es fait nient* (и без Него ничто стало быть).

Остановимся же на этом стихе из Евангелия от Иоанна: для вальденсов и католиков «nihil» - это «ничто из», а в катарском переводе «nihil» это *nient*, ничто, небытие – одна из основ их дуалистического прочтения Писания. Если вальденсы искали только способ, как точно и искренне передать в сердца людей предписание Евангелия, чтобы народ христианский мог лучше следовать дорогой Христовой, то катары устанавливали фундамент, на котором камень за камнем возводили совсем другую религиозную конструкцию: дуалистическое христианство.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОПОВЕДНИКИ

Катары не были светскими людьми, которые срывались с места, чтобы проповедовать Евангелие на дорогах и площадях; за ними не следовали в экзальтации огромные толпы мужчин и женщин в лохмотьях. То, что они проповедовали, было не просто реформой нравов клира, не просто призывом к верным следовать прямой речи Евангелия. Это было увещание вернуться к чистоте Церкви апостолов, которой была не узурпаторская Римская Церковь, а их собственная, Церковь Добрых Христиан.

Катарских проповедников нельзя рассматривать как мирян, присвоивших себе право проповедовать без понтификального разрешения – это настоящие христианские «клирики», со своими богословскими школами, обученные святым Евангелием и облеченные в таинство, дававшее им право проповедовать и распространять евангельское и дуалистическое послание. В этом нет ничего от индивидуального или коллективного феномена просветления и спонтанных проповедей. Катарские проповедники были профессионалами, грозными для Рима именно из-за их высокой теологической культуры и умения использовать аргументы «основанные на Писании». Было абсолютно невозможным, чтобы какой-нибудь приходской сельский священник мог противостоять им; это было чрезвычайно трудно даже для высокопоставленных католических прелатов или цистерцианских аббатов... Потому, чтобы противодействовать железной логике Добрых Христиан и их науке Писания, католические интеллектуалы тоже должны были создать особые школы антикатарской контр-пропаганды, изложенной в *Суммах против еретиков*, написанных такими специалистами, как Алан Лилльский, Монета Кремонский, Петр Веронский...

Добрые Христиане проповедовали, путешествуя по дорогам по двое, только после того, как они получали достаточное образование, чтобы это делать, и облакались в таинство, позволявшее им это делать. Хронист Гийом де Пуилоран сообщает о реакции рыцаря Понса Адемара де Рудейля после окончания доминиканской проповеди: «Мы никогда бы не поверили, что Рим может найти многочисленные и убедительные аргументы против этих людей!»

ЛОГИКА ЦЕРКВИ БОЖЬЕЙ

«Этих людей», катаров, Добрых Христиан, фактически проповедовавших другую версию христианства. Их наука, их непринужденность и практика Писаний не были лишены оснований; их фундаментом была теологическая мысль, убедительная и четкая логика; но этот фундамент был основан на метафизике и эсхатологии радикально иной, чем римский католицизм или «реформаторский» евангелизм вальденсов. Катаризм был христианской религией, основанной на дуалистической интерпретации Писаний.

Если катарская Библия состояла только из Нового Завета, так это не потому, что они, как вальденсы, просто предпочитали послание Христа, послание бедности и универсальной любви, новое Откровение, исходящее из Ветхого Завета и продолжающее его. Они не считали, как вальденсы, что предназначением Нового Завета является лучшая адаптация Ветхого Завета к новому времени. Их Библия состояла исключительно из Нового Завета не потому, что они пытались, как Иоахим Флорский, возложить надежды на эпоху Святого Духа, которая грядет на земле после эпохи Отца «Ветхий Завет» и Сына (Откровение послания Христового и основание христианской Церкви). Катары отвергали Ветхий Завет как историю создания этого мира лживым Богом, Иеговой/Ягве, Сущим, Богом гнева, в котором они видели проявление злого начала. Новый Завет же, наоборот, был для них тем христианским откровением, на котором они строили свои метафизические конструкции.

Катары, дуалистические христиане, фактически верили в два творения, исходящие от двух начал, согласно логике, которая сразу же видна в начале пролога *Книги о двух началах*: доброе дерево не приносит дурных плодов, а дурное дерево – добрых плодов. Отсюда следовал логический вывод, что видимый мир, где господствует разрушение, смерть и зло, не может быть творением Бога любви, провозглашенного Христом: «Царство Моё не от мира сего...» (Ио. 18, 36).

Вооруженные этой логикой, полностью исходящей из Нового Завета, проповедники катаров и их ученые, авторы теоретических текстов, никогда не пытались ни реорганизовать Римскую Церковь, ни вступать с ней в сделку. Она была для них лживой Церковью, порожденной лживым богом мира сего для искажения послания Христа. Они воспринимали себя как прямых наследников апостолов.

«В час вечерни, когда мы вернулись с виноградников и решили выпить, то расселись возле огня, а еретик начал проповедовать. Он сказал... что никто не сможет спастись, не будучи принятым в их секте и в их вере; что вера

Церкви Римской не стоит ничего, но только их вера имеет ценность, потому что они одни, как он сказал, следуют путем Иисуса Христа...»

Эта небольшая цитата принадлежит Гийому Эсканье из Акса (Ле Терм), дающему показания в начале XIV века перед инквизитором Жаком Фурнье, епископом Памье. Допрашиваемый употребляет такие слова, как «еретик», «их секта», «как он сказал», чтобы защитить свою подвергаемую сомнению ортодоксальность, но это ничего не меняет в сути самого свидетельства.

КАРАУЛ! МАНИХЕЙЦЫ!

Мы еще будем иметь возможность вернуться к религии катаров, ее фундаментальным принципам и проявлениям. Ее можно изучить по документам, описанным мною выше, в предисловии, а также по прекрасным франкоязычным работам – книгам Рене Нелли, который извлёк из дуалистических трактатов суть философии катаров, и Жана Дювернуа, в мельчайших подробностях расписавшего экклезиологию и практику Церкви Добрых Христиан в первом томе своей «Суммы» о катарах – «Религии».

Но уже достаточно этих первых замечаний, чтобы в общих чертах определить катаризм не только как характерное для своего времени религиозное течение, но и как нечто особенное и хорошо различимое на фоне общего евангельского оживления в постгрегорианском христианстве. Современники это тоже прекрасно понимали. Если католические клирики предпринимали всё возможное для опровержения этой опасной для доминирующей Церкви доктрины, основанной на Евангелии и являющейся частью огромного духовного порыва христианского народа к более чистому и непосредственному христианству, то другие евангелические течения, выступавшие против Рима в конце XII – начале XIII столетия, особенно вальденсы, тоже пытались отмежеваться от этих «абсолютных еретиков», как называли христиан-дуалистов.

Если посмотреть на исповедание веры, которое произнес Вальдо перед архиепископом и папским легатом в марте 1180 года в Лионе, то заметно, что его целью было подтвердить католическую ортодоксию этого исповедания, особенно по отношению к дуалистическим тезисам. И фактически повсюду и всегда – за исключением конца Средневековья, когда консенсус против Инквизиции возобладал над догматическими различиями – вальденсы противостояли катарам.

Это противостояние, бывало, происходило в общественных местах, особенно в Окситании, во времена свободного общения и обмена религиозными мнениями, до крестовых походов и Инквизиции, на переломе XII – XIII столетий, когда организовывались «спорные конференции» между катарскими и католическими проповедниками; католиками и вальденсами; катарами, католиками и вальденсами, и даже катарами и вальденсами. Там происходил обмен идеями и аргументами, а удары наносились цитатами из Евангелия – ведь в то время всякие публичные дебаты были только на религиозные темы, потому что социальная культура была религиозной. Однако эти дебаты были даже более страстными, чем современные дискуссии между политическими партиями в нашем светском обществе, потому что подобные диспуты требовали абсолютного, тотального вовлечения. Но это вовсе не означает, что такие дискуссии были лишены иронии и юмора.

Например, одна из крупных дискуссий между католическими прелатами – архиепископом Нарбонны, епископами Нима, Агде, Лодева, Альби и Тулузы, вместе с аббатами Кастра, Сен-Понс, Гайллака и Фонфруад – и «сектой» Добрых Людей, возглавляемых неким Оливье, о котором нам больше ничего не известно, но который, возможно, был одним из первых катарских епископов Альбижиа, тоже состоялась в общественном месте, в Ломбере, в 1165 году. Дискуссия в какой-то степени носила официальный характер, благодаря присутствию на ней виконта Раймона Тренкавеля, сеньора Каркассона и Альби, виконта Сикарда де Лотрек и, конечно же, Констанции, сестры короля Франции, за которую сватался граф Раймон Тулузский. Принимающая сторона – рыцари Ломбера – были известны горячей поддержкой еретиков. Население этих и других мест часто сходилось, чтобы поучаствовать в дискуссиях, *Акты* которых, как это сейчас делается на современных коллоквиумах специалистов, записывались и потом публично оглашались...

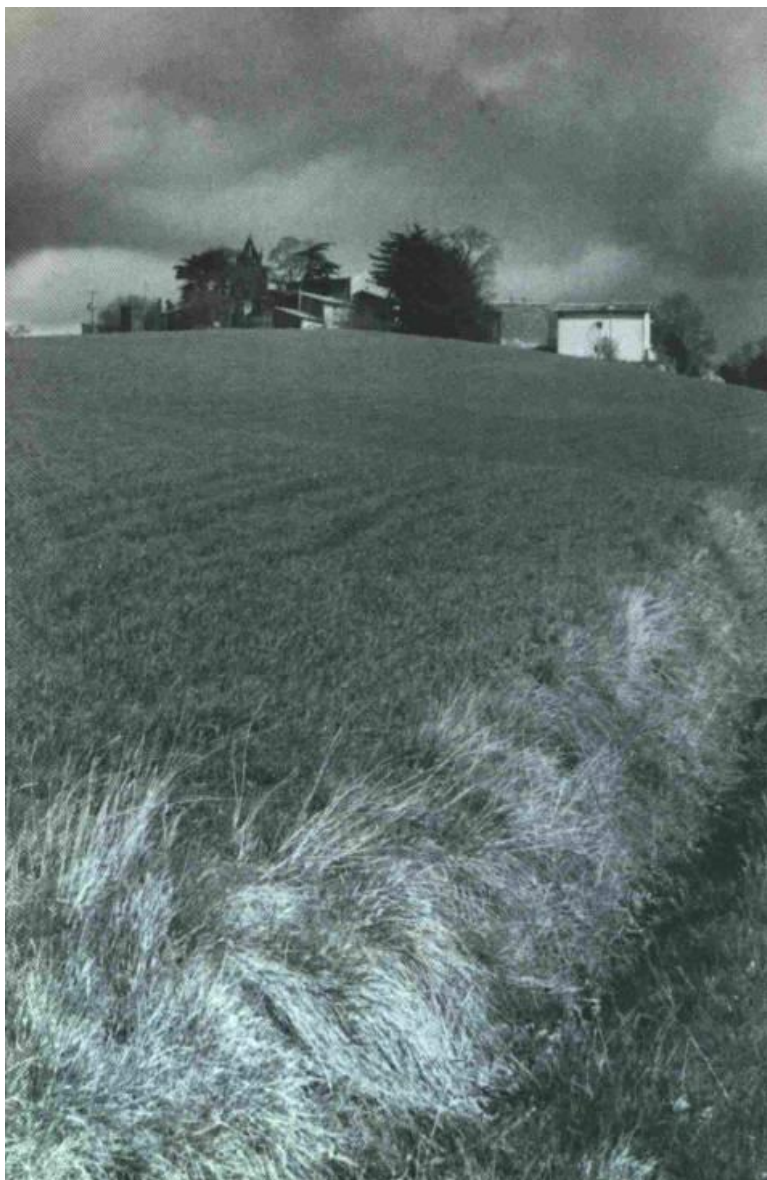
Более скромный диспут состоялся на площади Лаурака или в доме женщин-Совершенных, возглавляемом Бланшей, госпожой этих мест, в 1208 году, где катарский диакон Изарн де Кастр публично спорил с ученым вальденсом Бернардом Примом.

Из спонтанного движения Лионских Бедняков, куда входили мужчины и женщины, проповедовавшие на дорогах в конце XII столетия, в начале XIII столетия вышли интеллектуалы: Бернард Прим, и, особенно, Дюран де Уэска, составивший около 1200 года трактат против еретиков (*Liber Antiheresis*). Через двадцать с лишним лет он написал новую Сумму, которую назвал уже более точно: *Contra Manicheos*, против манихейцев. Впрочем, следует

заметить, что эти вальденские теологи, втянутые в идеологическую борьбу против манихейцев, были именно теми, кто оставил вальденство и в начале XIII века обратился в католицизм. Среди этих Примиренных Бедных или Католических Бедных были не только Бернард Прим и Дюран де Уэска, но и Эрменгард из Безье, написавший полемический трактат против катаров.

«Манихейцы». Так писали и вальденсы, и католики во времена антикатарской религиозной полемики, одновременно и определяя своих противников, и осуждая их как дуалистов. Это слово, так же, как и слово «ариане», появилось под пером учёных клириков, начитавшихся патристической литературы. Ведь так удобно ссылаться на старые и уже умершие ереси, прекрасно описанные и опровергнутые Отцами Церкви, и еще раз использовать те же старые опровержения, уже готовые аргументы и определения, звучащие как тяжкие оскорбления: ариане, манихейцы. Новые еретики, ассоциировавшиеся у них со старыми, были врагами по определению. Но вальденская или католическая контрпропаганда против катаризма должна была всё же адаптироваться и обновляться путём штудирования работ оппонентов, чтобы быть хоть сколько-нибудь эффективной.

Фактически, великие «Универсальные Доктора» официального христианства, Бернард из Клерво (святой Бернард), Алан Лилльский и т.д., уступили место «практикам», опытным и разбирающимся в катарской диалектике специалистам, знающим аргументы, изложенные в дуалистических трактатах: этим новым поколением докторов были обращенные вальденсы. Однако, кто знает, какой результат принесла бы на самом деле попытка опровержения катарских тезисов пером, если бы не «помощь», оказанная «опровергателям» оружием и репрессиями?

Между Лаурагэ и Разес: Пеш Луна (Од), где часто бывали проповедники катаров.

IV КАТАРЫ, УЗНАВАЕМЫЕ ПОВСЮДУ

Теперь, поскольку мы можем хорошо различить это особенное течение в бурлящем жерле неортодоксальных евангелизмов – течение, которое Римская Церковь с самого начала определила, как «еретики-манихейцы» - можно лучше проследить за этим течением, распознавая его под разнообразными местными названиями и в различном временном контексте.

Многогранное и представленное различными общинами, не обязательно связанными между собой, а иногда различающимися, как в доктрине, так и образом жизни, это движение являет собой четкое постоянство, как во временных рамках – между X и XV столетиями, так и в географических – между Малой Азией и Западной Европой. Их характеризует дуализм и позитивная религиозная программа, значительно превышающая критический компонент обычных реформаторских стремлений.

Конечно, более четко можно различить это течение после Григорианской реформы, с середины XI столетия. Начиная же со второй половины XII века, к нему добавились и другие родившиеся в то время оппозиционные течения, требующие евангельского пробуждения, как, например, вальденсы. Но и тогда современники четко отделяли их друг от друга.

Заявив о полной невинности Бога в существовании зла и о Его отсутствии в видимом мире, катаризм, дуалистический и абсолютно спиритуальный, еще более четко различим в контексте неортодоксальных движений высокого Средневековья. Потому что среди этих движений уже очень силен был фермент иоахимизма, полагавшего надежды на то, что эра справедливости и социального равенства наступит на земле, а не в Царствии Небесном.

ДУАЛИСТЫ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Слово Пресвитера Козьмы, цитируемое повсеместно, говорит нам о том, что около 970 года поп Богомил (друг Божий) проповедовал дуалистическую ересь в Византии и Болгарии. Это наиболее древнее упоминание о существовании интересующего нас течения. И мы также знаем, что почти в то же самое время, двумя-тремя десятилетиями позже, катаризм в очень распознаваемом виде выявляется по всей исторической территории своей позднейшей экспансии – от Италии до Рейнских земель, от Шампани до Аквитании, от Орлеана до Тулузы. Это было единовременное возрождение дуализма в благоприятный для него исторический период. Тогда поднялись народные ожидания на евангельскую весть и обновление христианства, и повсюду, на Востоке и Западе, начала шириться новая и удивительная доктрина. Вопреки давно и широко распространенному мнению, богомилы не были предшественниками западноевропейских катаров, и даже не их вдохновителями, а попросту братьями.

Французские хронисты, Адемар Шабаннский, Рауль Глабер, Андре де Флери, рассказывают о злодеях и манихейских проповедниках, соблазняющих народ. Адемар пишет, что в Тулузе и Аквитании эти еретики отвергли распятие и католическую доктрину, а также «прикидывались монахами и изображали целомудрие». Он еще упоминает о сожжении этих еретиков в Тулузе. Эти события произошли где-то между 1015 и 1025 годами.

Тот же самый Адемар Шабаннский рассказывает о событиях в Орлеане в 1022 году. На этот раз «соблазну» поддались не обычные люди из христианского народа: ересь была выявлена среди высокопоставленного клира кафедрального собора. Король Робер Благочестивый, живший в своей столице, Орлеане, приказал сжечь десять каноников, «более набожных, чем другие, но оказавшихся манихейцами». Другие хронисты сообщают, что среди этих десяти каноников были наиболее ученые клирики Орлеана, особенно Этьен, исповедник самой королевы Констанции.

В Шампани подобные веяния начались в первые годы столетия. Рауль Глабер, автор известного выражения «белый покров церквей», описывая мир, наставший после эпохи Тысячелетия на просторах Западной Европы, приводит историю о крестьянине Лиотаре, родом из Вертюс, который «под конец Тысячелетия» внезапно обрел просветление, оставил свою жену, чтобы жить в целомудрии, разбил распятие в приходской церкви и стал проповедовать соседям, чтобы те больше не платили церковной десятины. Он даже осмелился «кичиться авторитетом Писаний, которых никогда не изучал». Если его речи вызвали определенный успех у толпы, то епископ Шалона легко уличил его в ошибках. Тогда, от обиды и отчаяния, он бросился в колодезь. Другие документальные источники, между тем, позволяют предположить существование более широкого движения в Шампани. Конечно, хронисты, обслуживая доминирующую идеологию, использовали историю с крестьянином

Лиотаром, которую так легко и удобно было превратить в анекдот, чтобы лишний раз бросить тень на диссидентов. Параллельно они обвиняли еретиков во всевозможных мерзостях и разврате (Тулуза и Аквитания).

В свойственной им манере хронисты сообщают о существовании в те же годы некоей безграмотной секты в Аррасе, и о еще более отвратительной группе в Северной Италии, извращенно и лживо интерпретирующей Писания. Эти еретики замка Монтефорте (расположение этой местности сегодня неизвестно) были сожжены в Милане между 1030 и 1040 годами, вместе с их ересиархом Жерардом и местной графиней.

Из этих обрывочных, коротких и искаженных рассказов хронистов, мы все же можем извлечь очень важные вещи. В одной из групп этого списка, а именно Орлеанской, не случайно присутствуют наиболее ученые клирики высокого ранга. Жан Дювернуа вновь вернул в словарь используемые ими слова: друзья Божьи, возложение рук, утешение, отвращение к мясу и салу, принятие Евангелия и Посланий, знание божественных наук... а также описание их религиозной практики: целомудрие и воздержание, молитва, отказ от крещения водой и десятины, отрицание распятия и евхаристии и постоянное цитирование Писаний. И хотя, анализируя данные о них, мы не встречаем никаких упоминаний о дуализме этих еретических групп, мы без труда можем распознать в них катаров.

Не следует забывать и о том, что в те же годы (около 1025 года) в Болгарии и Македонии богомилство стало организовывать церковные структуры. Следовательно, пламя катаризма разгорелось одновременно на всех территориях его исторической экспансии. После 1050 года, последующие три четверти столетия, хронисты меньше интересуются манихейскими сектами, чем ходом Грегорианской реформы. Но, возможно также, что ветер надежды на официальное обновление христианства лишь раздул лампаду спонтанных и диссидентских попыток такого обновления. И когда этот ветер в 1130-1140-х годах совсем утих, в тех же местах появились более организованные группы. И документы о них теперь более многочисленны, точны и разнообразны. Отныне эти еретики обрели лицо, образ, между ними видны различия. И мы пойдем по их следам, по следам фифлов или патаренов...

ФАУНДАИТЫ МАЛОЙ АЗИИ

Нам достаточно мало известно о реальном укоренении дуалистического христианства (фаундаиты, фаундагиагиты...) в Малой Азии. Документы главным образом говорят о Церкви Филадельфии в XI столетии, которая упоминается также и в XII столетии. Похожие общины существовали в Смирне и Акмонии. То небольшое, что мы знаем об их практиках, известно нам благодаря перу Евфимия, монаха из Периблетоса, в Константинополе, который жаловался во второй четверти XI века, что эти еретики бродят по всей Византийской империи, особенно в ее азиатской части, под прикрытием монашеских ряс. Сам Евфимий встречал четырех ересиархов, которые занимались прозелитизмом в самом Константинополе, но он не приводит никаких тезисов, кроме упоминания об их «лицемерии». По-видимому, он очень озабочен ситуацией в Малой Азии, и переживает, что очаги ортодоксального христианства превращаются там в меньшинство.

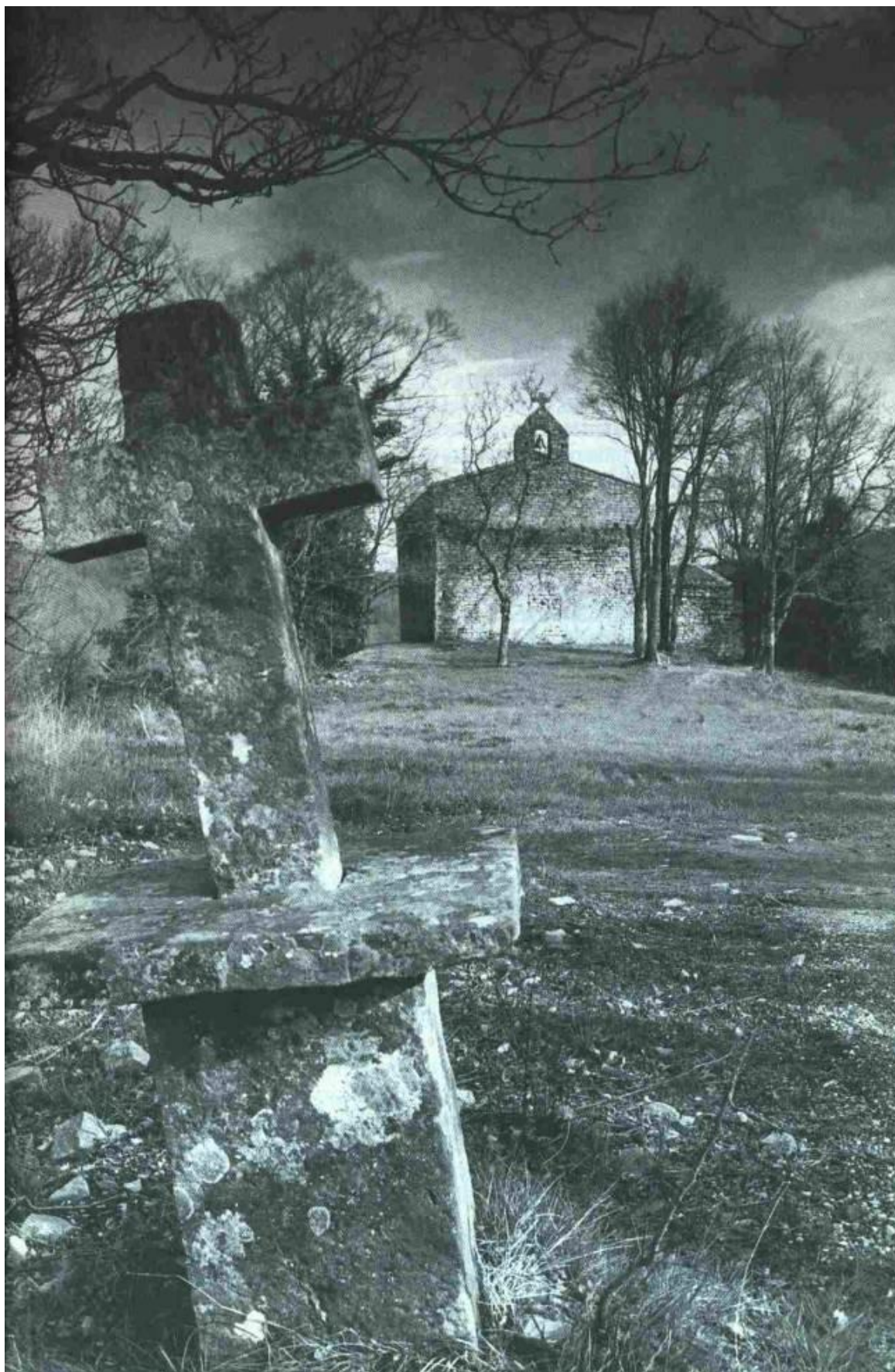
В самом Константинополе еретиков называли богомилами, как в Македонии или Болгарии. Анна Комнина в своей хронике царствования ее отца, императора Алексиса I (1081-1118), упоминает о сильном распространении богомилов в Византии, их набожность, их практику молитв, и скандальную ситуацию, что среди них встречались и женщины.

Около 1100 года Алексис I арестовал одного из главных богомилских ересиархов, врача по имени Василий, и его процесс, описываемый в хронике Анны, стал поводом к широкому расследованию среди лучших семей Константинополя. Признанные виновными были осуждены на вечное заточение, но сам Василий, оставшись твердым в вере и открыто заявив об этом, был торжественно сожжен на знаменитом городском ипподроме: это был первый костер за ересь в Восточной империи. В Западной Европе костры загорелись столетием раньше...

БУЛГРЫ ИЛИ БОСНИЙСКИЕ ХРИСТИАНЕ

Текст Пресвитера Козьмы недвусмысленно ассоциирует богомилство с проповедями попа по имени Богомил (*Богу мил*, друг Божий по-болгарски). Это явление было распространено по всей Болгарии и в македонских центрах, таких как Преслав и Охрид. Упоминания о тех же центрах встречаются и в конце XII столетия. Иерарх катаров Востока, Никита, пребывая с миссией в Западной Европе, называет в 1167 году в Сан-Фелис-Лаурагэ пять Церквей, существующих на территории от Малой Азии до нынешней Югославии: Церковь Филадельфии (бывшая Церковь фаундаитов во Фригии), собственно Церковь Болгарии (регион Преслава), Церковь Драговице (регион

Охрида и Салоник на севере Македонии), Церковь Мелингии (скорее всего, Пеллопонес?) и Церковь Далмации (Боснии).

Часовня в Корбьер, Керкорб (Од).

Все восточные Церкви, известные под общим названием богомилов, за исключением описанных Анной Комниной еретиков, принадлежавших к высокопоставленным и зажиточным семьям Константинополя, а также боснийских христиан, были оппозиционно настроены по отношению к преобладающим властям, и носили народный характер. Эти «еретики» в основном являлись выходцами из беднейших и наиболее эксплуатируемых слоев населения, живших в городах, или чаще, на обширных сельскохозяйственных территориях. Как и в Болгарии, так и в Югославии, есть много кладбищ с надгробиями и стелами, украшенными сложными и впечатляющими символическими мотивами (особенно интересны персонажи с огромными ладонями). Эти стелы и изображения долгое время приписывали богомилам, как, например, в Олово или Радимле в восточной Герцеговине. Однако археологи стран Восточной Европы теперь более осторожны в подобных утверждениях, поскольку, фактически, большинство декоративных тем на этих памятниках, очевидно, происходят из раннехристианской символики в широком смысле, распространенной в разных местах в разное время, и не имеющей особого отношения к делу. Тот же феномен и та же проблема появляется на христианском Западе относительно дискоидальных стел (которые теперь, даже в Лаураге, не осмеливаются приписывать катаризму). С другой стороны, по крайней мере, в Болгарии, эти надгробные монументы имеют большую важность, как объекты материальной культуры, демонстрирующие социальное укоренение богомильских Церквей в беднейших слоях народа.

В Боснии, как раз наоборот, до XV столетия, до самого турецкого вторжения, боснийские христиане принадлежали к верхушке общества, так же, как католики и православные. *Баньы*, или боснийские правители, часто публично заявляли о приверженности или поддержке этой Церкви, а наиболее крупные и знатные боснийские семьи – Вукчичи, Павловичи, Влатковичи – были ее убежденными сторонниками. Многие «патаренские» иерархи играли важную политическую и особенно дипломатическую роль для *банов* и крупных феодалов, в частности в вопросе взаимоотношений между боснийскими правителями и их могущественным соседом Рагузой (теперешний Дубровник). Так, *гост* Милютин представлен на найденной в Хумско погребальной стеле с посохом в руке и Святой Книгой на поясе. Другие *стеччи* хранят память о *госте* Мислене из Пухович, возле Зеницы; о *госте* Ратко из Косаричи; о *старшем* Богаваче из Больюни. Титулы *гост* и *старший* являются иерархическими ступенями дуалистической Боснийской Церкви: слово *гост* означает хозяин, который держит дом открытым, как для проповедей, так и для приюта странников. *Старший* соответствует титулу *старшего* в Церквях окситанских катаров. Нужно сказать, что большинство боснийских стел, в отличие от крупных болгарских саркофагов, собрано в национальном музее Сараево. Они датируются, самое раннее, началом XV столетия.

В Болгарии, как и в Боснии, дуалистические богомильские Церкви существовали до конца XV столетия...

КАТАРЫ РЕЙНСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Архиепископ Кельна и избранный в Льеже епископ в 1135-1139 гг. обнаружили организованные группы еретиков, открыто исповедующие катарские доктрины, а также стали свидетелями массовых коллективных сожжений в 1143 г. (Кельн) и в 1144 г. (Льеж). В 1145 г. капитул кафедрального собора в Льеже послал к папе Луцию II кающегося еретика по имени Аймерик, с письмом, прекрасно описывающим практики этих «сектантов»:

«Эти еретики делятся на группы. У них есть слушатели, которые только начинают вовлекаться в ошибки; верующие, которые уже вовлечены, и «христиане», среди которых есть священники и прелаты, как и у нас. Богохульство этой злосчастной ереси состоит в том, что они отрицают очищение от грехов путем крещения, считают ничтожным таинство тела и крови Христовой, говорят, что возложение рук епископа не значит ничего, ибо никто не может получить Духа Святого, предварительно не заслужив этого добрыми делами, осуждают брак, проповедуют, что нет иной католической Церкви, кроме их Церкви, и считают всякую клятву преступлением...»

В этом письме также указывается, и это очень важно, что в Шампани, в местности Мон-Эме, ересь распространилась «по всей земле», и это всем известно. Мон-Эме расположено в непосредственной близости от Вертюз, где столетием раньше, без сомнения, существовала диссидентская группа, которую хронисты скрыли за образом крестьянина Лиотара. Столетием позже мы снова встречаем Мон-Эме, но уже в мрачных хрониках широкомасштабных католических репрессий.

Документальные источники, происходящие из Кельна, также очень подробны. Эвервин, аббат премонтрантов из Стейнфельда, в адресованном Бернарду из Клерво письме, написанном чуть позже цитируемого выше льежского послания, рассказывает о массовой казни на костре в 1143 году, свидетелем которой он был.

Обнаружили недавно у нас, возле Кельна, еретиков, некоторые из коих вернулись в Церковь... Двое из них, те, кто считался их епископом, и его товарищ, спорили с нами на собрании клириков и мирян, где присутствовал сам

монсеньор архиепископ и благородные дворяне. Они защищали свою ересь словами Христа и Апостола (Евангелием и Посланиями)...

... Они были брошены в костёр и сожжены. И наиболее удивительное то, что они не просто сносили муки огня с великим терпением, но входили туда и переносили их с радостью...

Те из них, кто вернулся в Церковь, сказали нам, что огромное количество их распространилось почти повсюду, и что среди них есть множество наших клириков и монахов. Те же, которых сожгли, говорили нам в свою защиту, что эта ересь укрывалась от времен апостолов до наших дней, и что она пребывала в Греции и других землях. Эти люди, еретики, называют себя «Апостолами», и у них есть папа.»

В этом письме, где всячески делается ударение на том факте, что еретиков забрала силой толпа и швырнула в костёр, хотя образованные клирики, кажется, были заинтересованы в дискуссиях и обмене аргументами, очень четко засвидетельствовано, что эти «наследники апостолов» осознавали свою принадлежность к «универсальной Церкви». Они знали, что их братья есть повсюду – от Рейнских земель до Греции, и они недвусмысленно заявляли о своей апостольской преемственности.

Через двадцать лет, и вновь в Кёльне, перед еврейским кладбищем были сожжены четверо «совершенных» и одна девушка. Экберт де Шёнау, каноник кафедрального собора, хорошо знал их среду и практики. Он дискутировал с ними в Бонне, записывал их аргументы. Немного позже он полемизировал с сорока еретиками в Майенце, организовав их розыск в городе. Он написал против них ряд проповедей, и именно из-под его пера появилось название и этимология, которым была суждена такая слава: «Эти еретики не стесняются, - писал он, - называть себя *Catharos*, что значит «чистые».

Название привилось, и целые теологические и полемические католические суммы XIII века под названием *Adversus catharos hereticos* (против еретиков-катаров) были составлены и написаны в Италии. Да и сегодня слово «катары» является наиболее распространенным для обозначения дуалистических христиан Средних веков, которые сами, однако, не называли себя иначе, как христиане... Можно дискутировать об истинной причине употребления этого слова и его этимологии. Конечно, Экберт хорошо знал этих «катаров», но он был их противником, его текст является католической пропагандой, он заинтересован в том, чтобы их очернить. Слово «чистые» под его пером приобретает значение выражения безмерной гордыни этих людей, осмеливающихся претендовать на верховенство среди христианских общин.

Фактически, в более ранних текстах, происходящих из Рейнских земель, архиепископ Кельна и епископ Льежа употребляют для обозначения этих сомнительных христиан слово *cati*, *catti*, по-немецки *Ketter* (катар), потом, возможно, *Ketzer* (еретик). Жан Дювернуа выдвинул гипотезу, что слово *cattus* имеет этимологическую связь со словом *catus* (кот). Таким образом, еретиков высмеивали и обвиняли их в поклонении дьявольскому животному, которым в Средние века считался кот (так же, как их обычно обвиняли в ужасном разврате и колдовских практиках). Это очень соблазнительная идея, тем более, что латинский перевод с народного языка слов «*catti*» или «*cathari*» как «чистые», приобретает популярность уже после Экберта де Шонау.

Десять катаров также были сожжены в Страсбурге в 1211 г. Потом можно проследить кое-какие сведения, разве что двигаясь по мрачному маршруту Конрада Марбургского, которому папа доверил предиквизиторскую миссию, пока в 1227 г., в Эрфурте, его не убили; а также идя по следам его соратников по репрессиям, устроивших ужасную, безжалостную кампанию преследований.

Уже к середине XIII века рейнский катаризм был уничтожен. Он был очень важным феноменом, привлекавшим верных в основном из городского населения, особенно в епископальных городах, своими учеными и эрудированными проповедями, большинство из которых произносилось, возможно, бывшими католическими клириками, обращенными в катаризм. Случай, лингвистическое лукавство или полемическое оскорбление обессмертили их под именем катаров.

ПУБЛИКАНЕ ШАМПАНИ

Имея репутацию очага распространения западноевропейского катаризма еще в самих средневековых источниках (письмо капитула Льежа папе Луцию), регион Вертюс – Ле Монт Эмме, на юго-западе Шалона на Марне, был и в самом деле, как это не удивительно, началом и концом катаризма в Шампани. И крестьянин Лиотар эпохи Тысячелетия, и огромный костёр середины XIII века – всё это срез времени на одном пространстве.

Гвиберт, аббат Ножена, в хронике своей жизни вспоминает об обнаружении двух крестьян-еретиков в Суассоне. Двое их товарищей, прибывших из Дорманс, разделили их судьбу: подвергнутые испытанию водой, они были затем сожжены толпой, когда местный клир участвовал в соборе в Бове, и это позволяет датировать вышеописанные события 1114 годом. Некоторые замечания, приводимые Гвибертом для описания учения этих еретиков, ясно позволяют узнать в них катаров. Они постоянно цитируют Евангелие, отрицают католическое крещение маленьких детей, называют своё собственное крещение «крещением Словом Божьим». Они выказывали неподдельный ужас перед таинством причастия; осуждали брак и телесный союз, разрешали женщинам находиться среди них. Однако католический хронист утверждает, что они избегали всякого смешения полов: мужчины ночевали с мужчинами, а женщины – с женщинами. Гвиберт также добавляет своё личное впечатление, что из всех, описанных святым Августином ересей, к этому новому заблуждению, «распространившемуся по всему латинскому миру», ближе всего манихейская ересь.

Социальное положение катаров Шампани XII века явственно было более скромным, чем их рейнских собратьев, которые удобно устроились в больших епископальных городах, и с которыми не считал для себя зазорным дискутировать высокопоставленный католический клир. В 1180 г. клирик Жерве де Тильбери попытался соблазнить пастушку в местности возле Реймса. Когда она осталась глуха к его домогательствам, это уверило его в том, что она - одна из этих ненормально целомудренных еретиков. И она на самом деле оказалась еретичкой. Ее сожгли живьем. В 1204 г., в Брейне, опять сожгли простых деревенских жителей. Это была торжественная казнь в присутствии графа и графини Шампани. Чуть раньше, в 1200 г., в Труа, той же мучительной казни было подвергнуто восемь «публикан», как пишут хронисты Обри де Труа-Фонтен и Цезарий Гейстербахский. Среди них было пятеро мужчин и три женщины – «три отвратительные старухи» - как говорит Обри.

Некоторые подробности того, что исповедовали публикане Шампани приводит английский цистерцианец Рауль де Коггшелл:

«Они осуждают брак, проповедуя девственность, чтобы прикрыть свое лицемерие. Они отвращаются от молока... и всякой пищи, происходящей от сокоупления. Они не верят в огонь чистилища после смерти, но считают, что как только душа отделяется от тела, то она получает либо покой, либо проклятие. Они не признают никаких Писаний, кроме Евангелий и Посланий...

Другие лица, пытавшиеся разобраться в их тайнах, говорили, что эти люди не верят в то, что Бог озабочен делами человеческими, и что Он как-либо действует и имеет какую-либо власть над земными созданиями, но они верят в то, что восставший ангел, которого они называют Люзабель, является творцом всего физического мира, и всё в этом мире подчинено ему. Они говорят, что дьявол создал тело, а Бог создал душу и поместил ее в тело, и потому всегда существует жестокая борьба между телом и душой...»

Несмотря на искажения – полусознательные, а наполовину от непонимания, содержащиеся в речи этого ученого католика, здесь явно вырисовывается образ, в котором достаточно четко можно угадать «умеренный дуализм». О нем мы еще будем говорить, описывая доктрины Церкви Добрых Христиан. Этот документ последней четверти XII века представляет собой первую попытку раскрытия глубин метафизики катаров.

XIII столетие было фатальным для публикан Шампани, так же, как и для их рейнских собратьев. «Подвиги» Роберта де Бугра, бывшего катара, ставшего доминиканцем, которому папа доверил прединквизиторскую миссию в Шампани, подобны тем, которые Конрад Марбургский совершал в Германии. Правда, карьера Роберта кончилась плохо: его полномочия были приостановлены, а сам он был осужден к вечному заточению. Однако, в конце своей карьеры, 13 мая 1239 г., он еще успел устроить огромный массовый костёр в Мон Эме, на котором погибли сто шестьдесят три Добрых Христианина, на глазах у графа Тибо, трувера, его баронов и огромной толпы.

Таким образом, была уничтожена большая часть того, что Никита назвал в Сан-Фелис-де-Лаурагэ «Церковью Франции». Но в отличие от Монсегюра – поскольку часто сблизжают и сравнивают эти два события – престол Церкви Франции вовсе не был сосредоточен в пределах замка Монт Эме, руины которого на вершине холма до сих пор видны отовсюду. Общины катаров перед организованными Инквизицией облавами были очень многочисленны и имели «дома» в окружающих деревнях (например, Морайнес). Добрых Людей привели в замок только затем, чтобы осудить и казнить. Однако, в регионе Монт Эме наблюдалось своего рода «назревание нарыва», как выразился Жан Дювернуа. Так, в свое время Инквизиция Юга поступила с Монсегюром, позволив сконцентрироваться там большому количеству Добрых Христиан, чтобы, когда настанет день, одним ударом обезглавить всю катарскую Церковь. Тот же самый процесс произошел несколькими десятилетиями позже в Италии.

ВНОВЬ ПУБЛИКАНЕ В БУРГУНДИИ, НО ФИФЛЫ ВО ФЛАНДРИИ

XI столетие известно активной еретической деятельностью в регионе Аррас. В первой четверти XII столетия проповедник в монашеском облачении, Танхельм, поднял городское население Фландрии против злоупотреблений католического клира: однако нет никаких доказательств, что это движение выходит за рамки простого спонтанного евангелизма тех времен, а вот во второй половине столетия мы видим настоящие репрессии против еретиков, подобных тем, с которыми боролся в Аррасе архиепископ Реймский.

После периода ордалий (испытаний каленым железом), типичных для цивилизации германского права в тех местах, загорелись костры: Робер ле Бугр перенял эстафету у епископа Реймса и епископа Арраса. В 1235-1236 гг. в Дуэй и Камбрэ было сожжено пятьдесят человек, среди которых были представители местной аристократии. Потом еще сто человек было арестовано, и большинство из них сожжено в Лилле и Аске.

Филипп Моске, трувер из Турнэ, автор Песни на французском языке, где описываются эти репрессии, говорит о том, что преследуемые еретики назывались буграми или *Catiers* – очень интересное с лингвистической точки зрения слово, являющееся слуховой транскрипцией латинского слова *cattus*, встречающегося в рейнских документах. Этимология и значение слова «*фифлы*», часто используемого для обозначения фламандских катаров, нам неизвестны.

В Бургундии следы катаров следует искать, конечно же, в Вэзелэ, на этих «вдохновенных холмах». В монастыре святой Магдалины, на Пасху 1167 г., состоялся скорый процесс в присутствии архиепископа Лионского, епископа Лаона и Невера, а также лично аббата Вэзелэ над несколькими еретиками, арестованными в тех же местах. 10 апреля 1167 г. семеро из этих «публикан» были сожжены неподалеку от монастыря в Валь д'Экуэн. Бургундский катаризм происходил из очень клерикальных слоев, что подтверждается событиями в Невере на переломе XII-XIII столетия. Бернард, декан кафедрального капитула, был обвинен в ереси. Гийом, каноник и архидиакон, благородного происхождения, был осужден епископом Оксерр. Но ему удалось бежать в Лангедок, и хроника Пьера де Во де Серней показывает нам его в 1206 г. в Сервиане, у зятя великой катарской дамы Бланши де Лаурак, где под именем Тьерри он дискутирует с Домиником де Гусманом и епископом Осма.

Епископ Оксерр также преследовал и сжег нескольких публикан в Шарите-сюр-Луар, в самом Оксерр, где он сотрудничал с вездесущим Робером ле Бугром. Среди жертв были богатые горожане и местная знать; среди обвиняемых – деревенский приходской священник.

Мы также знаем о том, что епископ этой Церкви Франции, Робер д'Эпернон, участвовал в 1167 г. в «катарском соборе» в Сан-Фелис-де-Лаурагэ, возглавляемом Никитой. Главным организатором гибели этой Церкви был, без сомнения, инквизитор Робер ле Бугр. Документы дают нам возможность увидеть открытость и социальное разнообразие этой Церкви: простонародная в Шампани, клерикальная на Рейне и в Бургундии, бюргерско-аристократическая во Фландрии. Не знаю, стоит ли уделять этим деталям слишком много внимания, ведь средневековые источники не являются полностью адекватным отражением реальной социальной ситуации в Церкви. Но не забудем, что с такой же расстановкой сил мы сталкивались и на Востоке – если богомилы в Константинополе и Боснии принадлежали к высшему обществу, то богомилы, живущие на территории огромных болгарских землевладений, были, в основном, убогими. В Окситании же – позволим себе забежать вперед – катаризм получил исторический шанс вплестись в социальную ткань всего общества.

ПАТАРЕНЫ И ГУМИЛИАТЫ ИТАЛИИ, А ТАКЖЕ АЛЬБАНЕНСЫ И ГАРАТИСТЫ

В Италии, начиная с XI столетия, дуалистическое христианство появляется в чрезвычайно сложном и раздираемом насилиями контексте религиозного диссидентства. Патарены городского пред-пролетариата ломбардских городов, арнольдисты Рима, гумилиаты Милана, потом близкие к вальденсам Ломбардские Бедные, католические Бедные, демонстрировали рвение как в стремлении к покаянию, так и в антидуалистическом прозелитизме. Однако эти движения несли на себе глубокий отпечаток идеалов того времени. Их евангелизм и бедность, все новаторские требования и протесты представляли собой почву и для катарских школ Италии, которые на фоне этих движений смотрелись как средоточия хороших манер и утонченных теологических рефлексий высокого уровня.

Распространено мнение, что пропаганда дуалистических идей на Западе велась из Болгарии, и потому представлялось, что преимущественно эта пропаганда шла через Италию, территориально близкую к богемильским проповедникам. Но, по-видимому, эти идеи пришли из Франции и начали распространяться в Италии через северные города Аппенинского полуострова, которые и так были достаточно сильно настроены против Римской Церкви, что серьезно способствовало массовости и популярности христианства катаров.

В Сан-Фелис-де-Лаурагэ в 1167 г. Никита упоминает уже о Церкви Конкореццо и говорит о Марке как о «епископе Ломбардии». Но вскоре появляются уже две соперничающие ломбардские Церкви: Конкореццо (*гаратисты*) из региона Милана, и Церковь Десенцано (*альбаненсы*, сторонники абсолютного дуализма) возле озера Гарда. Следует добавить еще одну, независимую в доктринальном плане, Церковь *баньоленсов* – возле Мантуи, а также в регионе Виченце-Тревизе. Еще две Церкви катаров образовались вне Ломбардии: Церковь Тосканы, с центром во Флоренции и тремя теологическими школами-семинариями в Поджибонси, Пьян ди Каша и Понтассиве, а также Церковь долины Сполете. Таким образом, в Италии было шесть Церквей или катарских епископств.

Наибольшие расхождения и споры по теологическим вопросам развернулись между Старшими Сыновьями епископов Назария и Беллесманцы, то есть между Дидье из Конкореццо и Джованни де Луджио. *Книга о двух началах*, появившаяся в школе Джованни де Луджио и являющаяся конспектом его труда, сделанным одним из его учеников, прекрасно демонстрирует нам тезисы абсолютного дуализма катаров.

Итальянских катаров поддерживали и защищали крупные аристократические семьи, которые даже не боялись связать себя с ними лично и с их верой, как, например, семья Гиссано, глава которой, Роберто Пакта, принимал иерархов-гаратистов, Назария и Дидье, в своем замке в Готтедо. Или Да Романо де Бассано, которые особенно были преданы Церкви в Тревизе. Это аристократическое итальянское общество, интересовавшееся как духовной религиозностью, так и любовной поэзией в стиле *Fin'Amors* и *Dolce Stil Nuovo*, напоминает нам маленькие дворы окситанской знати, которые мы будем описывать во второй части этой книги. Конечно же, эта знать была гибеллинской, то есть, принадлежала к сторонникам императора, и выступала против гвельфов, сторонников папы, в конфликте, раздиравшем Италию весь XIII век. Гиббелины объединялись вокруг Фридриха II, великого врага Святого Престола.

Стоило бы, конечно, более подробно охарактеризовать историю и облик этих итальянских Церквей. Но мы пока ограничимся замечанием для читателя XX века, что если Окситания представляет собой живой и человеческий образ средневековых катаров, то Италия щедро сформулировала для нас их специфические христианские доктрины.

ОКСИТАНСКИЙ КАТАРИЗМ В КАТАЛОНИИ

Если Ломбардия стала излюбленным местом убежища окситанской катарской иерархии во времена преследований, местом, где Церковь имела возможность обучать и посвящать совершенных, то близкая Каталония, города и села которой находились вне зон пристального внимания Инквизиции, привлекала скромные семьи добрых верующих, которые могли собраться вместе и жить в общем изгнании. Между тем, если Каталония, неуклонно входившая в орбиту формирования испанского государства, и была открыта катаризму в эпоху его свободного распространения, то этот феномен был там довольно ограничен и в основном воспринят знатью и зажиточными слоями населения.

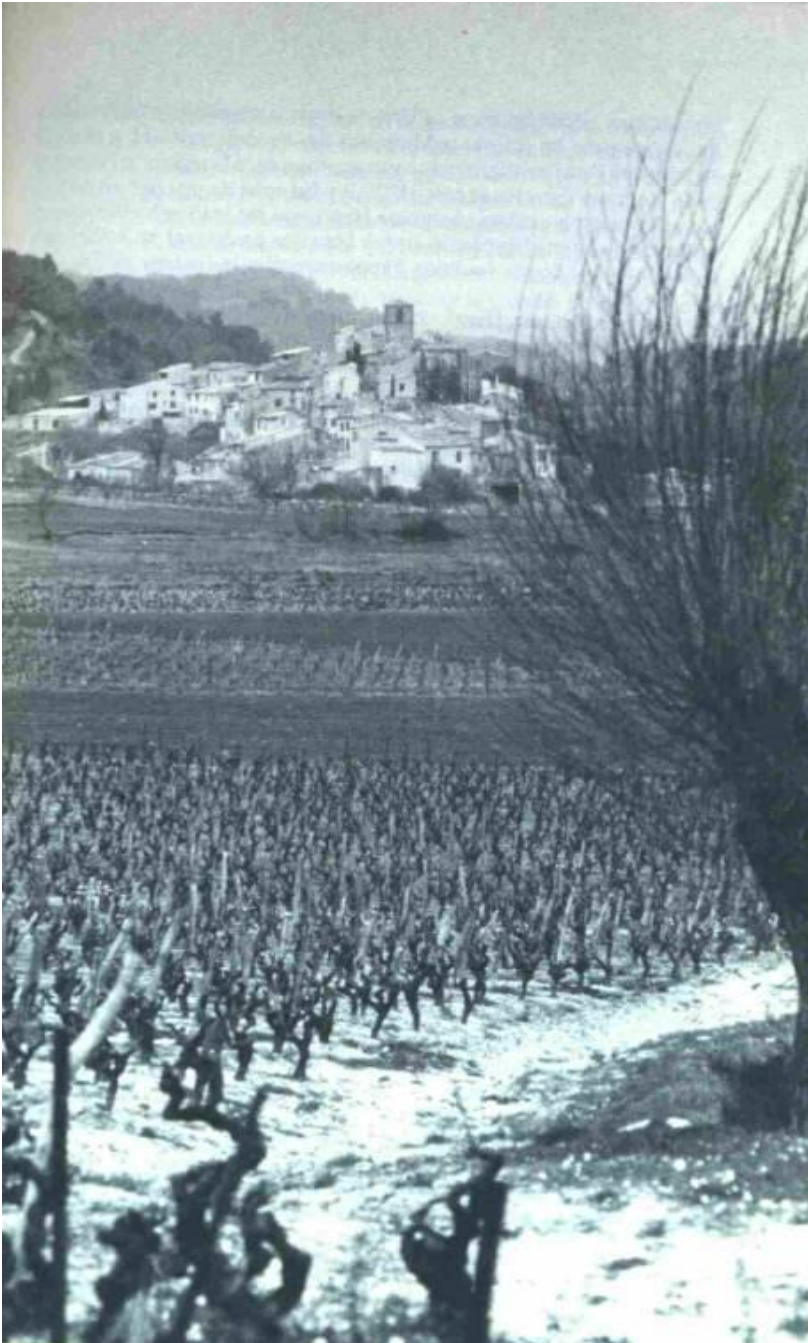
Можно сказать, что катаризм перешел за Пиренеи благодаря брачным и политическим союзам окситанских феодалов – через графство Фуа, земли д'Айю (Монтайю...), Фенуйидес. Каталония воспринималась прежде всего как территория, зависящая от тулузского катарского епископа, который во время собора в Пюиссе в 1226 г. назначил специального диакона Каталонии, Пьера де Корона.

Центром каталонского катаризма, к которому католические короли Арагона в целом относились толерантно, по той причине, что в него были вовлечены линияжи окситанской и местной знати, скорее всего, были земли Уржеля, на границах Андорры, и особенно Кастельбо. Сеньоральная семья Кастельбо была связана с графами де Фуа: Эрмесенда де Кастельбо, супруга Роже Бернарда II де Фуа, была эксгумирована и сожжена вместе с ее отцом, виконтом Арнодом, поскольку они получили *consolament* на ложе смерти. Другие знатные семьи – Жоза, Кардоне, тоже были верующими. Изарн де Кастельон, совладелец Мирпуа, умер, получив утешение в Кастельбо в 1234 г., в присутствии Раймона Санса де Рабат и Арнода Баталья де Мирпуа...

Даже не считая несчастных беженцев XIV века с окситанских гор, которые укрывались от Инквизиции Памье в каталонских бургадах, можно сказать, что в общем и целом эта местность относилась к сфере влияния окситанского катаризма.

ЕРЕТИКИ АЛЬБИЖУА ИЛИ ДОБРЫЕ ЛЮДИ

Окситанский катаризм вряд ли появился раньше рейнского катаризма или катаризма Шампани. Он также выделился из евангелических движений, заметных в источниках, написанных чуть позже Тысячелетия, и особо оживившихся после Грегорианской Реформы. На той же почве выросли и другие движения: евангельские, своеобразные, диссидентские: Пьер де Брюи, подготовив почву в долине Роны для будущих проповедей вальденсов, отверг распятие, крещение и евхаристию, закончил свою авантюрную жизнь в 1130 г. где-то между Нарбонной и Тулузой. Ему последовал более умеренный персонаж: монах Генрих, который, по-видимому, был настоящим бенедиктинским монахом и, несмотря на свой резкий антиклерикализм, тем не менее, всегда предстал перед людьми в одеждах «человека Божьего».

Деревня Арагон в Кабардес (Од). Это было место, где жили катарские епископы Каркассес.

Как нам известно, Генрих, как и Пьер де Брюи, проповедовал Новый Завет и опирался на те же слова из него, какими вальденсы Лиона ответили людям Церкви Римской, когда она начала к ним придираться: «лучше покоряться Богу, нежели человекам». Он отвергал крещение детей, таинства брака, и ставил под сомнение ценность таинств, уделяемых недостойными священниками. Он также рьяно критиковал богатство христианского

клира. Таково было его «еретическое послание», хорошо вписавшееся в логику того времени, когда святой Бернард, аббат Клерво, «светоч Сито», отправился в 1145 г. в Тулузу, готовый начать борьбу с красноречием Генриха. Но когда вслед за ним в Тулузу прибыли епископ Шартрский, понтификальный легат и хронист Жоффри д'Оксерр, они не обнаружили там никакого монаха Генриха, но «ткачей» и «ариан».

Хронист пишет: «Среди тех, кто склонялся к этой ереси, были многие именитые люди города». Отправившись на север, делегация проповедовала по дороге: «Монсеньор аббат (святой Бернард) проповедовал в маленьких замках. Люди слушали охотно, и те из них, кто был предназначен к жизни вечной, уверовали. Но мы встретили и нескольких упорствующих рыцарей, которые, как нам показалось, не столько заблуждались, сколько были охвачены алчностью и исполнены злого умысла. В самом деле, рыцари эти ненавидели клириков и радовались любым проделкам этого Генриха». Вот перед нами живая картинка, изображающая мелкую окситанскую знать, которая уже в середине XII столетия готова высмеивать клир, не желает платить десятину и заинтересована в различных религиозных идеях, не отдавая никому особого предпочтения. А вот «народ» еще способен с сочувствием воспринимать слова святого.

Однако уже в Верфей народ последовал за знатью, когда та демонстративно вышла из церкви, где проповедовал аббат из Клерво, а потом еще и устроил шум и гам, чтобы помешать ему продолжать проповедь. В Альби было еще хуже: «В Альби случилось так... Жители этого города были, можно сказать, больше, чем кто-либо в окрестностях, заражены ересью, и мы это сразу почувствовали. Потому они вышли к Монсеньору легату с ослами и тамбуринами, и ходили так перед ним два дня. А когда на колокольнях зазвонили к торжественной мессе, пришло едва тридцать человек».

К святому Бернарду в городе отнеслись немного лучше, чем к легату, но отныне и французский двор, и орден Сито знали, что в этих местах следует бояться не отдельных проповедников, вроде монаха Генриха. Тулузэ, и особенно Альбижуа, наподобие Шампани или архиепископства Льеж-Кельн, поражены ересью «ткачей ариан», которая пользуется поддержкой насмешливой мелкой знати. Употребление слова «альбигойцы» для обозначения этих окситанских еретиков, возникло, конечно же, как отдаленное следствие миссии святого Бернарда в 1145 г.

Акты коллоквиума-диспута в Ломбере, Альбижуа, показывают нам противостояние между католическими прелатами и первыми катарскими окситанскими интеллектуалами, имевшее место в 1165 г. Они также, как здесь уже упоминалось, впервые дают нам относительно точные описания доктрин, исповедуемых Оливье и его Добрыми Людьями:

«(Епископ Лодева) спросил... вначале, принимают ли они Закон Моисеев и Пророков, Ветхий Завет и Докторов Нового Завета. Они ответили перед всем миром, что не принимают ни Закона Моисеева, ни Ветхого Завета, но только Евангелие, Послания Павла и семь католических Посланий, Деяния Апостолов и Апокалипсис... Они говорили также о многих других вещах, даже если их не расспрашивали: что им абсолютно запрещено клясться и приносить какие-либо присяги, как сказал Иисус в Евангелии (Мт. 23, 22) и Иаков в своем Послании (5, 12). Они говорили еще, что Павел описал в своем Послании (1 Тим. 3, 2-13) каковыми должны быть посвященные в епископский и священнический сан в Церкви, а если посвящают людей не таких, как предписывал Павел, то они не являются ни епископами, ни священниками, но волками пожирающими, лицемерами и соблазнительями... К примеру, их противники не являются ни епископами, ни священниками, а ведут себя наподобие тех, о которых говорил Иисус; и не следует их слушаться, ибо они дурные, а не благие Доктора...»

При изучении этих положений наибольшее изумление испытываешь, видя, что тезисы, излагаемые альбигойскими Добрыми Людьями во второй половине XII ст. перед лицом высшего католического клира и в присутствии защищавшей их знати – как скромных рыцарей Ломбера, так и могущественного виконта Тренкавеля – почти слово в слово повторяют определение истинной и лживой Церкви Божьей, появляющееся в оригинальном и самом позднем документе, дошедшем до нас от окситанского катаризма: фрагменте сохранившегося в Дублине Ритуала, датированного концом XIV века. Живший между двумя этими датами – в середине XIII века – католический полемист Монета Кремонский сообщает об использовании катарами выражения «Церковь волков». Добрые Люди в Ломбере не побоялись заявить, что Римская Церковь не придерживается предписаний Евангелия. Их собственная Церковь, Церковь Добрых Христиан или Церковь Божья, находилась тогда на этапе становления. Через два года после событий в Ломбере состоялся катарский «собор» в Сан-Фелис-де-Лаурагэ, где Никита, среди шестнадцати христианских Церквей, существующих от Востока до Запада, назвал и четыре первые катарские епископства.

V GLEISA DE DIO ИСТИННАЯ ЦЕРКОВЬ БОЖЬЯ: МЕТАФИЗИКА

Учение катаров, этих профессиональных проповедников Евангелия и служителей христианской Церкви, но не Римской, мы фрагментарно обнаруживаем в первых, наивных и предубежденных хрониках католических клириков, которые в XI и XII веках сталкивались с ними практически повсюду, от Востока до Запада. Нам также известно, что в Рейнских землях они уже были организованы в группы и иерархически структурированы: у них были слушатели, верующие и христиане во главе с «прелатами». Они отвергали таинства католического крещения, брака и причастия, так же, как и любые клятвы. Они были убеждены в том, что являются представителями Церкви, распространенной во всем христианском мире. И отстаивали свою апостольскую преемственность.

Источники из Шампани и Бургундии сообщают об ужасе, который вызывало у катаров таинство «тела и крови Господа Нашего», как и всякая пища животного и молочного происхождения. В этих источниках отмечается также присутствие среди них женщин и в особенности выражается суть дуалистической метафизики катаров: отсутствие Бога в этом мире и система двойного творения. Все источники признают, что единственным авторитетом для этих странных еретиков был Новый Завет. Наиболее древний окситанский источник, описывающий диспут в Ломбере, добавляет еще, что «секта» Добрых Людей проповедует непослушание клирикам Римской Церкви, которые не отвечают требованиям Павла, сравнивая их с иудейскими фарисеями, о которых говорил Христос.

Разве не ясно, что Римская Церковь в лице своих противников столкнулась не с простыми «еретиками», требующими права проповедовать, с разрешением или без него, и желающими практиковать бедность, смирение и любовь, но с настоящей евангельской Церковью? Конечно, не одни катары неустанно писали и говорили о том, что их Церковь - это истинная Церковь Божья, Церковь Христа и апостолов Его, в противоположность узурпаторской Церкви Римской, которую они считали Церковью дьявола. Однако сам катаризм, как мы видим из его собственных документов, дошедших до нас, вовсе не представлял собой обычную еретическую секту по отношению к существующим догмам, а альтернативное христианство, со своей метафизикой и экклезиологией, обрядами и таинствами, посланием Откровения и Спасением, своей моралью и Святыми Писаниями.

Откроем же книги катаров, а также послушаем и то, что пытались ответить противники на их хладнокровную логику. Столько духовной надежды всё еще дремлет между строками этих рукописей, что тысячи внимательных исследователей не смогут исчерпать ее. Надежды, которая не устарела, даже если слова кажутся нам архаичными. Средние Века заставили катаров замолчать, и одно это является достаточной причиной, чтобы дать им сегодня возможность говорить.

ДУАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ ЕВАНГЕЛИЙ

Так же просто, как мы выяснили, что катарская Церковь является религией христианского Откровения и Спасения, ее метафизическую рефлексию можно определить как дуалистическое прочтение Евангелий. Вся система катаризма основана на Новом Завете. Можно, и не без причины, поставить вопрос: отличалась ли катарская Библия от католической Библии. Как мы увидим, окситанский перевод Библии не очень отличался от латинского оригинала, предшествующего Вульгате святого Иеронима: «старолангедокская» версия, служившая также основой вальденских переводов, а также многих других, абсолютно ортодоксальных переводов на разные языки, вплоть до средневерхненемецкого. Фактически, окситанский текст так называемого Лионского катарского Нового Завета, как и фрагменты из Писаний, приводимые в трактатах и проповедях катаров, являются полностью ортодоксальными, а цитаты и отрывки из Вульгаты приводятся катарами в их текстах в качестве аргументов.

Лаурак-Ле-Гранд (Од). Средневековая стена, называемая «стеной дома Блани»

Главное исключение из этого правила, которое бросается в глаза, находится в первых строках Пролога Евангелия от святого Иоанна. И уже здесь возникает вопрос о происхождении окситанского перевода слова *nient*, небытие, ничто, отличающего версию катаров от вальденских и католических версий этой строфы. В принципе, такой перевод не был бы возможен, и не рассматривался бы, если бы латинский текст, послуживший основой для «старолангедокской» версии, не отличался бы в одном конкретном месте и одной запятой, от текста Вульгаты. Запятая, или скорее, точка, которая в Вульгате разделяет третье и четвертое предложение строфы 1, стоит там на три слова дальше, чем в «старолангедокской» версии. Вот текст в переводе Вульгаты, являющийся основой современного текста Библии:

[Ио. 1, 3]: «Всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть».

[Ио. 1, 4]: «В Нем была жизнь, и жизнь была свет...».

А вот текст в переводе «старолангедокской» версии:

[Ио. 1, 3]: «Всё чрез Него начало быть, а без Него ничто не начало быть, что стало быть».

[Ио. 1, 4]: «Всё, что в Нем, было жизнью, и жизнь была свет...».

Эти три туманных слова, *quod factum est* (что стало быть), являются решающими. Вальденсы переводили их на абсолютно ортодоксальный манер, как мы уже видели: *e alcuna cosa non es feita sença lui...* (и ничто не стало быть без Него). Точка. Катары же переводили фразу *et sine ipso factum est nihil* как *...e senes lui es fait nient*. Точка. «И без Него ничто стало быть». С того момента, как слово *nihil* не определяется больше предложением (= ничто «из того, что стало быть»), оно тут же, без всяких проблем приобретает на латыни не отрицательный, а некий утвердительный смысл. На окситан же само слово *nient* ясно означает «ничто, небытие». В этом смысле оно встречается уже в поэзии первого известного нам трубадура конца XI века, Гийома Аквитанского: *farai un vers de dreyt nient...*

Сами катары распространяли именно свою версию Пролога Евангелия от Иоанна: вот свидетельство начала XIV века Арнота Тиссейра, из Лордата, дающего показания перед инквизитором Жаком Фурнье:

«Знаете ли Вы, что означает: «Всё чрез Него начало быть, а без Него ничто начало быть»? Я ответил, что эти слова означают, что все сотворенные вещи созданы Богом, и ничто не создано без Него. Он сказал мне, что эти слова не означают того, что сказал я, но означают, что всё чрез Него начало быть, а также, что всё без Него начало быть. Я ответил: «Как Вы можете говорить такое? Вы не понимаете латыни, потому что смысл, который Вы этому придаете, противоречит словам Евангелия, а также иным местам из Писания, где сказано, что Бог создал небо и землю, и море, и всё, что в нем (Деян. 14, 14)».

«Пьер сказал мне, что смысл этого отрывка был следующим: «без Него стало быть ничто», то есть, «все вещи без Него стали быть», в том толковании, которое он, Пьер, ему придал...»

Добрый Человек из окситанских гор, живший под конец истории катаризма, Пьер Отье, все еще основывает на Писаниях метафизический дуализм своей Церкви, как это делали его великие ученые предшественники начала XIII столетия. Однако в то время подобное образование можно было получить только в Италии, куда он и отправился.

ДВОЙНОЕ ТВОРЕНИЕ

Таким образом, смысл цитируемого отрывка из Пролога Евангелия от Иоанна выглядит так: всё чрез Него стало быть - то есть, то, что реально «есть» стало быть чрез Него. Наоборот, «без Него ничто стало быть» - то есть, то, что по-настоящему «не есть», то, что «без любви», согласно выражению святого Павла, которое охотно цитировали катары: «...если не имею любви, - то я ничто» (1 Кор. 13, 2).

Это ясно означает, что катары различали два творения: истинное, дела которого на самом деле «есть», то есть, творение Божье («Всё чрез Него начало быть»); и иллюзорное, дела которого не имеют истинного бытия, этот видимый мир, ассоциируемый ими с «небытием» («а без Него ничто начало быть» или же, «все вещи без Него начали быть», как сказал Пьер Отье). Видимый мир, «этот мир», не является творением Божьим. Он возник из другого начала.

Обычно под дуализмом понимают моральное противостояние добрых и злых дел в этом мире, их антагонизм. В этом смысле, все христианские Церкви, которые верят в Бога и дьявола, являются дуалистическими. Но настоящий дуализм предполагает абсолютную независимость корней добра и зла по отношению друг к другу. Два источника, начала, *principiels*, как говорится во вступлении к *Книге о двух началах* с красноречивым названием. Или в прагматическом пересказе цистерцианца Рауля де Когшелла о том, что говорили катары Шампани: «Эти люди не верят ни в то, что Бог управляет делами человеческими, ни в то, что Он производит какие-либо действия или имеет власть над земными созданиями...»

Христиане-катары основывали свой метафизический дуализм не только на прочтении строфы Пролога к Евангелию от Иоанна: у нас еще будет возможность встретить в их писаниях много других цитат из Нового Завета (но все я их здесь приводить не стану). Просто пример интерпретации *nihil/nient* / «ничто» наиболее значителен и служит поводом для многих споров и комментариев от средневековой эпохи до наших дней. Мы уже встречались и с метафорой о добрых и дурных деревьях, которые, согласно святому Матфею, дают добрые и дурные плоды. Катарские Доктора с легкостью воспользовались этим в великих философских дебатах своего времени, противопоставляя идеям старого августинианства веяния Аристотеля, не так уж давно попавшие в Западную Европу, через посредничество арабских интеллектуалов. Монета Кремонский, автор обширной *Суммы* против катаров, показывает, как они основывали свою диалектику на Логике Аристотеля: «Противоположные принципы являются противоположностями», следовательно, добро и зло, являющиеся противоположностями, происходят от противоположных принципов.

Анонимный Трактат катаров, частично находящийся в рукописи, где его пробует опровергнуть Дюран де Уэска, продолжает параграф за параграфом излагать эту идею, и почти целиком посвящен метафизике двойного творения.

«Но хотя они многочисленны, те, кто как можно меньше заботится о другом мире и других творениях, и интересуются только тем, что можно видеть в этом мире - суетные, злые и преходящие - и которые, без всякого сомнения, из небытия вышли, и в небытие вернуться; мы же говорим, что существует иной мир и иные творения, непреходящие и вечные, на что мы полагаем всю нашу радость и всю нашу надежду...

Об этом мире, злом и скверном, «который во зле лежит» (1 Ио. 5, 19), апостол Иаков сказал в своем Послании: «Прелюбодеи и прелюбодейцы! Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога?»... (Иак. 4, 4)...

Мы верим, что есть Царствие, о котором Христос сказал: «Царство Моё не от мира сего» (Ио. 18, 36)...

Мы верим, что есть новая земля и новое небо, о которых Господь говорит также... И Пётр говорит в своем Послании: «Впрочем мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (2 Пе. 3, 13). И Иоанн говорит в Откровении: «И увидел я новое небо и новую землю» (Откр. 21, 1)»

Этот видимый мир, в котором ничто не стабильно и всё подвержено разрушению и смерти, этот видимый мир, являющийся жертвой хаоса и зла, страданий, насилия, этот мир иллюзий, является иллюзорной попыткой творения злого начала. Через сто лет после написания Трактата о двойном творении анонимным катарским Доктором, последние окситанские Добрые Люди всё еще проповедовали в своем подполье:

«Есть два мира: один видимый, другой невидимый. Каждый имеет своего бога. У невидимого мира - благой Бог, который спасает души. У другого, видимого, - злое божество, создавшее вещи видимые и преходящие...»

Пьер Клерг, еретический приходской священник Монтаю, оставался священником до тех пор, пока не умер в застенках Инквизиции Памье во время следствия, проводимого Жаком Фурнье. Он никогда не был служителем катарской Церкви, а наоборот, поступал против учения катаров, ведя либертинскую и даже разгульную жизнь, сумел выразить высокопарным слогом саму сущность дуалистического христианства, которое всегда соблазняло его в интеллектуальном плане:

«Бог создал только духов, и они не могут исчезнуть или погибнуть, ибо все дела Божии пребывают вечно; но все тела, которые можно видеть или чувствовать, и все вещи, как небо и земля, и всё, что в них, за исключением только духов - то их создал дьявол, князь мира сего, и поскольку он их создал, то всё в этом мире подвержено разрушению, и ничто не является постоянным и нетленным».

Больше, чем добро и зло в моральном смысле, катаризм противопоставлял вечное и преходящее, истинное и иллюзорное, нетленное и разрушаемое, бытие и ничто: это более онтологический и метафизический дуализм, чем этический. Бог любви Добрых Христиан не имел никакого отношения к проблемам и бедствиям этого мира: это не Бог отмщения, гнева и смерти; это не грозный судия, это не безжалостный устроитель очистительных заклятий. Это начало бытия и вечности. Смерть изобрел дьявол.

Ибо злое начало, в хаосе своего реального бессилия, может только создавать жалкую пародию на творение Божье: князь мира сего творит иллюзии, и не может дать своим творениям нетленной природы. И анонимный катарский Доктор приводит в подтверждение своих рассуждений Книги Премудрости Ветхого Завета, в частности Экклезиаст: «О подобных вещах сказано в Книге Премудрости: «Всякая вещь, подверженная тлению, исчезает, и сделавший ее умирает с нею» (Сир. 14, 20)... и еще: «и все - суета! Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах» (Эккл. 3, 19-20).

Но о вещах благих и вечных мы тоже читаем в Книге Премудрости: «все дела Господа весьма благотворны» (Сир. 39, 21); и еще также: «Ты любишь все существующее, и ничем не гнушаешься, что сотворил, ибо не создал бы, если бы что ненавидел» (Прем. 11, 25)...

В этом мире нет ничего, что было бы от Бога. Катары не сакрализовали ничего видимого. *Visibilia* и *corruptibilia*, видимость и тленность, без бытия и без любви, были созданы без Бога. Но Богом был создан мир истинный и вечный, и он - от Бога.

ОДЕЖДЫ ИЗ ШКУР И ТЕЛЕСНЫЕ ТЮРЬМЫ

«Вот, чужое божество, а вот наша земля, а вот та, что не наша. Так говорит Господь в том же тексте: «Так Я пересмотрю овец Моих и высвобожу их из всех мест, в которые они были рассеяны в день облачный и мрачный...» (Иезек. 34, 12)...»

Анонимный трактат катаров оставляет эту землю чужому божеству: мир овец Господних - не тот мир, князем которого есть Сатана. Более того, эти овцы Господни, творения Божьи, являются узниками мрачных мест: фактически, как сказал приходской священник Монтайю, в этом мире всё создано дьяволом, «за исключением одних духов». Человеческое бытие - это соединение двух творений: они смешиваются в нем. Однако, принцип зла не мог бы сотворить ничего даже по видимости - поскольку всё, что он ни делает, обречено на распад и разрушение - если бы он не захватил искру бытия и вечного творения: коварством, насилием, обманом, потрясением - так объясняют это источники катаров, привнося в свои символические мифы образы первоначального падения или соблазна, когда смешалось бытие и небытие. И из этого хаоса злое начало стало производить неумелые и нестабильные формы. Мир смешения двух натур...

Человек, по своему телу и плоти, предназначенной на смерть и тление, является созданием зла. Но его вечная душа, искра светлого творения, падшая в рабство «одежд из шкур», «телесных тюрем», предназначена к жизни в «новой земле», в истинном мире истинного Бога.

«Ибо народ Божий давно отделился от своего Господа Бога. А отделился он от совета и от воли святого Отца своего по той причине, что дал обмануть себя злым духам и подчинился их воле. Но мы знаем и верим, что святой Отец пожелал помирить Свой народ и принять его к себе в мире и согласии; для этого послал Он сына Своего Иисуса Христа, когда пришло время милосердия.»

Окситанский Ритуал (Лионская рукопись), несущий это послание надежды, выразительно говорит об одеждах из шкур, являющихся тюрьмами зла: И Иуда, брат Иакова, говорит нам в Послании своем, дабы мы знали: «Гнушайтесь даже одеждою, которая осквернена плотию» (Иуд. 23)...»

В этом одеянии - плотской тюрьме - спит божественная душа в забвении своей небесной отчизны. Насилием, соблазном или страхом князь мира сего завладел ею. Ни теологические трактаты катаров, ни Ритуалы не дают нам никаких сведений о том, что происходит с душой, когда она переселяется из тела в тело. Однако свидетельства перед Инквизицией верующих или даже Добрых Христиан, к счастью, дают нам кое-какую информацию на эту тему. Пьер Маури из Монтайю объясняет епископу Памье, что он понял из проповедей Добрых Людей, и его позднее (начало XIV века) свидетельство мало чем отличается от теологических антикатарских *Сумм* XIII столетия: «Они говорили, что когда человеческая душа выходит из тела, и до того момента, пока она не войдет в другое тело, она не имеет отдохновения, ибо огонь Сатаны, или чужого божества, пожирает ее всю. Но когда она входит в тело, то она может тогда отдохнуть и не страдать больше от огня, потому что этот огонь не может больше жечь ее».

Злое начало пытается также поддерживать видимость реальности своего злобного творения, удерживая украденные им Божьи искры в телах насилием или соблазном. От воплощения до воплощения божественная душа продолжает существовать в бесконечности времени, имитирующей вечность, в пространстве, иллюзорного проявления мира, чужого Богу. Ситуация выглядит патовой: начало Добра и Бытия находится вне времени, вне видимого мира, в бесконечно светлом мире добрых духов, в вечности. Видимый и преходящий мир, устройтелем и управителем которого является злое начало; мир, где души людей, от воплощения к воплощению, спят в тленной, бесконечно обновляющейся материи, в забвении своего божественного происхождения. Но Бог, в Своей бесконечной любви, не остался безучастно взирать на это из мира света. Он «сжалился над Своим народом» и вмешался в мир, который не Он создал, через «пришествие Сына Своего, Иисуса Христа».

ХРИСТОС БЕЗ РАСПЯТИЯ

Катаризм, христианская религия, основанная на Новом Завете, выстраивала свои догматы вокруг христологии, полностью отличавшейся от христологии Римской Церкви. Катарское христианство, так же как и Римское христианство, как и реформаторские христианские течения, основывалось на краеугольном камне вмешательства Бога в этот мир, посредством явления Его Сына, Иисуса Христа, принесшего Откровение и Спасение. Но мы уже знаем, что катаризм имел особое прочтение послания Христова - Евангелий. Ему также была присуща специфическая интерпретация роли Христа.

Послание Христово, глубинный смысл евангельских писаний, согласно катаризму, были ничем иным, как призывом к пробуждению: напоминанием воплощенной душе, что она не принадлежит этому миру. «Иаков сказал в своем Послании... И Христос сказал: «Ибо идет князь мира сего» (Ио. 14, 30). И Он добавил: «Царство Мое не от мира сего» (Ио. 18, 36). И в другом месте: «Не о всем мире молю» (Ио, 17, 9). И еще: «Отче Праведный! И мир Тебя не познал» (Ио. 17, 25) . И кроме того, Он сказал о Своих апостолах: «Они не от мира, как и Я не от мира» (Ио. 17, 16). И потом: «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое» (Ио. 15, 19)... И еще: «Мир потому не знает нас, что не познал Его» (1 Ио. 3, 1)».

Эти простые и короткие цитаты из Анонимного трактата катаров прекрасно задают тон. В бесконечном милосердии Бог передал Своему «порабощенному народу» послание Откровения и Спасения, чтобы «избавить его от зла». И Христос, посланный Богом, явился в этот мир и проповедовал о Царствии Отца Своего, напоминая уснувшим душам об их небесной отчизне. Такая интерпретация Слова Христового не является фундаментальной противоположностью римо-католического догмата, и даже не сильно от него отличается. Она просто отдает предпочтение аспекту евангельского просвещения, но, само собой, следуя логике дуалистического прочтения. Средство Спасения, согласно катаризму, было совершенно евангельским, но при этом радикально отличным от искупительной жертвы католического Христа.

Катары считали, что на самом деле Сын Божий пришел в этот мир не для того, чтобы искупить первородных грех Своей жертвой и смертью на кресте, но просто для того, чтобы напомнить людям, что их Царство не от мира сего, и научить их спасительному таинству, которое навсегда избавит их от зла и от времени. Этот спасительный подвиг - таинство крещения Духом, переданное Христом Своим апостолам.

Христианство без распятия... Христианство без Преосуществления... Католическая Церковь строила свои догматы вокруг искупительной жертвы Христовой и сакрализовала Его телесное мученичество, которое неустанно повторяется во время евхаристии, происходящей на мессе. Мистерия Преосуществления - хлеб становится телом, вино становится божественной кровью: страдание, смерть и жизнь. Религия катаров является преимущественно докетической: Сын Божий, эманация Бога или Ангел Божий, согласно различным школам катаров, был человеком только по видимости, а не в телесной реальности послан в этот злобный мир; и только по видимости Он умер на кресте. Никакой крови, человеческой или божественной, не пролилось, никакого тела не было отдано на злую смерть.

Райнерий Саккони, бывший катарский иерарх из Италии, перешедший в католицизм, представляет нам в своей антиеретической *Сумме* теоретический докетизм Добрых Христиан: «Это был ангел, который никогда по настоящему не ел, не пил, не страдал, не умирал, не воскресал... Так они полагают».

Но не все проповедники или верующие катаров были докетистами в одной и той же степени. Через пятьдесят с лишним лет после труда Райнерия Саккони, инквизитору Жаку Фурнье рассказывают об интерпретации Страстей Христовых последним известным окситанским совершенным Гийомом Белибастом, который, кажется, допускал полутелесную реальность личности Христа: «Они прибили Его к кресту, они бичевали Его и причиняли Ему бесчисленные страдания. После этого Он вознесся к Отцу Своему, не умирая, ибо Сын Божий не может умереть...».

Сын Божий не может умереть - поскольку смертью владеет злое начало - однако Он может страдать. Среди катарских проповедников существовали и иные интерпретации, вроде той, что в последний момент Христа на кресте заменил разбойник. Католические полемисты XIII века говорили об этой идее, как об отвратительном заимствовании из сарацинских доктрин: потому что именно такую интерпретацию Страстей Христовых предлагает Ислам.

Итак, Преосуществление не является краеугольным камнем христианства катаров. Впрочем, трудно вообразить себе, что религия, считающая злом всякое насилие, страдание и смерть, будет сакрализовать память и орудие этого страдания, будет почитать крест или виселицу, или придавать какое-либо значение иллюзорным феноменам иллюзорного мира. Так свидетельствует Эввар Бетюньский в своей *Книге против еретиков* об учении, которое ему доводилось слышать из уст Добрых Людей: «Распятие ненавистно Богу-Отцу, то распятие, на котором пострадал Его Сын...» Для катаров хлеб никогда не становился телом, вино никогда не играло ужасающей роли пролитой крови: не увековечивание страданий и смерти может преодолеть и обессилить зло, но распространение Духа по миру: «Тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святого» (Деян. 8, 17).

ОТКРОВЕНИЕ И СПАСЕНИЕ: КРЕЩЕНИЕ ДУХОМ

Спасительный подвиг Христа, согласно катарской интерпретации Нового Завета, состоял в том, что Он пришел передать апостолам, и просил их передать другим Свое учение и крещение путем возложения рук и Духом, крещение огнем, а не водой - *consolament* окситанских Добрых Людей. Это таинство, единственное известное таинство катарской Церкви и фундамент ее послания Откровения и Спасения, было полностью основано на Писании: католическая Церковь использовала его для посвящения епископов; вальденсы видели в нем второе крещение, дополняющее крещение водой и заменяющее конфирмацию подростков.

Для катаров крещение путем возложения рук было единственным истинным крещением: вот свидетельство верующего горца, Гийома Эсканье из Акса (Ле Терм) перед инквизитором Жаком Фурнье:

«Еретик... говорил, что крещение не стоит ничего, если оно не получено добровольно и спонтанно; и он говорил мне, что крещение водой ничего не стоит. Он говорил, что таинство на алтаре не претворяет Тела Господня...».

Окситанский ритуал катаров, сохранившийся в Дублине, уточняет: «Эта (святая) Церковь практикует духовное крещение посредством наложения рук, через которое нисходит Дух Святой. Иоанн Креститель сказал (Мт.3, 11): «Идущий за мной сильнее меня...Он будет крестить вас Духом Святым...»

Но злобная Церковь Римская, распространяя обман и выдумки, говорит о том, что Христос (в Евангелиях) учил крестить материальной водой, как это делал Иоанн Креститель до того, как Христос начал проповедовать... Кроме того, если крещение преходящей водой приносит спасение, тогда Христос пришел и погиб впустую, ибо еще до Него совершали крещение водой...»

Этот аргумент полностью соответствует внутренней логике катаризма. Миссия Христа состояла именно в том, чтобы принести творениям Божьим, заключенным в «одежды из шкур», средство их спасения, крещение духом, которое освящает их принадлежность к миру Божьему; и только лишь Христос может быть депозитарием божественного таинства. И на этом божественном таинстве, принесенном людям Христом, посланным Отцом, катарская Церковь основывала легитимность своей апостольской преемственности, которую упорно отстаивала. Она была Церковью, поддерживавшей и распространявшей средство божественного Спасения в этом мире:

«И многие другие, которые не встречались с апостолами (Добрые Христиане), приняли святое крещение через посредничество святой Церкви, ибо Церковь Христа осуществляет это крещение без перерыва, и будет делать это до скончания времен, как сказал Христос апостолам (Мт.28, 19-20): «Крестите их во имя Отца и Сына и Святого Духа: Я с вами во все дни до скончания века.»

Дублинский ритуал на окситан принадлежит к поздним документам средневекового катаризма, потому что он появляется только в конце XIV века, и, как заметит внимательный исследователь, допускает, что Христос пришел «умереть», чтобы принести крещение Духом в этот мир. Однако он совершенно совпадает с Лионским ритуалом катаров на окситан (середина XIII века), где описаны основания *consolament* в Писании:

«Желаете ли Вы получить духовное крещение и Святое Слово через возложение рук добрых людей, посредством которого в Божьей Церкви нисходит Святой Дух? О крещении этом Господь наш Иисус Христос говорит своим ученикам в Евангелии от святого Матфея (28, 19-20): «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века». Так же говорит Он в Евангелии от Марка ...

И святой Иоанн Креститель (Ио. 1, 26-27 и Мф. 3, 11) говорил об этом святом крещении, когда сказал: «Я крещу в воде, но стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете. Он-то, идущий за мною, но Который стал впереди меня; я недостойн развязать ремень у обуви Его». И в Деяниях апостолов (1:5) Иисус Христос говорит: «Ибо Иоанн крестил водою, а вы чрез несколько дней после сего будете крещены Духом Святым»... Таковое святое крещение, при коем даруется Святой Дух, Церковь Божья сохранила со времен апостолов до наших дней, и оно до сих пор переходит от одних добрых людей к другим, и так будет до скончания веков...»

Бурлац (Тарн). Бенедиктинское аббатство (XII в.) поддерживалось и обогащалось благодаря дарам Тренкавелей, виконтов Альби.

Церковь катаров была в раннехристианском смысле общиной крещенных христиан, но крещенных Духом Святым, «облеченных в Дух». Христиане, получившие это крещение, как мужчины, так и женщины, тоже имели право и власть передавать это крещение. Так, понемногу, спасительное таинство Божье с течением времени смогут получить все души, заключенные в этом мире.

ПРЕХОДЯЩИЙ АД И КОНЕЦ ВРЕМЕН

Читая трактаты и ритуалы катаров, мы не находим никаких упоминаний, разъясняющих последовательное переселение божественных душ из одной телесной тюрьмы в другую. Только в антикатарской полемике и показаниях перед Инквизицией содержится информация на эту тему. Однако теоретические тексты Добрых Христиан четко описывают божественный план, эсхатологию надежды. *Книга о двух началах* – фактически фрагментарное резюме огромного теологического трактата, о существовании которого мы узнаем от Райнерия Саккони – как и *Анонимный трактат*, утверждает, что вопреки тому, чему учат католические клирики, Бог не создает бесконечно новые души, чтобы однажды остановить время и судить всех, в том состоянии и возрасте, в котором Он их застанет. Наоборот, определенное количество божественных душ пало в рабство тел, и теперь они должны «пробудиться» в этом мире, перед тем, как услышать призывание покинуть его и вернуться на небесную

родину. Глава, посвященная опровержению понятия свободы воли в *Книге о двух началах*, очень недвусмысленно говорит по этому поводу:

«Они полагают, что новые души или духи создаются каждый день, и что Господь будет судить тех, кто совершал поступки по свободной воле, добрых и злых, великих и малых. Что они ответят на мой вопрос: Значит, все народы, какие только есть в мире, как они считают, соберутся перед Богом? Если это правда, то там будет множество детей всех рас, четырех лет и даже младше, а еще огромная толпа немых, глухих, простых духом, которые даже никогда не были способны совершить покаяние, и которые никогда не получали от Господа наименьшей силы практиковать добродетель, ни наименьшего распознавания того, чем есть Добро. Как и по какой причине, Господь Иисус сможет сказать им: «Придите, благословенные Отца Моего?... (или) Идите прочь от Меня, проклятые, в огонь вечный?»...

Анонимный трактат настаивает на том, что Христос призовет к Себе «все» падшие души. «...Господь пожелал назвать «всем» то, что духовное и благое, когда Он говорит: «И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (Ио. 12, 32)... Иоанн (говорит) в Евангелии: «Всё чрез Него начало быть, а без Него ничто начало быть» (Ио. 1, 3) И чтобы показать, что под этим разумеются вещи благие и духовные, он добавил впоследствии: «Только то, что было в Нем, было жизнью» (Ио. 1, 3-4).

...Господь сказал, как говорит Иезекииль «Потерявшуюся отыщу и угнанную возвращу.» (Иезек. 34, 16). И о том же самом, когда Он ищет, сказано: «Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (Лк. 19, 10)... И там же еще говорится: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Мт. 15, 24)... Давид, говоря от имени всего Израиля, заявляет то же: «Иссохло в печали око моё, обветшало от всех врагов моих»... (Пс. 6, 8)»

Катарские Доктора использовали цитаты из Ветхого Завета, трактуя рабство Израиля в Египте в аллегорическом смысле. С их точки зрения, там, конечно же, говорится о рабстве душ, созданных Богом, в мире врага. Они очень явственно противостояли римо-католическим концепциям о том, как в конце времен земное существование будет внезапно остановлено, и недавно созданные новые души, не имеющие возможности опыта и познания Добра, на Страшном Суде определенно будут осуждены на вечные муки, или наоборот, достигнут не менее вечного Спасения, вместе с душами воскресших из мертвых по этому случаю. Они верили во всеобщее спасение всех божественных душ, попавших в рабство тел во время творения злого мира. Но спастись могут только те души, которые пробудились. Это означает, что переселяясь из тела в тело после своего падения, эти души, рано или поздно получают опыт и возможность познания Добра, и что все они, рано или поздно, осознав свою принадлежность к миру Божьему, к иному миру, будут призваны Богом, и все, рано или поздно, воссоединятся с Ним.

«Конец света» - этот термин занимает значительное место в эсхатологии катаров: но это ни в коем случае не внезапный конец. По мере того, как божественные души будут осознавать свое небесное происхождение, отказываться от злого мира, покидать его, злой мир будет опустошаться от бытия – потому что только Бог может быть творцом Жизни или бытия – до того дня, когда последняя воплощенная душа будет освобождена земной смертью от состояния забвения. Тогда видимый мир вернется к своему небытию, а божественное творение, которое, по-видимому, было заражено временной утратой бытия, воссоединится с вечностью навеки. Так это описывает глава о творении *Книги о двух началах*: «Это благородное творение или созданное истинным Богом благое бытие, должно быть навечно и во веки веков, а это, как мне кажется, не очень согласуется с теорией наших противников, особенно с тем, что те, кто существует сейчас, и земля, и все элементы, будут полностью уничтожены жаром огня, как согласно им, или тому, во что они верят, утверждает святой Петр (2 Пе. 3, 10)»

Все теоретические и фундаментальные тексты катаризма настаивают на том факте, что только Бог способен создать стабильное и вечное творение, и что только Его творение является истинной жизнью. Потому абсолютно невозможно даже помыслить о том, что злое начало, способное лишь на топорную и нестабильную попытку творения, сможет держать в заточении до бесконечности божественные души: в вечности, и с точки зрения вечности, Добро всегда побеждает. Но Добро должно во времени и в этом видимом и преходящем мире, без перерыва производящем смертные тела, дать средство Спасения. И здесь дуалистическая логика приводит нас к спасительному таинству крещения Духом, о котором святые Писания говорят, что оно передано Христом людям через посредничество святой Церкви.

Именно с помощью *consolament* может быть прервана цепь перерождений. «Духовное крещение Иисуса Христа» позволяет душе познать ее небесное происхождение и сакрализует ее освобождение от зла. Облеченная в Дух, эта душа больше не воплотится, но телесная смерть, через которую она должна будет пройти, вернет вечности ее творение. Это и пытался как мог объяснить Пьер Маури, пастух из Монтайю, инквизитору Жаку Фурнье:

«Когда душа человека выходит из тела, и если этот человек перед смертью не стал добрым христианином, то есть еретиком, она как можно скорее пытается вселиться в иное тело...»

Церковь катаров чувствовала себя Церковью Божьей, получившей от Христа, через апостольскую преемственность, обязанность ширить и уделять в этом мире, князем которого есть Сатана, спасительное таинство духовного крещения, благодаря которому, все души, созданные истинным Богом, одна за другой, получают возможность освободиться от зла, как принято говорить в христианском народе, обращаясь к Отцу в Молитве Господней. В конце времен все души будут спасены. Церковь катаров не допускала существования вечного ада: вечность принадлежит только Добру. Когда в этом мире, где смешались бытие и ничто, временное и вечное, наступит момент, когда его покинет последняя искра Божья, всё это проявление зла исчезнет, и злое начало выявит свое бессилие перед вечностью и опустеет. Ад - это всего лишь временная тюрьма для душ, их муки закончатся в конце времен.

Злое начало является совечным Богу, и поэтому Бог не имеет отношения к возникновению зла, - «Бог не создавал ни тьмы, ни зла», - заявляет *Книга о двух началах*, - но ни в коем случае не равносильно Ему. Согласно терминологии *Анонимного Трактата* катаров, «зло есть, и одновременно не-есть». В заключении к своей статье о *Книге о двух началах*, опубликованной в «Писаниях катаров», Рене Нелли предложил очень верную формулировку: «Злое начало утратит реальность, когда Бытие одержит над ним победу».

VI GLEISA DE DIO: РЕЛИГИЯ СВОБОДА ДОБРА И ПСЕВДО-СВОБОДА ВОЛИ

Дуалистическая метафизика катаров со всей очевидностью была основанием особого образа жизни - даже если на практике эта жизнь не всегда отличалась от той, которую вело обычное христианское население. Моралью Спасения, согласно концепциям катаров, могла быть только евангельская мораль; однако их катехизис открывал перед ними радикально иные перспективы. Смысл евангельской жизни для них основывался преимущественно на Нагорной Проповеди: христиане у катаров должны были быть настолько «добрыми христианами», что даже их противники не могли упрекнуть их ни в чем, кроме «лицемерия» их безупречной жизни, не признавая за ними ни оригинальности, ни хорошей веры. Дело в том, что мораль Спасения Добрых Христиан, практически идентичная той, которая была примером и для вальденсов, основывалась на специфической концепции греха, исключавшей свободу воли у божественного творения.

Книга о двух началах посвящает целую главу исключительно опровержению концепции «псевдо-свободы воли» - одного из столпов католической догматики. Логика дуализма не могла допустить, чтобы Бог, начало всякого добра, мог посеять в собственном творении зерно зла, будучи неспособным создать полностью благих «духов», или, что еще хуже, из зловредного удовольствия отдать свое творение во власть зла. Потому отрицание свободы воли является корнем самого метафизического дуализма. *Книга о двух началах* говорит о безгрешности «ангелов», то есть Божьих творений, в небесном универсуме: «Воистину непонятно, как это ангелы, созданные благими, смогли возненавидеть благо, подобное им, и существовавшее извечно, как и причину этого блага, и полюбить зло, еще не существовавшее, и являвшееся противоположностью Добру. Если только нет никакой иной причины...»

Также, из этих свидетельств кажется очевидным, что ангелы должны были бы выбрать Добро, подобное им и существовавшее извечно, чем отказаться от Добра и выбрать зло, которое тогда не имело еще существования, и даже причина его еще не существовала - по вере наших противников - и этому тем более трудно поверить, поскольку никакое явление не может существовать без причины.»

Допустить, что Бог мог позволить своим «ангелам» свободу выбора между добром и злом, это то же самое, что допустить, что Бог сам является причиной зла и страданий в этом мире: «Я с удивлением спрашиваю себя, как может придти в голову мудрому человеку, что Бог - являющийся благим, святым и праведным - может навеки проклясть Своих ангелов и предать их на вечные муки, потому что Он не смог создать их достаточно совершенными, и они стали завидовать Его красоте и величию, или потому, что они не смогли получить от Него подобного совершенства...»

...И вот почему я убежден, что ангелы никогда не получали от Бога свободы воли... и особенно они не могли получить этого от Бога, отлично знающего, что произойдет в будущем... и который - если верить, как наши противники, является единственным началом, высшей причиной всех причин. Если действительно принять их теорию, то со всей необходимостью следует допустить, что сущностной причиной всякой похоти и всякого зла является сам Бог, ибо сказано: «Тот, кто создал условия вреда, создал и его причину». Но абсолютно невозможно даже помыслить такое об истинном Боге.»

Бог не может быть причиной вторжения зла. Аргументы Трактата катаров, преимущественно основанные на аристотелевской логике, переданной через арабских философов, тем не менее, оставляют место и для мифа: ангелы Божьи фактически «пали» в рабство плоти и зла, хотя ничто в их полностью благой натуре не было предрасположено ко злу, а Бог не создавал их способными свободно выбирать зло, «еще не существующее». Поэтому зло смогло продемонстрировать только иллюзию существования и создать видимое и преходящее творение. Ведь зло является абсолютным бессилием, и на творение, на смешение «бытия и небытия», оно оказалось способным только благодаря искре, похищенной из Божьего мира: этим самым падшим ангелам... Злое начало по своей природе, по существу, является склонностью ко злу. Оно больше, чем дьявол, оно - «Отец дьявола», согласно терминологии, употребляемой катарским Доктором. Оно - это «вожделение и похоти», искушение зла, создавшее причину отпадения ангелов от Бога, породившее зло и время, подобно дрожащей стреле, наискось вонзившейся в тело вечности.

Вот как Белибаст, - этот вроде бы необразованный окситанский Добрый Человек, - представлял в начале XIV века миф о падении ангелов: «Он (дьявол) начал их уговаривать... и он сказал им, что если они захотят спуститься в его нижний мир, и в его царство, он даст им намного больше благ и наслаждений, чем им может дать Отец Святой... что он им даст поля, виноградники, водоемы, луга, плоды, золото и серебро, и все материальные блага, и кроме того, каждому даст жену...».

Если другие катарские проповедники ассоциировали искушение зла с волей к власти, Белибаст характеризует его именно как телесное вожделение, представляя, что дьявол проник в мир духов вместе с образом прекрасной и наряженной женщины: «И духи, охваченные желанием к этой женщине, последовали за Сатаной и за женщиной (выйдя из Царствия Отца). И их было так много, что девять дней и девять ночей духи падали в дыру, через которую вышел Сатана вместе с женщиной, и они падали с неба так густо, как мелкий дождь падает на землю...».

На этом странном и очень средневековом евангельском синкретизме, соединяющем как философскую логику, так и народные мифы, катаризм основывал невинность Бога по отношению к дьявольскому искушению. Ритуалы этого христианства различным образом представляют более конкретные способы того, как на земле и во времени дуалистическая метафизика противостоит «псевдо-свободе воли», что особенно заметно в понятии греха.

Фундаментальной молитвой христиан-катаров является Святое Слово, Отче Наш - молитва, ритуально передающаяся неопиту перед церемонией духовного крещения. Два из трех сохранившихся Ритуалов катаров содержат комментарии, «гlossы» к Отче Наш, где сказано: «Считается, что когда говорится «Отче Наш, который на небесах», то, возможно, для того, чтобы отличить Его от отца дьявола, являющегося лжецом и отцом злых...».

Подтверждение дуализма заметно уже с первых строк латинской глоссы; но главная просьба в Отче Наш находится в последней строке молитвы: но избави нас от зла. «То есть, от дьявола, соблазнителя верных, и дел его», - замечает комментатор к Латинскому Ритуалу. А вот перевод окситанской глоссы Дублинской рукописи: «Под этим злом, от которого народ Божий просит избавить его, мы подразумеваем дьявола... Вот почему народ Божий преисполняется надежды и доверия к обетованию Господа, изложенному выше, и поскольку множество народу все еще остается узниками в сетях дьявола, «который уловил их в свою волю», как говорит святой Павел (2 Тим. 2, 26), и потому они вопиют день и ночь к Святому Отцу и умоляют Его: «избави нас от зла...».

Освобожденное от зла Божье творенье - ангел, дух, человеческая душа, - становится свободным. Свободным, чтобы полностью выявить свою истинную природу, которая является благой, свою истинную свободу, которая является Благом, вне всякой иллюзии «псевдо-свободы воли», главного аргумента католического монизма. В этом также проявляется моральный смысл философского дуализма прочтения катарами Нового Завета. Бог не имеет отношения к искушению зла.

ДВОЙНОЕ ИСКУШЕНИЕ И ГРЕХ

Зло является искушением, стремлением к злу, потому само искушение является злым. Оно ни в коем случае не может исходить от Бога, который не может пользоваться средствами зла, у которого не может быть ни необходимости, ни желания мучить собственные творения. Комментарии к Отче Наш из Латинского Ритуала катаров очень четко подтверждают этот тезис: они различают два искушения, и ни одно из них не исходит от Бога. «И не введи нас во искушение: ...Воистину, существует телесное искушение и дьявольское искушение. Дьявольское искушение происходит от сердца по наущению дьявола, как ошибки, злые мысли, ненависть и прочие подобные вещи. Телесное искушение является следствием человеческой природы, как голод, жажда, холод и иные

вещи такого рода: мы не можем их избежать. Вот почему Апостол сказал в Первом Послании к Коринфянам (1 Кор. 10, 13): Вас постигло искушение не иное, как человеческое...».

Дьявольское искушение касается духовного бытия, телесное искушение действует на преходящее тело. Только дьявольское искушение ведет к злу, к поглощению злом. Это изначальное искушение, приведшее к падению: в человеческом мире оно представляет собой силу, сопротивляющуюся освобождению и устремлению к Добру и Богу - это стремление к греху.

Понятие греха у катаров является настолько же сложным, как и отличным от принятого в монистической системе католицизма. Если кратко охарактеризовать это понятие, то можно сказать, что катаризм не знает прощительных грехов, и всякий грех здесь является «смертным» грехом, как стремление или искушение дьявола, действие, противоречащее «закону жизни». Человеческое искушение происходит из нынешнего состояния, из того, что человек пребывает в телесной оболочке. Оно исходит от тела и влияет на дух опосредованно. Только дьявольское искушение является корнем греха, актом зла.

Добрые Христиане вычитали в Евангелии точный перечень грехов, то есть тех действий, которые приводят к злу, и которые человек, принявший спасительное таинство духовного крещения, обязывался никогда более не совершать. Упрощенно можно сказать, что катаризм знает исключительный список грехов, зафиксированных в Писании и являющихся ловушками или дьявольскими искушениями. Со стороны «христианина», получившего крещение Духом и освобожденного от зла, наименьший из этих грехов является падением в океан зла: к нему нельзя относиться легкомысленно, поскольку грех неумолимо сигнализирует о принадлежности к миру зла, утрате свободы и Духа. Крещение тут же утрачивает смысл и силу. Список этих грехов катары взяли из Нагорной Проповеди, девятнадцатой главы Евангелия от святого Матфея и Послания Иакова. Этот список полностью изложен в Дублинском окситанском Ритуале, где описано таинство *consolament*. Он полностью совпадает с тем, что нам известно по иным документальным источникам, особенно показаниям перед Инквизицией, где описывается церемония духовного крещения. Вот как выглядит этот список:

«(Церковь Божья) остерегается убийств и не воспринимает убийства ни в каком виде. Истинно сказал Господь наш Иисус Христос (Мт 19, 17-18): «Если хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди... не убивай...»

Эта Церковь остерегается прелюбодеяния и всякой скверны, как сказал Господь наш Иисус Христос (Мт 19, 18): „Не прелюбодействуй...»

Эта Церковь остерегается совершать кражи или нечестные поступки, как Господь наш Иисус Христос сказал в Евангелии от Святого Матфея (Мт. 19,18): «Не кради...»

Эта Церковь остерегается лгать и давать лживые свидетельства, как сказал Господь наш Иисус Христос (Мт. 19,18): Не лжесвидетельствуй...»

Эта Церковь остерегается давать клятвы, как сказал Господь наш Иисус Христос в Евангелии от святого Матфея (Мт.5, 34-36): «Не клянись вовсе, ни небом, потому что оно престол Божий, ни землей, потому что она подножие ног Его...»

Эта Церковь остерегается хулы и проклятий, как говорил Святой Иаков (Иак. 1, 26): «Если кто из вас думает, что он благочестив, и не обуздывает своего языка, но обольщает свое сердце, у того пустое благочестие...»

Эта Церковь придерживается всех заповедей закона жизни.»

Ригористический, жесткий, почти буквальный евангелизм? Катаризм характеризуется также очень четким исполнением заповедей Закона Христова. Вот почему только абсолютно следуя учению Писаний, Церковь катаров и могла называться Церковью Добрых Христиан. И она никогда не упускала возможности упрекнуть Римскую Церковь за нарушения в этой области. Но и сами Добрые Христиане постоянно пребывали в страхе нарушить хоть на волосок этот Закон Христов, потому что наименьшая ошибка может привести к непоправимому греху, поскольку наименьшее зло - это все равно абсолютное, полное зло. Потому Христиане, облеченные в Дух, прилагали все свои усилия, чтобы не подвергнуть опасности спасительное таинство, освобождающее от зла.

ВЕРУЮЩИЕ И ДОБРЫЕ ХРИСТИАНЕ

Духовное крещение является посвящением и полной самоотдачей, это одно и то же. Будущий христианин, прежде всего, получает Молитву Господню, то есть право обращаться к Богу от первого лица, как от одного из Его признанных детей, умоляя избавить от зла. Затем его отречение от злого мира сакрализуется путем возложения рук Добрых Людей, которые призывают на него Духа Святого. Получив крещение, послушник получает и право называться христианином. Добрым Христианином; Инквизиция говорила: «совершенным» или «совершенной», в смысле конченным еретиком (*perfectus* = заверченный, законченный), то есть тем, кого можно отдавать в руки светской власти на сожжение. Совершенный или совершенная обязывались не совершать больше никаких грехов, которые Евангелие считает противоречащими Закону Жизни Христовой. Если несчастье (или зло...) может

добиться того, что кто-либо из них совершит малейшую ошибку, это значит, что зло еще может действовать через этого человека, следовательно, его или ее крещение аннулируется.

Из-за постоянного страха совершить смертный грех, Добрые Христиане жили с исключительной осторожностью, которую их католические противники постоянно высмеивали и называли лицемерием. Запрет людям их сословия лгать вызвал к жизни, например, практику ментальных ограничений, недоговорок (которые позволяли им умалчивать о разных вещах перед Инквизицией; но как ответить без лжи на прямой вопрос: является ли такой-то добрым верующим?), и практику уклончивых оборотов речи, как, например: «по крайней мере, я считаю, что...», «я слышал, что...», «если Бог так захочет...». В катарской среде епархии Памье долго рассказывали потрясающую историю о двух совершенных женщинах, которые предпочли раскрыться перед Инквизицией, но не резать курицу.

Христиане, умиравшие в христианском состоянии, можно сказать, прерывали свой цикл перевоплощений в этом злобном мире. Именно эта вера - поскольку вряд ли в этой области возможна какая-либо рационализация - была причиной мужества катаров перед лицом грозившего им костра. Этот костер становился для них вратами к Свету. К тому же, принимая крещение, они давали обещание не бояться смерти. Однако они не должны были искать мученичества любой ценой, потому что муки и страдания - это орудие зла, а наоборот, бежать от них, если предоставляется такая возможность. Но, тем не менее, эта неуклонная и дословная верность совершенным обетам *consolament* означала крайнюю незащищенность их Церкви перед такой институцией, как Инквизиция.

Если смерть на костре представляла собой наиболее верный и абсолютный из счастливых концов, нужно сказать, что катарскую Церковь не всегда преследовали - хотя она всегда осознавала свое призвание жить в условиях, описанных Христом: «Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Ио. 15, 20). Смерть в состоянии совершенства, смерть «утешенного» являлась счастливым концом в собственном смысле этого слова, независимо от всякого мученичества, потому что тогда воплощенная душа выявляет всю свою волю устремления к Добру. Когда катарский верующий встречал совершенных, он приветствовал их на очень особенный манер: это практика *melhorament* (стремление к наилучшему), жест, означающий, что человек стремится к Добру, идет по дороге Добра. Стоя на коленях, он трижды глубоко кланялся им, говоря каждый раз: «Добрый Христианин (или Добрая Госпожа), прошу благословения Божьего и Вашего.» На третий раз он добавлял: «Господин (или Добрый Христианин, или Добрая Госпожа), молитесь Бога за меня, грешника, чтобы Он привел меня к счастливому концу».

Простой катарский верующий, не получивший еще крещения, ведущего к Спасению, а просто верящий в учение Добрых Христиан, в то, что они Добрые Мужчины и Добрые Женщины, все еще являлся узником зла: он не имел права обращаться к Отцу от первого лица или молиться Ему без посредника в лице совершенных. Он мог только всеми своими силами стремиться идти по дороге Добра, выявлять свое желание самому стать Добрым Христианином, а также уважать Церковь Божью и доверять ей. Убежденный в том, что нет иного Спасения, кроме проповедей Добрых Людей, он жил в надежде, превратившейся во времена преследований и запретов, в страстную тоску по счастливому концу, то есть по смерти в христианском состоянии, или же на руках Добрых Христиан.

Все еще принадлежа к миру зла, верующий, душа которого начала пробуждаться благодаря проповедям Послания Христова и Его Церкви, не был еще свободен, не имел свободы не грешить; но грешил ли он по-настоящему? Конечно, он старался, как мог, следовать Закону Жизни, но существовали ли для него непоправимые ошибки - ведь зло все еще могло действовать через него? Церковь Добрых Христиан не запрещала и не требовала от своих верующих, которые ее слушали, ничего, кроме формул уважения, долженствующих передавать их волю стремления к Добру. Римская Церковь не преминула осудить моральную вседозволенность у еретиков, разрешающих своим верным вести беспорядочный образ жизни и иметь распущенные нравы. На самом деле, все было не так. Свидетельства из инквизиторских источников показывают нам, что катарские верующие жили как обычные христиане, как их католические соседи, но больше заботились о своей Церкви и относились к ней с большим уважением, чем их соседи к Римскому клиру. Иначе говоря, они надеялись, рано или поздно, стать полноправными членами этой Церкви. Отношения совершенный - верующий радикально отличались от отношений священник - верный: верующий всегда ощущал себя будущим совершенным. На проходящих мимо совершенного или совершенную он смотрел как на обязательное завершение своей собственной дороги к Богу. Когда-нибудь и он сам станет свободным от зла.

ТРОЙНАЯ РОЛЬ CONSOLAMENT

Роль *consolament* в достижении Спасения в Церкви катаров в целом будет описана ниже. Таинство освобождения от зла было для них духовным крещением Иисуса Христа. На практике, в жизни Церкви Добрых Христиан, оно

играло тройную роль, которую можно сравнить с тремя таинствами Римской Церкви: собственно крещением, посвящением в сан и соборованием.

Этот обряд известен нам по трем рукописям - Лионской, Флорентийской и Дублинской, а также многочисленным показаниям перед Инквизицией. Там он описывается как ритуал крещения, основанный на Евангелиях. Крещение огнем и Духом согласно терминологии самого Иоанна Крестителя в Евангелиях от Матфея и Луки, крещение, переданное самим Христом апостолам Его. Крещение, полученное непосредственно от Бога:

«Когда же крестился весь народ, и Иисус, крестившись, молился, - отверзлось небо, и Дух Святой нисшел на Него в виде голубки, и был глас с небес... (Лк. 3, 21-22). Иисус, исполненный Духа Святого, возвратился от Иордана... (Лк. 4, 1).»

Крещение Духом, полученное взрослым Христом и переданное Им апостолам, тоже взрослым, катарский Ритуал очень четко отличает от крещения водой, которое Римская Церковь не стесняется уделять новорожденным. Показания перед Инквизицией последних катарских верующих конца XIII - начала XIV века содержат то же учение: вот как проповедовал Пьер Отье, по свидетельству одного из допрашиваемых Жаком Фурнье:

«Взгляните, какова разница между Римской Церковью и нашей. В Римской Церкви, когда рождается ребенок, крестные родители приносят его в церковь. Когда они подходят к дверям храма, приходит какой-нибудь поп, хороший или плохой... дает имя ребенку, и крестный отец обещает, что ребенок вырастет добрым христианином и верным. А потом он все же становится человеком злым и лживым... У нас же человек, которому исполнится двенадцать лет (а мы предпочитаем даже девятнадцать), и он имеет разумение различать добро и зло, если он хочет принять добрую веру... нашей Церкви, которая есть в Правде и Истине...».

Сам Жак Фурнье, епископ Памье и будущий Авиньонский папа (Бенедикт XII), прекрасно это понимал. Вот как он формулирует вопрос Жану Маури из Монтайю относительно ценности и значимости крещения:

«Слышали ли Вы от одного или многих лиц, и верили ли, что крещение водой, уделяемое детям (или взрослым) священниками Римской Церкви, согласно обрядам католической Церкви, не имеет значения для отпущения грехов или для достижения вечного спасения, но что крещение еретиков, уделяемое не водой, но просто наложением рук еретиков и возложением Книги, имеет значение для всего этого?»

Жан Маури утвердительно ответил на этот вопрос, продемонстрировав глубокое понимание учения «еретиков», и даже добавил свое мнение о первородном грехе:

«Я не верил в то, что дети находятся в состоянии греха, смываемого крещением, и я также не верил, что это крещение смывает грехи взрослых, но считал, что такое крещение дается только тогда, когда люди становятся христианами...»

Consolament означает крещение, настоящее крещение, делающее христианином, в отличие от крещения католиков, уделяемого водой детям, не обладающим различием добра и зла. Единственное таинство катаров, по примеру первых христиан, могло быть уделено только взрослым, или, по крайней мере, подросткам, если они попросят об этом добровольно. Когда катарская Церковь жила в мире, перед уделением крещения был необходим новициат, длившийся как минимум год. В это время послушник получал теоретическое образование и обучался ритуальному воздержанию. Литургия самого таинства была сложной, ритуализированной и хорошо структурированной.

Это была коллективная церемония Церкви Божией, то есть собрания христиан, осуществлявшаяся в присутствии собрания верующих. В мирное для катаров время на ней присутствовали Старший общины, если возможно, епископ или один из его коадьюторов. В подполье это мог быть всего один совершенный. После передачи неофиту Книги, то есть Нового Завета, с помощью которого он мог проповедовать Слово Божье и тоже уделять полученное им таинство, ему передавали Молитву Господню и комментировали ее. Эту молитву он мог и должен был произносить «во всякое время своей жизни, днем и ночью, один и в обществе», особенно перед едой или питьем. Собственно *consolament* следовал сразу же за передачей *Отче Наш* или позже.

Сопровождаемый Старшим общины, прижимая к груди Книгу Евангелий, которую он получил, неофит, прежде всего, произносил настоящие обеты. Вот образец такого обещания, изложенный в латинском Флорентийском Ритуале: «Ты должен понять, что следует любить Бога в истине, милости, смирении и милосердии, в целомудрии и иных благих добродетелях, ибо сказано: «Целомудрие приближает человека к Богу, а испорченность отдаляет»... Ты должен понять, что тебе следует быть верным и послушным как в вещах духовных, так и преходящих...»

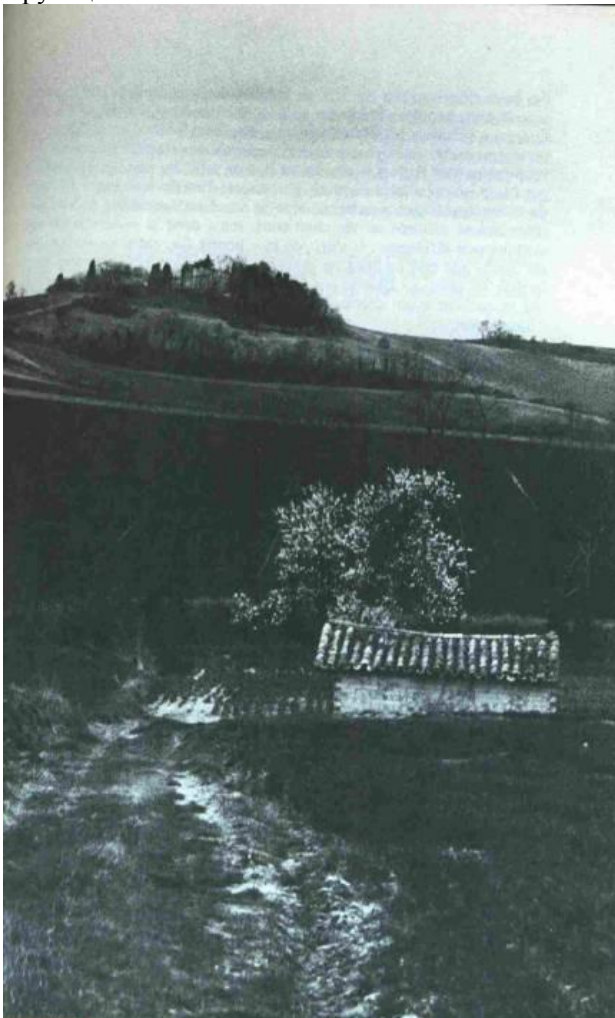
Нужно еще, чтобы ты дал Богу обет, что никогда не совершишь ни убийства... ни воровства... никогда добровольно не осудишь никого и ни в коем случае ни на жизнь, ни на смерть... что никогда, умышленно и добровольно, не будешь употреблять в пищу ни сыра, ни молока, ни яиц, ни мяса птицы, рептилий и животных,

запрещенного в Церкви Божьей. Также придется тебе ради праведности Христовой сносить голод, жажду, оскорбления, преследования, и смерть...»

Потом неопит выслушивает проповедь-катехизис, примеры которой подают нам все три Ритуала. Окситанский Ритуал из Лиона приводит ее в сокращенном виде, Флорентийский на латыни - широко и обстоятельно, а окситанский Ритуал из Дублина является настоящим маленьким трактатом о Церкви Божьей, которая должна следовать Закону Жизни. Потом церемония продолжается: неопит просит прощения всех своих грехов «у Бога, у Церкви и у вас всех». Тот, кто совершает церемонию, возлагает Книгу на голову нового христианина, а все присутствующие христиане протягивают над Книгой правые руки и произносят *Adoremus Patrem, et Filium et Spiritum Sanctum*. Сами слова *consolament* звучат следующим образом: «Отче Святой, прими слугу Своего в праведности Твоей, и сошли на него благодать и Духа Святого».

Все присутствующие христиане произносят пять *Pater* и три *Adoremus*, а потом руководящий церемонией читает Пролог Евангелия от Иоанна. Христианин получал как бы дополнительное крещение Духом Святым Утешителем: он не произносил никаких формулировок отречения от крещения водой, не одевался торжественно в черные одежды, не получал веревку, которой опоясывал тело, как предполагали католики: то, во что он был «облечен» - это Дух.

Удивительно то, до какой степени этот обряд напоминает пострижение в монахи, монашеское посвящение: Добрый Христианин у катаров произносил обеты, требовавшие от него полного религиозного вовлечения. Он обязывался жить по строгим правилам, как в «монашеском» чине, но, тем не менее, в миру, как в «священническом» чине, зарабатывать себе на жизнь, проповедовать христианскому народу и тоже уделять полученное таинство. Это крещение имеет тот смысл, в каком оно воспринималось в ранней Церкви, то есть, является таинством, благодаря которому можно стать христианином, членом Церкви Христовой - собрания христиан, а не сооружения из камня и дерева. *Consolament* означало также вступление в религиозную жизнь: совершенные считались своего рода клиром, исполняющим пастырскую и священническую роль для населения верующих.

Монградаиль, между Разес и Лаурагэ (Од). Атон Арнод Шатверден получил здесь consolament в 1232 году.

Любой совершенный или любая совершенная имели право уделять полученное таинство, помогающее осуществиться божественному плану Спасения душ, захваченных злом. Церковь Божья хранит это святое крещение со времен апостолов, и будет продолжать хранить его до конца времен, уточняют Ритуалы катаров. Крещение, посвящение в сан, или церемония принятия монашеских обетов, *consolament* еще чаще практиковался окситанскими Церквями, если верить показаниям перед Инквизицией, в качестве соборования: тогда его называли *consolament* для умирающих. Церемония этого обряда напоминала церемонию *consolament* вступления в христианскую жизнь, но значение его немного отличалось. Его называли «счастливым концом на руках у совершенных». Столько добрых верующих с рвением и тоской стремились к этому счастливому концу, искали в годину опасности Добрых Христиан в подполье, чтобы успеть получить его, пока всех их, одного за другим, не переловила и не осудила на смерть Инквизиция. В эпоху мира *consolament* «посвящения» уделяли преимущественно иерархи Церкви - Старший, диакон, епископ или его коадьютор, а *consolament* для умирающих - «простые совершенные». Но в любом случае этот обряд не означал окончательного освобождения от зла: умирающий просто пытался дать Церкви Добрых Христиан последнее свидетельство уважения и доверия, отдавшись ей на ложе смерти, и подтвердив тем самым факт, что долгие годы он верил, что эта Церковь является истинной Церковью Божьей. От одного *melhorament* до другого верующий размышлял над проповедями и пытался вести жизнь по возможности приближенную к христианским требованиям, идя по дороге Добра с тех пор, как его душа «пробудилась». «Хороший конец» означал хотя бы возможность родиться в теле человека, который в будущем станет Добрым Христианином. Окситанский Ритуал уточняет, что если больной выживет, то христиане «должны представить его епископу и молиться, чтобы он вновь получил утешение как можно скорее и по доброй воле».

В эпоху преследований, нехватка катарских служителей привела к размытию разницы в значении между двумя видами *consolament*. Например, совершенная Арнода де Ла Мот одна уделила крещение посвящения верующей Жордане, ставшей ее компаньонкой после смерти ее сестры Пейронны. С другой стороны, верующие, в ужасе видя свою Церковь под ударами преследователей, и в страстной жажде «счастливого конца» и Спасения, стали ассоциировать смерть на руках совершенных с крещением Церкви Христа. Особенно распространенным это явление стало в конце XIII - начале XIV века, когда появилась легенда об *endura*, или ритуальном самоубийстве с помощью голодовки. Эта легенда родилась, возможно, из наивности какого-нибудь верующего из Монтайю, но распространялась католическими противниками. Умирающие или их семьи, если агония продолжалась слишком долго, могли, чтобы благодать *consolament*, полученная такой великой ценой в ужасной опасности, не пропала втуне, обречь себя на жестокий пост. Получивший утешение обещал больше не пить и не есть, не произнеся Святой молитвы, и возможно, что если он не мог больше говорить, то считал, что если будет пить и есть, тем самым нарушит действенность таинства... В последних протоколах Инквизиции зафиксировано много примеров, когда умирающие подтверждали свою волю следовать образу жизни Добрых Христиан, если они исцелятся от болезни. Но очень трудно было «вновь получить утешение», согласно терминологии Лионского Ритуала, в условиях, прекрасно описанных Жаном Дювернуа в книге *Религия катаров*:

«Пять или шесть пар постоянно травимых совершенных, передвигавшихся только ночью, спавших в лесах или подвалах, должны были по первому зову уделять последнее таинство верным, разбросанным по территории, соответствующей пяти или шести теперешних департаментов...»

ХЛЕБ СВЯТОЙ МОЛИТВЫ И РИТУАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

В тоске и страхе, что им не удастся призвать совершенного в последний час, во времена подпольного катаризма некоторые верующие в горах или селениях стали собирать вещи совершенных, и особенно трепетно, многие годы, хранили кусочки благословленного ими хлеба, которые приобретали для них сакраментальное значение. Вот свидетельство Раймона Басти из Караман, перед инквизитором: «Он... видел в сундуке, принадлежавшем госпоже Наварре, кусок хлеба, высохший и заплесневевший от старости... И он слышал от своей жены Ломбарды, что Наварра потребовала у нее этот хлеб и сказала ей, что этот хлеб имеет такую же ценность, как и присутствие Добрых Людей у смертного одра, когда они не могут присутствовать; что это хлеб Добрых Людей...»

Этот хлеб Добрых Людей, ставший реликвией для пребывавших в смятении верующих, лишенных своей Церкви, был тем самым хлебом, о котором инквизиторы постоянно, не одно десятилетие спрашивали подозреваемых в ереси, ели ли они его: «Встречали ли Вы еретиков? Верили ли Вы, что они - добрые мужчины и добрые женщины? Поклонялись ли Вы им? Ели ли хлеб, благословленный ими?» Вопросы инквизитора точно совпадают с различными ритуальными практиками, которыми была отмечена дорога Добра катарских верующих. Мы уже видели, что под «поклонением» скрывается ритуал *melhorament* - тройное ритуальное приветствие верующим совершенного и просьба молиться за него Богу, чтобы Он привел его к счастливому концу.

Практика благословения хлеба проистекала из общинной жизни катарской Церкви: трапезы были в обязательном порядке общими, а когда совершенный шел к верующим, покидая свой «дом», он должен был делить дорогу с товарищем. В любом случае, перед тем, как поднести кусок ко рту, все Добрые Христиане должны были произносить Молитву Господню, полученную ими перед крещением. Хлеб благословлял Старший общины или старший по возрасту среди присутствующих совершенных, а во время преследований даже один совершенный. Этот благословенный хлеб раздавали по кусочку всем сотрапезникам, христианам и простым верующим, пока не оставалось ни крошки. Пьер де Лузенак описал церемонию подобного угощения: «В начале трапезы Пьер Отье взял полбуханки хлеба и, стоя, держа этот хлеб на салфетках, которые положил себе на плечо, начал говорить над ним *Pater Noster*, а потом сказал еще раз, но как бы сквозь зубы. Затем он разрезал этот хлеб своим ножом, и положил его на столе вначале перед собой, а потом и перед каждым из нас. Сказал мне тогда, что они называют этот хлеб хлебом Святой Молитвы...»

Каждый верующий, получив этот хлеб, просил: «Благословите, господин», и совершенный отвечал каждому: «Пусть Бог благословит». Эта практика, напоминающая обряды ранней христианской Церкви, не имела никакой евхаристической ценности: мы уже видели выше, что катарский дуализм избегал всякой символизации-сакрализации видимого, и тем более, страдающего тела. Следует истолковывать значение преломления благословенного хлеба в свете комментариев катаров к фразе «хлеб насущный» их Святой Молитвы, *Pater*.

Все Ритуалы, латинский или окситанские, подают нам одну и ту же формулу: «хлеб присносуший» вместо католического «хлеб насущный». Вот как объясняет это латинский Флорентийский Ритуал: «(Хлеб присносуший, который христианин просит дать ему сегодня) это закон Христов, данный всем народам... Мы разделяем тот же хлеб и ту же чашу (1 Кор. 10, 16-17), и это означает, что мы участвуем во всем этом в духовном смысле закона, пророков и Нового Завета... Сказано: «Примите, едите, вот тело Мое, отданное за вас». Это означает: эти духовные заповеди древних Писаний есть тело Мое, и для вас они были переданы людям...»

Катарские комментаторы к *Pater* интересовались только небесным хлебом, хлебом духовной доктрины, и явственно отличали его от хлеба - земной пищи. Благословенный хлеб был всего лишь образом, остатками практики первой Церкви, полностью связанной с Молитвой Господней, священной молитвой Добрых Христиан. Окситанский Ритуал из Дублина даже расширяет значение хлеба присносушего до хлеба Жизни и Любви: «Ибо милосердие/любовь называется хлебом присносушим, поскольку оно вознесено над всеми другими субстанциями, явлениями, духом, жизнью, душой, сердцем, телом, и в этом хлебе все эти субстанции согласуются... Те, кто получает дар милосердия/любви, становятся совершенными в глазах их Бога, как вкусившие хлеба живого, сошедшего с небес для просвещения Евангелием...»

Это единственный след символизма - но не сакрализации видимого - который можно проследить в практике катарской Церкви, этого христианства без распятия. Хлеб Святой Молитвы - это ритуализированное воспоминание о хлебе Жизни, сошедшим в этот мир для духовного насыщения Словом, звучащем в Святой Молитве... Тончайшая смесь диалектики и - почти - мистики, эти наслоения значений обряда были забыты последними верующими, которые в своем духовном и моральном одиночестве использовали его в несколько суеверном, но таком трогательном ритуале.

Кроме духовного крещения и благословения хлеба, катарская Церковь практиковала и другие христианские обряды, как обмен поцелуем Мира (между мужчинами и между женщинами, а между представителями разных полов через посредство Книги), а также обряд общего коллективного покаяния, *servici* или *aparelhament*, описанный в Лионской рукописи. Этот обряд был актом раскаяния в грехах, - но очень незначительных! - в которых община катаров признавалась перед иерархом своей Церкви, а иногда и Старшим.

«Предстали мы пред Господом, и перед вами, и перед орденом Святой Церкви, чтобы принести покаяние и получить прощение всех грехов наших... и просим милости Божьей и вашей, дабы вы молили за нас святого Отца милосердного простить нас.

О Господи, осуди и покарай пороки плоти нашей, обреченной на тлен и разрушение. Но возымей сострадание к душе, заключенной в темнице плоти, и дай нам... коленапреклонения, и посты и молитвы и проповеди, как это заведено у добрых христиан...»

Конечно же, под этими «пороками плоти» следует понимать вовсе не смертный грех и не отступление от обетов целомудрия Добрых Христиан - а последствия того, что Латинский Ритуал называет «плотским или телесным искушением», то есть, не дьявольским, а неизбежно вытекающим из самой природы телесной тюрьмы. В такой ритуальной форме христиане просили покаяния, чтобы очистить дух, все еще содержащийся в этой тюрьме, от физических последствий этого телесного искушения. Заметим, к тому же, что эта практика публичной и

коллективной исповеди, как и все обряды катаров, унаследована от ранней Церкви. Наличие этих обрядов доказывает существование настоящей церковной организации и иерархии между христианами. Как и всякая христианская Церковь, Церковь катаров была организована по типу ордена - и это признают не только ее Ритуалы, но и современные катарам абсолютно профанные тексты, как биографии трубадуров. *Жизнеописание* трубадура Раймона де Сен-Антонен сообщает нам, что его дама, виконтесса Пенне д'Альбижуа, узнав о его смерти, с горя *se rendet en l'orden dels heretges* (отдалась ордену еретиков). Однако, если мы видим в катарской Церкви монашеский орден христиан, спасающихся в миру, но соблюдающих правила, то это всего лишь первый шаг к ее пониманию. Монашеская по правилам, священническая по церковной организации, Церковь Добрых Христиан была институцией, уникальной в своем роде.

VII ОСОБЕННЫЙ ОРДЕН ПРАВИЛА. АСКЕЗА КАТАРОВ

Христианин у катаров вел евангельскую жизнь, как и христианин у вальденсов. Будучи лично бедными, и буквально соблюдая, как и вальденсы, евангельские заповеди не убивать, не клясться, не лгать, не красть и не злословить, не совершать прелюбодеяния, катары, кроме того, во время церемонии *consolament*, давали по сути монашеские обеты: жить в общине (по крайней мере, с одним *socius*, компаньоном или компаньонкой), произносить ритуальные молитвы в определенные часы дня и ночи и в предписанных ситуациях, и, наконец, придерживаться двойной аскезы, то есть обетов целомудрия и воздержания. Христианин у катаров вел жизнь абсолютного целомудрия, и в те дни, когда у него не было ритуального поста на хлебе и воде, полностью воздерживался от всех продуктов животного происхождения.

Продукты, запрещенные для катарского христианина, были ничем иным, как *unctura*, то есть продуктами, определенными как «скромные», согласно бенедиктинским правилам, и от которых монахи воздерживались во время постов и по пятницам, поскольку тогда было «правило держать посты». Эти запреты касались всех продуктов животного происхождения: яиц, молочных продуктов - за исключением рыбы. Даже сегодня, многие традиционные католические семьи в день Святой пятницы едят только рыбу... Очень часто пишут о глубинных причинах этого катарского вегетарианства, начиная со средневековых католических авторов и заканчивая современными комментаторами. Но в этих причинах стоит видеть не столько страх съесть что-нибудь, содержащее божественную душу, сколько заботу о том, чтобы полностью соблюдать правила, которые, как им казалось, ослаблены в монашеских католических орденах. Катары были горды тем, что могли быть более христианами, чем те, кто узурпировал имя Христово.

Однако это полное воздержание было вовсе не позой. Оно играло практическую роль: через постепенное приучение тела к определенному режиму – то есть сведение, без насилия и страданий, телесных искушений только к голоду и холоду – пост понемногу ослаблял телесные желания, дьявольские для христианина. К тому же, маловероятно, что какие-нибудь Божьи люди у катаров проповедовали воплощение божественной души в животных, имеющих кровь, кроме Белибаста, последнего окситанского совершенного, наименее ученого и более «зараженного» народными верованиями, характерными для его крестьянского происхождения. Именно он говорил о том, что, заботясь о непричинении вреда какой-либо душе, Добрые Христиане воздерживаются от мяса. Однако, этот аргумент не является убедительным на примере яиц и молочных продуктов, ведь в этом случае христианин не участвует в убийстве животного. К тому же, разве могло иметь какое-нибудь значение в его глазах переселение в другое тело, даже, может быть, более развитое, души, которая все равно оставалась узницей зла? Как бы там ни было, воплощение в теле животного противоречит дуалистической логике катаров.

Остаётся объяснение, иногда происходящее от самих Добрых Людей в той мере, в которой его удастся отделить от мифа: мясо животных, как и все животные продукты, происходящие от совокупления, то есть дьявольского для них акта, было нечистым, и по этой причине, христианин не мог употреблять таких продуктов. Что же касается рыбы, то в Средние века считалось, что она рождается из воды или воспроизводится без совокупления, путем деления. В целом, основания религиозной психологии воздержания катаров от животных продуктов ничем не отличались от практик постов и воздержаний католиков.

По поводу обета абсолютного целомудрия, произносимого во время *consolament*, пролилось немало чернил, и это породило много фантазий. Чтобы хоть немного прояснить вопрос, вспомним, что в историческую эпоху существования катаризма, католические монахи и монахини тоже жили в целомудрии и в постоянном страхе телесного греха; что Григорианская реформа привела к тому, что белое духовенство, по крайней мере, священники, должны были жить в состоянии целибата, в то же самое время поощряя верующих заключать браки. Катарская Церковь, как и католическая Церковь, «осуждала» на целомудрие только свой клир, который можно определить и как монашеский, и как священнический. И если католическое целомудрие, процветающее еще и в

XX веке, не привело человечество к исчезновению, то не привело бы и катарское (хотя столько современных комментаторов используют именно этот аргумент).

Если Добрые Христиане должны были ригористически исполнять правила – совершенные разных полов избегали даже садиться на одной лавке, хотя во времена Инквизиции, чтобы избежать подозрений, иногда вместе путешествовали разнополые пары, и им приходилось спать в одной постели, хотя и полностью одетыми – никакие правила целомудрия не стесняли любовную жизнь простых верующих. Верующие еретиков рожали детей, как и их католические соседи, и, в конечном итоге, рождение новых тел было необходимым, чтобы туда могли воплотиться души еще не освобожденные от зла. Единственная разница состояла в определении. Церковь катаров не признавала таинства брака и считала, что «это такой же грех - познать свою жену, как и любую другую женщину». Телесный акт в любом случае был грехом, смертным для Добрых Христиан, но происходящим из естественного телесного искушения для верующих, еще живущих в рабстве зла, и придавать этому телесному искушению видимость сакрализации означает отягощать грех богохульством.

«Ужас перед плотью», который некоторые современные авторы катарского мифа приравнивают к преклонению перед смертью (я могу привести в качестве примера фильм *Помолвленная с тьмой*, а также несколько романов Мориса Магра, имеющих, тем не менее, немалую поэтическую ценность), на самом деле ничем не отличался в катарской Церкви от «ужаса перед плотью» в католической... Разве что католическая Церковь покрывала особенным позором женскую плоть: женщина была главным действующим лицом первородного греха и неутомимой искусительницей, в то время, как катарская Церковь видела в любой плоти, даже в мужской, дело зла. Это, правда, не мешало некоторым катарам исповедовать идеи доминирующей идеологии, как, например, Белибасту, который проповедовал, что последним воплощением перед Спасением должно быть воплощение в мужском теле...

СВЯЩЕННИЧЕСКАЯ ИЕРАРХИЯ ЦЕРКВИ БОЖЬЕЙ

Мы уже встречали в текстах катаров, приводимых здесь, упоминание об ордене или установлении (*azordenament, ordenament*) Святой Церкви, то есть ее иерархии; а к тому же, обряды этой Церкви, с которыми мы уже ознакомились, доказывают существование структурированной организации и иерархии между христианами, из которых она состояла. Уже в 1145 году письмо кафедрального капитула Льежа папе описывает еретиков, некоторое количество которых было сожжено в предыдущем году, отмечая, что эта секта делится на три уровня: слушатели, верующие и христиане, и что у них есть священники и другие прелаты, «как и в Римской Церкви».

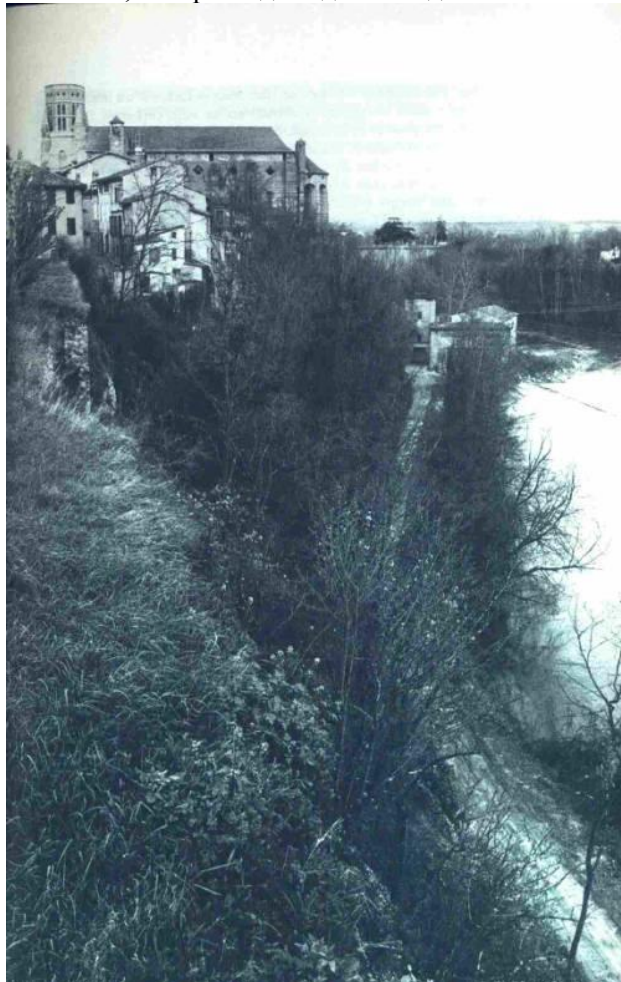
Церковь Добрых Христиан, собрание или община верных, следующих путем Спасения, придерживаясь правил и буквально соблюдая евангельские заповеди, имела свое внутреннее установление, регламентированную экклезиологию, и структурированное таким образом, чтобы эффективно исполнять в миру свое универсалистское призвание: распространять Слово Христово и его спасительное таинство духовного крещения. Только полностью игнорируя свидетельства документальных источников, некоторые современные комментаторы могут претендовать на то, что катаризм был лишен всякой внутренней структуры – поскольку считал всякую иерархию и институцию этого мира дьявольской – и являлся спонтанным, склонным к анархии движением.

Различие в льежском письме между слушателями, верующими и христианами, является, без сомнения, тем самым, что в катарских текстах выступает как различие между верующими, утешенными и христианами. Верующий фактически являлся слушателем, поскольку приходил слушать проповеди катаров. Следующая категория была более туманной: простой утешенный, был ли это больной, получивший таинство для умирающих, а впоследствии, выжив, ожидающий действительного крещения? Простые совершенные, получившие крещение, в эпоху мира для катаров, могли ли они только произносить молитву, благословлять хлеб и утешать умирающих? По-настоящему священническая роль – торжественные проповеди и уделение крещения Духом неофитов, которых долго готовили и обучали с целью вступления в «орден» катаров, по-видимому, исходя из текстов, была зарезервирована для иерархии Добрых Христиан, состоявшей из Старших, диаконов и епископов. Разумеется, очень быстро, в эпоху преследований, - потому что, как в Италии, так и в Окситании, христианство катаров располагало максимум пятидесятилетним периодом мира, чтобы структурировать свое распространение, - различие между простым совершенным или утешенным и членом иерархии практически стерлось, и самый скромный из подпольных совершенных, самая отрезанная от других совершенная в каком-нибудь лесном убежище, представлял/представляла собой Церковь, и соединял/соединяла в себе все пастырские и священнические функции облеченных христиан для народа верующих, прочесываемого инквизиторской бюрократией.

Церковь катаров в реальности была сообществом некоторого количества автономных Церквей, как в раннехристианском, так и в средневековом смысле, которые в целом поддерживали – хотя так было тоже не во

всех случаях, особенно в Италии – очень дружеские и добрососедские отношения. Если местная община становилась достаточно многочисленной и влиятельной, она организовывалась в Церковь, то есть, выбирала управляющего ею епископа, который назначал определенное количество диаконов, обеспечивавших проповеди и религиозную жизнь в основных христианских ячейках: домах катаров. Во второй половине XII века, как мы еще увидим, анализируя более подробно окситанские Церкви, епископ является главой иерархии и окружен двумя коадьюторами: Старшим Сыном, который должен будет его сменить, и Младшим Сыном, который в таком случае становился Старшим Сыном.

Не следует воображать, что катарский епископ был чем-то вроде католического прелата, восседающего в епископском дворце в большом городе: катарский епископ оставался бедным и странствующим, как и всякий Христианин. К нему обращались для торжественных церемоний и случаев, и конечно, он играл роль администратора и «финансиста» Церкви-общины. Например, катарский епископ Каркасес некоторое время жил в Кабарец, в Арагоне (Минервуа) и в Лор; но никогда в Каркассоне. Можно задать вопрос о том, являлся ли епископ в духовном плане чем-то более значимым, чем другие христиане. Это, в общем-то, противоречит философскому дуализму теоретического катаризма, но ведь речь идет о человеческой институции, более или менее следующей общепринятым или необходимым образцам поведения, и катарские христиане были средневековыми христианами в полном смысле этого слова. В любом случае, кажется, что среди Добрых Христиан существовала практика неоднократных крещений: из желания обеспечить себе дополнительную уверенность, из страха, что служитель, уделивший первое крещение, мог тайно согрешить и не быть больше депозитарием Духа Святого, и тем более, не иметь силы его призвать. Сохранилось много точных свидетельств о подобных практиках. Но существовало ли какое-то особое таинство посвящения епископов? Ритуалы не говорят об этом ни слова. По-видимому, следует считать, что это было немного более торжественное крещение, уделяемое другим епископом, но по своему церемониалу идентичное обычному *consolament*. Акты катарского собора в Сан-Фелис-Лаурагэ говорят о том, что Ницетас (Никита), иерарх восточных катаров, прибывший организовать или реорганизовать западноевропейские Церкви, сам уделил новое крещение Духом избранным на соборе епископам. Он уделил им *consolamentum* и *ordinem*, *consolament* и посвящение, уточняет текст. Сам он был епископом ордена Драговицы. Мы не знаем всего, что включало в себя это «посвящение», но, конечно же, те же достоинства передавались Старшему и Младшему Сыновьям, которые однажды тоже должны были стать епископами.

Лавор (Тарн), на берегу Агута. Место, где стоял замок. Катарский епископ Тулузен жил здесь под конец XII века.

Socius, товарищ жизни и путешествий епископа, был, как правило, воспитанный им самим молодой диакон. Но роль диаконов была более обширной и четко выписанной: он руководил, в дисциплинарном плане, проповедями и распорядком жизни местных общин, объединенных в «дома». Несомненно, это диакон посещал каждый катарский дом, для организации *службы* или *apararelament*, он организовывал проповеднические миссии, посылая туда Добрых Людей, и отвечал за их работу и продажу их продукции. В самих же домах, которые, вероятно, были многочисленны даже в пределах одной бургады, совершенные, мужчины и женщины, вели христианскую жизнь, в молитвах и работе, во главе со Старшим, управляющим маленькой общины, но также проводящим *consolament* и все остальные обряды в отсутствие диакона или епископа. Свою священническую роль он исполнял с помощью членов общины, шедших после него по старшинству. Старший был, по сути, «держателем дома»; в обществе Христиан, следующих дорогой Добра, он принимал прибывающих гостей, преимущественно, путешествующих совершенных из других общин или простых верующих, заходящих по пути или жаждущих просвещения.

Катарский дом не был похож на католический монастырь: там не было никакой закрытости, он был открыт в мир и общество, и являлся постоянным двором и мастерской. Он также был местом, где совершались обряды Церкви, где всякий верующий мог услышать Слово Божье и иметь возможность поучаствовать в благочестивых практиках. Совершенные приходили и уходили – это зависело от их рода занятий и маршрута их пастырских миссий. Они никогда не жили слишком долго в «родном доме», в который они, однако, регулярно возвращались, поскольку они были проповедниками Слова Божьего. Совершенные женщины вели более оседлую жизнь в своих домах, но мы не знаем, носила ли руководительница общины и самая старшая из женщин титул Старшей. Дома совершенных женщин были открыты и тоже служили мастерскими, как и дома совершенных мужчин, и их регулярно посещал диакон и проводил обряды. Они также играли роль воспитательных домов для детей и молодых девушек, которых обучали основам веры. Там принимали сирот, детей и внуков местных совершенных женщин, а иногда и дочерей-бесприданниц, которых туда приводили неимущие, но знатные семьи в надежде, что девушки тоже станут совершенными.

Над разными катарскими Церквями – или епископствами – не было ни должности архиепископа, ни должности папы. Между ними были простые отношения добрососедства, духовной и светской солидарности. Эта автономия иногда приводила к практическим доктринальным различиям. Например, в Северной Италии, понятие Церковь в основном соответствует понятию катарской Школы.

ЖИЗНЬ МЫСЛИ: ALBANENSES И GARATENSES

В Окситании и во «Франции», после собора в Сан-Фелис-Лаурагэ в 1167 году – поскольку нам очень плохо известно все, что было до того – катарские Церкви жили в полном согласии, и не существовало никаких публичных дебатов о наименьших различиях в доктрине. По крайней мере, так было до эпохи преследований, когда появились проповедники не всегда одинаково образованные, и вследствие этого их аргументы и интерпретации иногда носили очень личный характер. А вот для Церквей Северной Италии, наоборот, в начале XIII столетия, по-видимому, характерны не столько географическая локализация не всегда граничащих между собою центров, сколько различия в их теологических учениях.

Мы уже упоминали здесь две великие соперничающие Ломбардские Церкви: Церковь Конкоретто, называемая *Garatenses* или гаратистами, в регионе Милана, и Церковь Децензано, называемая *Albanenses* или альбанистами, на берегах озера Гарда. Третья Церковь, *Bagnolenses* или баньолисты, из региона Мантуи, заявляла о своей догматической независимости как от Церкви Конкоретто, так и от Церкви Децензано. К этому движению принадлежали Церкви Тосканы, Виченцы и долины Сполете. *Книга о двух началах*, происходящая из школы Джованни де Луджио, Старшего Сына епископа Децензано Беллесманцы и главного теоретика альбанистов, подробно описывает нам, как эти последние упрекали гаратистов. *Суммы* антикатарской полемики (Райнерий Саккони, Петр Веронский, Монета Кремонский, Якоб де Капеллис и т.д.) уделяют большое внимание этим внутренним дискуссиям итальянского катаризма, и поэтому мы располагаем подробностями доктрины баньолистов, которые постепенно, как говорит Райнерий Саккони, приближались к абсолютистским позициям альбанистов, так же, как и (кстати, других упоминаний об их интеллектуальной жизни мы не знаем) Церкви Тосканы, Виченцы и Сполете. Возможно, в этом притяжении колеблющихся групп к Школе Децензано следует видеть личное влияние великого теолога, которым бесспорно, даже по свидетельству Райнерия Саккони, был Джованни де Луджио.

Как бы там ни было, тезисы гаратистов, которые можно назвать умеренным дуализмом, не были так уж далеки от католического монизма: они не верили в существование двух совечных, но неравных и независимых начал, а в существование единого начала, создателя духовного мира и первого упорядочивателя материи. Один из Его

ангелов, Люцифер, восстал по свободной воле, и, увлекши за собой часть других ангелов, снизошел в видимый мир, где завершил его организацию, и создал земные творения. Тезисы гаратистов относительно природы Христа, Откровения и апостолов очень размыты, даже можно сказать, бессвязны, и согласно источникам, очень непостоянны. Райнерий Саккони, наиболее осведомленный из наших информаторов, говорит, что они верят, что Христос и Дева Мария – это ангелы, посланные один за другим Богом в этот мир. Кроме того, они считали, что одна часть падших ангелов будет спасена, а другая – осуждена навечно.

Как мы видим, эта умеренная доктрина не слишком отличается от догматов великой Церкви, и считает, что с помощью восставшего Божьего ангела был сформирован видимый мир.

Альбанист Джованни де Луджио, будучи главным метафизиком доктрины абсолютных дуалистов, наоборот, дал ответ на вечную проблему зла. Вот как один из его учеников, но под его непосредственным влиянием, заканчивает главу против гаратистов в *Книге о двух началах*:

Этот Бог, который позволил также существовать всякому злу и всякому ничто (ибо только так можно назвать организацию и искажение созданных Им четырех элементов Его же собственным восставшим ангелом), Сам является причиной этого зла, как сказал Апостол: «Делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют» (Рим. 1, 32). Но невозможно даже думать так об истинном Боге, потому со всей необходимостью следует предположить, что существует начало зла, приводящее к тому, что истинный Бог должен терпеть и страдать от искажения, всякого зла и всякого ничто, которое связало все эти святейшие элементы абсолютно против Его воли. Этот истинный Бог никогда не являлся Сам, по сути и непосредственно, причиной этого искажения. Таким образом, получается, что гаратисты запутались в собственных противоречиях.

Независимо от проблемы внутренних противоречий системы гаратистов, итальянские катары дискутировали об интерпретации Книги Бытия: описание злого дьявольского творения или символическая проекция небесного творения? Они также спорили о природе Христа: Сын Божий, приемный Сын Божий или Ангел Божий? А еще о Деве Марии и Иоанне Евангелисте: люди из плоти и крови, но с божественной душой, или ангелы Божьи? Те же споры, однако не имевшие никакого отношения к вопросам абсолютного или умеренного дуализма, несомненно, велись и среди окситанских катарских интеллектуалов, по крайней мере, до периода преследований. Но возможно, именно из Италии, где обучались и прошли «еретикацию» последние окситанские Добрые Люди, они принесли следы этих споров? Для Белибаста Христос – это Ангел Божий, которого Бог сделал Своим приемным Сыном, и имя этому Ангелу было Иоанн...

...Отец Святой сказал: «Неужто никто из вас не хочет стать Моим сыном?» И один из духов, имя которому было Иоанн, поднялся тогда и сказал, что он хочет быть Сыном Отца, и он исполнит все, что написано в Книге... Он сошел с неба и явился как новорожденный ребенок в Вифлееме. (И мне кажется, добавляет Арнот Сикре, который передает эту проповедь инквизитору, еретик добавил, что святая Мария располнела, как если бы она была беременна, а потом рядом с ней появился ребенок, и она подумала, поскольку ее полнота исчезла, что она дала жизнь этому ребенку, хотя, по-настоящему, она не носила в лоне этого ребенка)...

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Невозможно честно окончить раздела, посвященного Церкви Божьей, не поднимая проблему происхождения этого странного христианства. Я начну с осторожностью и смирением, потому что в этой области не совсем честно будет утверждать нечто как доказанное, претендовать на определенный ответ. Единственным удовлетворительным интеллектуальным поступком, на нынешнем этапе исследований, будет правильно поставить проблему и попытаться рассмотреть ее со всех сторон. Еще двадцать лет назад ответ на этот вопрос казался лишенным всякой таинственности, и поколение за поколением пишущие о катаризме воспроизводили ставшую «автоматической» преемственность: Зороастр – Пифагор – Мани – павликиане – богомилы – западноевропейские катары. Но сегодняшние ученые уже не так категоричны в своих определениях.

Первой констатацией факта, позволяющей пролить свет на этот вопрос, является то, что дуализм – это один из нескольких возможных парадигматических ответов на проблему зла, и потому вовсе не обязательно видеть неизбежную связь и преемственность между различными течениями религиозной мысли человечества, где в той или иной степени выявляется дуализм. Что касается «традиционной» преемственности, о которой говорится в предыдущем параграфе, и связи с христианством – потому что катаризм это прежде всего христианство – то я ограничусь напоминанием, что манихейская религия предлагает более сложную метафизику и несравнимо более богатую мифологию, чем катарская логика; что она, прежде всего, основана на большом количестве специфических Писаний: Мани написал намного больше, чем четверо евангелистов, и эта литература была широко

распространена на Ближнем и Дальнем Востоке. Манихейские тексты были даже переведены на китайский язык, как будет говориться дальше. А единственным неканоническим христианским текстом, используемым и цитируемым в катарских писаниях, кроме *Тайной Вечери* умеренных гаратистов, был апокриф *Видение Исаяи*. Но, по-видимому, ничто из обширной манихейской литературы не было известно средневековым дуалистам.

Преемственность между манихейцами и павликианами и даже между павликианами и богомилами не может быть подтверждена ни одним историческим документом. Более того, преемственность между богомилами и катарами тоже кажется сегодня не такой очевидной, как это было на протяжении многих лет. Прежде всего, то, что богомилы являются хронологическими предшественниками западноевропейских дуалистов – это иллюзия: *Слово* Пресвитера Козьмы всего на десять или двадцать лет старше появления подобных феноменов, отмеченных французскими хронистами XI века. Больше доказательств тому, что одновременно, от Малой Азии до пролива Ла-Манш, выявляется одно христианское движение с дуалистическим фундаментом.

Эта Церковь, очевидно, исповедовала старый умеренный дуализм с мифологическим основанием, происходящим из гностических и раннехристианских явлений. Но во времена между романской и готической эпохами в Западной Европе, средневековые интеллектуалы превратили его в абсолютный дуализм, очевидно, неизвестный богомильской Церкви, восточной сестре катарской Церкви. Только в итальянских Церквях этот вопрос сделался настоящим яблоком раздора.

Потому тезис об исторической преемственности между богомилами и западноевропейскими катарами не следует отбрасывать полностью, но и рассматривать с исключительной осторожностью. Катары и богомилы, скорее всего, были разными ветвями одного и того же исторического дерева. И те, и другие были наследниками одной уникальной традиции, поскольку их ритуал и обряды были идентичными от Малой Азии до Аквитании и Фландрии. Известные с эпохи Тысячелетия, они развивались параллельно, но по-разному. Западноевропейский катаризм сумел придать дуалистической системе логическую завершенность, чего не хватало богомильской теологии.

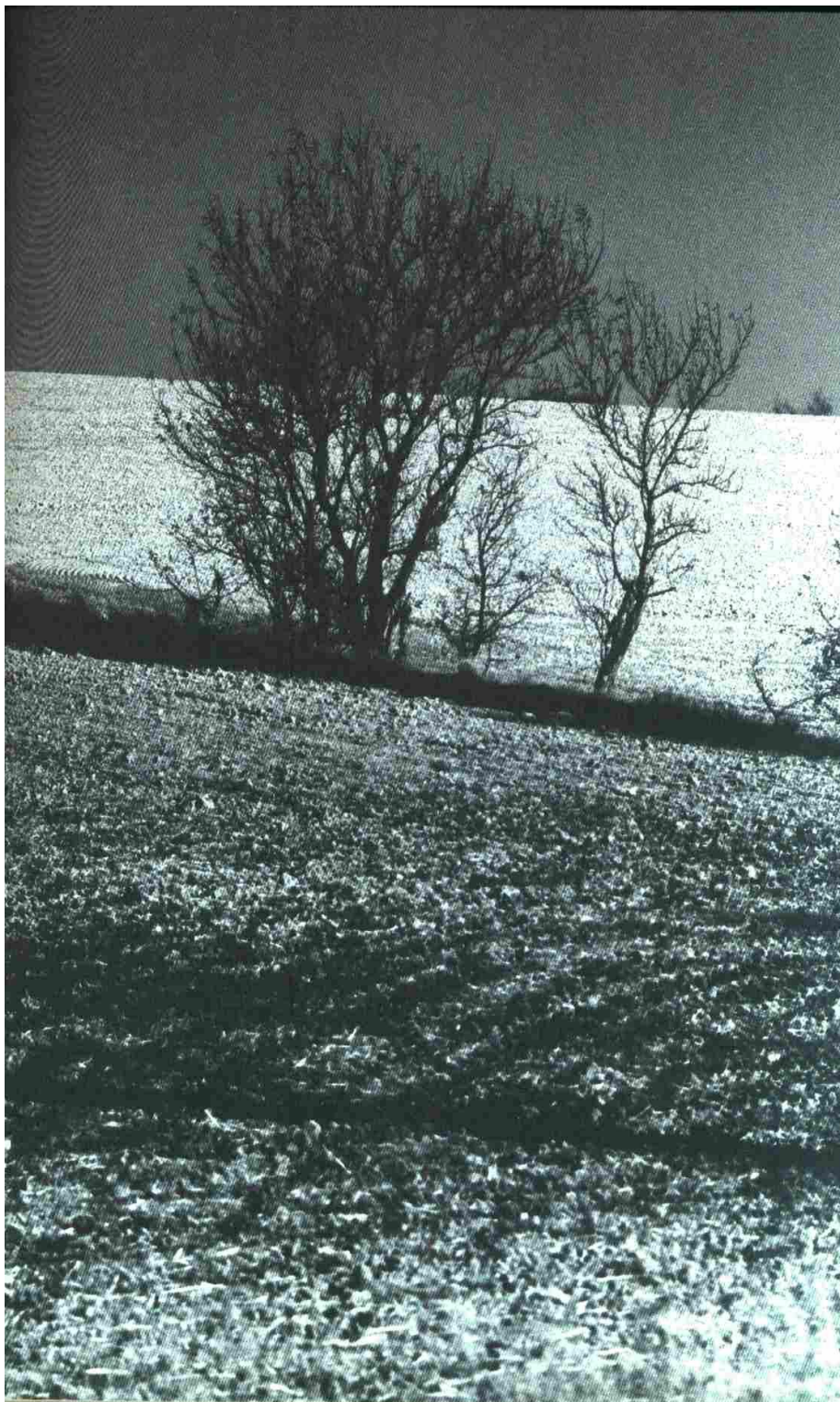
То, чем была катарская Церковь - собранием общин Добрых Христиан, предложившим в разгар Средневековья дуалистическое прочтение Нового Завета, - дают нам понять тексты и документы, которые рисуют живую, яркую и динамичную картину, способную оставить реально различимые следы. Средневековая, как по времени, так и по способу мышления и представления аргументов, всегда опиравшихся на цитаты из Писания, она была также проявлением великой тенденции этой эпохи, дороги бедности и евангелизма, которой следовало столько христиан в поисках аутентичной духовности. Буквально и жестко следующая Евангелию, она, однако, оставляла место для мифа, чтобы объяснить, вне всякого логического построения, вторжение склонности к злу, впившемуся, как заноза, в плоть вечного благого творения, нерушимого по своей природе, или чтобы прибегнуть к не слишком средневековой системе реинкарнации. Аристотелевская логика и схоластический метод наполняют холодным ученым светом теологические трактаты катаризма, в то время как пастухи с гор без труда смогли сродниться с идеей реинкарнации, используя ее как в фольклоре, так и в повседневной жизни.

Средневековая по своим теоретическим писаниям и глубинным импульсам, Церковь Божья выглядит еще более архаической по своим обрядам и церковной организации. Недаром первые издатели описания таинства *consolament*, отец Донден и Кристин Тузеллье, сравнили его с обрядами крещения у первых христиан: это аутентично христианский обряд, и даже раннехристианский. К тому же, как практическая организация Церкви, так и строение Церквей, воспринимаемых как общины христиан, группирующиеся вокруг избранных ими руководителей, очень сильно напоминают структуру ранней Церкви.

Я бы хотела еще напомнить здесь, что раннее христианство не было простым молодым деревцем, которое понемногу выросло в единый ствол под влиянием Писаний апостолов и первых Отцов Церкви, но многоголовым и разнообразным движением, с многочисленными отмершими или обрезанными ветвями. Глядя на средневековые проявления катаризма и некоторые заметки, сделанные самими членами этой Церкви, я спрашиваю себя: не мог ли катаризм быть одной из этих раннехристианских ветвей, - уснувшей, забытой и застывшей на какой-нибудь горе Афон, но внезапно ожившей в исторический период, когда наступили очень благоприятные условия. Не случайно столько других спонтанных евангелических движений одновременно появляются одно за другим по всему христианскому миру в эпоху Тысячелетия. Среди них возродился и катаризм, отличаясь от них своей метафизической сущностью, но сходный с ними временем исторического пробуждения и ригористической заботой о Евангелии.

Конечно, это только гипотеза. Двойственная природа средневекового катарского клира, живущего в миру, осуществляющего таинство христианского Спасения и проповедующего послание Откровения Христова, однако, подчиненного правилам и монашеской дисциплине; клира, одновременно священнического и монашеского,

позволяет допустить некое восточное происхождение этих архаических христиан, в которых Жан Дювернуа увидел что-то вроде монахов василианского чина. В XIII веке Римская Церковь попыталась даже имитировать эту модель - как она ее понимала – или дать ей выявиться спонтанно в своем окружении: нищенствующие ордена. Описанный историками XX века как наследник раннехристианского гнозиса из-за мифов о падении добрых духов, как неоплатонизм из-за абсолютного и оптимистического спиритуализма, как манихейство из-за метафизического дуализма, как августирианство из-за отрицания свободы воли, как оригенизм из-за допущения веры в реинкарнацию, как отпрыск иудейской Каббалы, суфизма и даже буддизма, катаризм не дает запереть себя ни в одну из этих заранее приготовленных клеток. Потому что вполне можно быть дуалистическим без Мани, идеалистическим и спиритуалистическим без Платона и Плотина, и даже опираясь на Аристотеля. В этом-то всё и дело.

Между Фанжу и Монреалем

Ч.II ОСОБЕННО ХОРОШО УКОРЕНИВШЕЕСЯ В ОКСИТАНИИ ЭТО СРЕДНЕВЕКОВОЕ ХРИСТИАНСТВО...

Это средневековое христианство описано здесь, таким образом, в его историческом и религиозном контексте, а не так, как это делалось обычно. То есть, мы не будем говорить о нем как о простой ереси по отношению к догме великой Церкви, и тем более, как о мелком ферменте древнеперсидского дуализма, ожившего при неизвестно как произошедшем контакте между манихейством и буддизмом. Мы будем говорить о том, чем оно было: то есть, о христианской религии Откровения и Спасения, основанной на дуалистическом прочтении Нового Завета, и организованной по образцу раннего христианства, как Церковь – собрание христиан, стремящихся к Спасению и соблюдающих правила, но также распространяющих Слово Божье и спасительное таинство Христово среди людей. Эта христианская Церковь отстаивала свою апостольскую преемственность и считала Церковь Римскую узурпаторской институцией, с которой она не хотела иметь ничего общего. Это великое движение абсолютно духовных надежд обнаруживается как в Западной, так и в Восточной Европе, и даже в Малой Азии, под различными названиями – от фаундаитов до пифлов, от публикан до альбигойцев; а различия в теологии не могут скрыть его общего происхождения, скрепленного единством обрядов от Болгарии до Аженэ...

Это средневековое христианство, оставившее нам как минимум два прекрасных теологических трактата и три подробных Ритуала, исторически связано с Окситанией двойными узами. Во-первых, именно в Окситании середины XII века оно достигло такого социально-культурного развития, что великая Церковь стала воспринимать его как соперника, опасную и сильную контр-Церковь. А во-вторых, численность и социальное влияние феномена окситанского катаризма были таковы, что против него использовали военную силу и бюрократически систематизированные преследования Церкви Римской. Это неизбежно привело к тому, что в этот период Средневековья, когда писанные документы являются еще чрезвычайно редкими и в основном представляют собой административные и земельные акты крупных и знатных семейств и больших аббатств, появляется ошеломляющий массив архивов, отражающих повседневную жизнь еретических верующих различного социального происхождения, и, часто, весьма скромного. Собрание реестров Инквизиции содержит принудительные воспоминания людей, которые, как это ни парадоксально, иначе остались бы немymi и невидимыми, как осталось немым и невидимым все средневековое население Европы, жившее до эпохи господства нотариальных актов, писанных завещаний и фискальных переписей. А об этих людях мы знаем не только подробности их жизни, но и их мнения в области религии – как раз то, чему господствующие власти пытались заткнуть рот.

Благодаря социально-культурным условиям своего развития, а также политическим и военным обстоятельствам, которые свели на нет возможность преследований в этих землях, Окситания стала привилегированной территорией распространения этого иного христианства. В то же время, благодаря многочисленным и уникальным документальным источникам, связанным с репрессиями, мы можем познать реалии религиозной жизни целого народа.

VIII ЦЕРКВИ ОКСИТАНСКИХ КАТАРОВ

Середина XII столетия застала врасплох Бернарда из Клерво, епископа Шартрского, папского легата и их хрониста, Жоффруа д'Оксерр, появлением новых, решительных и насмешливых еретиков, поддерживаемых мелкой местной знатью в землях Тулузен и Альбижуа... За последующие двадцать лет эти новые веяния широко распространились и структурировались в тех же регионах до такой степени, что им удалось объединиться в Ломбере (Альбижуа) на диспуте, где они выступили против католических прелатов, и где этим инакомыслящим вообще предоставили слово. Это произошло в присутствии многочисленной толпы и великих сеньоров этих мест, но, тем не менее, это столкновение различных идей не привело ни к осуждению кого-либо, разве что вербальному, ни вообще к каким-либо наименьшим неприятностям для предполагаемых еретиков. Католические власти чисто формально обратились к рыцарям означенного места Ломбера, рекомендуя им не оказывать никакой поддержки сторонникам этих ужасных доктрин; однако молчаливое присутствие виконта Тренкавеля было решающим на этой встрече. Публика, интересовавшаяся диспутом, мелкие поместные сеньоры, были явно настроены в пользу «еретиков». Огромная разница с событиями, имевшими место в Льеже или в Кельне в 1144 и 1145 годах. Здесь никто не зажигал костров. В своих первых публичных проявлениях – Верфей и Альби в 1145 г., Ломбер в 1165 г. – окситанский катаризм уже содержит обетование мирного развития в зарождающемся обществе, под благосклонным взглядом аристократического и рыцарского класса, то есть, фактически, местных властей.

АКТЫ САН-ФЕЛИС 1167 ГОДА

Само существование катарского «собора» в Сан-Фелис в Лаурагэ долго ставилось историками под сомнение, потому что этот факт был известен только из документа, о подлинности которого шли споры. Этот документ был скопирован и изложен в 1660 году каноником Гийомом Бессом в его *Истории графов, маркизов и герцогов Нарбоннских*, однако же сам средневековый документ с того времени был утрачен. Но сейчас подлинность этого документа не представляет большой проблемы для историков, потому что очень многие факты, приведенные в копии актов собора, сделанной в XVII веке, подтверждаются другими источниками.

Присутствующий катарский иерарх с Востока представил, как он сам выразился, модель «Семи Церквей Азии», по которой пять Церквей Восточной Европы были разграничены географически, структурированы иерархически и установили между собой мирные и добрососедские отношения. Этот иерарх, Никита, был, скорее всего, еретическим епископом Константинополя и Драговицы. Причины его присутствия и деятельности не всегда правильно интерпретируются. Его миссией были проповеди и помощь в структуризации и реорганизации западноевропейских Церквей, которых было уже достаточно много. Вначале он приехал в Италию, в Конкоретто, где, кажется, он встретил Марка, бывшего могильщика, обращенного в катаризм французскими или окситанскими еретиками, а потом успешно привлекавшего многочисленных адептов и ставшего во главе первой катарской общины в Ломбардии. Никита забрал Марка с собой в путешествие к окситанским Церквям. Местом, где они должны были собраться, избрали Сан-Фелис, в самом сердце Лаурагэ, между Тулузен и Альбижуа, недалеко от Каркассес. Еще более разумным было то, что это место находилось под защитой сеньоров, полностью воспринявших новые идеи. Конечно же, сама идея и организация собрания принадлежала Тулузской Церкви. Марк из Ломбардии был всего лишь «иностранным гостем»; в таком же статусе находился и Робер д'Эпернон, епископ катарской Церкви Франции.

«В год 1167 от Воплощения Господа, в месяце мае, в те дни, Тулузская Церковь привела папу (отца?) Никиту в замок Сан-Фелис, и огромное количество мужчин и женщин Тулузской Церкви и других соседних Церквей собрались, чтобы получить *consolament*, который Монсеньор папа Никита им уделил. Далее, его получил Робер д'Эпернон, епископ Церкви Франции, со своим советом. Также Марк из Ломбардии, пришедший со своим советом. Сикард Селлерье, епископ Церкви Альби, пришел со своим советом, Бернард Катала, пришедший с советом Церкви Каркассона, и там был еще совет Церкви Ажена».

Церкви, участвующие в собрании со своими «советами», до того момента не были структурно организованы: вследствие достаточно быстрого распространения, они существовали в виде более или менее спонтанных автономных общин, коллегиально управляемых советами. Только Церковь Альби – возможно, наиболее древняя? – единственная среди окситанских Церквей, управлялась настоящим епископом, Сикардом Селлерье. Робер д'Эпернон тоже был в ранге епископа для Церквей севера современной Франции (Шампани, Бургундии, но мы не знаем, как насчет Фландрии? и Рейнских земель?). Ломбардец Марк был всего лишь наиболее влиятельным членом своего совета. Среди окситанских Церквей Церкви Тулузы и Ажена, по-видимому, выявляли наибольшее желание достичь организованной автономии: они спонтанно избрали Бернарда Раймона и Раймона де Казальс. Потом Церкви Тулузы и Альби порекомендовали советам Церкви Каркассона сделать то же самое, и Жирод Мерсье был избран епископом Каркассес.

Часто удивляются тому, что все епископы, как уже имеющие этот титул и функции - Робер д'Эпернон или Сикард Соллерье – или новоизбранные, впрочем, как и все остальные, получили тогда из рук Никиты *consolament* и посвящение: вначале более старшие как по возрасту, так и по ордену - Робер д'Эпернон и Сикард Соллерье, потом Марк для Ломбардии, Бернард Раймон, Жирод Мерсье, а потом Раймон де Казальс. Обычно это крещение главных фигур катаризма того времени – как впрочем, всего собрания их Церквей, совершенных мужчин и женщин, толпой пришедших в Сан-Фелис – воспринимают как знак обращения их Никитой, драговицким иерархом, из умеренного в абсолютный дуализм. Но даже если допустить, что Никита был рупором идей «Ордена» Драговица, нет никаких доказательств, что эта македонская Церковь разделяла идеи абсолютного дуализма еще до западноевропейских Церквей, и что слово «Орден» означает не просто иерархическую преемственность, а что-либо другое. Наоборот, мы видим, что неоднократные *consolament* вовсе не были исключением: они просто усиливали гарантии Спасения, особенно если предыдущая церемония могла быть обесценена. Нет сомнений, что Добрые Христиане окситанских Церквей пожелали воспользоваться присутствием настолько значимой фигуры, как Никита, чтобы получить наново это уникальное таинство.

Именно поэтому, предусматривая в перспективе иерархизацию и организацию нарождающихся катарских Церквей, только епископ имел право «посвятить» епископа, избранного другими, и согласно обряду, который нам неизвестен, если вообще существовал какой-либо обряд, кроме возложения рук епископа. Что же касается

доктринальных и теологических различий, ограничимся здесь только замечанием, что смысл спора на эти темы гораздо проще, чем это обычно принято представлять. Но мы еще к этому вернемся.

Суть информации, которую мы можем извлечь из событий в Сан-Фелис, является совсем иной: это чрезвычайно важное свидетельство о значительной вехе в развитии движения катаров на Юге современной Франции; вехи, означающей превращение его из спонтанных, многочисленных и неразграниченных общин в настоящие христианские Церкви, управляемые епископом (здесь еще не говорится о Старшем и Младшем Сыновьях) и структурированные в таком порядке, который позволял бы им эффективно распространять свою веру, проповедовать и уделять таинства, а также точно согласовавшие между собой территории, находящиеся под их «юрисдикцией» - потому что акты Сан-Фелис являются, прежде всего, разделом территорий. Этот раздел территорий между Церквями Альби, и особенно Тулузы и Каркассона, практически проходил по границам существующих католических епископств. Для этого Никита произнес свою речь, напоминая, что пять Восточных Церквей – Романи, Драговицы, Меленгии, Болгарии и Далмации – живут в мире друг с другом, в добрососедских отношениях и четко разделив свои территории. Окситанские Церкви, в свою очередь, никогда не выставляли никаких претензий друг другу, между ними не было разногласий, и они всегда представляли собой единый фронт, как в доктринальном плане, так и на «административном» уровне.

ПРИЗЫВ РАЙМОНА ТУЛУЗСКОГО 1177 ГОДА

Двух этих вех – Ломбер (1165 г.) и Сан-Фелис де Караман (1167 г.) – достаточно, чтобы определить существенные признаки окситанского катаризма – отличающегося от Рейнского прежде всего его «массовостью» - как оппозиционного Риму религиозного движения, которое так демографически развилось за двадцать лет, прошедших после ошеломительного открытия Бернара из Клерво, что приобрело внутреннюю структуру, иерархическую организацию и даже документально разграничило географическую юрисдикцию четырех Церквей, по-видимому, возникших на месте этого аморфного движения. С другой стороны, когда в Истории благодаря перу хрониста Жоффри д'Оксерр появляются движения «ткачей ариан», «еретиков альбигойцев» - то есть окситанские Церкви Добрых Людей – то они, очевидно, уже пользуются поддержкой местной знати: мелких дворян Верфей и Альби, рыцарей Ломбера, сеньора Сан-Фелис, Гийома (вигье Каркассона для Тренкавелей)... В Ломбере позиция Тренкавелей, виконтов Альби, Каркассона и Безье, была двойственной. Но это продолжалось недолго: в 1177-78 годах, Роже Тренкавель сделал своим узником католического епископа Альби, причем охранял его сенешаль Альбизуа, Гийом Пейре де Бренс, из известной катарской семьи...

Если виконты Тренкавель были, очевидно, связаны с катаризмом, то граф Тулузский Раймон V оставался католиком, что и засвидетельствовал в своем письме, адресованном в 1177 году генеральному капитулу ордена Сито: этот документ, без сомнения, был плодом военно-политических переговоров между графом и королем Англии, а его стиль отражает очень ясное клерикальное влияние. Тем не менее, в этом документе в первую очередь отражается развитие и статус окситанских катарских Церквей после Сан-Фелиса:

«Эта чумная зараза ереси настолько распространилась... что посеяла разногласия между теми, кто ранее был един, разделив, увы, мужа и жену, отца и сына, свекровь и невестку. Даже облеченные в священство испорчены этой болезнью. Древние храмы, которые некогда были в почитании, ныне покинуты и превратились в руины. Отказываются от крещения, евхаристия им отвратительна, покаяние они презирают, упорно отрицают создание человека и воскрешение в телах; все таинства Церкви обращены в ничто и даже – о богохульство! – они претендуют на существование двух начал!

Что до меня... признаюсь, что сил моих мало для того, чтобы справиться с таким огромным и трудным делом, потому что самые знатные в моих землях поражены злом неверности, увлекая за собой огромное количество людей, которые оставили веру...».

Призыв Раймона V к капитулу Сито и опосредованно к королю Франции, вызвал всего лишь миссию папских легатов на земли Тулузы. Мы только заметим хорошее теологическое и экклезиологическое определение того, что инкриминируется ереси, а также интересный анализ ее проникновения через правящие классы, увлекшие за собой, благодаря своему культурному и политическому влиянию, «огромное количество» людей из народа. В 1178 году легат Пьетро из Павии, кардинал де Сен-Хризогон, прибыл в Тулузу в сопровождении аббата Клерво, Анри де Марси, епископа Пуатье, епископа Бата и архиепископа Буржа. К ним присоединился архиепископ Нарбоннский. Они выявили еретика: это был богатый и уважаемый пожилой человек, Пьер Моран, горожанин, который, будучи арестованным, предпочел отречься и был приговорен к унижительному публичному покаянию. После чего, аббат Клерво и епископ Бата, не решившись поехать к Роже Тренкавелю, чтобы потребовать от него освобождения католического епископа Альби, официально явились в Кастр, чтобы засвидетельствовать виконтессе Азалаис,

дочери Раймона V, об отлучении ее мужа. Виконтесса и ее рыцари выслушали то, как они порицали и упрекали Тренкавеля «во имя Иисуса Христа и от имени королей Франции и Англии», в абсолютном молчании.

КАТАРСКАЯ ЦЕРКОВЬ ТУЛУЗЕН И ЕЕ ПЕРВЫЕ ЕПИСКОПЫ

Тогда произошло странное и значительное событие: сам катарский епископ Тулузы, Бернард Раймон, посвященный в сан более десяти лет назад в Сан-Фелис-де-Лаурагэ Никитой, и его компаньон (*socius* или Старший Сын?) Раймон де Баймияк, предстали перед католическим епископом Бата и потребовали от него пропуск в Тулузу, куда им запретил являться Раймон V, под предлогом, что они хотят продемонстрировать свою католическую веру легату Пьетро из Павии. Он дал им этот пропуск, но при условии, что в течение восьми дней, если они не примирятся с католической верой, срок этого пропуска истекает. В кафедральном соборе Сен-Этьен (он как раз тогда строился), оба катарских иерарха произнесли настоящее исповедание веры, практически аналогичное исповеданию Вальдо из Лиона в те же годы: они говорили на окситан, а не на латыни, и граф Тулузский и многочисленные свидетели были ошеломлены, слушая все это. Они начали кричать, что все эти красивые слова – неправда. Призванные принести присягу, оба катарских иерарха отказываются – присяга не могла быть обойдена никакими мысленными оговорками. Однако полученный ими пропуск позволил им выйти из города и добраться до Лавора, где они обычно жили.

Нам не совсем понятно, почему оба катарских иерарха решили сами пойти в эту волчью пасть, поскольку они не должны были ни публично дискутировать с католическими прелатами, ни отречься от своей веры. Они даже не использовали свою «визу», чтобы попытаться завоевать жителей Тулузы, граф которой запретил им являться в город, и ограничились тем, что вернулись в Лавор. Наиболее замечательным во всей этой истории было то, что пропуск епископа Бата подействовал, и ни легат Пьетро из Павии, ни сам граф Тулузский, и никто другой не осмелились даже пальцем прикоснуться к обоим «еретикам». По всей видимости, поддержка их движения была более массовой и имела больший политический вес, чем хронист Жоффруа д'Оксерр дает нам понять. Как и в Ломбере в 1165 году, расстановка сил даже не предполагает возможность костра, что является исключением для тогдашней Европы. Как бы там ни было, через два или три года тот же аббат из Клерво, Анри де Марси, теперь уже сам папский легат, с небольшой армией осадил Лавор, который без сопротивления сдала виконтесса Азалаис. На этот раз Бернард Раймон и Раймон де Баймияк публично отреклись.

Мы знаем многие подробности их отречения, в котором легко смешиваются элементы абсолютного («Люцифер, который восстал против неба, является творцом вещей видимых и телесных на небе и земле») и умеренного дуализма («Великий Сатана Люцифер, который пал из-за своего лукавства и высокомерия с трона благих ангелов... творец, князь и бог злых духов»), а также выявляются факты abortивных практик женщин их веры. После этого, отрекшиеся тут же получили компенсацию в качестве доходных мест церковных каноников – один получил кафедру в Сен-Этьен, а другой – в Сен-Сернен в Тулузе. Легкость такого перехода от катарской в католическую иерархию является потрясающей – перебежчиков явно рассматривали как «клириков». Возможно, в глубине души они считали следование правилам своего ордена более важным, чем признание одного или двух начал или проблему природы Христа. Как бы там ни было, это зрелищное обращение и акт отречения, явно продиктованный легатом, но произнесенный публично обоими катарскими иерархами, дезорганизовали на несколько лет катарскую Церковь в Тулузен. Однако, был избран новый епископ: Госельм, предпочитавший жить в Сен-Поль-Кап-де-Жу, а не в Лаворе.

Около 1200 года Тулузская Церковь занимала часть современного департамента Тарн, а также управляла общинами Добрых Людей графства Фуа – у которых не было своего епископства, а также Каталонией, где был сразу же назначен специальный диакон. Мы знаем, благодаря показаниям перед Инквизицией, когда люди вспоминали о событиях тридцати или сорокалетней давности, где именно находились престолы диаконов: Ланта, Караман, Ле Кассе, Сан-Фелис, Мирпуа, ВерФэй, Виллемур, Тараскон, Фуа и Дюн. Сам епископ жил иногда даже в Тулузе, но чаще в Сен-Поль-Кап-де-Жу. Старший Сын епископа Госельма, Гвиберт де Кастр, был, возможно, диаконом в Фанжу; его брат Изарн де Кастр, диаконом в Лаурак. Оба они были великими проповедниками и умелыми спорщиками на публичных дискуссиях.

ЦЕРКВИ АЛЬБИ И КАРКАССОНА

Недостаток «зрелищных» событий такого рода, возможно, из-за того, что не сохранились документы, как инквизиторские, так и иные, привел к тому, что мы имеем меньше сведений о внутренней истории Церквей Альби и Каркассона конца XII – начала XIII веков. О Жироде Мерсье, мы не знаем ничего, кроме того, что он был избран епископом в Сан-Фелис общинами Каркассес. Через двадцать или тридцать лет его сменил Бернард де Симорр,

живший в основном в Арагоне, между Каркассес и Кабардес. Он часто путешествовал, как всякий хороший катарский епископ. Он проповедовал, крестил, участвовал в диспутах как в самом Каркассоне, так и в Сервиан, недалеко от Безье. Известно, что диаконы этой Церкви жили в Кабардес (Арнод От), в Монреале (Пьер Дюран), в Терменез и, возможно, в Термез: Бенуа де Термез, диакон, был братом местного сеньора, Раймона.

Рыцарь из Кабардес, Раймон Айфр де Рокефер, свидетельствуя перед инквизитором в середине XIII века, сообщает о том, как сорок с лишним лет назад он часто бывал в Арагоне:

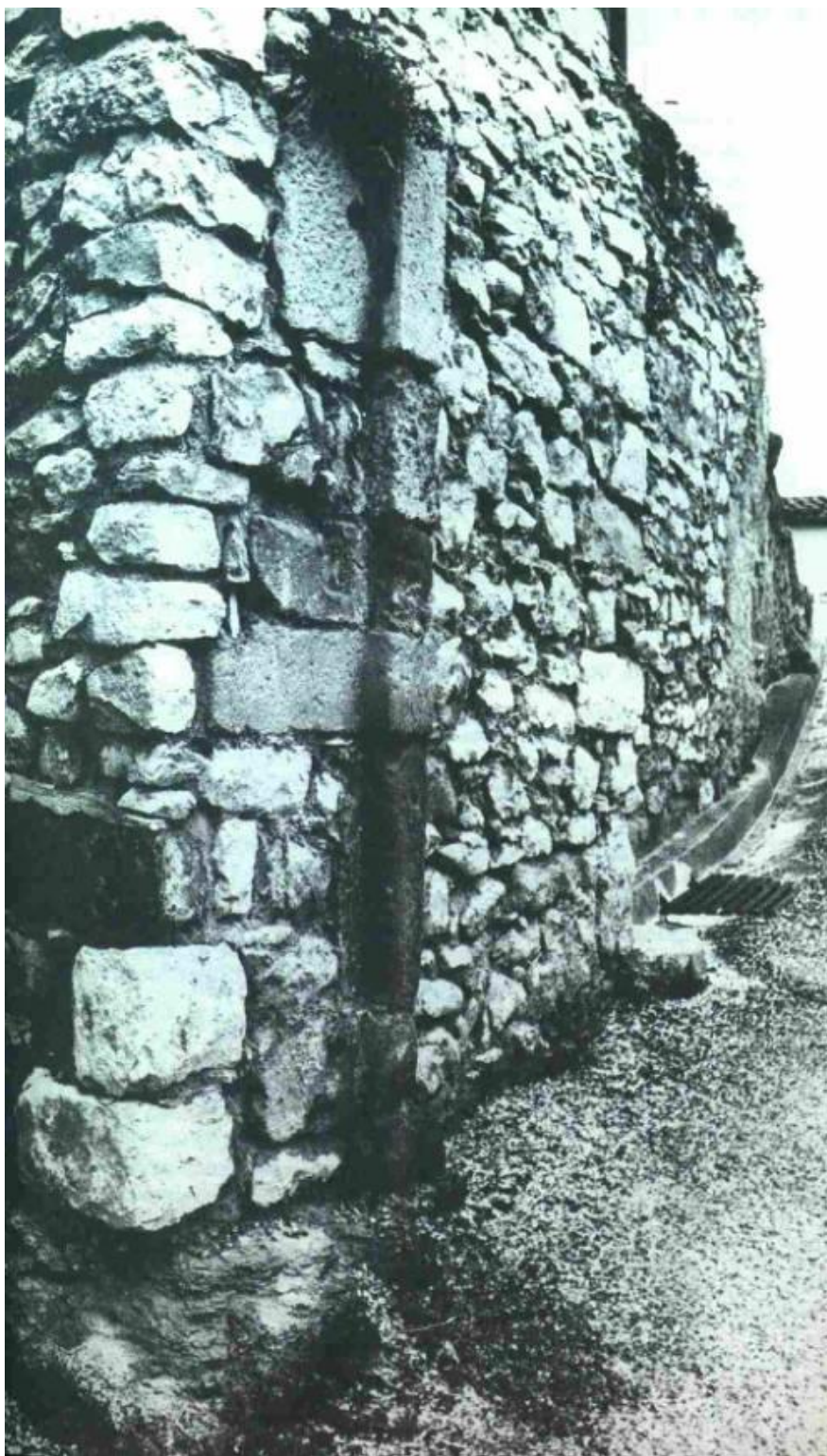
«Он сказал, что видел в Арагоне, епархия Каркассон, совершенных, которые жили там и держали дома. Все население замка ходило слушать их проповеди. Сам свидетель слушал проповедь Раймона де Симорр и его товарищей, совершенных. Там были Роже Арагонский, отец Роже Арагонского де Бруссес, Арнод Арагонский, отец Пейтави Арагонского, Элиазар, отец Пелестью, и Гийом дель Крос, дядя свидетеля, все рыцари и многие жители города...».

Если нам известны немногие катарские диаконы Каркассес и места, где они жили, то документы свидетельствуют о домах совершенных мужчин и женщин во многих местностях, в основном расположенных на окраине епархии, возле Лаурагэ, в Кабардес, меньше в Терменез, в самой западной части Минервуа (Азилль, Лор). Об иерархии катарской Церкви Альбигуа нам известно еще меньше: Сикард Селлерье, епископ, посвященный Никитой, занимал эту должность до первых годов XIII века, но мы не знаем имени его преемника. Сам он часто жил в Ломбере. Около 1230 года упоминаются диаконы в Лотреке, Фиаке и возле Альби. В этот период, перед началом репрессий, территория катарской Церкви Альбигуа находилась как на землях Тренкавелей (Ломбер, который находился очень недалеко от престола катарского епископа Тулузен - Сен-Поль-Кап-де-Жу; Пенне д'Альбигуа и весь регион Кастра); так и на землях, зависимых от графа Тулузского, который после смерти своего отца Раймона V, уже не был противником Добрых Людей: Гайллак, Ларок-д'Арифа, Грайе.

Катарскому епископу Альбигуа Сикарду Селлерье доводилось даже, согласно информации хрониста Гийома де Пьюилорана, публично дискутировать в Ломбере с католическим епископом Альби, в неопределенную дату между 1185 и 1200 годом. В любом случае, на этот раз проповедникам из катарской иерархии уже не нужно было больше маскировать свои аргументы, как это случилось за несколько лет до того с епископами Тулузской Церкви. Дискуссия, вероятно, была достаточно интересной, поскольку католическому епископу пришлось завершить ее шуткой, заявив о том, что Сикард Селлерье читает свои книги, очевидно, наизнанку!

ВРЕМЕНА СВОБОДНЫХ ДИСКУССИЙ

Начнем с того, что в этот относительно мирный период конца XII века, когда окситанские Церкви Добрых Людей, многочисленные, хорошо структурированные, в полном динамическом развитии, при поддержке местных политических властей и культурных кругов, могли свободно и открыто дискутировать при стечении публики с католической иерархией. Аргументы уже были отточены с обеих сторон: в 1190 году ученейший цистерцианский доктор Алан Лилльский и его антиеретическая «Школа» в Монпелье подготовили первую *Сумму*, посвященную опровержению как катаризма, так и вальдеизма, доказывающую нам от противного, что «еретические» проповедники уже признавались выдающимися в интеллектуальном плане противниками.

Укрепления ворот Арагона, в Кабардес. Здесь проходил Бернар де Симорр?

Эти диспуты происходили иногда под арбитражем, и даже по просьбе местных властей и именитых мирян, иногда «спонтанно», иногда в связи с тем, что в этих местах появлялись профессиональные католические проповедники, цистерцианские или, вскоре, брат Доминик и его епископ... Так было в Каркассоне, в 1204 году, когда король Арагона, сюзерен города, призвал с одной стороны папских легатов, а с другой - катарского епископа Бернара де Симорр; в Сервиане, в 1205 или 1206 году, когда легат, епископ Осма и Доминик сошлись в прениях с Бернаром де Симорр и Гийомом Неверским, бывшим каноником, вынужденным бежать, когда Церковь Франции подверглась преследованиям около 1200 года. Дискуссия длилась, как говорит Гийом де Пюилоран, более восьми дней... В Монреале (Каркассес), в том же 1206 году, представители Церкви Каркассона (Арнод От) и Тулузы (Гвиберт де Кастр, Старший Сын епископа Госельма) взяли инициативу диспута в свои руки, язвительно атакуя Римскую

Церковь, «блудницу Вавилонскую», перед папским легатом Пьером де Кастельно, Домиником и епископом Осмой. В 1207 году в Памье, католические диспутанты на этот раз спорили с вальденцами: Дюраном де Уэска, который чуть позже обратился, став «католическим Бедным». В Лаураке в 1208 году товарищ Дюрана де Уэски, тоже тогда вальденс, а затем католик, Бернард Прим, вступил на городской площади в спор с местным диаконом, Изарном де Кастр...

Об этих публичных диспутах, где, естественно, никто никого не переубеждал, а публика изначально поддерживала «свою» партию, мы поговорим еще в последней части этой книги, поскольку относительное «поражение» в них - по крайней мере, католической точки зрения, - привело к усилению идеи священной войны. Однако в целом эти диспуты, по своим характеристикам, должны быть довольно интересными - даже если спорящие стороны цеплялись иногда за мелочи: неправильное прочтение, грамматическую ошибку: «Вы не знаете латыни!». Это время свободного обмена мнениями вызывало разные чувства у участников - от раздражения до тонкого юмора. Церкви Добрых Христиан Окситании переживали тогда свой расцвет.

ПИОССЕ, 1226: ОКСИТАНСКИЕ КАТАРСКИЕ ЦЕРКВИ

Динамику и экспансию этой молодой Церкви не смогли остановить ни крестовый поход против альбигойцев, ни бедствия войны, ни массовые костры, ни систематическое преследование всех сеньоров и рыцарей «защитников ереси». В 1226 г., когда военные события обратились в пользу графа Тулузского, когда крестоносцы покинули страну, наступило время для реорганизации катарских Церквей, вышедших из подполья. Красноречивым признаком и несомненным свидетельством развития этой динамики, несмотря на последствия войны, стал катарский Собор в Пиоссе.

Конечно, иерархия Церкви Каркассес пострадала значительно больше, чем, например, Тулузской Церкви. После смерти Пьера Изарна, ставшего епископом Каркассона после Бернарда де Симорр в 1224 г., но пойманного во время военной экспедиции короля Франции Людовика VIII и сожженного в его присутствии в Кон-Минервуа, один из диаконов Тулузской Церкви, Жирод Абит, стал преемником каркассонской иерархии. Однако, сама Церковь была еще очень многочисленна, потому что именно из ее среды выделилась новая независимая Церковь - которая тогда организационно оформилась, то есть, Церковь Разес. Бернард де Ламот, недавно ставший Старшим Сыном нового епископа Тулузской Церкви, знаменитого Гвиберта де Кастра, участвовал со своим *socius*, который впоследствии рассказал об этом Инквизиции, в важном собрании, куда съехались более сотни Добрых Христиан, и которое состоялось в 1226 г. - в том же году, когда на костре погиб Пьер Изарн - в доме совершенных в Пиоссе, в присутствии местного сеньора, Гийома де Вилленев, и его жены Кондорс, совершенной. Место было выбрано не случайно, потому что Пиоссе находится совсем рядом с Лиму, но на правом берегу Од.

«Мы вошли в дом совершенных, и встретили там большое количество собравшихся совершенных, около сотни, среди которых были Гвиберт де Кастр, Понс Бернард, Бенуа де Термез, Бертран Марти из Каильявель, Раймон Агуйе и Буффиль де Кассес, а также другие, которых я не знал. Тогда там проходил общий Собор, на котором совершенные из Разес просили и заявляли, чтобы им дали епископа...

Было решено дать епископа совершенным Разес, и им стал человек из совершенных Каркассес, и этот человек получил *consolament* и возложение рук посвящения от епископа Тулузского.

Итак, этим людям из Разес дали Бенуа де Термез как епископа, которому Гвиберт де Кастр, епископ тулузских совершенных, уделил *consolament* и возложение рук и посвящения. После чего Раймонд Агуйе стал его Старшим Сыном, а Понс Бернард - Младшим Сыном...».

Бенуа де Термез, скорее всего, брат старого сеньора Раймона де Термез, который выдержал осаду 1210 года, был известен уже во время диспута в Монреале в 1207 г. Понс Бернард был Старшим в доме катаров в Кабарет уже в 1195 году. А вот Раймонд Агуйе не принадлежал к Церкви Каркассес, поскольку был диаконом Сабартес с 1216 года, и таким образом был из Тулузской Церкви. Интересно заметить, что пятнадцать лет войны и физического уничтожения на кострах многих сотен - около полутора тысяч - совершенных обоюбого пола, не ослабило жизненных сил даже наиболее пострадавшей катарской Церкви, то есть Церкви Каркассес, потому что именно в Разес была организована пятая окситанская Церковь. В то время, как графство Фуа, практически нетронутое, и сеньоры которого долгое время принадлежали к наиболее ярким «защитникам еретиков», никогда не имела собственного епископа: катарская иерархия там всегда была представлена диаконами Тулузской Церкви. В Каталонии тоже был диакон, зависимый от Тулузы: долгое время им был Пьер де Корона.

Вовсе неудивительно, что мы избрали 1226 год, период надежд, когда успехи армии Раймона VII, казалось, отбросили крестовые походы к воспоминаниям об одной проигранной битве; период, когда, несмотря на перенесенные ужасы и массовые костры, можно попытаться нарисовать общую, географически связную картину феномена катаризма в Окситании.

Пять Церквей в раннехристианском смысле этого слова «укоренились» здесь вот уже как пятьдесят лет (1167-1226). Их расположение точно отвечает демографической экспансии и динамике христианства Добрых Людей: регион Альби, где экспедиция святого Бернарда в 40-е годы XII столетия уже выявила массовую «ересь», пользующуюся поддержкой мелкой местной знати; регионы Тулузы, Каркассона и Ажена (о котором мы почти ничего не знаем), а также Разес - от Лиму до Мирпуа. Мы видели, что акт Сан-Фелис-Лаурагэ буквально разграничил сферы влияния различных Церквей, в общем, повторявших границы существующих католических епископств.

Самая крупная, Тулузская Церковь, включала в себя католическое епископство Памье... Но, разумеется, плотность катарского населения, достаточная для образования Церкви, не измерялась по точно таким же нормам, как у их католических собратьев: она весьма зависела от существующих политических властей - от князя или сеньора, хорошо настроенного или хотя бы толерантного по отношению к новому христианству, населения, более расположенного к проповедям Добрых Людей. Если бы мы нарисовали карту сосредоточения жизни катарских Церквей начала XIII века (период апогея до и после крестового похода), то она не совсем совпала бы с картой католических епископств Каркассона, Тулузы, Альби и Ажена: это скорее, политическая карта. Она покрывала земли трех крупных территориальных образований, владельцы которых были защитниками «ереси» или толерантны к ней: граф де Фуа, граф Тулузский и виконты Тренкавели, владевшие Каркассоном, Безье, Альби и Разес. Практически не существовало катарских общин в Окситании вне этих политических границ.

И еще один нюанс. Если Нарбонна, лежащая вне домена Тренкавелей, не очень была знакома с катарами, то и сами территории трех вышеназванных образований тоже не были в равной степени «заражены». В общем, катаризм сосредотачивался между Гаронной на западе и Роной на востоке. А восточные границы виконства Тренкавели были слабо охвачены новыми доктринами: массовые убийства в Безье и костер в Минерве не должны создавать у нас иллюзий о массовости катаризма в этих землях. На юге влияние катаризма постепенно ослабевало, начиная от Корбьер, хотя там оставались еще довольно мощные очаги. А вот к северу он был распространен до самых границ политического влияния Тулузен, до Керси, но потихоньку угасал в районе Кагора и Гурдона. Интересно отметить, что в тех местах, где катаризм становился меньшинством, поднимали голову другие спиритуальные течения: вальденсы в Керси, Гаскони и Провансе; спиритуалы и бегины - в нижнем Лангедоке, Безье, Нарбонне. Так что это было не просто вопросом политической поддержки...

Эпицентром укоренения окситанского катаризма были, несомненно, просторы Лаурагэ и его окраин, где перекрещивалось влияние Церквей Каркассес, Тулузен и Альбижуа. И если высокороденная знать графства Фуа была очень предана христианству Добрых Людей, то, по-видимому, катаризм не был там массовым движением, разве что в конце своей истории. Хотя, возможно, по причине простой лакуны в документах, случайно не сохранившихся источников, мы не имеем подтверждений об историческом существовании катарской Церкви в Памье или Фуа - по крайней мере, этому мешал не граф де Фуа, муж, брат или сын совершенных.

Выглядит так, что катаризм не имел призвания к изоляции, а наоборот, распространялся в местах скопления людей и коммерческого обмена. За границы Средиземноморья он не особенно выходил. Конечно же, человеческий фактор играл тут свою роль, впрочем, как и везде: укоренение катарских общин, возможно, в итоге зависело прежде всего от значительности апостольского служения того или иного проповедника или ревностной веры той или иной светской дамы.

IX ЦЕРКВИ ИТАЛЬЯНСКИХ КАТАРОВ

Совсем иной образ представляет нам итальянский катаризм, который, как мы уже видели, был организован в многочисленные Церкви или епископства. Фактически, он был скорее разделен на шесть Церквей: Конкоретто, Децензано, Мантуя-Баньоло, Виченце, Флоренция и долина Сполете. И здесь подобное размежевание определяли не простые практические резоны или соображения географического характера, но наоборот, сила и притяжение определенных личностей, конфликт одних с другими и групп их влияния, а также споры теологического характера. Говорят даже о своего рода шести катарских «школах», шести «партиях» - со своими вождями и сторонниками, то есть о шести епископствах одной и той же дуалистической христианской Церкви. По крайней мере, так выглядит, если верить документам.

ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ

Однако, если что и побуждает нас к осторожности в отношении этого не очень приятного образа итальянского катаризма, так это именно проблема происхождения информации: она полностью основывается на текстах антиеретической католической полемики, которая, разумеется, была как раз и заинтересована в том, чтобы придать итальянскому катаризму неприятный облик.

Попытаемся уточнить, что имеется в виду. Антиеретическая католическая полемика, чтобы быть эффективной, то есть, чтобы отвратить от ереси и вернуть Римской Церкви максимальное количество верных, должна была быть достойной доверия. Слишком фантастические вымыслы, слишком грубая ложь были не выгодны для нее в любом случае. Она должна была бить в цель, находить нужные аргументы и, в общем и целом, *grosso modo*, отвечать понятию правдоподобности. Поэтому у нас нет никаких причин сомневаться в интеллектуальной честности великих клириков, изучавших доктрины тех, кого они причисляли к еретикам, и писали целые Суммы, чтобы их опровергать. Мы только делаем поправки на параметры: иногда качество их информации является сомнительным, иногда они искажают происходящее и бывают тенденциозны; они питают явную антипатию как к описываемым доктринам, так и к тем, кто их пропагандирует. И самое главное, что, впрочем, понятно, они вряд ли озабочены тем, чтобы по-настоящему понять эту иную интерпретацию христианства, а только пытаются придать ей наиболее дикие и диссонансные черты.

Великие трактаты католической антиеретической полемики почти всегда итальянские – за исключением Суммы Аллена Лилльского, очень общей, и двух книг Дюрана де Уэска: *Antiheresis* и *Contra Manicheos*. Стал ли причиной этому особо провокативный характер итальянских дуалистических теологов, или отсутствие достаточно ученых католических интеллектуалов в Окситании? Хотя, когда писались великие итальянские Суммы, в Окситании теологические музы к тому времени уже молчали, а пушки говорили всюду... Времена религиозных дебатов были прерваны крестовым походом.

Источники информации об окситанском катаризме – преимущественно собраны Инквизицией, и мы можем взять оттуда сведения в основном социологического характера. Источники об итальянском катаризме, наоборот, преимущественно взяты из антиеретических трактатов, и содержат в основном теологические сведения. Некоторые из этих теоретических трактатов, тем не менее, дают нам некоторые сведения о происхождении и жизни «еретических» Церквей: например, анонимный трактат «*De Heresi catharorum in Lombardia*», появившийся в первые годы XIII ст., и «*Tractatus de Hereticis*» инквизитора Ансельма Александрийского, очень поздний (1260-1270). Другие же в основном заняты обсуждением внутренних дискуссий между катарскими сектами, как например автор «*Summa de Catharis*», инквизитор Райнерий Саккони, бывший иерарх Церкви Конкоретто, обращенный Петром Веронским, или автор другой Суммы, доминиканец Монета Кремонский.

Попробуем же молча восстановить, пользуясь воображением и интуицией, наиболее приближенные к правдоподобным образ и духовную атмосферу этих катарских итальянских общин, которые были также – в истории, в страданиях и в изгнании – сестрами окситанских катарских общин.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКИХ ЦЕРКВЕЙ

Наиболее древний документ антиеретической итальянской литературы нельзя даже назвать трактатом: он называется *Manifestatio* Буонакорсо. Он написан в форме исповеди бывшего катарского иерарха Бонакурсуса или Буанокорсо, являющейся своеобразным «манифестом», небольшим учебником главных ошибок катаров, которые следует опровергать. И сразу же в этой истории начинаются споры.

Нам известно, что после силового вмешательства архиепископ Миланский Гальдино добился обращения одного из главных еретиков города, Буанокорсо, около 1190 года. Можно сказать, что текст *Manifestatio*, написанный с целью примирения с Церковью, открывает для нас целый мир итальянской ереси конца XII века, со всеми его патаренскими и арнольдистскими тенденциями и городской традицией евангельского пробуждения, неизвестной во Франции и Окситании. Согласно Буанокорсо, итальянские катары осуждали иерархию Римской Церкви, традицию патристики (четыре великих Отцов Церкви – Августина, Амвросия, Иеронима и Григория), и даже всю историю великой Церкви со времен папы Сильвестра и Константинова дара.

Уже Буанокорсо делает различие между абсолютными и умеренными дуалистами: сам он принадлежал к умеренной Церкви Конкоретто. Его текст дает нам неплохое представление об умеренном катаризме. Еще через несколько лет, по крайней мере, до 1200 года, исповедь другого обращенного катара, по имени Миризон, из

Флоренции, довольно беспорядочно передает нам теологию умеренных дуалистов, но тоже настаивает на отрицании католической иерархии, тщете паломничеств, культа святых и чудес.

Таким образом, в 1190 году уже существуют абсолютные и умеренные дуалисты. Но при этом исторические источники не очень много дают нам в отношении возникновения итальянских Церквей. Некоторые упоминания говорят нам об отдельных случаях, как, например, об Орвието, где о ереси начали говорить в 1150-х гг., когда катарский проповедник Орманнино ди Парма достиг небольшого успеха. Однако через двадцать лет еще два проповедника, явившиеся из Флоренции, понемногу склонили город на свою сторону, на беду местного епископа Риккардо ди Гаэта. По-видимому, из Флоренции пришли также еретические проповедники, особенно специализировавшиеся на обращении женского населения – в том числе и в монастырях.

Ситуация стала столь критической, что епископ Орвието вынужден был бежать. Приблизительно в то же время папа Иннокентий III наложил интердикт на Витербо – город, тоже обращенный в ересь, как и Флоренция, неким *Doctor Manicheorum*, Петром Ломбардским, который проповедовал публично, привлекая народ и зная «в огромных количествах, словно песнь сирен», как выразился хронист.

Антиеретическая литература приписывает происхождение различных итальянских катарских Церквей расколу и личным конфликтам. Трактат Ансельма Александрийского и Анонимный трактат начала XII века значительно отличаются уровнем передаваемых подробностей в рассказе о событиях и последовательных этапах разногласий, но в общем смысле – это один и тот же рассказ. В трудно определимую дату, где-то в середине XII века, уже существовал эмбрион еретической иерархии в Италии, связанный с миссионерской деятельностью некоего Марка – возможно, бывшего могильщика из Милана. Он был обращен нотариусом и целой группой катаров, прибывших из Франции. По крайней мере, его не обучал и не посвящал никакой иерарх, который бы уже ранее жил на полуострове.

Как бы там ни было, начиная с действий этого Марка и преданной ему группы верных, Тоскана и Ломбардия к середине XII века уже были достаточно завоеваны катарскими проповедями, как это видно из полемических католических источников. Это прекрасно соответствует тому, что показывают нам другие исторические источники о событиях в Витербо и Орвието, и, как мы увидели, во Флоренции между 1150 и 1170 годами.

Около 1170 года прибывает еще один персонаж, которого, как и Марка, мы уже встречали в связи с окситанскими Церквями: восточный иерарх Никита, совершавший миссионерскую поездку с востока на запад, сперва прибыл в Италию, а затем в Окситанию. Мы точно знаем, в чем заключалась его миссия. Акты Собора в Сан-Фелис Лаурагэ, о которых мы уже писали, ясно указывают, что «Папаницетас», отец Никита, прибыл совершить посвящение епископов и завершить организацию Церквей/епископств. Два итальянских документа говорят то же самое. Все соглашается с тем, что после прибытия в Италию, Никита взял с собой Марка в Окситанию, чтобы тот тоже участвовал в Соборе в Сан-Фелис.

Таким образом, речь идет о церковной организации, а не об изменении доктрины, как часто любит повторять современная историческая литература, начиная с отца Дондена, который сформулировал эту гипотезу в 1949 году. Очень интересно заметить, до какой степени параллельно и синхронно происходило распространение катаризма в Италии и Окситании. В 1150 году мы видим упоминание только об отдельных проповедниках. Около 1170 года упоминаются уже многочисленные и достаточно динамичные общины, способные структурироваться в Церкви. Такой исторический персонаж, как епископ восточных Церквей Никита прибыл, или был послан, чтобы передать опыт молодым общинам и, возможно, убедить их принять таинство *consolament* и посвящения епископов, которое мог уделить исключительно посвященный епископ. Конечно же, в общинах западноевропейских катаров уже были избранные епископы для осуществления духовного руководства и организации общинной жизни: зародыш иерархии для практических нужд, когда катаризм в Италии и Окситании стал рваться вперед на всех парусах. Но избранные еще не значит посвященные.

Так же, как и акты Сан-Фелис, итальянские документы ничего не говорят об обращении западноевропейских Церквей Никитой из первоначального умеренного дуализма в абсолютный. И только анонимный автор *De Heresi catharorum* говорит о различных «орденах».

«... И этот Марк держал свой орден от Болгарии. Некий Папасникета, прибывший из Константинополя в Ломбардию, начал подвергать сомнению орден Болгарии, к которому принадлежал Марк. После чего епископ Марк и его сторонники, долгое время сомневаясь, все же оставили орден Болгарии и приняли от означенного Никиты орден Другунтии...»

Поскольку тот же трактат чуть позже упоминает катарскую Церковь Децензано – которая в XIII веке исповедовала абсолютный дуализм и принадлежала к ордену «Другунтии» (скорее всего, Драговицы), отец Донден и вслед за ним многочисленные историки сочли, что различные катарские «ордена» соперничали между собой по доктринальным причинам, словно независимые друг от друга секты с различными обрядами. На самом деле, «повторные утешения», совершенные Никитой, были всего лишь повторными посвящениями епископов и общими торжественными посвящениями, что вовсе не означает, что первое крещение, полученное присутствующими совершенными, утратило ценность. Вся история катаризма, как итальянского, так и окситанского, демонстрирует стремление к тому, чтобы Церковь, прежде всего, была едина в своих обрядах, независимо от идеологических дебатов. И всё, что мы можем вычитать из документов на эту тему, так это вопрос о различных «орденах» иерархической преемственности.

Также ясно, четко и выразительно оба антиеретических трактата выявляют смысл первоначального раскола между итальянскими катарскими Церквями: не по доктринальным вопросам, а в связи с сомнениями в моральном превосходстве того или иного епископа-основателя, что автоматически подрывает ценность всей цепи таинств, совершенных этим епископом и его последователями – катарская теология не допускала, чтобы Дух передавался через недостойных служителей; безгрешность была основной характеристикой Доброго Христианина. Если мы перелистаем католические трактаты, написанные в тоне «слухов», то кажется, они рассказывают, будто конец Никиты был плохим – лишней знак его недостойности! – поскольку епископ Симон или епископ Гараттус якобы застали его в обществе женщины...

Соперничество и расхождения множились, исходя из уровня доверия катарских общин к репутации их епископов. Если подвергали сомнению, например, таинства, уделенные Симоном, так это не потому, что он придерживался неправильной доктрины, абсолютного дуализма ордена Другунтии или чего-нибудь еще, но потому, что, нарушив обет целомудрия, он не в состоянии был более уделять «святое крещение Иисуса Христа через возложение рук». Именно поэтому, согласно католическим источникам, итальянские общины раскололись на антагонистические группы сторонников Джованни Еврея и Гараттуса – последователей Марка, и сторонников Пьетро Флорентийского, Джованни Судьи и Филиппа.

Первая группа основала Церковь Конкореццо, а вторая – Церковь Децензано. Катары из региона Мантуи избрали епископа по имени Калояннес, из Виченцы – некоего Николаса, из Тосканы – двух епископов, имена которых до нас не дошли; и всё это происходило где-то в 1180 году.

АЛЬБАНЕНСЫ И ГАРАТИСТЫ: СУТЬ ДИСКУССИЙ

Церкви Тосканы, Мантуи/Баньоло, Веронской марки и долины Сполете достаточно четко соответствуют традиционным географическим размежеваниям; и если мы встречаем в католических источниках упоминание о различии в дуалистических доктринах, исповедуемых ими, тем не менее, общины объединялись по территориальному признаку, аналогично окситанским епископствам. Когда мы смотрим на Церкви Децензано и Конкореццо, то и здесь ситуация не столь радикально отличается.

Дополняя и, в общем, подтверждая информацию, предоставляемую разнообразной католической полемической литературой, *Сумма против катаров* Райнерия Саккони дает нам некоторые подробности и материал для размышления. Например, именно Райнерий Саккони отмечает, что к середине XIII века, то есть ко времени написания его труда, численность Церкви Конкореццо, к которой он в своё время принадлежал, составляет более полутора тысяч совершенных, мужчин и женщин, в то время, как членов Церкви Децензано всего лишь около пятисот. Не всегда его цифры следует принимать безусловно – особенно когда мы видим, что тот же Саккони насчитывает всего лишь «около двухсот» членов Церквей Тулузен, Альбижуа и Каркассес, а также того, что осталось от Церкви Ажене, ныне «уничтоженной». Но даже если он имеет в виду Церкви в изгнании, эти цифры, по всей видимости, явно занижены.

Зато упоминаемое им соотношение сил между двумя великими итальянскими Церквями – что Церковь Децензано представляет приблизительно треть от численности Церкви Конкореццо – является очень интересным, так же, как и замечания о географическом распространении. Райнерий Саккони фактически дает нам понять, что в это время – напомним, речь идет о середине XIII века – Церковь Конкореццо была распространена по всей Ломбардии, а Церковь Децензано тоже была представлена в большом количестве ломбардских городов, особенно в Вероне. Таким образом, из его отчета следует, что две соперничающие Церкви были укоренены в одном и том же крупном регионе. Мы также знаем, что в XIII веке их разделяли великие идеологические споры: между абсолютным и умеренным дуализмом. В эпоху Райнерия Саккони эти теологические расхождения достигли своей кульминации:

альбаненсы Церкви Децензано против гаратистов Церкви Конкореццо. Это также была эпоха Джованни де Луджио и *Книги о двух началах*, о которой мы уже говорили, и в которой лучше всего выражена суть спора.

Еще раз обратим внимание на то, что речь идет только о теологических дебатах: умеренные гаратисты Конкореццо и абсолютные альбаненсы Децензано следовали одному и тому же обряду.

Иерархия шести катарских итальянских Церквей известна нам в подробностях из антиеретических трактатов, так же, как и каталог наиболее шокирующих и противоречивых аспектов их мифологии и интерпретаций, против которых была сосредоточена вся полемика. До нас дошли имена почти пятидесяти епископов и коадьюторов на протяжении ста лет, о которых говорят тексты – от 1175 до приблизительно 1275-1280. Напомним также, что Джованни де Луджио где-то с 1230 года был Старшим Сыном епископа Децензано Белесманца, а между 1250-1260 гг. сам стал епископом. Они вели свою иерархическую линию, после раскола Петра Флорентийского, от епископа по имени Джованни Красивый, а потом от некоего Альбануса, который, без сомнения, дал имя альбаненсам.

В то время, когда Джованни де Луджио предавался своим теологическим рефлексиям, когда создавались как *Книга о двух началах*, так и великие антиеретические Суммы Монеты Кремонского и Райнерия Саккони, в течении десяти или пятнадцати лет епископом Конкореццо был некий Назарий. Его Старший Сын, Дидье из Конкореццо, идеологический лидер гаратистов, находился в аналогичном сане с Джованни де Луджио, и, без сомнения, являлся его главным интеллектуальным противником. Назарий и Дидье вели свою иерархическую линию от епископа Гараттуса, также давшего имя своей Церкви. Интересно заметить, что епископы Гараттус и Альбанус были, по-видимому, современниками; именно в этот период – между 1180 и 1190 гг. - появились названия гаратисты и альбаненсы, с теологическими разделениями на умеренных и абсолютных дуалистов.

Мы не будем здесь характеризовать *Книгу о двух началах*, о которой и так достаточно долго говорили. Отметим только, что этот труд упоминается Райнерием Саккони, который пишет, что держит в руках «толстый том из десяти книг». Нам также известно, что дошедшая до нас рукопись представляет собой неполное резюме книги Джованни де Луджио. Не сохранилось никаких писаний Дидье из Конкореццо, о которых мы знаем только из теологических тезисов Саккони, но качество философской рефлексии Джованни де Луджио демонстрирует нам, на каком высоком уровне велись эти дебаты. В то время, как антиеретические трактаты пытаются придать итальянскому катаризму образ сект, поносящий друг друга из-за фольклорных концепций о творении Люцифером луны и звезд из короны Евы, аутентично катарский трактат, *Книга о двух началах*, показывает нам реальный уровень этих дискуссий, в высшей степени философских и теологических.

Это правда, что Джованни де Луджио, которого великий медиевист Рауль Манселли описал как «наиболее сильный в диалектике дух и наилучшим образом вооруженный теолог во всем катаризме», был несравненным метафизиком и схоластом, блестяще владеющим как Логикой Аристотеля, так и евангельской экзегетикой. Возможно, он всегда выходил победителем из этих споров? Правда и то, что *Книга о двух началах* – единственный катарский труд, дошедший до нас в оригинальной версии, и по нему нельзя судить о стиле других еретических докторов. Например, возьмем Анонимный трактат, урывками содержащийся в *Liber contra Manicheos* Дюрана де Уэска, о чем уже говорилось. Этот Анонимный трактат, скорее всего, происходит из окситанских земель и написан в первые годы XIII века. Это должна была быть толстая и солидная книга, менее «персонализированная», чем труд Джованни де Луджио, но написанная теологом, прекрасно знающим Писание и использующим его для обоснования абсолютного дуализма авторитетом Евангелия.

Можно сказать, что абсолютный дуализм поставил под сомнение умеренный дуализм исключительно на основании логики, облегчающей тщательное и разумное исследование Писаний. Умеренный дуализм учил, что восставший ангел организовал видимый мир из созданных Богом четырех элементов. Этот восставший ангел тоже был создан Богом и избрал зло по свободной воле (разумеется, грех гордыни...). Для проницательного ума эта теория страдала множеством недостатков: она абсолютно не разрешала противоречие между милосердием Божьим и Его всемогуществом, и более того, предполагала, что причина зла заключается в самом Божьем творении. Вот в чем был смысл идеологических дебатов между умеренными и абсолютными катарами: это не разногласия между соперничающими фракциями, получившими фундаментальное Откровение от антагонистических ересиархов, не спор между независимыми традициями («орден Другунтии» против «ордена Болгарии»). Этот спор был следствием теологических и интеллектуальных рефлексий катарских «Докторов», которые просто пытались разрешить внутренние противоречия и несоответствия системы христианского дуализма в эпоху, когда Западная Европа вновь открыла для себя Аристотеля и в моду входила схоластика. Абсолютный дуализм, возможно, был попыткой лучшего обоснования христианской веры, базируясь одновременно на связной интерпретации Евангелия и логических умопостроениях – которые были как аристотелевскими, так и просто более человеческими!

Первый христианский дуализм, первый катаризм был, без сомнения, умеренным: первые попытки обосновать непричастность ко злу Бога Любви и христианского Откровения в лоне Церкви сохраняла черты архаические, раннехристианские и гностические. Затем с течением времени эта тенденция углубилась и развилась, дав толчок появлению идей абсолютного дуализма. В конце концов это привело к спору между «традиционалистами и модернистами» в катарских общинах. По-видимому, это произошло между 1180 и 1190 гг., если верить различным историческим источникам (свидетельство Буонакорсо, окситанские документы и т.д.). Это, собственно, и была эпоха Гараттуса и Альбануса...

В первой половине XIII века, с появлением Джованни де Луджио, который отшлифовал дуалистическую логику до блеска, и Дидье из Конкоретто, дискуссии достигли своего апогея. Райнерий Саккони, принадлежавший к школе последнего, довольно связно излагает нам тезисы Дидье. Но из этого видно, что Дидье не столько пытается искать контраргументы против абсолютного дуализма в целом и Джованни де Луджио в частности, сколько тоже пробует рационализировать свою догматику и согласовать ее с логикой. Потому без особого труда он начинает скользить по естественному наклону умеренного дуализма, приближаясь к обычному христианскому монизму. Как только мы допускаем, что существует единственный творец и свобода воли, уже никакое фундаментальное противоречие не отделяет нас от римо-католической и ортодоксальной догмы. Разумеется, Дидье старается не делать этого последнего шага, но несомненно, что под его влиянием гаратисты, то есть катары, остающиеся верными старому умеренному дуализму с «гностической» и раннехристианской окраской, стали не столь заметны в общей христианской парадигме.

Но вскоре опасности подпольной жизни сблизили враждующих братьев и объединили их вокруг общего крещения Спасения, вернув их к первоначальному единству истинной христианской Церкви перед лицом преследований. Именно поэтому в истории итальянского катаризма не следует переоценивать эту оппозицию между абсолютным и умеренным дуализмом, которая на самом деле была «шпилькой» антиеретической полемики, непомерно раздутой для нужд ее пропаганды.

Гаратисты из Конкоретто хранили среди своих святых книг апокриф богомильского происхождения, *Interrogatio Johannis* или *Тайная Вечеря*, две копии которого дошли до нас, с примечками доминиканского инквизитора Ансельма Александрийского: «Это тайная книга еретиков из Конкоретто, привезенная из Болгарии, полная догматических ошибок и неправильной латыни». Абсолютные же дуалисты отвергали духовный авторитет источников гностического происхождения, на которых еще могли основываться проповеди умеренных катаров, и использовали для проповедей исключительно Евангелия в строгом смысле. По всей Ломбардии альбаненских проповедников с радостью встречали наиболее ученые интеллектуалы крупных городов; а Добрые Люди-гаратисты, как правило, имели успех при небольших дворах сельской знати.

БАНЬОЛЕНСЫ

Антиеретические итальянские трактаты охотно распространялись о доктринальных различиях, исповедуемых четырьмя Церквями Тосканы и Центральной Италии, и о том, какие из них поддерживали тезисы Церкви Конкоретто или Децензано. Но мы не будем перегружать эту книгу их каталогами и ярлыками, достаточно нудными и пустыми. Мы ведь уже говорили, чем на самом деле была дискуссия между умеренными и абсолютными дуалистами. Попытки характеризовать другие итальянские Церкви по подробностям их микродокtrin не имеют никакого смысла. Лучше посмотрим на все это здравым и непредвзятым взглядом; мы ведь, в сущности, не инквизиторы и не защитники пошатнувшейся ортодоксии. И с этой точки зрения объединение катарских общин вокруг Баньола/Мантуи, Флоренции, Виченцы и долины Сполете явно имеют географическую причину.

По видимому, катары епископства Флоренции больше склонялись к абсолютному дуализму, а катары Виченцы и долины Сполете были ближе к мнению баньолистов или калоянистов епископства Баньола/Мантуи, разделявших точку зрения среднюю между гаратистами и альбаненсами; остановимся на этом. Всё, что мы можем извлечь из подробностей, предлагаемых нам католическими полемистами, так это то, что, конечно, докетистская традиция катаров была относительно расплывчатой, и потому всякий вдумчивый интеллектуал того времени, исследуя собственную веру, разумеется, пытался сформулировать связную доктрину относительно природы Христа, девы Марии или Троицы. В тринадцатом столетии старый катаризм обновился и стал теологическим, чтобы сразиться с католицизмом на его территории, а не просто использовать старые антиклерикальные рефлексии патаренства.

Райнерий Саккони утверждает, что членов Церкви Баньоленсов, распространенной в Мантуе, Брешии, Бергамо, немного в герцогстве Миланском и Романье, было приблизительно две сотни христиан и христианок. Однако, мы не будем считать данные цифры исключительно точными, но посмотрим, что он говорит о численности других

Церквей: в два раза меньше христиан Веронской марки – которые вместе с Виченцей насчитывали чуть больше ста; тогда как Церковь долины Сполете и Туши не имела даже сотни членов. Райнерий Саккони ничего не говорит о Тосканской Церкви.

Членов Церкви Мантуи, согласно источникам, называли баньоленсами/ баньолистами, или калоянистами. Эти названия происходят от двух их первых епископов: Калоянна и его преемника Орто из Баньоло, который, кажется, жил у себя на родине, в маленьком городке Баньоло Сан Вито, возле Мантуи.

Церковь Флоренции одна из наиболее старых и упоминается в архивах событий в Витербе и Орвието в середине XII века: Флоренция фигурирует там как еретическое гнездо, откуда приходили проповедники и миссионеры. Это была Церковь городских общин, богатых и динамичных: Флоренции, Пизы, Сиены. Церковь Тосканы, без сомнения, была интеллектуальной и ученой. Двое совершенных, Пьян ди Гашия и Понтассиеве, как мы уже видели, руководили школой в Поджибонси.

В 1173 г. на город Флоренцию церковными властями, католическими и римскими, был наложен интердикт в связи с многочисленностью «патаренов» в стенах города. Не случайно антикатарские трактаты называют как одного из первых еретических лидеров некоего Пьетро из Флоренции. Трактат Ансельма Александрийского говорит нам о том, что этот Пьетро был первым епископом Тосканской Церкви, избранным и посвященным в сан вследствие миссии Никиты. Но нет сомнений, что катарские общины во Флоренции и других тосканских городах уже были структурированы к середине XII века. Несколько крупных инквизиционных процессов второй половины XIII века бросают некоторый свет на социальное укоренение катаризма во Флоренции и Тоскане: прежде всего, он был распространен среди богатых бюргеров и знати.

Церковь Виченце и ла Марш распространяла свою деятельность до самых Альп. После Николаса, первого избранного епископа в конце XII столетия, значительной фигурой в этой Церкви был Пьетро Галло, который стал его преемником после 1210 г., а до того был его Старшим Сыном. Альберт Великий упоминает о нем как об одном из теоретиков катаризма; он также известен как умелый полемист – но никаких его произведений не сохранилось.

Иерархия Церкви долины Сполете известна меньше, поскольку антиеретические трактаты не говорят о ней ничего, хотя в последней четверти XII века катарские проповедники весьма активны и заметны в главных городах Туши, которая принадлежала к тому же епископству. Из всей многочисленной и подробной информации антиеретических источников относительно этих четырех не столь крупных итальянских Церквей, остановимся на утверждении Райнерия Саккони, что в конце концов, Церкви Баньоло, Виченце и долины Сполете к середине XIII века приняли в теологическом плане концепции альбаненсов Церквей Децензано и Флоренции. Но во второй половине столетия этот «семейный портрет» был разрушен, а все эти Церкви ушли в подполье.

ОТ ПАТАРЕНОВ ДО ГИБЕЛЛИНОВ

Катаризм в Италии попал на особенно плодородную почву, удобренную традициями патаренского ригоризма и антиклерикализма. Конечно, поддержка, оказанная в свое время папством народным городским движениям в Ломбардии и Риме (поскольку назрела необходимость привести к здоровому евангелизму великих прелатов, купающихся в роскоши, практикующих симонию, николаитов и развратников) несколько угасила слишком явные еретические тенденции. Но, конечно же, впоследствии катаризм воспользовался этим, когда его аскетический монашеский силуэт вырисовался на фоне старинных моральных и экклезиологических требований.

Очень быстро по всей Италии, начиная с конца XII века, термин *Патарен* стал употребляться для обозначения еретических дуалистов. Те, кто критиковал Римский клир, автоматически считались патаренами. За исключением центров первого патаренства, например, Милана, где исторические лидеры движения патаренов были беатифицированы папой. В Милане стали применять термин немецкого происхождения, «катары», для обозначения еретиков, которых в Витербо или Виченце называли «патаренами».

Можно сказать, что катары продолжили по самое четырнадцатое столетие семантические приключения слова «патарены», потому что их призыв возвратиться к идеалам ранней Церкви прекрасно вписался в «патаренскую чувствительность». Потому также итальянский катаризм перенял всю экклезиологическую аргументацию против иерархии Римской Церкви и ее извращений, чего почти не делал в то время окситанский катаризм. Однако, по-видимому, несмотря на живую память Патарии, вряд ли одни и те же классы городского населения поддерживали старых и новых реформаторов. Катары крупных итальянских городов в большинстве своем были представителями богатого бюргерства и даже городской знати. Новый патаренизм был намного изысканнее, чем первый: он не был движением тряпичников – поскольку именно таким было этимологическое значение слова «патарен» - но

торговцев тканями; им увлеклись люди с деньгами, купцы, «ломбардцы», ездившие на ярмарки в Шампань, но также гордая аристократия свободных городов, пытавшаяся строить свои родовые башни выше, чем городские кампаниллы.

Итальянский катаризм XIII века всегда был связан – возможно, это было в порядке вещей – с гиббелинством. Единственной политической силой, способной выступить против Римской Церкви, укрепившейся и реорганизованной, после Патарии, вокруг папства, без сомнения, была каста городской олигархии, поддерживающая императора, чтобы защитить свои права и свободы: то есть гиббеллины. Фактически, сами гиббеллины всегда заботились о том, чтобы оказывать финансовую или даже военную поддержку еретическим верующим, и регулярно защищать самих еретиков от нападков Инквизиции.

Следует ли поэтому приписывать патаренским убеждениям или гиббелинским взглядам, а можем быть, тому и другому, восстание итальянских городов, гордых и ревниво отстаивающих свою независимость, во главе с крупными аристократическими семьями, против Инквизиции, как во Флоренции в 1245 году? Можно сказать, что пока Фридрих II доминировал в великом конфликте, раздиравшем Италию XIII века, катары городов не особо боялись ни Римской Церкви, ни антипатии крупных клириков, ни злобы их трактатов. Однако, во второй половине столетия, когда партия гвельфов, после военного вмешательства Карла Анжуйского, сломала гиббелинское сопротивление, как аристократии, так и городов, Инквизиция стала действовать и в Италии с той же эффективностью, которую мы уже знаем по Шампани и Окситании, и зажгли костры.

Архивы итальянской Инквизиции только начинают открываться, и представляют большой интерес для изучения социального укоренения итальянского катаризма. Но, как мы уже отмечали, эти документы не идут ни в какое сравнение с массой реестров окситанской Инквизиции. Потому нам остаются только обвинения католической полемики, изображающей катаров как раскольников и сектантов, не уважаемых в обществе и не особенно моральных. Наряду с суровой фигурой патарена и гордым силуэтом гиббеллина, итальянский катар остается для нас тайной. Но, вероятно, мы можем утешиться хотя бы тем, что способны придать ему черты теологического взлета, благодаря Джованни де Луджио или Дидье из Конкоретто.

X ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА И КАТАРИЗМ

В геополитическом контексте Окситании, по крайней мере, там, где это можно относительно точно проследить, на этих парадоксальных территориях, катаризм демонстрирует нам возрастающую динамику, движение, которое не удавалось остановить. Только начиная с 1230 г., когда в игру вступает французская монархия, сломившая военное сопротивление края, и Инквизиция с нищенствующими орденами, которая институционализировала репрессии с перспективой дальнейшего отвоевания душ, Церковь Добрых Людей ушла в подполье до своего окончательного уничтожения.

Потому у нас есть физические и временные рамки, приблизительно пятьдесят лет между 1180 и 1230 гг., на протяжении которых можно отследить, что представляло собой общество, несшее отпечаток катаризма, там, где его еще не осуждали на смерть. Многочисленные исторические документы, как хроники, так и разнообразные архивные акты, говорят нам о социальных и экономических условиях, позволивших катаризму укорениться в этой земле. Наиболее ранние реестры Инквизиции описывают детали повседневной жизни и культа, и называют нам имена верующих и совершенных, отмечают их социальную роль, упоминают их родню и даже подробности частной жизни, приведшие к их вовлечению в новую религию.

И пребывая внутри этих временных и географических рамок, мы можем попытаться выявить особенности этого общества, которое во всем остальном было абсолютно христианским даже по нормам доминирующей Церкви - но имела свои отличительные особенности, по сравнению со всем остальным средневековым западным миром. К тому же, нужно иметь в виду, что мы все время смотрим на это общество через призму пятидесяти или шестидесяти последующих лет, покончивших с этой религией и, возможно, с этим обществом. Показать механизмы, уничтожившие эту религию, относительно просто. А вот проследить тайну сердец, бьющихся под длинными, тяжелыми и немного безысходными свидетельствами перед Инквизицией, одновременно сложно и болезненно. Поэтому, решительно присоединяясь к известным словам о том, что «историк - это живой, говорящий с живыми словами мертвых», я хочу начать смотреть на места, где жили катары, таким образом, как если бы они никогда не переставали там жить...

В ПОИСКАХ ОСОБЫХ УСЛОВИЙ

Можно отметить, что для определения благоприятных условий развития иной или диссидентской религиозности, на территориях геополитически открытых к проникновению катарского христианства, так называемых «парадоксальных зонах», одних географических и политических критериев, впрочем, как и демографических, экономических и культурных, явно недостаточно. Если мы бросим взгляд на иные территории, вне Окситании, сможем ли мы выявить некие постоянные величины, представляющие собой идеальные условия открытого к катаризму общества?

В большей или меньшей степени распространенное по всей Европе, движение катаров достигло достаточного успеха, чтобы возбудить против себя репрессии, в определенном количестве регионов: Рейнских землях, Фландрии, Шампани, Северной Италии и, в меньшей степени, но в более интеллектуальной и клерикальной среде, в Бургундии. Все они имеют одну общую черту - это зоны торгового обмена, перекрестки торговых путей нового, проклевывающегося рыночного общества. Наиболее сильно эта черта выделяется в Северной Италии, Шампани... и в Окситании. Но как сохранить здесь осторожность и не путать причину со следствием: что может быть благоприятнее рыночной площади или огромного поля международной ярмарки (как в Шампани), для обмена, распространения и восприятия идей, как впрочем, продуктов роскоши, специй и шелков?

Но если в Милане и Флоренции Добрые Христиане проповедовали открыто, то так не случилось в Провансе, хотя в деревнях региона Вертюс катаризм был очень распространен, как и вообще в Шампани. Если Альби и Тулуза были богатыми и процветающими торговыми городами, то так нельзя было сказать о Каркассоне, а еще меньше о городках Лаурагэ, население которых, тем не менее, массово склонялось к доктринам Добрых Людей. Не похоже ли это наше искомое, особое, идеальное и теоретическое место, скорее, на проходной двор для всех средневековых странников, от монаха, бежавшего из аббатства, до пилигрима, от бродячего жонглера до странствующего купца, чем на престижные места международной торговли, где генуэзцы встречались с жителями Кагора, и где, между прочим, часто бывал отец Франциска Ассизского?

По крайней мере, не вызывает сомнений, что катаризм распространился по Европе как по маслу в исторический период открытия наново великих торговых путей после войн и вторжений, и установления новых мест обмена (развитие ярмарок), а также новых финансовых, чтобы не сказать банковских, систем: обменные письма, непосредственные предки чеков и кредитных карточек, были изобретены в Тулузе в XII веке. Дороги распространения идей не всегда таинственны: а вот условия их укоренения видны не столь явно.

Окситанские княжества, являвшиеся основным местом развития альбигойского катаризма, в основном принадлежали к великим европейским зонам, оживленным новым торговым обменом и начавшим развивать денежную экономику. Они также характеризуются взлетом городской жизни, связанной с появлением и экономической экспансией нового класса бюргеров и торговцев. В то же время структурируются города, получающие свободы, льготы и консульское управление в ущерб старым феодальным сеньориям. Можно сказать, что в этом смысле окситанские города, такие как Тулуза, Каркассон, Лиму, Памье, Безье, являются младшими сестрами свободных итальянских городов Ломбардии и Тосканы. В 1167 г. население Безье, во главе с консулами, убило своего виконта, Раймона Тренкавеля... Под конец XIII - в начале XIV века именно консулы городов Каркассона и Лиму подняли на восстание народ против злоупотреблений доминиканских инквизиторов, как это было и во Флоренции в 1245 г. Во времена крестового похода Симона де Монфора, между 1214 и 1218 годом, союз консулов и тулузского народа с графами спас город.

Окситания и Северная Италия, не исключая и Шампани, представляли собой, на переломе XII-XIII веков, очаги новой культуры. Лимузен, Тулузен, Прованс изобрели «Искусство Любви», выразившееся в лирике трубадуров. Через несколько десятилетий Кретьен де Труа в Шампани (но также Мария Французская в Нормандии), а еще труверы, стали склоняться к «куртуазной Любви»... Первые романы «на бретонский манер», которые Кретьен переделал согласно вкусам эпохи, были, впрочем, созданы в одно время с первыми песнями трубадуров: светская литература развивалась одновременно и в землях Ойль, и в землях Ок. Легенда о том, что Окситания подняла над грубой крестьянской Европой факел единственной средневековой поэтической цивилизации - всего лишь иллюзия. Италия тоже не отставала, и *dolce stil nuovo* в XIII веке стал плодом уже существующей культурной традиции.

Окситанские зоны укоренения катаризма имеют, таким образом, общие черты, как в социально-экономической структуре, так и в политическом и культурном развитии с другими регионами, где это движение было распространено, особенно с Шампанью и Ломбардией. Это, прежде всего, относительный взлет класса бюргеров по сравнению с феодальной системой, который, по крайней мере, в Средиземноморье, получает власть в городах;

существование мест и путей обмена новой международной коммерции, и очаги распространения новой светской литературы.

КАТАРИЗМ И ПРАВЯЩИЕ КЛАССЫ

Однако в Окситании - и это может показаться довольно парадоксальным по отношению к тому, что было сказано выше - по-видимому, катаризм понемногу проник во все сферы общества с помощью знати, феодального сословия. По крайней мере, это видно из изучения реестров Инквизиции: и то же самое заметно из сообщений о событиях в ВерФэй и Альби, коллоквиуме в Ломбере, из письма Раймона V Тулузского - в общем, из всех документов второй половины XII века. Катаризм появляется в текстах, как феномен, явно пользующийся поддержкой знати. Вначале мелкой знати: рыцарей ВерФэй, Альби, Ломбера; затем великих сеньоров, как Раймона VI Тулузского, открытого и толерантного к Добрым Людям, в отличие от своего отца; Роже Тренкавеля и его жены Азалаис Тулузской; графской семьи де Фуа, женщины которой становились совершенными с начала XIII века. Катаризм в Окситании явно становится особо изысканным способом достичь спасения согласно Евангелию...

Множество историков уже столетие показывает нам эту окситанскую знать перед французским завоеванием как традиционно легкомысленную, пустопорожнюю, слишком занятую интеллектуальными дебатами и мирскими удовольствиями, а не серьезными сражениями и воинскими доблестями... Естественно, что подобное падение нравов (Боже мой! Чем занимался король Педро Арагонский в ночь, предшествующую его поражению при Мюре в 1213 году? Я уверена, что Вы угадали!), недостаток воинских доблестей у «провансальской расы» (неудивительно, что Жанна д'Арк была почти из Лотарингии!) и разногласия между крупными и мелкими сеньорами, которые никогда не забывали своих пустых ссор, вместо того, чтобы объединиться общим фронтом против армии захватчиков (*Галльская война* сообщает о тех же недостатках кельтской знати. Автор - Юлий Цезарь), являлись главными причинами поражения «Юга» в войне с разумными франко-германскими крестоносцами Церкви и Симона де Монфора...

Надеюсь, читатели понимают, что я высмеиваю здесь, конечно, чрезмерные аспекты этих тезисов, выброшенных теперь на свалку Истории вместе со всеми теориями о господствующих расах. Не случайно они процветали во Франции в эпоху правительства Виши, потому что вряд ли окситанская знать так уж сильно отличалась от знати более северных регионов современной Франции или Западной Европы.

Дело в том, что городскими консулами крупных городов - Тулузы, Каркассона, Безье и так далее, во власти высшей знати - по крайней мере, графа Тулузского и виконта Тренкавеля - была пробита значительная брешь. Конечно, вассалы этой знати представляли собой весьма светскую касту - в маленьком замке Мираваль в Кабардес дискутировали о Любви так же искусно, как и при дворе Раймона VI - но все больше и больше беднеющую. К этому приводило отсутствие права старшинства в обычном романском праве, господствовавшем в этом краю, когда сеньории делились между несколькими наследниками, среди которых могли быть и дочери. (Например, крошечный и куртуазный замок Мираваль, о котором упоминалось выше, в начале XIII столетия принадлежал, как минимум, шести совладельцам). В то же время рыцари, находящиеся на службе у сеньора замка, присоединив к нему башню, часть укреплений и клочок земли, тоже потихоньку поднимались до ранга совладельцев, как в Фанжу. Эта знать бургад, бедная и многочисленная, стала наиболее благодатной средой для Добрых Людей.

Здесь были и реальные политические проблемы: виконтство Тренкавель (Каркассон, Альби, Безье, Разес) было слишком крупным образованием, плохо управляемым и администрируемым. Нарождающееся городское бюргерство и почти именной патрициат (но так, впрочем, было и в Тулузе) демонстрировали постоянное желание сбросить иго виконтов, и даже сами виконты приносили оммаж королю Арагона, чтобы защититься от своих могущественных соседей графов Тулузских и де Фуа, с которыми, однако, они были связаны кровными узами. Потому разграничение катарских епископств Тулузен и Каркассес между Монреалем и Фанжу имело и некоторый политический смысл.

Играли ли иерархи окситанских катарских Церквей роль «библейских» мудрых арбитров, как, например, в Боснии, где тамошние иерархи выполняли функцию дипломатов для господствующего сословия на очень высоком уровне? Это весьма здравая мысль, потому что такая практика наблюдается от случая к случаю при разрешении споров между сельской знатью и ее соседями - обитателями деревень и хуторов. Можно сказать, что ревностное и относительно массовое вовлечение в новое христианство было, скорее, делом мелкой «народной» знати, чем великих князей (за исключением дам).

Теоретические причины, привлекавшие к катаризму представителей феодальных кланов, не вполне ясны. Если верить многочисленным версиям мифа о падении, рассказываемым разными проповедниками из Добрых Людей,

то говоря о соблазне злого духа, увлекшего благие божественные создания, они объясняли, что этот дух вызвал у них прежде всего стремление к власти, а затем уже к телесным удовольствиям. Жан Маури, из Монтайю, пересказывает отрывок из проповеди Гийома Белибаста на эту тему Жаку Фурнье:

«(Злое божество) сказало им... что они смогут охотиться с одной птицей на другую, с одним животным на другое; и что одни из них станут королями, другие графами, иные императорами, иные господами над другими; и что он даст им познать добро и зло, если они захотят поверить ему и уйдут с ним...»

Каким образом речи такого рода, осуждающие практически всю светскую иерархию, особенно феодальную, представляющие такое аристократическое развлечение, как охота, в качестве удовольствия по сути своей дьявольского, могли привести к благосклонности знати? Здесь следует еще раз прояснить ситуацию: убить одно животное с помощью другого животного, или непосредственно, в любом случае противоречило евангельским запретам, составлявшим смысл жизни Добрых Христиан: «Не убий». Даже животное. Потому Добрый Христианин, посвященный через *consolament* и избегавший убийства, не мог не проповедовать своей аристократической пастве отвращения к охоте. Разумеется, еще более тяжким грехом было убить человека, и даже осудить его на смерть во имя справедливости и человеческой власти - скорее, дьявольской власти. В других текстах, другие катарские проповедники с большой экспрессией высказываются об отрицании подобных социальных практик. Не по-христиански отказываться подставлять другую щеку, или не вложить меч в ножны, как Петр перед арестом Христа. Так поступает только Римская Церковь, Церковь зла, согласно определению Дублинского Ритуала на окситан:

«Вот как все эти слова Христа противоречат действиям злобной Церкви Римской, ибо ее не преследуют ни ради добра, ни ради справедливости, ни ради чего иного; наоборот, именно она преследует и приговаривает к смерти всякого, кто не соглашается с ее грехами и преступлениями. И ее не гонят из города в город, наоборот, она господствует над городами, всеями и провинциями, и она восседает среди роскоши мира сего, и ее боятся короли, императоры и бароны...»

Нет сомнений, что исходя из видения катарами мира как дьявольского, роскошь, светская иерархия и власть тоже не имели для них иной сущности, чем дьявольская... Право феодального правосудия (при разрешении крупных, средних и мелких дел...), неразрывно связанное в феодальном мире с воплощением этой власти, так же было неоднозначным образом запрещено Евангелием: «Не судите, и не будете судимы. Не осуждайте, и не будете осуждены» (Лк. 6, 37), и более того: «Бог не сотворил смерти и не радуется гибели грешников» (Прем. 13) и т.д. Скорее всего, таковы были причины, по которым совершенные (высокого ранга) выступали арбитрами разногласий между верующими из мелкой знати: так в Монсегиуре катарский епископ Бертран Марти миром решил проблему между Пьером Роже де Мирпуа и представителями города Ларок д'Ольм.

Отказ катарской Церкви от всякого институционализованного насилия, войны и смертной казни, ее отвращение ко всякой светской иерархии и отрицание права светского правосудия, вообще-то, не должны были бы создавать особый успех проповедям Добрых Людей в среде знати. То же можно сказать и об их эгалитаристских теориях социального плана, которые уравнивали случайностью перевоплощения людей в телах обеспеченных и телах угнетенных. Безмолвное согласие Добрых Людей на то, чтобы нуждающиеся сеньоры не выплачивали церковных податей, может быть, конечно, аргументом, но не настолько весомым, чтобы на самом деле очернить этот евангелический идеализм. Фактически, отношения, установившиеся между Церковью Добрых Людей и мелкой окситанской знатю, никогда не были деловыми, но крепкими и верными связями почти страстной сердечности.

КАТАРИЗМ И РЫНОЧНОЕ ОБЩЕСТВО

Если с одной стороны выходит, что катаризм под различными наименованиями, по-видимому, в целом предпочтительно укоренялся в зонах путей торговли и обмена, в ключевых регионах «докапиталистической» Европы (если позволительно употребить не очень симпатичное и достаточно анахроничное выражение), то с другой стороны, получается, что в Окситании он, несомненно, был прежде всего привилегированной религией как высшей, так и бедной знати. Здесь возникает очевидный парадокс, хотя и со многими оговорками. Прежде всего, класс буржуазии в эту историческую эпоху своего реального возникновения, конечно, сразу же попытался приспособить свои вкусы и нравы к моде высшего света, и даже сделать первые шаги в области экономического и политического развития. Так, например, было с социально-культурным феноменом трубадуров, которые очень быстро стали появляться не только из среды знати, но и буржуазии - и особенно в регионе Тулузен. Точно так же было, без сомнения, и с христианством Добрых Людей. Англичане поспешили придумать слово «снобизм» для обозначения такого рода соблазнительной привлекательности аристократической моды для богатых людей, которым недоставало «благородства» происхождения.

Кроме того, городской патрициат, пытавшийся использовать реальный экономический и социальный взлет вовлеченной в сделки и международную торговлю между Тулузой и Средиземным морем южной буржуазии, все больше и больше пытался, для усиления своей политической власти, фактически становиться знатью: так было и в Северной Италии, так было с консулами Тулузы, и с некоторыми семьями Каркассона, например, Морлян. Впрочем, южные «рыцарские» семьи вроде бы не питали никакой враждебности к этому социальному возвышению городской буржуазии, вопреки презрению, которое несколькими столетиями позже демонстрировала знать «меча» по отношению к знати «платья». Но все равно, эти две предлагаемые оговорки не объясняют того, почему в Окситании, как, впрочем, в Шампани или Италии, где класс торговой буржуазии теоретически имел более весомые, чем знать, причины принять катарское христианство, эта самая знать, по крайней мере, в Окситании, по-видимому, шла в авангарде этой новой интеллектуальной моды.

Нужно сказать, что прежде всего, в отличие от клира доминирующей Церкви, но также и от богомилов, Добрые Христиане участвовали в трудовых отношениях. Правила обязывали их зарабатывать себе на жизнь, по примеру апостолов, которые знали разные ремесла. Верующий из Акса (Ле Терм) прекрасно объясняет Жаку Фурнье послание катарского проповедника населению городов и деревень: «(Он говорил)... что попы и клирики потому были злыми людьми, что вымогали и брали у людей десятину и налоги, а не зарабатывали собственными руками...»

Катарская Церковь не налагала никаких поборов на верующих для поддержания своего существования: впрочем, у нее никогда не было ни устава, ни необходимого юридического и административного аппарата для взимания подобного типа «силовых доходов», противоречащих ее евангелизму. Совершенные обоих полов работали собственными руками, и прибыль от этой работы составляла значительное количество финансовых поступлений в их Церковь, получавшую также, естественно, различные дары и завещания, особенно по поводу *consolament* умирающих. Эта Церковь не требовала ничего, но у нее в обычае было принимать «благочестивые подношения», по мере средств каждого и принесенные от чистого сердца, в то время, как каждый член этой Церкви, от самого скромного совершенного до епископа, без сомнения, проводил жизнь в индивидуальной бедности.

Катарские дома, дома совершенных мужчин и женщин, открывавшиеся в городах и городках, были настолько же мастерскими, насколько центрами проповеди и молитв: ткацкими, швейными, мастерскими по производству различных ремесленных предметов, необходимых для повседневной жизни, начиная от деревянных мисок и кончая роговыми гребнями. Так, в Фанжу, в «доме» - ткацкой мастерской Старших Пьера Бельома и Арнота Клавеля, маленькая Гильельма Ломбард, тогда еще ребенок, приносила мотки шерсти и получала в обмен орехи и доброе слово, и об этом, когда выросла, она рассказала инквизиторам.

Интересно, что благодаря своей дуалистической метафизике и правилам евангельской жизни, катарская Церковь была связана с экономическим миром, новаторским для своей эпохи - более с миром буржуазии и обмена, чем с традиционными земельными и сельскими ценностями феодальной сеньориальной системы. Конечно, катарская Церковь не вырубала леса, чтобы основывать монастыри и освободить место для новых деревень, как это делали бенедиктинцы в эпоху, когда они внесли большой вклад в демографическое и экономическое развитие Западной Европы (эпоха Тысячелетия и «белого платья церквей»). Катарская Церковь не владела ни землями, ни поместьями. У нее не было ни арендаторов, ни тем более крепостных, работавших на ее полях и виноградниках. Она была общиной христиан, работавших и одновременно проповедовавших Слово Христово и пропагандировавших свое таинство. В городах и селениях эта Церковь открывала «дома», бывшие центрами распространения доктрины и христианских практик, где Старшие и жившие вместе с ними Добрые Христиане должны были неизбежно заниматься ремеслами, чтобы зарабатывать на жизнь и следовать правилам. Когда совершенные путешествовали, по двое, чтобы исполнять миссию проповедования и таинства *consolament*, то иногда нанимались в качестве сельскохозяйственных сезонных рабочих к светским хозяевам, весьма логично предпочитая ремесла, совместимые с их статусом путешественников.

Потому очень естественно они становились розничными торговцами, принося в разные места как продукцию различных катарских мастерских, так и Слово Добра. Посещая ярмарки в качестве бродячих торговцев, они были своими для других торговцев, и таким образом, к их словам больше прислушивались. Мы видим также, что совершенные занимались различными ремеслами, но, как правило, «мобильными», например, были врачами или плотниками. Между двумя пастырскими миссиями, возвращаясь в свой родной «дом», Добрые Люди брались за станок ткача, нож кожевенника, иглу швеи и делали новую продукцию, которую потом продавали. Став Добрыми Христианами, бывшие рыцари не стеснялись «унижаться» трудом. Вот простой пример, один среди многих:

«(Гийом д'Эльвес) говорил... что когда он жил потом в Кордес, то видел, как они публично держали там швейную мастерскую. Он видел Гийома де Вирак, рыцаря из Кордес... Когда они приходили в эту мастерскую, то встретили там также еретика Сикарда де Фигейраса, который жил вместе с ними, и Талабера из Сен-Марсель, и Пьера де Жиранда из Мазерака, которые ткали вместе с ними...»

КАТАРСКИЙ БАНК

Рыцари, которые учились ткать или шить; великие дамы, как сестра графа де Фуа, обязанные пряхть, чтобы зарабатывать на жизнь; бродячие проповедники, которые были розничными торговцами и посещали рынки и ярмарки... Нет сомнений, что религиозное общество катаров открывалось миру нарождающейся торговой буржуазии. Этот социальный слой, особенно в Окситании конца XII века, переживал политический взлет с помощью городских консулов и экономический взлет благодаря окольным путям крупной международной торговли, и особенно новым банковским техникам. Этот мир должен был чувствовать некоторое «родство» с монахами, которые не закрывались в крупных земельных владениях или *scriptoria*, но посещали те же места, что ломбардцы или кагорцы, встречались с ними то тут, то там, в торговых городских центрах или лавке ремесленника, а иногда были «товарищами пути», присоединяясь к торговым караванам, сопровождаемым пилигримами...

Но связи этого класса буржуазии с катарской Церковью нельзя свести ни к «снобизму», по сравнению с аристократическим обществом, ни к евангелизации, которую совершенным-розничным торговцам легче было проводить среди купцов. Возможно, дело было в частоте социальных контактов и симпатиях купцов и ремесленников к клиру «из их среды». Для класса развивающейся буржуазии намного привлекательнее была христианская Церковь, которая не считала получение процента ростовщичеством, и не грозила никакими отлучениями тем, кто получал этот процент. А ведь именно так поступала Римская Церковь после постановления Первого Латеранского Собора 1097 года, в ключевую эпоху развития крупной международной торговли, начавшей склоняться в сторону движимости, а не святейших земельных владений феодального порядка. В любом случае, катарская Церковь не требовала десятины и никого не отлучала...

В одном из реестров итальянской Инквизиции, цитируемом Дёллингером, впрочем, указывается, что Добрые Христиане якобы имели собственную доктрину в вопросе о получении процентов: «Сверх того, они говорят, что не является грехом получать процент, по крайней мере, если это не мошенничество, потому что мошенничество в этом случае уже является грехом...»

Однако, можно заметить, что приравнивание получения процента к ростовщичеству не является особо «евангельским», потому что известная притча о талантах довольно-таки отличается от концепций Латеранского Собора 1097 года. Катарская Церковь не имела ни метафизических, ни практических причин презирать получение процента, и конечно же, купечество часто избирало для своего Спасения ту христианскую Церковь, которая давала ему мирно процветать. Но следует ли заходить слишком далеко, делая обычные для современности выводы, и видеть в катарской Церкви «транснациональную» банковскую институцию средневековой Западной Европы (какой чуть позже стал Орден тамплиеров, который фантазеры XX столетия любят разукрашивать витиеватыми «катарскими» арабесками...)?

Хотя, подобно евреям, катарские совершенные не боялись отлучения от Церкви, они, тем не менее, не играли роли ни получателей процентов, ни ростовщиков, по крайней мере, не лично. Конечно, они работали, и их Церковь была богатой: богатой плодами этой «регулярной» работы; богатой дарами и благочестивыми завещаниями, как всякая Церковь, и, несмотря на бедную жизнь своих служителей, эта Церковь имела нужду в деньгах. В период преследований она должна была иметь средства, чтобы оплачивать подпольных проводников, провожавших совершенных в безопасное место, или солдат и рыцарей, которые их защищали. В мирное время деньги нужны были для управления домами-мастерскими, закупки первоначального сырья или издания книг (каждый посвященный имел книгу, что в этот период Средневековья сравнимо с массовой «библиотекой», а это большие расходы).

«Имущество» катарской Церкви никогда не «застывало» в земельную собственность, а всегда оставалось в рыночном обороте. Само собой, что диаконы, осуществляя священническую и пастырскую миссию, обходя «дома» на своей территории, должны были проверять управление каждым домом его Старшим, и, конечно же, «сопровождать фонды». Деловой мир обычно работал на них: им доверяли денежные суммы на хранение, потому что всем была известна честность Добрых Христиан, и Церковь распоряжалась этими деньгами вместе с собственными средствами, возможно, приумножая их. Вряд ли можно представить какого-нибудь катарского совершенного как настоящего ростовщика вроде еврея или ломбардца, но нельзя отрицать, что в Окситании и Северной Италии Церковь как коллективная институция играла определенную роль банка. Она делала это очень скупулёзно, всегда заботясь о том, чтобы вернуть вклады даже в период большой опасности - мошенничество в области ссуд и управления всегда относились к разряду «грехов». Потому она не только оказывала услуги тому или иному местному ремесленнику или даже классу торговой буржуазии в целом, но прекрасно вписывалась в

экономический подъем эпохи. Особенно это было заметно в Северной Италии, где, как мы уже видели, крупные «банкирские» семьи (ломбардцы...) таких городов, как Флоренция, в массе своей, очевидно, были «катаро-гиббеллинскими».

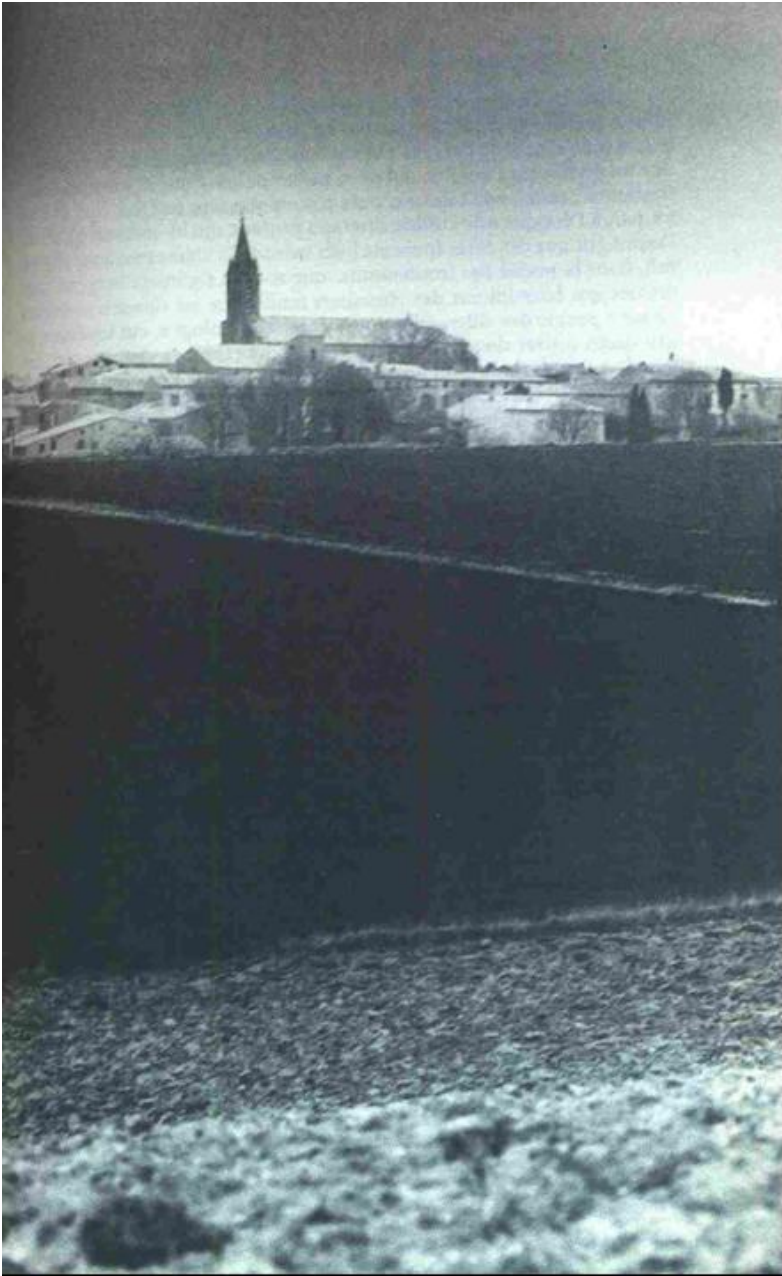
Катарская Церковь очень естественно вписалась и в нарождающуюся денежную экономику. Однако, это не означает, что весь класс буржуазии склонялся к христианству Добрых Людей: если так было в Окситании, то в таких торговых центрах, как Нарбонна или Безье, процесс был иным. Это просто означает, что не было ни явного, ни скрытого антагонизма, который мог бы помешать распространению в этом обществе новых религиозных идей.

ОБЩЕСТВО, ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОЕ К ЕРЕСИ?

Документы и сам ход Истории, бесспорно, демонстрируют, что Окситания была европейским регионом, с наиболее благоприятным для укоренения катарского христианства социально-культурным и экономическим климатом. Это христианство без труда вписалось во все социальные слои, причем в очень «прогрессивной» манере, то есть будучи «в струе» новаторского экономического течения, за которым было будущее. Однако, в других крупных зонах исторической экспансии катаризма, в Шампани и Ломбардии-Тоскане, это слияние было более ограничено: ярмарки Шампани могли играть определенную роль в пропаганде доктрин и распространении проповедей, однако крупная буржуазия, так же, как и знать, не очень этим интересовалась, и как известно, жертвами Робера ле Бугра и мучениками Мон-Эме были в основном мелкие клирики и крестьяне. Наоборот, в Северной Италии патрицианская каста, состоящая из подеста и деловых людей крупных гиббеллинских городов, конечно, имела некоторый интерес, связанный с катарской Церковью, но их склонность к дуалистическому христианству никогда не достигала размаха его социального внедрения в окситанское общество. В Италии катаризм был, скорее, интеллектуальным явлением, несколько элитарным и в любом случае патрицианским.

А вот в окситанской зоне влияния катаризм, во главе с правящими классами, знатью и нарождающейся буржуазией, превратился в «массовый» феномен целого общества. Документы Инквизиции, которые являются главными источниками социально-экономических исследований и «статистики» этого средневекового мира, достаточно многочисленны и точны, чтобы можно было вывести из них определенные цифры. В зависимости от территорий влияния той или иной крупной про-катарской семьи, территорий, охваченных проповедями того или иного известного служителя, в зависимости от игры экономических или политических интересов, а также от эпохи, пропорция катарских верующих среди всего населения может быть вычислена в процентном отношении от тридцати до пятидесяти процентов. К примеру, трудно представить себе, что между 1200 и 1210 годом в Фанжу или Ма-Сен-Пуэль было много чисто католических семей...

Разумеется, все эти проценты очень относительны. Кажется, в больших городах катаризм был менее распространен и появился там позже, чем, например, в небольших ремесленных бургадах Лаурагэ. Медленно, но верно, он завоевывал и крестьянские слои, которые оказались наиболее ему верными, и практически единственными, под конец истории катаризма, во времена окситанской *реконкисты* конца XIII - начала XIV века, защищали его. Но в интересующий нас период вовлечение крестьян очень сильно зависело от позиции сеньориальных семей, владевших землями, где они проживали. До эпохи репрессий катаризм преимущественно был религией именитых людей, политической элиты и культурных слоев. Этим он немного похож на итальянский катаризм, но окситанская знать была менее урбанизирована, чем итальянская. В Ломбардии и Тоскане катаризм был, между прочим, еще и одним из видов выражения гиббеллинской гордости свободных городов; а в Окситании он был разбросан среди бедных рыцарских семей на аграрных территориях, куда потихоньку проникала новая монетарная и коммерческая экономика, и где в больших городах открывались ярмарки. Ни Каркассон, ни Лиму, ни Альби, ни даже Тулуза не были Флоренцией или Поджибонси. Но они имели призвание рано или поздно стать таковыми...

Фанжю (Од). Куртуазный замок и еретическое гнездо.

Потому очень показательно, что катарский епископ Альби в основном жил в Ломбере, Тулузский - в Лаворе или Сен-Поль-Кап-де-Жу, епископ Каркассона в Кабарец или Арагоне. Окситанский катаризм кажется феноменом бургов, где мелкие торговцы и ремесленники жили вместе с пастухами и работниками, бок о бок с обедневшими, но куртуазными семьями местной аристократии. На следующих страницах мы будем иметь возможность поближе познакомиться с обществом, которое принимало Добрых Людей. Но мы уже добрались до этапа, на котором стоило бы разрешить, без сомнения фальшивую проблему предрасположения к ереси окситанского общества, еще даже до того, как она будет поставлена. Ведь столько современных комментаторов на самом деле пытаются уверить нас в том, что катаризм был чем-то вроде неотъемлемой черты окситанской индивидуальности и общественного устройства. Однако, стоит тогда напомнить, что он развивался и в других европейских регионах, которые в целом имели общие черты в своей социальной и экономической структуре - особенно в Шампани и Северной Италии. Но яркий взлет торговой и деловой буржуазии в политический мир городского патрициата и в экономический мир новых банкирских технологий может только частично объяснить, особенно в случае с Окситанией, успех религии катаров, носивший там «общий», а иногда и «массовый» характер, часто благодаря благосклонности мелкой местной власти, а также особым политическим и культурным моделям смешения различных социальных слоев.

Конечно, в Окситании, как и везде, буржуазия была несколько больше заинтересована в христианстве, гарантировавшем Спасение и не запрещавшем денежные операции; конечно, обедневшая знать с удовольствием принимала тех, кто мог обеспечить жизнь в ином мире и не требовали ни десятины, ни церковных прав; конечно, в

Окситании, да и не только в Окситании, в ту эпоху развивалась светская литература, где выражался критический дух элиты (поскольку, разумеется, крестьянство появлялось в поэзии трубадуров только в виде прекрасных пастушек, которые вежливо, но категорически, дают отпор не менее прекрасным рыцарям под пение птичек). Маленький народец городов, от Тулузы до Кельна, имел тенденцию еще в начале XII века бросать в огонь злобных еретиков; а через сто лет он же восставал против бесчестия Инквизиции, которая выкапывала трупы, чтобы их сжечь... Вот это был настоящий успех катаризма в Окситании, и возможно, решающим здесь было то, что и народ, по примеру элиты и именитых людей, понемногу втягивался в это дело, как в городах, так и в особенности в сельской местности. Специфический для Окситании дух толерантности, о котором (и не без причины) столько говорили, и который выражался и в том, что здесь могли свободно работать сарацинские жонглеры или еврейские профессора университетов, был просто одним из благоприятных элементов, составляющих культурный колорит хорошо структурированного общества, способного воспринять христианство Добрых Людей лучше, чем что-либо другое.

XI Катаризм и места жительства: катарские замки?

Сервиан, виноградарская деревня в Биттеруа, находилась вне обширной зоны укоренения катаризма в виконтстве Тренкавель. Вряд ли ее население когда-либо представляло собой значительный контингент верующих. Наверное, название Сервиан никогда бы не появилось в источниках по истории окситанского катаризма, так же как и названия других деревень вокруг Безье, если бы благодаря случаю, по расчету или велению сердца, его сеньор, Этьен, где-то перед 1200 годом не женился на Наварре, молодой знатной даме из Лаурагэ, дочери Сикарда де Лаурак и Бланши де Параколь, совершенной. Этьен де Сервиан был до такой степени увлечен катарскими убеждениями своей супруги, что принимал у себя двух именитых французских беглых еретиков, Гийома из Невера, или Тьерри, и его товарища Бодуэна, и даже епископа Каркассес, Бернара де Симорр. Означенные катарские иерархи в течение восьми дней противостояли здесь Доминику де Гусману и епископу Осма на диспуте, проходившем в замке Сервиан в 1206 году, как это описал в своей хронике Гийом де Пьюлоранс...

Этьен де Сервиан, случайно ставший катарским верующим, вернулся в католицизм и был примирен с Церковью святым Домиником. Его жена Наварра, напротив, будучи дочерью своей матери-совершенной и урожденная в сердце Лаурагэ, тоже умерла совершенной в Монсегюре в 1234 году. Пример этой деревни и знатной пары Сервиан прекрасно демонстрирует важность человеческого фактора в распространении и историческом развитии катаризма: семейные связи, чувства, увлечения, случайные встречи, обмен информацией, влияние известных лиц, убедительные слова или даже взгляды, все эти бесконечные нюансы вплетены в ткань жизни, которая предоставляет нашим взорам образ окситанского катаризма в общей картине тогдашнего бытия.

В двух шагах от Монреаль-Лаурак, родных мест Наварры де Сервиан, в Фанжу, Эксклармонда де Фуа, сестра графа Раймона Роже, получила в 1204 году *consolament* из рук Гвиберта де Кастра, Старшего Сына епископа Тулузен. В то же время Раймон де Мираваль, рыцарь и трубадур, воспевал любовь для дам Кабарет, которые любили слушать проповеди диакона Арнода Ота. В то же время Маркезия Гаск, опять-таки в Фанжу, имела обычай делить трапезу со своим соседом, совершенным Гийомом Карлипа, которому она давала хлеб, вино и орехи... Места жизни... Если проникнуть в эти места жизни, то можно объяснить, разгадать и прочувствовать тепло общения, которое даже скудость и сухость источников (инквизиторских) не способны ослабить. И теперь нашей целью будет попытка идти по следам совершенных и их верующих от одного места до другого, от замка в деревне до бурга в городе, на протяжении периода приблизительно пятидесяти лет, ставших апогеем развития катарской Церкви. Это был расцвет ее силы и полной «социализации», хотя в самый разгар этого апогея происходили ужасные военные трагедии крестового похода – между 1180 и 1230 годами. Но, конечно, вряд ли будет возможным хоть иногда не останавливаться на первых проявлениях систематических репрессий, организованных для того, чтобы искоренить повседневную жизнь общества, чье религиозное поведение не очень совпадало с католическими критериями. И, разумеется, мы остановимся также на признаках обновления пастырской деятельности Римской Церкви, давшей ей возможность адаптироваться к великому движению духовности, изменившему средневековое общество.

Катаризм князей

Нет сомнений, что, по крайней мере, толерантное и мирное отношение высшей окситанской знати было определяющим фактором, если не в области распространения, то хотя бы укоренения катарского христианства в местных общинах: виконт Тренкавель, граф Тулузский и граф де Фуа частично были связаны с катаризмом до

такой степени, что их называли «защитниками еретиков» - ведь именно под этим лозунгом был организован папством крестовый поход против них в 1209 году.

Тренкавели были, по-видимому, первыми, кто благосклонно и внимательно прислушивался к проповедям Добрых Людей и обеспечивал им защиту. В то время, как Раймон V Тулузский, испуганный размахом ереси, обратился за помощью к ордену Сито, королям Франции и Англии, Раймон Тренкавель участвовал в диспуте в Ломбере, где «ересиарх» Оливье впервые публично выразил свои убеждения. Его сын Роже II отличался более ярким антиклерикализмом, и окружил себя приближенными, усвоившими новые религиозные идеи. Таким был его сенешаль Гийом де Бренс, или один из его верных вассалов и друзей Бертран де Сайссак, которому он в 1194 году доверил воспитание своего маленького сына Раймона Роже. У его жены Азалаис в Бурлац, возле Кастра, был чудесный павильон, украшенный в романском стиле. От родового замка Тренкавелей в тех местах остался только этот павильон возле руин бенедиктинского аббатства. Там эта отличавшаяся замечательным антиклерикализмом семья держала открытым свой двор для песен любви трубадуров, как и для проповедей Добрых Людей.

Впрочем, в самом сердце владений Тренкавелей, в Альбижуа, впервые в исторических источниках появляется катарское христианство. Вначале во времена экспедиции святого Бернара, затем во время диспута в Ломбере. Особенное значение имеет то, что первые катарские епископы Тулузы, и разумеется, Альби и Каркассона, для которых это было логично, предпочитали жить на территории Тренкавеля, в Сен-Поль-Кап-де-Жу, а не на землях графа Тулузского. Чувствовали ли они себя там в большей безопасности? Около 1200 года на землях (очень обширных) виконства Тренкавель существовали две полноценные катарские Церкви: Каркассес и Альбижуа, а также жила часть иерархии Тулузен. В 1226 году, согласно акту Пиоссе, во владениях Тренкавелей было создано еще одно епископство, Разес... На землях графа Тулузского находилась часть Тулузской Церкви, и более слабая по распространению и деятельности Церковь Аженуа. А на территории графства Фуа находилось только несколько диаконов Тулузской Церкви...

Однако после смерти Раймона V (1194), графы Тулузские больше не были врагами Добрых Людей. Раймон VI, мирный и толерантный, в меру набожный, но и достаточно либертинский в вопросах религии, лично был привязан к катарскому христианству, но при этом умудрился скомпрометировать себя меньше, чем его шурин Роже Тренкавель. Католический и антитлузский хронист Пьер де Во де Серней обвиняет его в том, что он окружил себя совершенными, слушал их проповеди и даже осмелился предложить католическому епископу Тулузы составить ему компанию. Будучи антиклерикалом, он методически расхищал церковное добро, как и большинство крупных и мелких окситанских сеньоров его времени. Как и Тренкавель, он делал пожертвования Церкви, и тоже часто слушал проповеди совершенных и общался с их верующими.

Под конец XII столетия вырисовались и связи с катаризмом графской семьи де Фуа: мы ничего не знаем о более ранних подобных связях. Около 1200 года граф Раймон Роже, еще более буйный антиклерикал, чем покойный Роже Тренкавель или граф Тулузский Раймон VI, уже принадлежал к очень zaangażированному поколению: его жена Филиппа получила *consolament* и открыла дом совершенных в Дюн, где он ее часто навещал. Его сестра Эсклармонда, вдова Журдена де Иль-Журден, была посвящена во время торжественной церемонии в Фанжу в 1204 году, и, в свою очередь, открыла катарский дом в Памье. Возможно, у них была еще одна сестра, присоединившаяся к вальденсам, и может быть, это ей брат Этьен бросил знаменитое: «Мадам, вернитесь к Вашей прялке, не Ваше дело произносить речи на подобном собрании», во время диспута в Памье в 1207 году между вальденсами и католиками. Вероятно также, что их тетушка была совершенной и уже жила в Памье, и очевидно, историки путают этих персонажей. Католические хронисты, во всяком случае, сообщают подробности о том, как граф де Фуа открыл первый катарский дом в Памье для этой тети, откуда ее выжили монахи аббатства Сен-Антонен. За это они дорого заплатили: Раймон Роже осадил аббатство, как пишет Пьер де Во де Серней, со своими рыцарями и рутьерами; каноника зарубили прямо на алтаре, а лазарет превратили в бордель. Скорее всего, этот эпизод преувеличен, но он задает тон.

Оставаясь теоретически католиком, как и Раймон VI Тулузский, Раймон Роже де Фуа показывается в обществе совершенных, участвует в некоторых их церемониях: он часто бывает в Фанжу и Лаурак. Его сын Роже Бернард, сын совершенной и графа-антиклерикала, женился на каталонской наследнице, Эрмессенде де Кастельбо, доброй верующей, из семьи добрых верующих, которая вместе со своим отцом Арнодом де Кастельбо, была осуждена на посмертную эксгумацию и сожжение. Не забудем упомянуть, что все эти художества не помешали Раймону Роже раскаться перед смертью и быть похороненным в аббатстве де Бульбонн.

В 1170-х гг. в Альбижуа и Каркассес, и под конец XII века в Тулузен и Фуа, окситанские князья, графы и виконт, с точки зрения Римской Церкви, были абсолютно скомпрометированы как защитники еретиков: открыто толерантные к Церкви Добрых Людей, они отнимали имущество у католической Церкви... Их жены и сестры часто увлекались духовной притягательностью жизни совершенных; их доверенные лица и подданные, да

впрочем, и большая часть их вассалов, были открыты к новой религии, как и значительная часть именитых бюргеров в их городах (как минимум в Альби и Тулузе).

Катаризм замков

Великие окситанские князья всего лишь следовали моде, заведенной их вассалами и рыцарями, средней и мелкой знатью их графств. Они были союзниками в бедности и светской культуре, формировали вполне светскую среду, принимали поэтов, сами писали стихи, и защищали диссидентские религиозные идеи, а иногда и воспламенялись ими. В письме капитулу Сито, Раймон V Тулузский, последний из трех великих местных князей, который с неприязнью относился к Церкви Добрых Людей, горько жаловался, что ничего не может с ней сделать, поскольку большинство из его вассалов привязаны к «ереси»...

Невозможно писать рядом друг с другом слово «замок» и слово «катарский», без того, чтобы не чувствовать необходимости сделать некоторые пояснения: современный туристический дискурс без зазрения совести называет «катарскими замками» линию крепостей, датируемых в целом XIV столетием и построенных королем Франции для защиты арагонской границы. Только в XVII веке, после Пиренейского Мира, эта граница, теперь уже «испанская», была отодвинута, а замки заброшены. Конечно же, на месте этих укрепленных замков стояли другие сооружения: когда катаризм укоренялся в Окситании, на тех же местах поднимались башни и фортификации вассалов графа Барселоны, которые поддерживали или выступали против Каркассона или Бесалю. Конечно, когда разразился крестовый поход против окситанских графств, эти укрепления сыграли свою военную роль сразу же, как Термез, или намного позже (Керибюс), а некоторые не сыграли ее вообще (Пейрепертюз, Пюилоран...). Во времена подполья несколько из них (очень немногие) служили убежищем для преследуемых (Керибюс и, по-видимому, Пюилоран). Но в любом случае, те руины, которые мы видим сейчас – это вовсе не те стены, которые видели глаза катаров. Реестры Инквизиции, впрочем, отмечают достаточно слабое распространение катаризма в Корбьер – тем более, что эта территория никогда не была очень сильно заселена.

Но главной проблемой, возможно, является определение самого слова «замок». Говорим ли мы о цитадели, построенной в военных целях, заселенной больше солдатами, чем крестьянами, и возведенной на стратегически важном пункте, вроде Шато Гайяр? Множество «катарских замков» отвечают этому определению. Но это не были места проживания, там селился только гарнизон. Тем не менее, вокруг этих замков снуют легенды, возможно, из-за потрясающих и пустынных пейзажей, прекрасно вписывающихся в современный воображаемый катаризм... Но хроники крестового похода против альбигойцев описывают «замки», осаждаемые армией крестоносцев, «замки» вассалов Тренкавелей или графа Тулузского, представлявшие собой спинной хребет местного сопротивления: Минерва, Термез, Кабарец, Монреаль, Лавор...

Само собой, Минерва, Термез и Кабарец находятся в туристическом списке катарских замков; но они часто упоминаются и в хронике крестовых походов, являясь, однако, тем, что более полно отвечает окситанскому слову «замок», *castrum*, слову, которое переводится как укрепленное поселение, где живут вместе сеньор, совладельцы, рыцари, ремесленники и даже крестьяне. Это не совсем «укрепленный замок» в общепринятом смысле этого слова. Минерва сегодня – это деревня, окруженная остатками укреплений. Кабарец (Ластурс) – это сейчас вполне военный силуэт четырех замков, которые французский король перестроил или даже возвел на вершине хребта. От Термеза ныне осталось несколько обломков стен, сооруженных в XIV веке – королевского замка, разрушенного Ришелье в XVII столетии. В 1200 году Минерва, Кабарец, Термез были тремя главными вассальными владениями Каркассона, военными и феодальными замками и одновременно поселениями. Башня сеньора была высшей точкой фортифицированного ансамбля, бывшего также и бургадой. Монреаль, Лаурак, Фанжу были замками в том же смысле этого слова...

Разумеется, те фортифицированные поселения, которые были расположены в пустынных горных регионах, как Термез, и особенно настоящие «катарские замки» – орлиные гнезда семей Ниорт или д'Уссон в высокогорной долине Од, намного больше напоминают традиционные «укрепленные замки» воображаемого Средневековья, чем сеньоральные поселения богатых равнин и холмов Лаурагэ, Альбижуа или Лантарес. Намного более заселенные, они довольно быстро становились бургами. Заметим еще, что на западном склоне хребта, где находятся четыре замка Ластурс, ступенями громоздится деревня Кабарец, или Ривьер-де-Кабарец. Сегодня только глаза археологов могут различить места, где совершенные держали дом или проповедовал диакон Арнод От, в сутолоке и суете обычной гражданской жизни. В то же время в Фанжу было целых четырнадцать башен, и, конечно же, множество совладельцев и рыцарей.

Великие сеньоры – вассалы Тренкавеля: Кабарец, Термез, Сайссак-Феннуийет, сеньоры де Пеннес д'Альбижуа, де Бруникель, де Пюисельси, де Монжей, рыцари Ломбер, Гроьет, д'Арагон, де Монреаль, и, возможно, в меньшей

мере, виконты де Минерва были катарскими верующими. Ими же были великие вассалы графа Тулузского, благородные семьи де ВерФэй, Лавор, Рабастен, Сан-Фелис, Форкево, Ланта, как и вассалы графа де Фуа, Мирпуа, Лавеланет, сеньоры Шатоверден и Лордат...

Перед тем, как вновь вернуться к холмам Лаурагэ и выбрать наугад несколько фортифицированных бургов, где любили катаризм, попытаемся более подробно и искусно рассмотреть конкретный случай четырех великих сеньорий, давших название четырем регионам владений Тренкавеля: Минервы для Минервуа, Термез для Терменез, Кабарец для Кабардес и Сайссак-Фенуийет для Фенуийидес, (не забыть еще упомянуть Лаурак – Лаурагэ в Тулузен), чтобы завершить набросок первых черт аристократического катаризма, в котором, в общем-то, не было ничего оригинального.

Минерва

Наверное, название Минервы не было бы так уж связано с катаризмом, если бы не превратности войны и постыдные действия военных и людей Церкви, осадивших крепость виконта Гийома, одного из наиболее значимых вассалов Тренкавеля, где целая толпа совершенных обоюбого пола искала убежища после массовых убийств в Безье, взятия Каркассона и насильственной смерти Раймона Роже Тренкавеля. Когда эта местность пала в 1210 году, около четырехсот катаров было сожжено на массовом костре, который по своим размерам достигал размеров самой деревни. Гийом де Минерве противостоял армии крестоносцев и защищал свою землю как верный вассал Тренкавеля и настоящий сеньор-рыцарь, постановивший защищать катаров восточного Лангедока. Но мы не знаем, принадлежала ли семья де Минерва к вере Добрых Людей: может быть, это из-за недостатка источников? но ни об одном катарском доме в Минерве даже не упоминается. После сдачи виконт Гийом ушел в монастырь, в орден госпитальеров. Как бы там ни было, Минерва была традиционно связана с семьей де Термез, которая, со своей стороны, была явно катарских убеждений, до такой степени, что даже дала Церкви Добрых Людей епископа.

Сегодня Минерва – это замок-деревня, расположенная среди живописных каньонов, а ее черепичные крыши возвышаются над остатками укреплений. От замка почти ничего не осталось, за исключением нескольких несурзных камней, а современные названия «дом совершенных» и «улица Мучеников» не указывают ни на какое историческое место. Разве что романская церковь, по идее, должна была быть свидетельницей этого неслыханно ужасного костра, зажженного крестоносцами. А в начале XIII столетия виконтесса Минерва, жена Гийома, возможно, урожденная де Термез, был воспета трубадуром Раймоном де Миравалем под куртуазным псевдонимом или *senhal*, как *Gent Esquieu*, «Сладостная Всадница»...

Термез, и сразу же Керибюс

Укрепления Термез, оставленные бригадами разрушителей Ришелье, скорее всего, окружали поселение с примитивным донжоном, возвышающееся над ущельем Терменет. К сожалению, трудно представить себе, что простое и красивое окно в форме креста, украшающее небольшую, но лучше сохранившуюся стену, одновременно отмечает и место расположения знаменитой часовни, где, как утверждает хронист, на протяжении пятидесяти лет до крестового похода больше не служили мессе, поскольку и семья, и люди Термез были закоренелыми еретиками... Исходя из суровости пейзажа и редкости и изолированности поселений в этом сердце Корбьер, возможно, что эту примитивную крепость, сеньором которой был около 1200 г. Раймон де Термез, окружало довольно важное поселение. Усиливались ли его катарские убеждения крепкой семейной антиклерикальной традицией и постоянными прениями с могущественным соседом и соперником в области прав и имущества, - бенедиктинским аббатством Лаграсс? Доходы семьи, впрочем, преимущественно поступали более от многочисленных рудников, чем от сельского хозяйства (ну, разве что несколько овец, может быть...)

Когда в 1210 г. Симон де Монфор, едва успев остыть костер Минервы, явился со своим воинством перед Термез, множество совершенных искали там убежища. Среди них была мать католического епископа Каркассона, Бернарда Раймона де Рокфора, трое братьев которого тоже были совершенными (Арнод Раймон, сеньор Дюрфор и Монтань Нуар, Бек и Огие), а их сестра руководила домом совершенных в Пьюлоранс (Альбизуа)... Семья де Термез владела также укрепленным замком Агуйар, расположенном в Корбьер у подножия горы Тош. Конечно, она имела некоторый сюзеренитет над Керибюс, и не случайно Бенуа де Термез, предположительно очень старый катарский епископ Разес, преемником которого стал в 1233 г. его Старший Сын Раймон Агуйе, закончил свои дни в мире, пока это еще было возможно (он умер где-то около 1241 года). В то же самое время большая часть катарской иерархии нашла убежище в Монсегюре. Испытывал ли Бенуа де Термез, несмотря на свое отрешение от видимого мира, как и следовало катарскому иерарху, какое-то тайное удовольствие, последний раз взирая на пейзажи своего детства? Ведь это все, что осталось от владений его семьи, гордых вассалов Тренкавеля,

державших южные рубежи его виконтства. В Керибюс к нему присоединились Пьер Параир, диакон Фенуийидес, потом другие Добрые Христиане. Тексты сохранили для нас некоторые их имена: Раймон из Нарбонны, Бюгарег, явно родом из деревни Бюгараш... Керибюс-ле-Руж – так он называется в наиболее ранних документах – возвышается на белом хребте, разграничивающем окситанскую и каталонскую земли, бросая вызов Трамантану, северному ветру, который утихает неподалеку, возле Пейррепэртюзе, куда так и не достигает...

Сайссак

Сайссак, расположенный на первых высотах Кабарде и Монтань Нуар, представляет собой многоярусный городок и два замка, возвышающиеся над мягкими и пологими долинами Каркассес и холмами Лаурагэ. Под конец XII – в начале XIII века его сеньор, Бертран, один из четырех великих вассалов Тренкавеля, имел хорошую политическую репутацию (в 1194 г., как мы знаем, Роже Тренкавель на смертном одре назначил его воспитателем своего младшего сына и регентом своих владений). Он также имел некоторую куртуазную репутацию: принимал Пейре Видаля, трубадура, при своем дворе, но Раймон де Мираваль высмеивал его скупость и отсоветовал всем жонглерам ходить к нему. Но самая известная репутация была у него как у антиклерикала. В 1197 г. он заставил выбрать своего ставленника, Босона, аббатом Алета во время мрачной церемонии, когда он развлекался тем, что усадил на аббатский престол труп предыдущего аббата... Еще у него была репутация убежденного катарского верующего, часто ходившего к Бланше де Лаурак слушать проповеди диакона Раймона Бернара, преемником которого стал Изарн де Кастр.

Его возможный племянник, Пьер де Сайссак, между тем, унаследовал от своей матери Авы виконтство Фенуийидес и сеньорию Пюилоран. Разумеется, что когда в 1209 г. разразился крестовый поход, Бушар де Марли, соратник Симона де Монфора, захватил Сайссак и изгнал Пьера де Фенуийет и его кузена Журдена де Сайссак в самые южные пределы владений Тренкавеля. Нам известно, что катары региона Фанжу присоединились к ним...

Башня castrum Рокфор. По ней можно судить о том, как мог выглядеть «донжон Раймона де Перейля».

Ластурс - Кабарец

Кабарец, *Caput Arietis*, «голова барана» (застрявший в этимологии остаток тотемизма), несомненно был средоточием феодальной гордости Каркассес, и в то же время одним из самых важных мест обитания катарской Церкви. В 1200 году это место – три замка и деревня на хребте, господствующим над Орбель, принадлежала Пьеру Роже и его брату Журдену, двум сыновьям первого Пьера Роже, бывшего вигье Каркассона. Эта сеньория получала большинство из своих доходов и, таким образом, основания своей власти, из минеральных ресурсов, как и семья де Термез – здесь были даже золотые рудники (Сальсинь); она была сильной, процветающей и густонаселенной. Главный замок *Cabaretz* был центром куртуазии: один из двух братьев был мужем знаменитой Лобы, «Волчицы Пеннотье», из любви к которой Пейре Видаль, имевший репутацию самого безумного из трубадуров, «переоделся в шкуру волка» и так бродил пустошами Кабардес, пока один из крестьян не спустил на него собак. Зато его принесли, израненного, но довольного, в замок, где возлюбленная перевязывала ему раны. Та же Лоба была воспета Раймоном де Миравалем под псевдонимом *Mais d'Amic*, Больше, чем Подруга, как самая любимая даму.

В те же годы Кабарец, замок и деревня, был центром распространения катаризма. Там охотно жил епископ Церкви Каркассес, но чаще всего – назначенный для Кабардес диакон, Арнод От, знаменитый участник диспута в Монреаль в 1207 году. В конце XII столетия Госелин де Мираваль, родственник трубадура, упоминается как совершенный в Кабарец и Каркассоне, и управитель дома совершенных. Во время крестового похода, Пьер Роже де Кабарет был единственным из великих феодалов Тренкавеля, кто нанес реальное поражение Симону де Монфору: а когда не осталось никого, кроме него, способного защищать эту территорию, он заключил с ним почетный мир и закончил свои дни в Руссильоне... Но в начале 1220 гг. его сыновья, Пьер Роже де Кабарет и Пьер де Лаур вновь завладели этой местностью и сделали ее центром окситанской реконкисты для виконтства, как и религиозной реконкисты для Церкви Каркассес. В течение десяти лет там жил катарский епископ Пьер Изарн (которого королевские крестоносцы сожгли в Конес в 1226 году), потом Жирод Абит. Иерархия восстановилась, совершенные вновь обрели силы и возобновили свои посвящения, а вокруг них стали собираться молодые *фаидиты*, феодалы или сыновья феодалов, лишенных собственности крестовым походом 1209 года, как Оливье, сын Раймона де Термез, или Бернард От де Ниорт, внук совершенной Бланши, и Сикард де Лаурак, который женился на Нове де Кабарет. Когда граф Тулузский подчинился договору в Мо 1229 года, Кабарец сопротивлялось королевскому крестовому походу, представляя собой надежное убежище катарской иерархии. Пьер Роже де Кабарец «младший» сам проводил затем в безопасное место, в Капельнодари, епископа Жирода Абита и его товарищей.

Семья Кабарет была также сеньорами Лаур и Минервуа, где катарский иерарх Бартеlemi де На Лорета из Каркассона держал дом и имел очень высокую репутацию известного интеллектуала. Известно, что однажды в своем доме в Лаур они закатали пир на семьдесят человек для собрания совершенных Каркассес в годы «мира в Кабарец». Сеньоры де Кабарет были также связаны через браки с семьей д'Арагон в Кабардес, которая тоже была полностью катарской: *castrum* Арагон практически был престолом епископа Каркассес, как минимум во время всего епископата Бернарда де Симорра. Арнод и Гийом д'Арагон, как и их кузен Роже де Брусс, были, разумеется, товарищами «молодых фаидитов» Пьера Роже де Кабарет и Пьера де Лаур в 1220-1229 гг., а две их сестры, Азалаис и Эффанта, были совершенными. Их тетя Мабалия была женой Журдена де Кабарет, который вообще то уже был женат на Орбрии де Дюрбан, и мирно жил в таком вот двоеженстве в начале XIII века, в окружении «ереси» и куртуазии...

Будучи укрепленными поселениями, где встречались и смешивались социальные классы, где богатые ремесленники и бедные рыцари жили приблизительно в равных условиях, «замки» средней и мелкой окситанской знати были наиболее привилегированными местами распространения и укоренения катаризма. В последней части этой книги мы еще встретимся с некоторыми знаменитыми военными окситанскими крепостями, когда будем говорить о военных событиях, послуживших прелюдией уничтожения и искоренения катаризма. Но сейчас мы говорим больше о жизни, чем о смерти катаров, верующих и совершенных. Потому перейдем к «фортифицированным бургам», где катаризм знати и катаризм простых людей сливался в одну практику и одно рвение.

ХII Катаризм и места жительства: бурги

О Лаураке, от которого произошло название Лаурагэ, важном земельном владении вассалов графа Тулузского, но также вассалов виконта Каркассона за Монреаль, я поговорю подробнее в главе, посвященной женщинам и катаризму. Ведь из всей этой крепкой и неординарной семьи местных сеньоров выделяется фигура Бланш, вдовы Сикарда де Лаурак, совершенной и яркой представительницы типа высокорожденных религиозных дам, «катарских матриархинь» - по удачному выражению Мишеля Рокеберта, матери и воспитательницы сознания всего линьяжа. Мы уже встречали одну из ее дочерей, Наварру, будущую совершенную, бывшую в то время замужем за Этьеном де Сервиан, который интересовался тогда ее верой. Одного из ее внуков, Бернарда Ота де Ниорт, мы видели среди молодых фаидитов в Кабарет.

Фактически, мы уже проникли через главные ворота в самое сердце хорошего катарского общества, и теперь, для пробы, выберем четыре дома сеньоров – вассалов Тренкавеля. Мы можем позволить себе эту пробу, потому что ворота достаточно широки: все семьи высокорожденной виконтской знати как минимум были защитниками ереси (Минерва), в целом сами были катарами по убеждению, не колеблясь, вовлекались в Церковь и дали ей многих совершенных. Все они были связаны между собой родственными или брачными узами: Минерва с Термез, Сайссак с Фенуйет, Кабарет с Арагоном и Лаураком... Но эту фреску еще следует раскрасить разными цветами. Совершить более дальнее путешествие, зайти в фортифицированные бурги, где знать, будучи всего лишь немного богаче ремесленников и торговцев, часто слушает вместе с ними проповеди Добрых Людей, открыть для себя типичные черты присутствующих там персонажей.

Тени замков

Если бы какая-то живая память могла сегодня остаться о катаризме, то это, бесспорно, то, что открывается взгляду на изгибы дороги: силуэт холма, цвет возделанных нив, которые неожиданно, в Лаурагэ и Лангарес, вызывают в памяти образ Тосканы. Взгляд улетает в бесконечность горизонта от башен Монжей, где вырисовывается силуэт Сан-Фелис у отрогов снежных Пиренеев, затем Сайссак, Монреаль, Фанжу, Брам, Каркассон, Монтолью, останавливаясь, наконец, на далекой вершине пика Святого Варфоломея, означающего Монсежур. Камни разбросаны; всё разрушено или перестроено, и уже не хранит прежних очертаний; деревни съехали по склонам, опустели вершины холмов, где стояли castra; там насажены виноградники, леса вырублены; построены большие церкви, а по старым местам проходят каналы и автострады. Только и всего, что ветер шепчет среди этих пейзажей эхо средневековых имен; названий деревень и хуторов, забытых или искаженных; имен живших тогда людей, человеческих судеб, мужчин и женщин, имен часто странных и красивых: Изарн, Брайда, Сикард, Мир, Гайя, Мабилля, но также близких и родных фамилий: Катала, Видаль, Отье, Гаск, Барте, Азема... Неуловимые приметы городов, как Кастельнодари или Кастр, которые уже тогда были городами, рек, как Од, бургад, как Фанжу, Мирпуа, Куксак-Кабарде, которые обычно объезжают по кольцевой или останавливаются там только по необходимости.

Тонкая смесь близкого и забытого, присутствия-отсутствия прошлого, которое выявляется только на пересечении несказанного и заезженного. Лавор, на излучине Агут, сохраняет в своих очертаниях все тот же плавный поворот, и возможно, ту же сень ив над рекой: а вот на автострате, у въезда в город дорожный указатель «Лавор» выглядит чем-то непостижимым. Когда заканчивается коммерческий квартал, начинается обычно пустая улица, ведущая к эспланаде дю Пло, и названная голубыми и белыми буквами: улица Дамы Жироды. Это уже много или до абсурда мало? Монградаиль, фортифицированный хутор в Разес, гордое жилище, принадлежавшее двум кузинам, На Кавайорс де Фанжу и Эрменгарде де Рутье, которые приютили в 1230 году Атона Арнода де Шатоверден из графства Фуа, чтобы он мог получить *consolament* на ложе смерти. Это место еще узнаваемо по ржавой железной ограде – теперь это просто ферма, где лают собаки, и где, как и повсюду, разбросаны старые камни, где стоят солнечные часы времен Людовика XIV, словно насмешливый отзвук катарской проповеди: *Sine sole, nihil* (без солнца – ничто).

Вид с Монградаиль на холмы Разес

Сегодня Ма-Сен-Пуэльль – это красивая деревушка, растянутая вдоль автострады, рядом с Кастьельнодари. Старая ветряная мельница превратилась в часовню, возвышающуюся над крышами и большим лугом, и без сомнения, означающую место, где когда-то находился средневековый castrum, полностью разрушенный Людовиком XIII и Ришелье. По другую сторону мельницы находится современная деревня с церковью, датируемой концом Средневековья, и обломком высокой стены, остатком старых укреплений, неизвестно почему оставленных разрушителями. В 1245 г. инквизиторы Бернард де Ко и Жан де Сен-Пьер, систематически прочесывая Лаурагэ, допросили, как и везде, все население Ма, мужчин от четырнадцати лет и женщин от двенадцати. Свидетели, как и везде, вспоминали о событиях начала века. Может быть, лучше, чем в других местах, здесь можно найти конкретную информацию о человеческих, семейных, социальных связях. Из-за качества информации и особенности своего положения, Ма-Сен-Пуэльль станет нашей первой остановкой на архипелаге этих крупных сельских бургов, где пересекались ремесленные и пастушеские пути, опыт и связи.

Разумеется, мы будем искать катаризм там, где его обнаружим: Ма-Сен-Пуэльль было местом катаризма, как и Фанжу, которое мы будем иметь удовольствие посетить следующим. Ма-Сен-Пуэльль и Фанжу представляют собой процветающие поселения, легко доступные, людные, и документы говорят нам о том, что они находились

под очень сильным катарским влиянием. Разумеется, мы также будем искать катаризм там, где знаем, что найдем его. Там, где, как уверяют нас первые реестры Инквизиции, наиболее всего развивалась «молодая и крепкая» катарская Церковь – то есть, почти исключительно в Лаурагэ, а также в местах, откуда происходили беженцы и защитники Монсегюра – опять-таки Лаурагэ, Керкорб, и регион Мирпуа-Лавеланет. Альбижуа и Тулузэн не появляются больше в документах после поворота Истории...

Ма-Сен-Пуэлли

Ма-Сен-Пуэлли в первой трети XIII века был маленьким городком, где возвышался замок. Его совладельцами были пятеро сыновей вдовы, дамы Гарсенды дю Ма, которая стала катарской совершенной и управляла домом вместе с одной из своих дочерей, тоже совершенной, Гайлардой. Пятеро совладельцев носили такие имена: Бернард, Гайлард, Жордан, Гийом и Ариберт дю Ма. Их шестой брат, Гийом Палайси, был католическим приором. Все они были женатыми рыцарями. Их вторая сестра, Гильельма, по прозвищу Мета (она, скорее всего, была маленького роста), была замужем за рыцарем из другой местной дворянской семьи, Бернардом де Квидерс.

Ма-Сен-Пуэлли (Од). На вершине бывшего castrum

Пятеро сеньоров делили права на Ма с двумя аббатствами, во главе которых стояли приоры: бенедиктинским, Сен-Тьибери (приором которого был Гийом Палайси дю Ма); и цистерцианским, де Бульбонн (его приором в 1230-1240 гг. стал некий Арнот, рьяный агент Инквизиции). Они также делили политическую власть над маленьким городом с пятью консулами, которые, под конец рассматриваемого периода, иногда происходили из самой сеньоральной фамилии: Бернард де Квидерс, сын Гильельмы Мета; иногда из местной мелкой знати: Гийом де Гудуйль; но, в общем, из славных ремесленных бюргеров: Бернард Барро, Арнод Донат, Раймон Амиель и Пьер Гота. В реестрах Инквизиции упоминается, что Барро были самой богатой семьей в Ма; отец и сын Гота были общественными нотариусами.

Кроме сеньоральной семьи и ее родичей де Квидерс, в Ма-Сен-Пуэлль было еще несколько благородных домов: братья Розенги, один из которых, Пьер, был балы Раймона VII Тулузского в Лаурагэ; Сен-Андре, прозываемые «Пятачки» (тоже тотемическое прозвище, которое труднее объяснить, чем Кабарец, «голова барана»); Канасты, связанные еще с Донатами, д'Аламаны, Майорги, Амьели, или д'Амьель или д'Эн Амьель (по отцу) или д'Аламасьель (по матери)... Их жизнь, в общем-то, не отличалась от жизни людей в любом другом месте в ту эпоху, однако можно констатировать, что социальные различия, как видно из инквизиторских источников, между «благородными» и богатыми семействами были довольно размытыми, и скорее следует говорить об «именитых людях», первенствовавших в Ма – то есть также о Гарнье, Видалях, Барро... Выделялось еще несколько ремесленников: писарь Пьер Гота; врач Гийом Гарнье, отец которого, без сомнения, был торговцем; башмачник, некий господин Компань Жофре; портной Рожер Сартр; брадобрей Гийом Пьер «Борода»; два ткача, Гийом Гаск и Гийом Тиссейр; а также мясник Пьер Бернард Мазелье. Почти все фамилии здесь соответствуют ремеслам, то есть, являются не очень давними (значит, этим ремеслом занимались отец, а может быть, дед человека, дающего показания). К тому же, в Ма конечно было население, сословная принадлежность и занятия которого не интересовали Инквизицию, а многие жители, по всей видимости, были крестьянами...

Всё это население, без очень четких классовых различий, мирно жило бок о бок. «Замок» сеньора не был очень большим. Мы не знаем, могли ли пятеро сыновей жить там со своими женами и детьми: Гийом дю Ма и его жена Фабрисса, к примеру, снимали дом в Лаурак. Бернард де Квидерс и Гильельма Мета снимали в самом Ма дом, принадлежавший богатой семье Барро, а другой дом, принадлежавший им самим, они сдавали человеку по имени Понс Грант... На Рика, дама, скорее всего, благородного происхождения, выдала замуж двух своих дочерей за местных портного и брадобрея. Жена брадобрея, Раймонда, стала совершенной. Из двоих сыновей На Рика, один, Жермен, стал священником (но тем не менее, и его побеспокоила Инквизиция), а другой стал катарским диаконом Вельмур для Церкви Тулузен, Раймон из Ма... Там жило также несколько невенчаных пар: Арнод Мейстр жил иногда с Гилельмой Жофре, дочерью башмачника, а иногда с некоей Раймондой; Раймон д'Аламанс в свою очередь был любовником девицы Оды.

Вся эта повседневная жизнь Ма-Сен-Пуэлль в первой трети XIII века известна нам по расследованиям Инквизиции, и потому мы знаем столько подробностей: во время следствия сто семьдесят человек признались в том, что они являются верующими в еретиков. Так что мы находимся в наиболее подверженной катаризму местности в Лаурагэ. Ма не даром был городком, где постоянно жил диакон Лаурагэ, Изарн де Кастр...

Сеньоральная семья дю Ма, начиная со своей «матриархини» Гарсенды, можно сказать, показывала пример. Гарсенда и Гайларда в своем доме совершенных, растили также внуков, маленького Жордана, сына Гийома дю Ма, и Жордана де Квидерс, сына Гильельмы Мета, своих собственных внуков и племянников. Двое из ее пяти сыновей, кажется, были женаты на дочерях совершенной Азалаис де Кукуро, которая держала дом в Лаурак: Бернард на Соримонде, а Ариберт на ее младшей сестре, имени которой мы не знаем. В жизни этой катарской семьи дома дю Ма были довольно драматические эпизоды: вначале Фабрисса, жена Гийома, позволила свекрови уговорить себя отречься от мира, тоже стать совершенной и жить рядом с ней. Однако через три месяца она соскучилась по мужу и вернулась обратно к своему супругу. Позже, когда разгорелся крестовый поход, Гарсенда и Гайларда вынуждены были прятаться у разных родственников и друзей, а потом поселиться в Монсегюре. Но когда возникла опасность Инквизиции, двое из пяти братьев, Бернард и Гийом, решили пойти на всё, чтобы спасти обеих женщин: они вынудили их съесть мясо, чтобы те нарушили свои обеты. Однако, они так долго не выдержали и вскоре вновь получили утешение. Известно, что они закончили свою жизнь на костре (а это было еще до Монсегюра). Двое внуков, выросших в доме совершенных дю Ма перед крестовым походом, Жордан де Квидерс и «Жорданет» дю Ма, войдя в возраст, стали грозными фаидитами, участниками экспедиции в Авиньонет и защитниками Монсегюра.

Мы знаем также, из иного, чем следствия 1245 года, источника, о катарских привязанностях аристократических семей дю Ма: к примеру, «Пятачков», поскольку рыцарь Ги, принадлежавший этой семье, был воспет как образец куртуазии своим другом, трубадуром Гийомом де Дюрфор, одним из совладельцев Фанжу, в уникальном

поэтическом отрывке, который сохранился из его стихов. Гийом де Сен-Андре «Пятачок», его родственник, закончил свою жизнь совершенным. Так же и с семьей Видаля: дама Сегура призналась, что получила катарское крещение из рук Изарна де Кастра еще будучи подростком. Потом, когда она оставила катарский орден, чтобы выйти замуж, то продолжала принимать у себя в Ма совершенных, в том числе Бертрана Марти, который был тогда Старшим Сыном тулузского епископа Гвиберта де Кастра, и практиковать все обряды добрых верующих.

Супруги Видаля предоставляли наиболее активную поддержку катарской Церкви в Ма - у них останавливались и проповедовали все проходившие мимо совершенные: Бертран Марти, Пьер Бульбен, Арнод Прадье и Донат, Раймон из Ма и Бернард де Майревиль. Там можно было встретить всех добрых верующих бургады, от семьи сеньоров до ремесленников, и так продолжалось пятнадцать-двадцать лет до инквизиторских следствий 1245 года... Не так регулярно, как у Видалей, но странствующие и уже подпольные Добрые Люди останавливались также у Квидерс, Сен-Андре и Канаст.

Расследования 1245 года выявили некоторое количество «еретических» внучек, слишком рано, как На Сегура Видаля, получивших *consolament*, а потом вернувшихся к светской жизни во взрослом возрасте, чтобы выйти замуж, оставаясь при этом добрыми верующими: Раймонда Гаск, жена ткача, дама Комдорс, Эрменгарда Айшарт, Раймонда Жермен... В показаниях также говорится о том, что Добрых Людей можно было встретить у Видалей или Канаст: туда приходили Арнод Прадье и его *socius* Донат, родом из Ма (который однажды, но неудачно, потому что вмешалась мать, пытался убедить молодого юношу стать совершенным, обещая ему между прочим, что тот может научиться читать и писать...); Арнод из Виллепинт и его *socius* Бернард из Сен-Этьен, которые нанимались как работники на жатву на сеньоральных землях Гийома дю Ма, а потом навещали Арнода де Розенжес. Пьер Гийом Гарнье, отец врача, рассказывал о своих делах касательно купли-продажи с совершенными, которых он в 1205 году встречал в Ма, Лаураке, Монферран или Кастельнодари.

Пьер Гота-младший, гражданский нотариус, как и его отец, и между прочим, обладавший либертинским и антиклерикальным темпераментом, кажется, играл роль *questor*, сборщика пожертвований для еретиков: простому верующему, но довольно ученому, ему было поручено собирать средства для Церкви, дары и благочестивые подношения, а возможно и деньги на хранение. После него этой работой занялся один из представителей семьи Канаст, Гийом Айнер, который стал совершенным. Эта семья была особенно верующей, тем более, что мать и сестра Арнота де Канаст тоже были совершенными. Мы уже встречались с дамой Рика, один из сыновей которой был священником, а другой – катарским диаконом. Одна из ее дочерей, Раймонда, ставшая супругой брадобрея из Ма, получила катарское крещение и умерла на костре в Монсегюре.

Ма-Сен-Пуэльль. Могильный камень в стене церкви XIV века.

Если считать еще члена консульской семьи, Арнота Гудуйля или де Гудуйля, который тоже был членом катарской Церкви, то список совершенных, родом из Ма-Сен-Пуэльль, (но могли быть и еще) также многочисленен, как и представителен: от местных дам до жены брадобрея (почти все они закончили свою жизнь на костре); от брата рыцаря до сына мужественной женщины, совершенные из Ма обоих полов, в целом, происходили из богатых социальных слоев, знати и мелкого ремесленного бюргерства. Кстати, не исключено, что среди юных девиц, ставших совершенными, могло быть несколько крестьянок. Некоторые семьи одновременно поставляли кадры как в катарскую, так и в Римскую Церковь. Сам Гайлард дю Ма, один из пяти совладельцев и сыновей совершенной Гарсенды, стал монахом в аббатстве де Бульбонн в 1250 году. Нужно сказать, что подобная практика была распространенной; сам граф де Фуа, Раймон Роже, служил этому примером. В целом было заведено так, что умирающие пытались удвоить свои шансы на счастливый конец – под конец жизни пойти в монастырь, чтобы быть похороненным в освященной земле, а перед смертью получить *consolament* из рук совершенных...

Итак, мы встретили в Ма-Сен-Пуэльль крепкое и здоровое общество, без сильной классовой сегрегации, ресурсы и относительное процветание которого исходили как из сельского хозяйства, так и из торговли. Это общество мы

наблюдали на примере небольшого городка, власть над которым принадлежала как светским, так и церковным правителям. Городок управлялся консулами, и там были представлены всевозможные ремесла. Так что мы вполне можем нарисовать прекрасную картину окситанской бургады начала XIII века, с ее совладельцами и рыцарями, будущими фаидитами, делившими между собой земли и доходы. Мы также встречаем в Ма-Сен-Пуэльль общество, которое достаточно сильно и широко воспринимало катаризм, и реально было ему преданным, избирая веру, которая могла привести на костер.

Фанжу

Фанжу представляет собой, в целом, тот же тип общества, который мы уже наблюдали. Оно известно нам в результате сопоставления многих реестров Инквизиции – особенно допросов выживших в Монсегюре – но также благодаря многочисленным архивным документам, потому что городок был населен большим количеством известных семей, достаточно значительных, чтобы заверять акты в присутствии местного капеллана или первых гражданских нотариусов. Фанжу и сегодня находится на расположенной уступами возвышенности, глядя с небольшой высоты на автостраду Каркассон-Тулуза, между Монреалем и Ма-Сен-Пуэльль. Всегда в одном и том же положении, с той же жилой структурой, на вершине заметного холма правильной формы, в местности, куда легко добраться, но которая немного доминирует над окрестностями. Из Фанжу, как и из Монреала, как из Ма-Сен-Пуэльль, Вилясавари, Монферран, Кассес, Сан-Фелис, Монжей, открывается вид, где взгляд легко скользит от одной обитаемой местности к другой, над холмами, нивами и пастбищами; от одной возвышенности до другой, упираясь в пик Святого Варфоломея, обозначающий Монсегюр, где в то время кипела жизнь.

Фанжу, где сегодня едва угадывается местонахождение разрушенных укреплений, было городом-замком с четырнадцатью башнями, с бесчисленными совладельцами, генеалогия которых настолько перепуталась, что теперь трудно свести концы с концами; с более или менее знатными семьями, с богатыми бюргерами, с обычными ремесленниками, выдававшими замуж своих дочерей за работников или торговцев, и постепенно размывавшими сословные границы. Последний оплот тулузского влияния на востоке, Фанжу наблюдало за своим соседом Монреалем, в Каркассес, принадлежавшим Тренкавелям. Потому акты Собора в Сан-Фелис 1167 года проводят границу между каркассонской и тулузской катарскими Церквями именно между Монреалем и Фанжу: диакон Монреала зависел от епископа Каркассес, а Гвиберт де Кастр, избравший Фанжу своим местом жительства с конца XII века, был Старшим Сыном епископа Тулузского.

Этим почти всё сказано: если Изарн де Кастр, диакон Лаурагэ, жил в 1200 году в Ма-Сен-Пуэльль, то его брат Гвиберт, наиболее известный проповедник и служитель, память о котором сохранили нам реестры Инквизиции, избрал своим престолом Фанжу, сделав его, тем самым, бьющимся сердцем великого катаризма своей эпохи. Этот же выбор позже был подтвержден самим святым Домиником, который мужественно сделал Фанжу отправной точкой своей попытки католической реконквисты (начиная с основания монастыря Пруиль в 1206-1207 г.), определив это место как эпицентр «ереси». В годы катарской экспансии (продолжавшейся, как мы определили, до мирного договора в Мо, основания Инквизиции и устройства нищенствующих орденов, пока история не совершила поворот с необратимыми последствиями) с новой доминиканской обителью, которой, конечно же, было суждено большое будущее – происходила постоянная чехарда. Вначале туда тянулись юные девушки, слишком рано получившие крещение из рук Гвиберта или Изарна де Кастр, затем воссоединенные с Церковью братом Домиником. Потом они, как правило, выходили замуж и благодаря своим мужьям, снова становились хорошими катарскими верующими, принимая у себя совершенных, шедших по стопам тех, кто крестил их за несколько лет до того, а иногда, достигнув зрелого возраста, получали повторное утешение в катарской Церкви...

В Фанжу все хорошее общество было катарским: из всех совладельцев только На Кавайорс, «Дама Кавалер», по видимому, была менее глубоко верующей, поскольку, хотя кажется и выросшая в доме совершенных, она продолжала платить десятину Римской Церкви и делать благочестивые пожертвования в Пруиль, куда сама она удалилась в 1246 году. Но это не мешало ей регулярно участвовать в катарских проповедях и церемониях, приглашая Гвиберта де Кастра в 1225 году, а Бертрана Марти в 1235 году в свой собственный дом для публичного собрания. Для остальных совладельцев и их семей все было еще проще: Изарн Бернард де Фанжу, сын совершенной Гильельмы де Тоннеинс, был также супругом и отцом совершенных: две его дочери, Гайя и Брайда, тоже посвященные, держали катарский дом в Бараинь, вместе со своей матерью Одой, одной из четырех великих дам, ставших «еретичками» в 1204 году благодаря Гвиберту де Кастр. Его третья дочь, Алис, жена Арнода де Мазеролль, тоже стала матерью катарского линьяжа и знатных фаидитов. Ее сын Изарн Бернард де Фанжу-младший и невестка Везиада были осуждены на вечное заточение Инквизицией в «муре» Кастра в 1242 году...

Гийома де Дюрфор, кузена Изарна Бернарда, другого совладельца Фанжу, мы знаем по аналогичной ситуации, и кроме того, как мы уже видели, он был еще и трубадуром... Его жена Раймонда тоже стала совершенной, чуть

позже своей кузины Оды де Фанжу; их дочь Эксклармонда вышла замуж за Бернарда де Фест, сына совершенной Орбрии, которая держала в Фанжу дом вместе с сестрой Гвиберта де Кастра в 1225 г. Согласно католическому хронисту – поскольку катарская версия данной истории, где преувеличенно сакрализуется материальное и видимое, была бы невозможна – именно в зале его замка в Фанжу разыгралось знаменитое «чудо огня» святого Доминика. На исходе диспута, где тщетно состязались катарские и католические проповедники, в 1207 или 1208 году, решили провести нечто вроде ордалии или суда Божьего посредством огня; при этом свиток с катарскими тезисами весь сторел, а католическая книга брата Доминика вырвалась из пламени, ударившись о потолочную балку залы, от чего на ней остался черный след... Скорее всего, на месте замка Гийома де Дюрфор во второй половине XIII века был построен монастырь доминиканок в Фанжу, красивая церковь которого сейчас отреставрирована. Несколько монахинь, которые там еще остались, могут даже показать камни, возможно, служившие стенами бывшего замка совладельцев. А открытые к югу монастырские сады, в восхитительном, характерном для Фанжу, свете, по крайней мере, могут дать нам понять, откуда проистекало вдохновение сладостью жизни, и какова здесь чистота неба и пейзажа, от которых сжимается сердце:

Mon cors s'alegre e s'esjau

Per lo gentils tems suau

E pe.l castel de Fanjau

Que.m ressembla paradis...

«Мое сердце преисполняется радостью/ видя сладостные времена/ и замок Фанжу/ напоминающий мне рай»... пел около 1200 года трубадур Пейре Видаль, а в это время множество совершенных держало катарские дома и мастерские в городе, и столько дам становились там совершенными или готовились ими стать... Под «замком» трубадур, конечно же, имеет в виду весь этот маленький укрепленный город, а не просто место жительства сеньоров, которое они, возможно, делили со всеми совладельцами и их семьями в этой средневековой смешанности, уже знакомой нам по Кабарец или Ма-Сен-Пуэльль, и которая, впрочем, была характерна и для других бургад. В самом сеньоральном «замке», очевидно, жила еще и четвертая пара, связанная с катаризмом: Фэй де Фанжу, сестра Изарна Бернарда, и ее супруг, Пьер де Дюрфор-Лаилль, возможным родственником которого является Гийом де Дюрфор. Фэй, как и ее свояченица Ода, принадлежала к четырём великим дамам, посвященным во время церемонии 1204 года.

Пьер де Дюрфор-Лаилль сам чуть позже стал совершенным. До вступления в катарский орден, Пьер и Фэй основали семью: их дочь Индия, тоже совершенная, держала дом в Кейе, пока не укрылась в Монсегюре, где была сожжена в 1244 году. Их сын Пьер сперва стал фаидитом благодаря Монфору, потом совершенным в 1235 году и, как и его сестра Индия, держал дом в Кейе со своим *socius* Пьером Флайраном. Вторым их сын, Сикорд де Дюрфор, остался простым верующим и, будучи фаидитом, регулярно навещал брата и сестру в Кейе, а потом в Монсегюре... Дюрфоры-Лаилль из Фанжу, возможно, были породнены с ветвью семьи Лаилль, жившей в Лаурак. Известный персонаж из этой семьи, Гийом де Лаилль, сын и брат совершенных, принадлежал к знаменитым фаидитам, одинаково вовлеченным и в веру, и в военные действия, участвовал во всех военных экспедициях и миссиях защиты совершенных. Мы еще встретимся с ним в Монсегюре.

Даже беглый осмотр огромной семьи совладельцев Фанжу уносит нас далеко, в самое сердце живого и активного катаризма, характерного для этого периода двух-трех поколений. Торжественная церемония 1204 года, без сомнения, является апогеем этого динамизма. В 1204 г. выросло уже как минимум целое поколение с того времени, как катаризм прочно укоренился в Фанжу и во всем регионе. Если в 1190 и 1195 гг. совершенные, как Гийом Карлипа, открывали дома-мастерские на площади, то в 1204 г. взрослые и даже зрелые дамы взяли себе за моду отречься от мира, а иногда, чуть позже, их демаршу следовали супруги. Их дети в то время были уже женаты или замужем, и часто у них были дочери, достаточно взрослые, чтобы присоединиться к ним в доме совершенных. Это были дамы, рожденные до 1180 года. Это значит, что в достаточно юном возрасте они должны были принять веру, в которую вовлекались до такой степени, что она часто приводила их на костер – и в этой вере они растили своих детей. 1200-1210 годы знаменуются массовым вступлением в катарскую Церковь. По крайней мере, из документов мы видим, что все эти крупные линияжи, с женщинами во главе, особенно в Фанжу, были увлечены духовным авторитетом Гвиберта де Кастра, который, вместе со своим братом Изарном, диаконом Лаурака, жившим в Ма-Сен-Пуэльль, и двумя сестрами-совершенными, был, возможно, выходцем из аристократии – «де Кастр». Военные события крестового похода несколько усложнили ситуацию, нарушив нормальное течение жизни, но не разрушили социальной структуры общества. Между 1210 и 1223 годами катарская иерархия, известные семьи верующих и фаидиты могли все еще скрываться в замках друзей, а не в Монсегюре, у Ниорта или Алиона. Победы Раймона VII Тулузского вновь вернули всех в Лаурагэ, где Гвиберт де Кастр реорганизовал свою Церковь, как сделал это Жирод Абит в Кабарец с Церковью Каркассес под защитой молодых фаидитов, воодушевленных военным реваншем. Разумеется, трактат Мо положил конец всем этим надеждам, и в начале 1230-х гг. все катарское и в основном знатное Фанжу перебралось в Монсегюр, где Гвиберт де Кастр, став епископом Тулузским, официально утвердил престол своей Церкви с 1232 года.

Церемония посвящения 1204 г., фигура иерарха, благородные послушницы, всё окружение, подробности которого засвидетельствованы столькими дополняющими друг друга показаниями перед Инквизицией, представляют собой нечто вроде поразительной фотографии. Картина мира, где спокойно, искренне и даже несколько по-светски жили в христианской вере, отличной от веры Римской Церкви. Иногда спокойствие этого мира нарушало появление каких-нибудь раздраженных цистерцианцев, вскоре здесь с улыбкой слушали экзальтированные слова Доминика, этого молодого испанского клирика – но этот мир и дальше оставался абсолютно нормальным и институализированным. Из четырех дам, на которых Гвиберт де Кастр возложил руки и Книгу, две были из самого Фанжу – супруги совладельцев Фэй де Дюрфор-Лаилль и Ода де Фанжу. Еще одна, Раймонда де Сен-Жермен, представляла другую крупную местную фамилию, и, наконец, последней была сестра самого графа де Фуа, Эсклармонда. Эсклармонда была вдовой, но на посвящение других женщин пришли их мужья, а также дети, родственники и друзья. Там присутствовал и граф де Фуа, а также и все именитые семьи Лаурагэ: Фэст, Мортье, Сен-Жермен и Сен-Мишель. На этой церемонии собрался весь высший свет, и это не просто делало катарское христианство более официальным, но вводило его в обычай и в моду.

Но нам следует отвлечься от всего, что производит впечатление светскости в обществе победившего катаризма «золотого века», в Фанжу или каком-либо ином месте. Светскость еще не означает легкомыслия, поскольку поколение людей, описанное здесь, было вовлечено в новую веру настолько, что пошло за нее на костер. Просто мы видим, что участвующие в этой церемонии люди, «зарегистрированные» Инквизицией, часто принадлежат к высшему обществу: мелкой и средней знати, буржуазии. Мы имеем меньше доказательств подобного рвения среди ремесленных кругов; однако, есть свидетельства, к примеру, как до 1203 года Жан Корзинщик из Фанжу (но каким в действительности был его социальный статус?) принимал у себя в течение трех недель свояченицу Ломбарду, которая пришла из катарского дома в Виллепенте. Вся семья – Жан и его жена, двое их детей – собирались вокруг этой совершенной, «поклонялись», ели за столом хлеб, благословленный ею... Множество совершенных держали в городе дома-ткацкие мастерские: Пьер Белём, Арнод Клавель, Гийом Карлипа...

В первых реестрах Инквизиции о крестьянах говорится меньше всего. Документы середины XIII века (реестры инквизиторов Феррье, Бернарда де Ко, Жана де Сен-Пьер), наоборот, пестрят сотнями подробностей семейного и практически генеалогического характера о крупных и разветвленных семьях, множущихся и постоянно переплетающихся между собой. Эти семьи составляли спинной хребет катаризма периода его динамики и времен первой опасности. Это, как правило, богатые и более или менее знатные семьи. А вот поздние инквизиторские источники придают катаризму второй половины века более скромный образ. Здесь мы уже видим крестьян, причем они оказываются настолько верными и преданными защитниками подпольных еретиков, что стоит предположить, что они связали свою судьбу с катаризмом не как работники последнего часа. Конечно, первые сторонники брата Доминика и его детища в Пруилль были более скромного происхождения, чем знаменитые льняжи в Фанжу: (например, «крепостной» из Виллесискл, Санс Гаск с женой Годолиной, хотя этот крепостной владел как минимум домом и землями, чтобы сделать пожертвования новому монастырю...) Вероятно, более или менее сочувствовали катаризму крестьяне, жившие на землях сеньоров, вовлеченных в катаризм, а католиками в основном оставались крестьяне, жившие на землях сеньоров, бывших католиками.

Два примера – Ма-Сен-Пуэлль и Фанжу – достаточно красноречивы, чтобы позволить нам завершить наше исследование, а не анализировать в подробностях всё Лаурагэ первой трети столетия, описанное в реестрах. Это не так уже интересно и полезно: все характерные черты того феномена, который мы называем катарским обществом во времена его апогея, его социальная и культурная структура, обозначены здесь очень выпукло. Ма и Фанжу представляют нам многообразие семейных и человеческих связей, лиц и характеров. Ситуация в Лаворе, в Ломбере, в Сен-Поль-Кап-де-Жу, в Виллемуре, Кассес, Мирпуа, Лавеланет была осень похожей. Потому мы лучше продвинемся немного дальше, и рассмотрим другой территориальный тип: заглянем в большой город.

XIII Катаризм и места жительства: города О существовании городского катаризма в Окситании

Определение границ окситанских катарских епископств Никитой в Сан-Фелис-Лаурагэ в 1167 году может создать некоторую иллюзию, и вот почему. В целом здесь часто используются термины Церковь Тулузен, Каркассес, Альбижиа, Аженэ, а не, согласно римо-католической традиции, «епископства Каркассона», «епископства Тулузы» и т.д. Катарский епископ никоим образом не может ассоциироваться с католическим прелатом, живущим в епископском городе и имеющим кафедральный престол. Катарский епископ всегда в движении, впрочем, как и все совершенные, как и его Старший и Младший Сыновья. Он является иерархом, который уделяет таинства, проводит важные крещения и церемонии, руководит миссиями диаконов на территории своей Церкви: он не живет в большом городе. Уже упоминалось о том, что во времена «золотого века» епископ Тулузы в основном жил в Лаворе или в Сен-Поль-Кап-де-Жу, епископ Альби – в Ломбере или Рабастен; епископ Каркассона – в Арагоне

или Кабарец. Однако, нам неизвестно, где была «резиденция» епископа Аженэ – об этой Церкви очень мало известно. В основном, катарская иерархия, кажется, не любила городов.

К тому же, кажется, что население крупных окситанских городов не было особо увлечено проповедями Добрых Людей. Конечно, хронист Жоффруа д'Оксерр в испуге отмечает в 1145 году об Альби, что «жители этого города, а также всех окрестностей отравлены ересью»; и будучи в Тулузе через несколько дней, он понимает, что эта ересь – совсем иная, чем ересь монаха Генриха, ересь «ткачей», которых жители города якобы называют «арианами»: «Что до тех, кто был склонен к этой ереси, то они были очень многочисленны, и относились к наиболее именитым в городе. Буквально перед нашим прибытием, они соблазнили одного из самых богатых горожан и его жену, так, что те, оставив свое добро и совсем маленького сына, удалились в местность, полную еретиков, и нельзя было их увести оттуда, несмотря ни на какие уговоры их близких...»

То есть, незадолго до середины XII века, упоминается о том, что «ткачи» многочисленны в Тулузе и Альби, но в основном они принадлежат к богатым горожанам. Мы видим, как богатые люди, муж и жена, вступают в катарский орден, удаляясь из города в некие «местности, полные еретиков» (значит, в Тулузе не было катарского «дома»...). Впрочем, напомним, что рассказ Жоффруа д'Оксерр упоминает также о том, что в маленьких бургах и замках, которые святой Бернар навещал впоследствии, многочисленные совладельцы и рыцари демонстрировали оскорбительный антиклерикализм, а вот маленькие люди благосклонно внимали рассказам святого проповедника. Мы также знаем, что чуть позже, когда катарский епископ Тулузен осмелился покинуть Лавор, имея церковный пропуск, чтобы исповедать в Тулузе в соборе Сен-Этьен свою добрую католическую веру перед легатом Пьетро из Павии в 1178 году, вместе со своим *socius*, они были там публично обвинены во лжи и, как писал сам легат: «В присутствии всего народа, который непрестанно рукоплескал и содрогался от гнева при их виде, мы вновь объявили их отлученными, и потушили свечи...»

Из всех этих свидетельств, которые, конечно же, следует рассматривать с относительной осторожностью, поскольку они написаны католическими клириками, явно желающими маргинализировать реальность еретического феномена, по крайней мере, видна одна вещь, подтверждающаяся позднейшими документами: катаризм а priori не был народным религиозным движением, ни городским, ни сельским. В сельской местности он в основном был распространен среди знати, нуждающейся и антиклерикальной; а в городах, среди именитых людей из буржуазии – как Пьер Моран в Тулузе, или ремесленников. Нам очень мало известно о религиозной ситуации в городах во времена «золотого века», потому что реестры Инквизиции первой половины XIII века почти исключительно интересуются сельскими приходами. К тому же, очень мало дающих показания «из сельской местности» говорят о существовании родственника или знакомого, связанного с катаризмом и живущего в Каркассоне или Тулузе: только Капельнодари является относительно важным городом, где жило значительное количество катаров.

Большие города были епископальными городами. Католический епископ пользовался большим престижем, чем мелкий, необразованный сельский клир, живший рядом со своей паствой. Начиная с 1230-х гг., эти епископальные города, Каркассон, Альби, Тулуза, становятся центрами Инквизиции, синонимами инквизиторских тюрем. В период экспансии катаризма, как мы его определили, события крестового похода, описанные хронистами, несмотря ни на что, могут дать нам некоторую информацию об отношении к катаризму городского населения. В Каркассоне, Тулузе, Альби до крестового похода, катаризм был популярен в знатной среде, близкой к графским дворам, а также среди именитых людей и буржуазии: в начале XIII века, как мы видим, сам католический епископ, Бернар де Рокфор, был сыном и братом совершенных – значит, он принадлежал к местному хорошему обществу... Разумеется, он был смещен с должности папскими легатами, но кажется, только в 1211 году, то есть через два года после взятия Каркассона крестоносцами.

Каркассон, как и Безье, был одним из первых больших городов во владениях Тренкавеля, испытавших шок крестового похода. Его население единодушно связало свою судьбу с юным виконтом Раймоном Роже, отлученным от Церкви за защиту еретиков. В самом Безье, откуда Тренкавель увел с собой евреев (считая, что они более подвержены опасности, чем катары?) в Каркассон, где собирался готовиться к защите, жители города, вместе со своими консулами, торжественно отказались выдать крестоносцам, которые за это предлагали снять осаду с города, еретиков, живущих в городе. Сколько же еретиков было в Безье? Мы знаем, что вследствие ужасного исхода этой осады все население было уничтожено 22 июля 1209 года, согласно знаменитой рекомендации: «Убивайте всех, Господь своих узнает», которая, даже если и не была произнесена в таком виде папским легатом, но была исполнена буквально, что еще хуже. Было уничтожено население от десяти до двадцати тысяч, и не известно, какую пропорцию в нем составляли катары. Существует только невнятный документ, донесший до нас список из двухсот двадцати двух имен еретиков. Существует большая вероятность того, что этот документ был написан католической рукой, поскольку там приведен список лиц, которых следовало выдать армии крестоносцев, и которых жители Безье справедливо отказались выдать. Можно даже счесть без особого риска, что

здесь представлен список совершенных, а не простых верующих, поскольку репрессии были избирательными. Более двухсот совершенных на город с приблизительно пятнадцатью тысячами жителей – это довольно существенная пропорция, свидетельствующая о том, что не стоит пренебрегать данными об укоренении катаров в этом городе. Но возможно, слухи о приближении крестоносцев заставили катаров закрыть свои «дома» в окрестностях и переселиться в Безье. В любом случае хотелось бы подчеркнуть, что катарские общины не воспринимались в Безье как «чужеродные», и что население города, в большинстве своем католическое, стало коллективным «защитником еретиков», так же как и отлученный виконт.

О населении самого Каркассона мы не знаем ничего, кроме того, что во время изнурительной осады, в августовской жаре и при нехватке воды, все жители города должны были оставить всё, что имели, и покинуть город, мужчины только в штанах, а женщины только в рубахах, в то время, как Раймона Роже Тренкавеля бросили в темницу. Население осталось верным до конца своему отлученному виконту, и никогда не пыталось обвинять его в своих несчастьях из-за того, что он оказался защитником еретиков. Каким бы ни было процентное соотношение верующих и совершенных к населению Безье и Каркассона, катары разделили судьбу жителей этих городов.

В Тулузе события крестового похода приняли очень «политизированный» оборот, и анонимный автор *Песни о крестовом походе* эмоционально и поэтически передает страстные чувства «тулузского патриотизма». То, что в то время спасло Тулузу от посягательств крестоносцев, так это был глубинный союз, заключенный между графом, консулами и городским населением против «французов» графа-узурпатора Монфора и против людей Рима, представителем которых был сам католический епископ Тулузы Фулько Марсельский, печальную физиономию которого они наблюдали ежедневно. Возбуждая ненависть против графа и защитников еретиков с помощью своего «Белого Братства», террористической католической милиции, которая грабила и жгла дома людей, признанных ею не совсем ортодоксальными, он добился в 1212 году обратной реакции и образования «Черного Братства», которое отвечало ударом на удар, начиная выражать взгляды «тулузской партии», воспетые анонимным поэтом, и которые можно встретить позже в *сирвентах* «заангажированных» трубадуров. Но ни слова о катаризме. Всё это прекрасное народное движение формировалось вокруг личности графа, Раймона VI, или «молодого графа», Раймона VII, во имя ценностей *Paratge*, благородства и свободы сердца всего народа, начавшего в огне войны осознавать свою идентичность. Вслед за отлученными графами и капитулами, весь город постиг интердикт, однако он все равно выступил против армии и Римского папы (все «ультра» и Белое Братство покинули город вместе с их епископом Фулько, приобретшим кличку «епископ чертей»). В результате настоящего народного возмущения Монфор был изгнан из города; и посреди огромной народной радости, можно сказать экзальтации, молодой граф и граф Тулузский вернулись из своего изгнания, занимая в Тулузе башню за башней. То же сильнейшее народное движение с энтузиазмом организовало оборону города во время последней попытки французов вернуть себе город, и метательная машина, управляемая женщинами, поразила Монфора под стенами Тулузы июньским днем 1218 года.

Ворота Лор в Минерва (Од). Катарский иерарх Бартелеми однажды устроил здесь трапезу для сотни совершенных...

Но опять ни одного упоминания о катаризме. Как и Тренкавель, Раймон Тулузский был отлучен за отказ изгнать еретиков, а его земли стали «добычей» крестоносцев. Как в Безье, как в Каркассоне, население Тулузы, католики или катарские верующие, во главе с консулами, как один вставали рядом со своим сеньором. События в Тулузе известны лучше, они имеют большую политическую окраску, они в глубинном смысле более эмоциональны, чтобы не сказать «националистичны», потому что они разворачивались после опыта первых лет крестового похода и во время долгой осады, и под огнем острой антиномии таких символических персонажей, как граф Раймон и епископ Фулько.

Документы Инквизиции дают нам возможность хоть немного разглядеть катаризм в Тулузе, Каркассоне и Альби только во второй половине XIII века: по-видимому, он сохранил свою характеристику религии меньшинства и был особенно распространен среди именитых людей, буржуазии, богатых ремесленников, а также юристов и нотариусов. Реестры позволяют насчитать приблизительно двести пятьдесят катаров в Альби под конец XIII века при населении от восьми до десяти тысяч жителей; и где-то две тысячи пятсот в Тулузе в тот же период, при населении от двадцати пяти до тридцати тысяч жителей. В Каркассоне около 1300 года катарского населения было, по-видимому, около шести процентов. Разумеется, что все эти цифры являются минимальными – вряд ли все катарские верующие и совершенные городов пали жертвами доносов Инквизиции. С другой стороны, церковный трибунал, и особенно доносчики, интересовались прежде всего возможными конфискациями, и потому предпочитали обеспеченных подозреваемых тем, у которых ничего не было. Возможно, что катаризм всегда оставался преимущественно «элитарным» меньшинством среди населения больших окситанских городов от начала и до конца своей истории. Возможно также, что городское население в целом, принадлежавшее к разным конфессиям, в ответ на злоупотребления Инквизиции и ее наступление на их свободы, проявило что-то вроде активной солидарности. Народ Тулузы, через поколение после смерти Монфора, еще любило поговорить об этом, и вышвырнул из города в 1235 году доминиканских инквизиторов, попытавшихся эксгумировать и сжигать трупы и слишком рьяно применять казни (речь идет о простых людях). В Альби за год до того инквизитора даже бросили в Тарн.

В самом Каркассоне около 1300 года, когда реестры Инквизиции фиксируют довольно слабую пропорцию катаров (что, глядя на дату, выглядит вполне понятным), разгорается «каркассонское безумие» против доминиканских инквизиторов, опять по тем же причинам. Восстание в городе, отозвавшееся также и в Лиму, закончилось повешением пятнадцати горожан в Каркассоне и сорока в Лиму. Мы еще поговорим об этом под конец истории и этой книги.

Таким образом, мы заканчиваем эту главу констатацией того, что городской катаризм в Окситании все же существовал. Конечно, у него не было того впечатляющего развития, которое обеспечил тому же катаризму, к примеру в Тоскане, гиббелинский патрициат, заправляющий деньгами и делами. Однако, он существовал как минимум полтора столетия в крупных епископальных городах Тулузе, Альби и Каркассоне, имея поддержку в основном среди имущих классов. Тем не менее, народные движения, когда доходило до войны, как правило, были благосклонны к нему и всегда его защищали: катаризм никогда не рассматривался как нечто чужеродное городским окситанским населением, несмотря на то, что он притягивал опасность: даже в Нарбонне, наименее катарском городе из всех епископских городов этого региона, было восстание против доминиканских инквизиторов...

Если бы окситанский катаризм оставался городским феноменом, то он, конечно же, вряд ли бы смог развиваться в большей мере, чем, к примеру, катаризм Рейнских земель. Силой окситанского катаризма было именно то, что его динамика разрасталась в наиболее открытых социальных структурах: крупных сельских и сеньоральных бургах, представлявших собой в XII-XIII веках основу жизни этих обширных сельскохозяйственных регионов, и одновременно были торговыми центрами. Воспринятый вначале, возможно, просто из моды, в качестве подражания светским и интеллектуальным дворам Тренкавелей и графов Тулузских многочисленной мелкой сельской знатью, жившей в Лаурагэ и Альбижуа, катаризм был просто обречен на успех. На этой почве, пронизанный вертикальными и горизонтальными связями, где социальные барьеры были довольно проницаемы, путем визитов, союзов, бесконечных заимствований новых «культурных» веяний, принятых идеологически доминирующим классом, катаризм мог только распространяться. А самой веской причиной для этого, конечно, было то, что в качестве аутентичного христианства он мог счастливо заполнить те лакуны, которые оставил католический клир в области пастырского служения, в качестве более чистой веры и интеллектуальной требовательности был более убедителен, своим посланием надежды привлекал сердца и абсолютно подходил обедневшим феодалам своим естественным антиклерикализмом.

XIV КАТАРСКИЕ ЖЕНЩИНЫ: КАТАРИЗМ, ЕВАНГЕЛИЗМ, ФЕМИНИЗМ КАТАРСКИЕ ПОКОЛЕНИЯ

Гостеприимное общество маленьких городов-замков, где органично расцветало и множилось катарское христианство, на протяжении как минимум пятидесятилетнего периода, между 1180 и 1230 годом, предстает перед нами, благодаря документам, во всей своей живой человеческой динамике, удивительным образом позволяющей наблюдать, какую решающую роль сыграл в его распространении этот самый человеческий фактор. Евангельское слово Добрых Людей звучало в домах соседей, родственников, друзей, где их принимали с улыбкой, а женщины рассказывали мужьям, матерям и дочерям, кумушкам об этих случайных встречах, о своем собственном впечатлении от проповедников, их проповедях, их хорошем тоне, их суровых или торжественных выражениях, и

особенно об их удивительном знании Писаний. Эти Добрые Люди, как правило, были им хорошо знакомы. Все знали, чьи они дети или кузены. Возможно, они даже встречали их в те времена, когда они были еще клириками, рыцарями или ремесленниками. Перед нами общество бурлящее, многонаселенное, полное молодого задора, но крепкое, где практически все всех знают. И где катары были повсюду.

Дома катаров были открыты миру, стояли на улицах и улочках; туда приходили навестить Добрых Дам, купить перчатки или рубахи, спросить совета, а иногда с интересом послушать и посмотреть, как приходит их исповедовать диакон со своими товарищами. И наоборот, если в собственном доме была достаточно большая зала, то человек был горд собрать там всю семью, начиная с четвероюродных кузенов и, конечно же, соседей, чтобы послушать проповеди совершенных, которых он как-то пригласил к себе, и которые разделили бы семейную трапезу, благословили хлеб и призвали на всю семью свет Добра. Конечно же, вскоре все это было запрещено, и принимать Добрых Людей стало опасно: но здесь же все были свои, друзья и родственники. И «эти люди» были нашими людьми... А к тому же далеко не все понимали, чем это грозит...

И кроме того, «эти люди» были истинными христианами, Добрыми Христианами. Уже много поколений назад они завоевали доверие людей, и все знали, что их слово было Истиной и Жизнью, потому что они жили по заповедям Христовым, которые соблюдали намного лучше, чем клирики Римские, невежды, развратники и завистники, не говоря уже о богатствах последних. Все знали, что следуя их путем, приближаешься к Свету. Все знали, что счастливый конец на руках совершенных неизбежно ведет к Спасению, обещанному Христом. Люди говорили себе, что возможно, однажды, может быть и в этой жизни, они смогут отказаться от мира зла и несчастий, стать Добрыми Христианами и войти вместе со святыми в Царство Божье...

Постепенно, когда репрессии систематизировались и усилились, семьи и родственники увидели, как исчезают в пламени их совершенные матери, тети, сестры. Ужас и ненависть вылились в бунты и восстания, а надежда оставалась только в этих самых человеческих связях между родственниками, друзьями, скрепленных узами крови и несчастья. Имущество было конфисковано французами, целые линьяжи становились фаидитами. Память о кострах сплачивала солидарность семейных кланов, более и менее благородных, жителей бургов, которых война вытеснила в изгнание, а потом они вернулись, когда окончились битвы, но всегда готовы были слушать подпольные проповеди совершенных в домах друзей.

Первые сожженные совершенные женщины, Гарсенда и Гайларда, как и первые мученики - Добрые Мужчины: Вигоро де Ля Баконь, диакон Аженэ, Жан Камбиаир, проповедовавший в Фанжу, Гийом Бернар де Ланта, местный сеньор, ставший совершенным в первые годы Инквизиции, между 1232 и 1238 гг., являются лучшими представителями своей среды и своего времени. Первое ревностное поколение катаризма, которое нам удастся различить по документам Инквизиции, в самых ранних воспоминаниях самых почтенных по возрасту свидетелей, родилось в то время, когда Церковь структурировалась и организовывалась, между диспутом в Ломбере (1165) и актом в Сан-Фелис-Лаурагэ (1167): а кем были те совершенные мужчины и женщины, которых было на то время так много, что они должны были иерархически организовать и расширить свою территорию в 1160-х гг.? Можно только угадывать, сравнивая непрямые свидетельства и образы тех, кто предстает перед нами из этих свидетельств в свете инквизиторских прожекторов, насколько сильными были достижения катаризма под конец столетия, и что за мир позволил этим достижениям иметь место. Поколение Гвиберта де Кастра, дам из Фанжу, Гарсенды дю Ма находило катаризм «в своей колыбели», по меткому выражению Мишеля Рокберта. Изначально окситанский катаризм был продуктом линьяжа, семьи и среды. Два или три последующих поколения, защищая катаризм, защищали также самих себя. И у подпольных монахов, и у рыцарей-фаидитов, была иногда одна мать, смерть которой взывала к отмщению. И они, со всеми своими семейными и дружескими связями в бургах, в течение двух или трех поколений, сформировали однородный слой, к которому, понемногу, по мере того, как вокруг них сжималось кольцо репрессий, в еще более активной преданности, присоединилась и крестьянская солидарность.

В таком контексте, изначально, стало возможным это особенное, культурное и духовное приключение, потому что в радостной средневековой смешанности бургов-замков, где, лучше, чем в больших городах, преодолевались классовые барьеры, человеческий фактор этих поколений, более определяемый средой жизни, чем социальной средой, играл существенную роль. Ничего удивительного в том, что христианство, принятое людьми, являвшимися признанными авторитетами, распространялось без труда. Ничего удивительного в том, что в первых рядах самых ревностных, внимательно прислушивающихся к проповедям Добрых Людей и идущих за ними до *consolament* и даже до костра, мы встречаем женщин. Благородные дамы заводили моду, а жены горожан и ремесленников открывали двери своих домов. Все они были открыты надежде когда-нибудь тоже жить такой жизнью, жизнью клириков, жизнью в состоянии евангельского совершенства — единственном состоянии, в котором они могли по-настоящему вступить в Церковь Добрых Христиан. Многочисленные документы показывают нам, что именно женское население было лучшим как в распространении, так и в защите катаризма на протяжении всех этих поколений. Начиная от апостольского служения престарелых благородных совершенных,

которые воспитывали внуков в своей вере, до смиренных жертв, приносимых всеми этими женами и любовницами более скромного происхождения, связавшими воедино жизнь, страсть и религиозное вовлечение, женщины были, от начала и до конца этой истории, главным связующим звеном верности, спаявшим окситанский катаризм с родиной своей души.

КАТАРИЗМ И СЕМЕЙНАЯ СТРУКТУРА

Историк из Восточной Германии, Кох, еще в пятидесятых годах заметил это вездесущее присутствие женщин в реестрах Инквизиции касательно катаризма. Его книга *Женский вопрос и ересь* выдвинула следующее объяснение этому феномену: в таком замкнутом религиозном мире, каким было средневековое общество, угнетенный «подкласс» женщин не имел другого способа самовыражения, кроме как в области религии, а вовлечение в ересь позволяло женщинам делать это массово. Если не рассматривать этот тезис упрощенно, то в нем есть много правды. Конечно, женщины могли возвысить свой голос в Церкви Добрых Христиан намного больше, чем в католической системе, где они должны были молчать, как на мессе, так и в монастыре. «Евангельские» ереси того времени прекрасно этому соответствовали: женщины стояли у истоков движения вальденсов, и сами проповедовали Евангелие на дорогах, вместе со своими товарищами. Так следует ли видеть в катаризме движущую силу освобождения женщины по сравнению с традиционными ментальными, социальными, культурными, семейными структурами Средневековья, одновременно более открытого и более замкнутого, чем современный мир? И особенно, этой ли именно свободы добивались женщины, приобщаясь к новой духовности?

Определенно, катаризм на свой манер десакрализировал брак именно в тот период, когда Римская Церковь, наоборот, пыталась сделать из него ярмо, когда во время или чуть позже Грегорианской реформы она «изобрела» «таинство» брака. Довольно частыми были отлучения великих князей по причине слишком поспешных разводов или не очень удобных повторных браков, ассоциировавшихся с двоеженством или даже инцестом, и в то же время попы с своих приходах проповедовали пастве о браке, в том числе и исходя из необходимости социальной стабилизации. Для катаров, в браке или вне брака, телесный акт был одним и тем же грехом. Но эта фраза требует правильного истолкования, потому что для простых верующих это вообще не являлось грехом, и более того, означало, что телесный акт вне брака не являлся *большим* грехом, чем тот же акт в браке. Это послабление, если его вообще можно назвать послаблением, было выгодно как мужчинам, так и женщинам, однако, по-видимому, в катарском обществе ни те, ни другие, в массе своей им не пользовались. Только реестры Инквизиции Лаурагэ, описывая общество Монсегюра, свидетельствуют о том, что там существовали достаточно необычные для Средневековья феномены свободных союзов.

Более специфическим для женской аудитории может показаться катарская интерпретация проблем рождения и беременности. Рождение является необходимостью, несмотря на телесный грех, поскольку каждая из падших душ тогда получает возможность переселиться из тела в тело в мире чужого бога, чтобы, наконец, обрести благодать и Спасение. Потому рождение детей не осуждалось катарской Церковью и не было запрещено верующим, как это иногда позволяют себе утверждать некоторые историки. Однако, этот подход не был библейским и католическим «плодитесь и размножайтесь». В то время, когда всякая контрацепция была, разумеется, сурово запрещена Римом, тем более, что ассоциировалась с колдовскими практиками, и когда на ежегодные роды – при этом выживал один ребенок из четырех – были обречены даже женщины старшего возраста, что составляло главную причину женской смертности, катарская Церковь не поощряла неограниченное воспроизводство.

Можно также увидеть в реестрах Инквизиции отголоски того, что проповедовали совершенные в области беременности и рождения: некоторые, не колеблясь, публично заявляли беременным женщинам, что они в своем лоне носят демона, что, конечно же, было не очень дипломатично. Например, мы видим, что однажды совершенные женщины заговорили таким образом с Эрмессендой, женой Гийома Вигуйе, верующей из Камбиака, чем очень повеселили местных кумушек: взбешенная, она решила сменить конфессию. А ведь это произошло просто потому, что, согласно логике катаров, зародыш, ребенок, который еще не родился, не имеет души, и многие считали, что душа вселяется в него с первым криком. До рождения он является просто созданием зла, куском плоти, телом, простой одеждой из шкур, формирующейся, но еще пустой телесной тюрьмой. Из этого, конечно, можно сделать вывод о вседозволенности, проистекающей для верующих женщин в области контрацепции и даже абортных практик. Однако, никогда и никто из совершенных, для которых любое убийство, даже животных, являлось грехом, не могли советовать им подобных вещей. Просто идея аборта не так ужасала катарскую верующую, для которой Бог был Творцом душ, как католическую верующую, для которой Бог был Творцом не только душ, но и тел. И потому катаризм предоставлял определенную моральную поддержку средневековым женщинам, изнуренным родами после сорока или пятидесяти лет.

Тем не менее, пример с Эрмесендой Вигуйе ясно говорит нам о том, что подобные аргументы женщинам явно не нравились, и вряд ли их говорили каждой беременной. Наоборот, нам неизвестен больше ни один случай таких неосторожных проповедей со стороны совершенных в этой области – тем более, что они вряд ли способствовали бы умножению сторонников катаризма.

Возможно, своей верой в переселение душ катарское христианство наиболее основательно подрывало матримониальную институцию, основанную Римом, как, впрочем, и множество других политико-религиозных претензий Римской Церкви. Эта институция держалась на полном подчинении мужу жены, на которую падали основные тяготы «супружеских обязанностей», чтобы обеспечить контроль над этим слабым созданием, «сладолюбивым по своей природе», по выражению средневековых канонистов. Однако, это не приводило к дестабилизации семьи, но к основанию союзов на более эгалитарной основе. Вот что обычно проповедовали совершенные: «Он говорил о женщинах, что души мужчин и женщин не имеют между собой никакой разницы, но что Сатана, князь мира сего, создал разницу в телах...»

Божественные души, падшие с невидимого неба, были «благими и равными между собою», только созданные дьяволом тела носили неравные и преходящие признаки пола. Потому всякий сексизм по сути своей являлся иллюзией, и даже простым случайным следствием воплощения. Интересно, обострялись ли по этому поводу семейные ссоры, или наоборот, основная причина для них таяла? Во всяком случае, у катарских верующих женщин не было никакой философской причины относиться к своим мужьям как к хозяевам, которым они обещали послушание и покорность. Они были только странствующими душами, как и все люди, и только один Бог мог различить, чья душа из обоих супругов больше продвинулась по дороге Добра...

Со своей стороны, документы Инквизиции содержат свидетельства о многих парах, венчанных и невенчанных, но объединенных выбором своей веры, практикой этого выбора, несмотря на все трудности и опасности, и часто до последнего исхода, когда они вместе поднимались на костер.

«ПРЕКРАСНЫЕ ЕРЕТИЧКИ»

*E cel ost jutgero mot eretge arder
E mota bela eretga ins en lo foc giter
Car converter nos volon...*

(«И армия осудила огромное количество еретиков на сожжение, и столько прекрасных еретичек было брошено в огонь, ибо они не хотели обратиться...»)

В Кассеней, в Керси, крестовый поход 1209 года зажег первый костер, что привлекло внимание, и даже распалило поэтическое вдохновение Гийома де Тудела, автора первой части *Песни о крестовом походе*. Особенно его удивило присутствие среди нераскаявшихся еретиков «прекрасных дам», то есть дам, принадлежащих к знати и высшему свету, а не простых, доверчивых женщин из народа, которых можно было легко обмануть и увлечь (а мы знаем, что доминирующая идеология пыталась внушить именно такое видение обычаев религиозных диссидентов). Мы уже встречали кое-кого из этих «прекрасных еретичек». Мы уже заглядывали в их дома-башни, в Ма-Сен-Пуэль, в Фанжу и даже в сердце графства Фуа. И возможно, что благодаря увлечению-вовлечению этих благородных дам – как правило, их мужья не заходили так далеко – окситанский катаризм и достиг столь ошеломительного успеха.

Конечно же, и здесь об этом уже вскользь упоминалось, катарское христианство лучше, чем его католический собрат, отвечало устремлениям женщин к духовной жизни. Фактически, равенство происхождения душ и единство крещения *consolament*, ничем не отличало посвященного от посвященной, совершенного от совершенной. Добрая Дама была освобождена от зла, она становилась Доброй Христианкой, перед которой всякий верующий был обязан трижды склониться в земном поклоне, даже если этот верующий был рыцарем, а она в мирской жизни была женой сапожника. Она имела право проповедовать, а также уделять таинство, которое сама получила. В отличие от католической монахини, жившей во мраке и молчании (хотя, конечно же, были и Хильдегарда Бингенская, и Эррада Ландсбергская, и «премудрая Элоиза»...), она жила в общинах, открытых миру, принимала гостей и сама ходила в гости, как правило, с ритуальной компаньонкой, к друзьям, родственникам и знакомым. Ее уважали, слушали, она оставалась бабушкой, матерью, тетей, сестрой или подругой, которой гордились.

На практике она много не проповедовала, а еще меньше уделяла утешений. В структуре катарской Церкви совершенная оставалась на уровне простого совершенного: она могла стать управительницей «дома» совершенных, что приравнивало ее к Старшему, но кажется, она никогда не играла роль ни диакона, ни тем более высшего иерарха. По-видимому, роли распределились следующим образом: Добрые Мужчины вели более

странствующую жизнь проповедей и служения; а Добрые Христианки – более оседлую, в домах, в молитвах и работе, регулярно принимая визиты иерархов, которые проповедовали, исповедовали их и крестили послушниц.

Исключительная роль катарской совершенной заключалась, как это ни странно, в сублимации традиционной роли матери, супруги, бабушки, уважаемой и почитаемой родственницы: она отвечала за духовное и религиозное воспитание собственной семьи, всего линияжа, и, в какой-то степени, чувствовала себя ответственной за формирование их сознания. Очень часто, живя в своем «доме», она занималась воспитанием внуков. Она довольно часто увлекала за собой младших незамужних дочерей. К ним могли присоединиться сироты, бесприданницы, и все эти женщины и девушки, верующие или совершенные, жили под моральным и духовным влиянием самой старшей христианки, «матриархини». Даже если некоторые девушки, слишком поспешно крещенные, как На Сегура Видаль или Раймонда Гаск из Ма, покидали «дом», чтобы выйти замуж, они оставались преданными верующими и надежной опорой Церкви Добрых Людей в своей деревне.

Дом совершенных женщин, еще более, чем мужчин, представлял собой пример общинной жизни: прежде всего, там жили одни женщины; он был экономически независимым, поскольку они сами себя обеспечивали трудом своих рук; и, наконец, там жили женщины всех возрастов и разного социального происхождения. Катарский дом мог представлять собой убежище для несчастливых в браке жен и выход для обнищавших семей, которые могли отдать туда дочерей-бесприданниц. Иногда этим мог воспользоваться великий сеньор, чтобы отправить туда становящуюся не слишком желанной супругу (Раймон VI Тулузский, кажется, посоветовал своей второй жене Беатрис, сестре Тренкавеля, сделаться совершенной, поскольку он хотел попытать счастья в женитьбе на дочери короля Кипра...). Будучи ядром автономной жизни, где осиротевшая дочь кузнеца, вдова ткача или рыцаря вместе работали и проходили религиозное обучение, дом совершенных женщин, в еще большей степени, чем дом совершенных мужчин, население которого было менее стабильно и менее связано ремеслами, представлял собой очаг, обеспечивавший, благодаря совершенным и добрым верующим-женщинам, социальную респектабельность христианства Добрых Людей. Великие дамы-совершенные, которые открывали дома и управляли ими, с удовольствием исполняли свою значительную социальную роль, не порывая при этом отношений ни со своими подругами, ни с прежними знакомыми, ни со своим окружением, приходившим их навестить. Женщины более скромного происхождения наслаждались жизнью, независимой от всякого мужского надзора - отца, брата, мужа – и в любом случае желали обеспечить свое спасение, не отрезая себя от мира и с большей уверенностью, чем если бы они затворились в католическом монастыре.

Например, Ломбарда, совершенная и престарелая дама из мелких бюргеров, достигла статуса, невообразимого в католицизме. Она частенько навещала в Фанжу своих дальних родственников и знакомых Куффиналь, которые чувствовали себя обязанными принимать ее с большим почетом, «поклоняться» ей согласно ритуалу *melhorament*, признавая ее посредничество между собой и Богом, благочестиво есть в начале каждой трапезы хлеб, благословенный ею по обычаю Добрых Христиан. Потому даже если катарская совершенная и не имела доступа к иерархии Церкви, ее социальная и духовная роль не шла ни в какое сравнение с ролью католической монахини.

Попробуем бросить взгляд на остальной христианский мир, как он предстает перед нами в конце XII века, когда открывались дома совершенных женщин, и столько дам из великой или мелкой окситанской знати увлекались спиритуальным христианством Добрых Людей. Это было великое движение, огромная волна устремления к Евангелию, потрясая доминирующую Церковь до и после Грегорианской реформы. Следствием ее явилось множество толчков и всплесков, большинство из которых было отброшено в гетеродоксию, о чем свидетельствуют увлечение, выступления, требования и активное присутствие там женщин. Значит, катаризм не был ни изолированным феноменом, ни необъяснимым парадоксом Средневековья. Не случайно женщины Западной Европы, от проституток до жен князей, последовали за Робером д'Арбриссель в начале столетия. Сперва куда глаза глядят, а потом в Фонтевро, двойной мужской и женский монастырь, во главе которого будущий блаженный поставил аббатису. Не случайно вальденские женщины проповедовали на дорогах. Не случайно под конец XIII века в Лангедоке, когда дома совершенных женщин были закрыты или разрушены вот уже несколько десятков лет, женщины скромного происхождения, выглядящие совсем как сестры последних катарских верующих, становились бегинками, загораясь евангельским идеалом францисканцев-спиритуалов – пока их самих не поглотил огонь костров Римской Церкви.

Не искали ли великие дамы Западных Марок в домах Фонтевро тех же ответов на те же вопросы, которые толкали их южных сестер, женщин из рода де Фуа, великих сеньоров Альбижуа или Лаурагэ открывать катарские дома? Не были ли они в такой же мере сестрами, в какой, несмотря на всевозможные разделения, являлись братьями Робер д'Арбриссель, Вальдо из Лиона и Гвиберт де Кастр, братьями в одном и том же поиске духовного обновления и реалистичного и дающего надежду прочтения Евангелий, в период, когда Средневековье еще не впало в стагнацию установленного порядка? Там присутствовали женщины, там действовали женщины, впервые после долгого перерыва, словно на заре нового времени, возвысившие свой голос и заявившие о своем желании жить

более ревностно и достойно. Потому недостаточно указаний только на социальные причины или семейные связи – они не могут затмить того, что этот поиск, этот фемининный демарш в возвышенную духовную жизнь был индивидуальным, личным поиском и демаршем, где каждый должен был понять свою собственную правду, отстаивать свое право на духовный рост, что, по сути, составляет основу веры...

Готфрид Кох говорил еще сорок лет назад, что в замкнутом религиозном обществе всякое вдохновение, поиски и «притязания» могут выражаться только в религиозных терминах. Но в данном случае, женщины-вальденсы, совершенные и бегинки прежде всего становились сестрами в абсолютном и страстном вовлечении, вовлечении, за которое платили костром.

КАТАРЫ И ТРУБАДУРЫ

Будет ли чрезвычайной провокацией добавить четвертого собрата к семье основателей средневекового обновления – ведь мы уже осмелились поставить рядом, бок о бок, Робера д'Арбриссель, Вальдо из Лиона и Гвиберта де Кастра? И что, если я вам предложу такого персонажа, как Гийом IX Аквитанский, великий князь, или Бернар де Вентадур, сын пекаря, ведь они оба были трубадурами?

Попробуем рассмотреть под этим углом старую и заезженную проблему связи между катаризмом и *Fin'Amors*. Мы сделаем это с большей пользой, потому что, наконец, не будем выражаться в терминах тайных связей между подпольными монахами таинственной и зловещей Церкви и пророческими песнями, содержащими особые послания и коды, долженствующие обеспечить духовное выживание означенной Церкви, слишком чистой для Рима, и которую Рим пытался всеми силами уничтожить. Потому что именно таким в большинстве случаев является распространенный способ представить эту проблему в коммерческой квази-катарской литературе. Хотя, Дени де Ружмон в своей знаменитой книге нашей юности *Любовь и западная культура* оказался еще не самым худшим представителем этого направления!

Мы не будем здесь вновь говорить о взаимовлиянии и секретных соглашениях, которые могли существовать между людьми, говорившими о Боге, и людьми, говорившими о любви. Мы просто хотим расставить все по местам в ту великую эпоху изменения менталитета, надежд, устремлений, сердец, тел и душ всех людей, говоривших на новом языке. С этой точки зрения, катары, вальденсы, всякие разные евангелисты и трубадуры были детьми общей надежды. *Trobar*, лирическое искусство и искусство любви трубадуров, появилось чуть позже Робера д'Арбриссель, и в тех же регионах, с которыми и он был связан: Аквитания, Лимузен. Оно быстро распространилось по всей территории, где господствовал окситанский язык, по всему Лангедоку, вплоть до Прованса, и даже до Северной Италии. Эта новая манера писать, петь и любить появилась на том же языке, на который стал переводиться и Новый Завет, вторгаясь в мир латыни библейских текстов, зарезервированных для клириков, и священной или профанной поэзии, опять-таки исходящей от клириков. Эта новая манера основывалась на новых и даже новаторских чувствах: на признании за женщиной телесного и сердечного бытия, и предоставление ей активного, а не пассивного участия, в любовных отношениях.

Трубадуры, светские и элегантные поэты, революционеры в области стихосложения, неистовые ритуалисты в том, что касалось точного описания сердечных влечений, сразу же стали, с момента своего возникновения, изобретателями настоящей, страстной и возвышенной любви, поскольку до них красивую женщину ценили и хвалили лишь как хорошее вино. Трубадуры более полутора веков экспериментировали с оригинальной идеей: любовь, прежде всего, является вдохновением сердца, и что физическое выражение этого абсолютного желания имеет смысл лишь тогда, когда оно достигнуто после очень длительного пути, когда шаг за шагом любовь доказывается, шлифуется, усовершенствуется, становясь любовью. Но истинная цель любви – даже не это достижение-утоление жажды, являющееся только средством выражения любви, но возгорание и терпеливое поддержание огня любовной радости, *Joy*, под мудрым и страстным руководством дамы, потому что только женщина способна хранить искру возвышенной любви. Трубадуры не ограничивались предоставлением женщине роли собеседницы в игре любовного огня, но создали целый полуассальский, полусветский культ, который, возможно, с нашей точки зрения, выглядит чуть более устаревшим, чем жар их радости.

Социально-культурный феномен *trobar* был распространен очень широко. Он представляется определяющим элементом в типе отношений, характерных для всего общества, которые он формировал, и которые ему следовали. При всех великих и малых аристократических дворах, во всех землях языка ок, и везде, куда этот феномен проник, стали складывать красивые стихи и говорить о любви, даже поэты более скромного происхождения, из бюргеров или бывших жонглеров. В некоторых местах трубадуры посещали те же дворы, что и катарские проповедники. Если мы посмотрим на геополитический аспект окситанского катаризма, то вспомним, что он был особенно

популярен среди именитых людей, в том числе средней и мелкой сельской знати Лаурагэ, Кабардес, Альбижиа. В этих местах и могли пересекаться трубадуры и Добрые Люди, чего не случалось ни в Лимузене, ни в Провансе.

Встречи эти были совершенно случайны: и те, и другие обитали в том же микрокосме, в тех же замках-бургадах, где одни проповедовали после полудня, а другие пели и флиртовали по вечерам. Так в Кабарец, где-то около 1200 года, Раймон де Мираваль, бедный рыцарь и известный среди соседей трубадур, ходил навещать и приносить оммаж *Больше, Чем Подруге*, которая, вероятно, была женой одного из совладельцев. Он же не менее часто навещал дома местных совершенных и слушал проповеди диакона Арнода Ота. Впрочем, у Раймона де Миравалья был родственник-совершенный в Кабарец, Госселин де Мираваль. Кроме того, было время, когда, раздосадованный непостоянством своей красавицы, он начал приносить оммаж другой даме, Азалаис де Буассезон. А эта Азалаис была дамой Ломбера, что в Альбижиа, того самого Ломбера, где в 1165 году все рыцари были катарскими верующими, и который очень быстро стал резиденцией епископа Альбижиа... Раймон де Мираваль ухаживал за дамами в чрезвычайно катарской среде, и при этом был одним из лучших друзей графа Тулузского, Раймона VI, с которым он переписывался, и которому оставался верным до самой последней песни, когда крестовый поход ринулся на его земли.

Пейре Видаля, этот необычный трубадур, сын скорняка из Тулузы, объехавший полмира, певший в Провансе, женившийся на гречанке и искавший приключений в Венгрии, поместил между Альби и Каркассоном маленький рай куртуазии, который он подробно описал в одной из своих самых известных песен. Вспомните Фанжу в сладостные времена, замок, полный любви... Это было еще до 1200 года, те времена, которые описывал Пейре, когда дамы из Фанжу, его вдохновительницы, были еще молоды: Ода, Фэй, Раймонда, жены совладельцев, жены рыцарей, возможно, старшие из их дочерей? Алис де Мазеролль? Эсклармонда де Фест? Индия де Фанжу? все эти «прекрасные еретички», обреченные скитаться в подполье или взойти на костер через несколько лет...

Эта песня Пейре Видаля, в каждой строфе которой говорится о городе-замке, является своего рода лейтмотивом куртуазии линьяжей, вовлеченных в катаризм. Трубадур любил в Лаураке, любил в Гаилльяке, любил в Сайссаке, любил в Каркассес:

*Que.l cavalier son cortes
E las donas de.l país...*

(«Ибо рыцари куртуазны, и куртуазны дамы в тех землях.») Но из всех прекрасных дам одна выделялась в сиянии света: «Ибо Дама Луве покорила меня настолько/что если Бог мне поможет, обещаю/ в сердце хранить ее улыбку»... На Лоба, дама Луве де Кабарец, самая известная и самая воспеваемая дама во всем Каркассес, Кабардес, Минервуа и Лаурагэ, жила в своем «катарском» замке Ластурс...

Бурлац (Тарн). Романское окно павильона Азалаис, супруги Роже II Тренкавеля.

Кроме того, и об этом стоит вспомнить, из под пера Пейре Видаля, который много путешествовал, знал мир и его законы, вышла маленькая песенка, где он объясняет, как и почему, с его точки зрения, ересь так распространилась в последнее время:

*Qu'a Rom an vout en tal pantais
L'Apostolis el.h fals doctors
Sancta Gleiza, don Deus s'irais:
Que tan son fol e peccador
Per que l'eretge son levat,
E quar ilh commenso.l peccat
Greu es qui als far en pogues.
Mas ja no volh esser plages...*

Конечно, мы далеки от того, чтобы утверждать, что трубадур сделался адвокатом еретиков, но он замечает, что теперь очень трудно что-либо сделать, когда сам папа и высший клир сделали «фальшивыми докторами», которые из-за своей глупости и грехов вызвали появление ереси. В данном случае трубадур, еще до времен французского завоевания и репрессий, смешивает религию и политику, потому что так принято было говорить при малых окситанских дворах. И когда мы видим его острый антиклерикализм, его понимание толерантности по

отношению к еретическому феномену, то в этом нет ничего удивительного для поэта родом из Тулузы, который, сверх того, пел и любил среди паствы окситанских Добрых Людей.

Последняя из известных песен его коллеги, рыцаря Раймона де Миравалья, датируется 1213 годом. Крестовый поход лишил его маленького замка Мираваль, где он был одним из шести нуждающихся совладельцев. Новый виконт Каркассона звался теперь Монфором, и для трубадура, лучшего друга графа Тулузского Раймона VI, это было реальной угрозой. В этой последней песне, написанной с тяжелым, но, однако, полным надежды сердцем, Мираваль обращается к Алиенор, пятой жене Раймона и сестре короля Педро Арагонского, истинного адресата этого послания: «О, песнь, скажи от моего имени королю, что когда он вернет Монтегут (в Альбижуа), и займет Каркассон, он станет императором храбрости, и его щит так же будет грозен здесь для французов, как недавно был грозен для магометан» (которых король победил в Испании). Фактически, король пообещал ему вскоре вернуть его маленький фьеф Мираваль, а своему другу Раймону VI - Бокер...

Puois poiran dompnas e drut

Cobrar lo Joi qu'an perdu

(«Тогда смогут дамы и возлюбленные/ вновь возродить Радость любви, которую они утратили!...»).

Конечно, не стоит видеть в этих патетических надеждах убеждения в том, что восстановление свободы катарского культа было необходимым для реставрации *Fin'Amors*. Просто война разрушила все благоприятные условия для куртуазии; изгнание французов и общее умиротворение обещало расцвет любовной радости. И если я называю эту надежду патетической, так это потому, что смотрю ретроспективно, из нашего времени, когда мы знаем, что этот призыв Раймона де Миравалья завершился битвой при Мюре в 1213 году, поражением и смертью короля Педро Арагонского, и что для дам и возлюбленных в Окситании больше никогда не расцвела их *Joi*, радость любви. Однако, песнь Миравалья с удивительной исторической ясностью связывает судьбу куртуазии с исходом войны, как, впрочем, и с судьбой катаризма: защитники Добрых Людей были также и рыцарями искусства любви.

Общественные связи были несомненными и абсолютными, но тогда сам собой напрашивается вопрос: как, при этих маленьких дворах Лаурагэ или Кабардес, дамы, катарские добрые верующие и часто будущие совершенные, могли так легко склонять свой слух к песням куртуазной любви? Как смешливые владелицы замков могли участвовать в дискуссиях любви, потом говорить о Боге, и вроде бы без особых трудностей следовать суровым путем Добрых Людей?

Во-первых, катаризм, как и *Fin'Amors*, отвергал таинство брака, как ненужную сакрализацию телесного акта, имеющего, в конце концов, дьявольское происхождение, и к тому же основанного на интересах линияжа и имеющего целью воспроизводство, а не закрепление сердечного влечения. И, конечно же, это не катарская Церковь осуждала как прелюбодеяние воспеваемую трубадурами *Joi*.

К тому же, эта любовная радость была кое-чем совсем иным, чем удовольствие от утоления физического желания. Конечно же, трубадуры не были бесплотными любовниками, и дамы их сердца были вполне реальными. Уже давно известно - и множество прекрасных работ Рене Нелли тому доказательство, что куртуазная любовь на самом деле была лишена плаксивого «платонизма». А искусство любви защищало жажду абсолютного желания, выделяя в нем сердечные чувства, и не позволяя физического воплощения этого желания, если оно угрожало опознать любовную связь. Это обжигающее целомудрие, характерное для новой манеры любить, полностью отвечало устремлениям женщин в целом, но также смягчало страх перед дьявольским актом, возможно, присущий катарскому ригоризму.

Также не вызывает сомнений и то, что в этих столь разных сферах, но в тех же моральных категориях, внутренние дороги практики катарской веры и *Fin'Amors* развивались параллельно. Катарский верующий, еще не освобожденный от зла, мог только пытаться всеми силами тянуться к Добру, чтобы еще в этой жизни увидеть приход Духа Утешителя, который окончательно вызволит его из злого творения. Все трубадуры, от Гийома Аквитанского до Гийома Монтаньяголя, соглашались между собой в том, что искусство любви, для тех, кто отдается этой любви без остатка, самое безупречное средство стать лучше. Если ты умеешь «хорошо» любить, если воспитываешь в себе лучшие куртуазные качества, делающие твое сердце и манеры более изысканными, тем самым поднимается цена и смысл твоей любви; потому всегда следует искать любовь, которая ведет к лучшему. Послушаем Арно Даниэля, который, тем не менее, никогда не встречался с катарами:

Totjorn meilur e esmeri

Car la gensor serv e coli...

(«Всегда я становлюсь лучше и чище/ ибо служу и почитаю самое благородное...»). И даже Раймона де Миравалья, который обычно менее лиричен:

D'amors es totz mos cossiriers

Per qu'ieu no cossir mas d'amor...

(«О любви все мои мысли/ и нет у меня иной заботы, кроме любви... ибо это любовь... ведет к самой высшей ценности, как в безумии, так и в мудрости, и всё, что делается из любви – благо. В любви столько прекрасных добродетелей, что на нее опираются все благородные деяния...»)

Теперь мы видим, как и почему дамы Каркассес могли в обеденный час внимать проповедям Гвиберта де Кастра, а по вечерам слушать песни любви Пейре Видаля, и при этом не испытывать никакого разрыва в сознании. Конечно, вовсе не обязательно было становиться катарским верующим, чтобы наслаждаться тонкостями *Fin'Amors*; сосуществование ереси и куртуазии было очень ограниченным, как в пространстве, так и во времени. Однако, некоторая логическая и чувственная гармония очень сильно сближает куртуазную любовь и катарское христианство, которые были способны жить душа в душу и в едином порыве, в то время, как высказывания трубадуров шокировали Церковь Римскую, и шокировали ее до такой степени, что она их осудила! Рим, после 1230 года и создания Инквизиции, осудил любовную радость как разжигание прелюбодеяния и воспевание светской суежности, а единственной разрешенной Римом дамой вскоре стала Дева Мария. Потому следует поразмыслить о том, что этот резкий поворот, произошедший в Средние Века, означает, что ортодоксальная война за сакрализованное супружество шла рука об руку с уничтожением всех неортодоксальных тенденций, в том числе вальденсов, бегинов и стремления женщин к эмансипации.

Потому, возможно, моя провокация в сближении Робера д'Арбриссель, Гвиберта де Кастра, Вальдо из Лиона и Бернара де Вентадур не так уж и безосновательна. Всех четверых томила жажда света, желание морального и духовного обновления во времена этого великого кризиса сознания/поиска осмысления христианства, в котором вопрос об идентичности женщины занимал огромное место, как в сфере самоопределения, так и открытия духовности. И это не Рим, не доминирующая идеология поставила этот вопрос во главу угла и попыталась дать на него ответ. Вальденсы, бегины, катары, «прекрасные еретички» - это они осмеливались жить, в те времена, когда все рождалось и возрождалось, согласно своим духовным устремлениям.

XV КАТАРСКИЕ ЖЕНЩИНЫ: ИСКРЕННИЕ СЕРДЦА И РАСКРЫТЫЕ ОБЪЯТИЯ

Поскольку привлекательность катарской духовности для многих женщин из мелкой окситанской знати представляла возможность гармоничного самовыражения, вписанного в логику их культуры и ментальности их времени, мы попробуем расшифровать яркие проявления этого феномена и интерпретировать их, чтобы априори оправдать наши экскурсии в города-замки Лаурагэ, в эпоху, когда Гвиберт де Кастр был Старшим Сыном в Фанжу. Документов достаточно многочисленны и красноречивы, чтобы мы могли попытаться подробнее разобраться в том, что касается участия женщин, от великих дам до пастушек, в катарской Церкви. Христианская Церковь, открытая для женщин, говорящая женским голосом, только удваивала свою способность завоевывать сердца и вызывать рвение.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ СТАТИСТИКА

И сразу же мы сталкиваемся с удивительным явлением. Средневековье по сути своей сопротивляется статистике, которая требует существования достаточно обобщенных списков и цифр, так называемых «серий». «Серии» средневековых архивов в целом недостаточно богаты, а становятся таковыми в самом конце этого периода, с появлением первых реестров податей (подворных «Уложений»), за несколькими исключениями переписи арендаторов на территории аббатств. Но реестры Инквизиции образуют очень необычный архипелаг среди средневековых архивов, как из-за своей бюрократичности, достойной новых времен или современной эпохи, так и из-за своего систематического характера, позволяющего историку, несмотря на лакуны, набросать картину крупных тенденций, по крайней мере для некоторых географических зон и лучше представленных регионов.

Именно таким, как мы увидим, является случай Лаурагэ до эпохи Монсегюра, которое инквизиторские операции прочесали от края до края в 1245-46 гг.: реестры Бернара де Ко и Жана де Сен-Пьер, дополнившие реестры брата Феррье 1243-44 гг. Мы также располагаем различными фрагментами реестров второй половины столетия. Под самый конец истории окситанского катаризма количество источников резко увеличивается: реестры Жоффре д'Абли, реестры Жака Фурнье для епархии Памье высокогорного Арьежа, приговоры Бернарда Ги, переписанные фрагменты реестров Инквизиции Каркассона (Жан Галанд) – и это только главные источники, датируемые концом XIII- началом XIV века. Потому мы не пускаемся в авантюры и не идем вслепую, хотя, к сожалению, весь комплекс этих документов еще не обработан систематически, и ни один исследователь еще не посвятил свой пылкий разум тому, чтобы проследить судьбу каждого персонажа от одного реестра к другому...

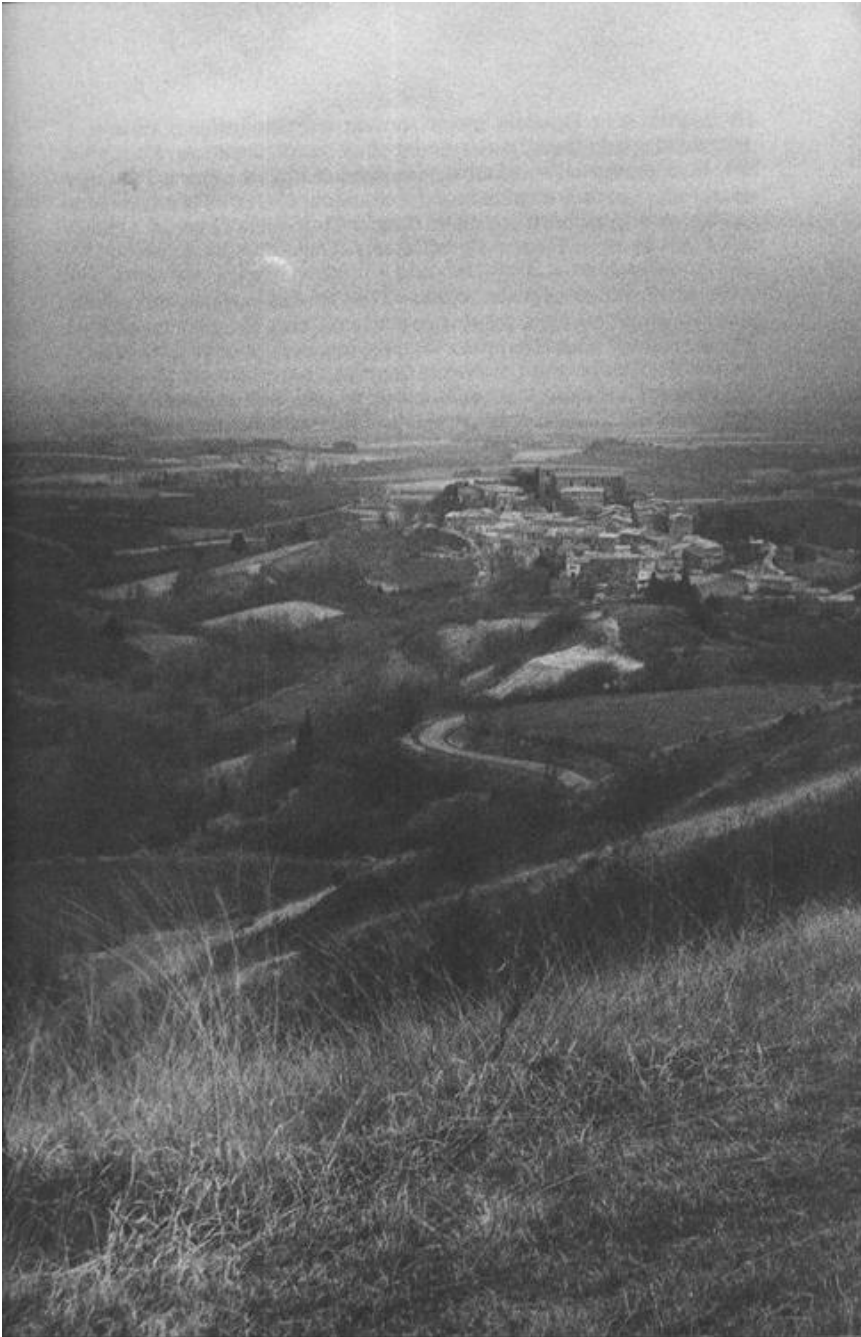
Разумеется, следует помнить одну важную вещь: те, кто свидетельствует перед Инквизицией, никогда не говорят всей правды, они всегда пытаются оправдаться, минимизировать факты, приписать все умершим, которым уже ничто не грозит, и отодвинуть события как можно дальше во времени. И, конечно же, в каждой деревне было намного больше катарских верующих, чем тех, которые в этом признались.

В более, чем в двух сотнях приходов Лаурагэ Бернар де Ко и Жан де Сен-Пьер допросили более 5600 человек: практически, всех взрослых (мальчиков старше четырнадцати, девочек старше двенадцати лет). Из них 31,8 процентов были женщины. Еще раз заметим, что в Средневековье смертность среди женщин, основной причиной которой были катастрофические последствия ежегодных родов, значительно превышала смертность среди мужчин. Потому это процентное соотношение, в общем, соответствует соотношению женского населения к мужскому в целом. В реестре упоминаются имена семисот девятнадцати посвященных, из которых 45 процентов составляют женщины, и это относится к периоду воспоминаний допрашиваемых, то есть, по большому счету, 1210-1240 гг. Эта пропорция в 45 процентов является чрезвычайной по сравнению с пропорцией монахинь в среде католического клира. К тому же, можно увидеть, что имена приблизительно трехсот пятидесяти совершенных женщин встречаются менее часто, чем имена трехсот семидесяти мужчин, которые упоминаются повсеместно. Если какой-нибудь свидетель рассказывает о том, что он встречал членов катарской Церкви, то о женщинах говорится только в 23 процентах всех случаев: итак, мы находимся в великой эпохе домов совершенных женщин, когда Добрые Христианки вели более оседлую жизнь, а Добрые Мужчины были бродячими проповедниками и служителями.

Начиная с 1230-1240 гг., совершенные женщины не могли больше мирно жить в своих домах; они тоже должны были пуститься в бега, чтобы избежать Инквизиции, чтобы прятаться. Некоторые ушли в Ломбардию, большинство укрылось в Монсегюре. Другие бежали из одного места в другое, от одного случайного убежища до другого, жили в пещерах или пастушеских летниках, благодаря помощи местных верующих. Будучи более беззащитными и менее приспособленными к бродячей жизни, чем мужчины, они быстрее становились жертвами, и все меньше и меньше их избирало такой путь. В то же время последние совершенные женщины, которые оставались в подполье, полностью стали исполнять те же роли, что и мужчины: теперь они все время проповедовали и давали утешение, как Гильельма де Камплонг, которая таким образом, «партизанила» около двадцати лет, между 1230 и 1250 годами, или сестры Ламот. Но понемногу и они исчезли. Последняя известная окситанская совершенная, Ода Бурель из Лиму жила под именем Жакоба в длительной изоляции, о чем упоминает Бернард Ги. Крестившись в Ломбардии, она вернулась в страну вместе с совершенным Филиппом д'Алайраком и проповедовала в Тулузе. В 1307 году, больная, она была схвачена, но умерла от голода (или от последствий болезни) еще до того, как ее сожгли. Такова история Оды Бурель из Лиму...

Тогда резко возрастает значимость категории верующих женщин. В середине XIII века 27 процентов женщин, дающих показания перед Бернаром де Ко и Жаном де Сен-Пьер, признались в том, что они верующие в еретиков; практически треть, что уже очень много, даже если не принимать во внимание то, что эта цифра – следствие чрезвычайно распространенной лжи по умолчанию (в таком случае, это количество, как минимум, следует удвоить). Реестры более поздней Инквизиции отмечают одновременно увеличение процентного соотношения верующих женщин и значительную динамику их вовлечения. Когда настали тяжелые времена, и маховик репрессий заработал на полную мощность, активные и ревностные верующие практически заменили собою совершенных женщин, которые больше не могли исполнять своих функций. Фрагмент инквизиторского реестра, так называемый Клермон-Ферранд, относящийся к 1250-1258 гг., уже показывает, что из всех *consolament* для умирающих, зафиксированных в реестре, более 62 процентов было уделено женщинам. Реестры Бернарда Ги, составленные пятьдесят лет спустя, содержат приговоры, 45 процентов которых вынесено женщинам; 58 процентов всех посмертно эксгумированных – женщины; а в целом 68,2 процента всех *consolament* для умирающих уделено женщинам...

Женщины, которые не осмеливались больше креститься, потому что, возможно, желание вести жизнь совершенной в этом мире стало слишком опасным, «массово» стремились получить утешение на смертном одре. В то же время увеличивается их количество и усиливается активность в защите и поддержке подпольщиков. Но эти неутомимые и преданные последнему катаризму женщины больше не были дамами из Фанжу: рыцарские линияжи, бывшие опорой и поддержкой катаризма, очагами его распространения, после 1250 года стали фандитами, исключенными из политической игры, изгнанными в Каталонии, жертвами тюрем и костров, или, наоборот, но это уже намного реже, примкнувшими к завоевателям и воссоединившимися с Церковью. Из совершенных женщин 1200-1220 гг. 68 % происходили из знати, а остальные в основном из зажиточных слоев. Последние же верующие-женщины были, преимущественно, крестьянского происхождения, и в последние времена катаризма оказались более преданы религии, чем их собратья-мужчины.

Лаурак. Вид с холмов Пьеж. Дочь совершенной Бланши, На Жеральда де Лавор, родилась здесь.

БЛАНША, ГАРСЕНДА, МАРКЕЗИЯ И ИХ СЕСТРЫ

Поколение «прекрасных еретичек» - участниц церемоний 1204 г. в замке Фанжу было осуждено. Последние из этих совершенных исчезли в Монсегюре в 1244 году. Однако, в золотой век все они жили в каком-то особом мире доверчивой и серьезной безмятежности. Все эти дочери совершенных, которые, если сами сразу же не становились совершенными, то выходили замуж за сыновей совершенных. Таким образом, уже тогда возникли своего рода семейные катарские кланы, как если бы они чувствовали приближение опасности, против которой эффективнее выступать в союзе. Разумеется, события крестового похода еще более усилили союз этих подверженных риску линьяжей.

Вспомним, что в 1210 г. Эксклармонда де Дюрфор вышла замуж за Бернарда де Фест, а Алис де Фанжу – за Арнода де Мазероллес...

Пьер де Мазероллес, сын Алис, внук совершенной Оды де Фанжу, был одним из знаменитых фаидитов экспедиции в Авиньонет, вместе с Жорданом де Квидерс и Жорданетом дю Ма, внуками совершенной Гарсенды дю Ма;

защитник Монсегюра, Пьер Роже де Мирпуа, зять местного сеньора, Раймона де Перейля, был внуком совершенной Гильельмы де Тоннейнс, которая приходилась внучкой Алис де Фанжу, и таким образом, был внучатым племянником Пьера де Мазероллес... Пелегрин, ревностная верующая, сестра Жорданета дю Ма и внучка совершенной Гарсенды, благодаря своему браку с Изарном де Монсервер, сыном совершенной Брайды, стала, таким образом, связана с кланом Перейлей-Мирпуа...

Мы не будем здесь выстраивать в три колонки генеалогические древа, однако повторить кое-что из этих связей является все же не лишним и даже очень значительным. «Прекрасные еретички», эти дамы, завершившие свою жизнь как совершенные, после того, как дали начало сеньоральным или рыцарским линиям, являлись ключевыми фигурами катарских родов. Многочисленный и ревностный в вере линияж, ведущий свое начало от сеньоральной пары Лаурак, Сикарда и Бланши, которая, оставшись вдовой, стала совершенной, практически весь угас, и конец многих из этого рода был трагичен.

Потрясающим выглядит тот факт, что в преданных катаризму линияжах женщины, как правило, ангажировались сильнее и искреннее, чем мужчины. Наиболее ярким примером этого является графская семья де Фуа, княжеская семья, наиболее скомпрометированная катарским христианством. В каждом поколении она давала как минимум двух совершенных женщин: при графе Раймоне Роже (1188-1223) – его сестра Эсклармонда и жена Филиппа; при графе Роже Бернарде (1223-1241) – его сестра Эсклармонда, муж которой, Бернард д'Айю, был сожжен позже, по-видимому, по ошибке, и его жена Эрмесенда де Кастельбон, ставшая жертвой посмертного процесса; при графе Роже IV (1241-1265) – как минимум две добрых верующих, его сестра Эсклармонда де Кардоне и его жена Бруниссенда...

В те времена, когда Гвиберт де Кастр проповедовал в Фанжу, одна престарелая совершенная открыла дом в Монсегюре. Это была Форнейра де Перейль, вместе с которой жил ее сын, молодой местный сеньор, Раймон. В первые годы крестового похода многие совершенные, и особенно «дамы» из Фанжу, присоединились к ней там: Ода де Фанжу, Алис де Мазероллес, и все дочери и сестры совершенных, которых их мужья-фаидиты предпочитали отправить в безопасное место. Гарсенда и Гайларда дю Ма сразу же к ним присоединились. Мы не знаем, смогли ли так поступить Бланша и Мабиллия де Лаурак.

Бланша де Лаурак ушла из мира, став вдовой, вместе с самой младшей дочерью, Мабиллией, которая стала совершенной подле нее. Обе женщины держали дома в самом Лаураке, в Кастельнодари и Монреале, и это было между 1200 и 1210 годами. Лаурак был достаточно важной сеньорией, балансирующей между тяготением к Каркассону и Тулузе. Сегодня на высотах Пьеж находится крошечная белесая деревенька Лаурак, называемая на дорожных указателях и картах «Большой Лаурак». Едва можно представить, что это все, что осталось от густонаселенного средневекового Лаурака, давшего название обширному Лаурагэ и являвшегося престолом катарского диакона. Правильная округлая возвышенность, где находился город-замок, наполовину пуста: на ее освещенной солнцем поверхности высятся еще улицы и дома, но она напоминает целину. На самом высоком месте, к которому ведут улицы, виднеется большая церковь победителей, массивное распятие да мельница – на месте, где когда-то стоял благородный дом. Кусок стены неизвестного возраста из грубо обтесанного песчаника, известен в деревне под названием стены «дома Бланши». Эта традиция не опирается ни на что, кроме легенды, и стена потихоньку разваливается. Намного лучше смотреть на Лаурак издали, с тех самых извивов диких, рыжеватых, овеваемых ветрами незыблемых холмов Пьеж, которые во время оно попарно обходили совершенные на пути в Гайя-ля-Сельв, Монградай или Бельвез-дю-Разес. Когда смотришь на Лаурак сверху, он прекрасно вписывается в окружающие равнины и бесконечные поля Лаурагэ, по которым прошло столько купцов, столько паломников, столько солдат.

У Бланши был один сын, Аймери, сеньор Лаурак и Монреаль, и четыре дочери. Мы уже знакомы с молодой совершенной Мабиллией, судьба которой была связана с судьбой ее матери. Мы также встречались и с Наваррой в Сервиан, где она была госпожой замка до крестового похода. Тогда ее супруг, Этьен де Сервиан, раскаялся в своем увлечении катаризмом, коим он заразился от супруги, и был примирен с Церковью святым Домиником. Наварра же ушла от него и долго пряталась с остальными «прекрасными еретичками» в домах друзей, еще не попавших в руки крестоносцев, тоже сделалась совершенной и умерла в мире в Монсегюре в 1234 году, после того, как одно время жила в Дурн у своей выжившей сестры.

Этой сестрой, третьей дочерью Бланши, была Эсклармонда, вышедшая замуж за Жерота де Ниорт, и ставшая матерью фаидитского линияжа, принесшего много беспокойства солдатам короля и Церкви своими вылазками из пиренейских цитаделей земли Саулт и высокогорной долины Од, братьев Ниорт, особенно Бернара От и Жерода. Бернар От, старший из нескольких выживших наследников Бланши, неоднократно становился сеньором Монреаль-Лаурак, когда превратности войны давали ему такую возможность. Хороший молодой фаидит, образец своего поколения, он женился на доброй верующей своего круга, Нове де Кабарет.

Но остальные сын и дочь Бланши умерли трагически, в один и тот же день, от рук крестоносцев, в Лаворе, весной 1211 года. Жеральда, которую французские историки сделали Жиродой, стала супругой сеньора Лавора, Гийома Пьера, но овдовела во время крестового похода. Этот город имел долгую катарскую историю: он был первым престолом епископов Тулузен, и некоторое количество катарских домов упоминается там еще под конец XII века. Сама Жеральда была, конечно же, доброй верующей, как и вся ее семья. Когда армия крестоносцев осадила город, там нашло себе убежище множество совершенных, бежавших с оккупированных территорий. Оборону обеспечивал брат владелицы замка, Аймери де Монреаль, который привел с собой шестьдесят рыцарей фаидитов из Каркассес. Однако, 3 мая, после двух месяцев осады, город пал, поскольку граф Тулузский не осмелился защищать его, но наоборот, «Белое Братство» епископа Фулько поспешило на помощь крестоносцам. Монфор, новый виконт Каркассона, счел Аймери де Монреаль и его рыцарей предателями, поскольку они были его вассалами, и обрек их на судьбу предателей, и все они были повешены и зарезаны; а На Жеральда, к великому смятению толпы, как говорит *Песнь*, была брошена живьем в колодезь, после того, как ее сначала отдали солдатам, «и ее забросали камнями».

Лавор. Какие-то остатки укреплений над рекой Агут еще видны в ряду кирпичей и камней. На месте замка сеньора, над излучиной Агут – площадка, где играют в шары...

От Монреала остался только силуэт у подножия Монсегюрских Пиренеев. Но самой высокой точкой этого города является колокольня громадной коллегии победителей, построенной почти что на месте замка Аймери, которым владел еще его племянник Бернар От де Ниорт. При взгляде на эту деревню вспоминается окситанское слово *esperadou*, так же как при взгляде на Фанжу слово *seignadou*. Как во всех этих местах, которых ожидаешь, на которые надеешься...

Мы не знаем, каков был конец Бланши и Мабилли де Лаурак, след которых исчезает из документов во время крестового похода. Но боюсь, что этот конец не очень отличался от судьбы Гарсенды и Гайларды дю Ма-Сен-Пуэлли. Уничтоженный линьяж Бланши сохранился разве что в неистовых братьях де Ниорт, далекие замки которых долгое время были убежищем подпольщиков.

В Лаворе, после убийства Жеральды де Лаурак и Аймери де Монреала, после бойни, устроенной шестидесяти рыцарям, был зажжен самый огромный костер, который только помнит история: четыреста человек, уточняют хронисты, погибло там. Теперь мы приоткроем двери этой ужасной трагедии, от которой перехватывает горло. Но нам следует это сделать, чтоб она больше не закрывалась. Отныне мы быстрым шагом пройдемся по событиям этой трагедии, в особенности следуя за страхами и страданиями людей, которые, все же, пытались жить, как могли. Теперь мы покинем мир благородных линьяжей, раскрывавших объятия «сиянию» катаризма, мир, живший под моральным и духовным руководством совершенных матерей и бабушек, которые, возможно, влияли на заключение браков между семьями верующих, и в любом случае, воспитывали детей и внуков силой своей тихой веры. Мы будем идти потихоньку по направлению к полям и лесам, которые даже сейчас выглядят мрачно, к одиночеству гор, где намного более скромные люди еще долго жили словом Добрых Людей. Это совсем другой мир, где место побежденных рыцарей заняли крестьяне, где женщины в кругу семьи еще осмеливались шептать друг другу слова веры, и где катаризм непоправимо становился религией без служителей.

Лавор. Дама Жирода погибла здесь в 1211 году, а ее офранцузженное имя появилось тут в XIX веке.

Бруна, вдова Гийома Пурселя, из Монтайю, внебрачная дочь совершенного Праде Тавернье, одного из последних Добрых Людей гор, рассказывает, как через посредство соседки, доброй верующей, она встретила своего отца – которого она до того едва знала, где-то в 1300 году...

«Когда я пришла (к этой Азалаис), то встретила там женщину из Разес, сидевшую возле очага. И я увидела также, у входа в комнату, моего отца Праде Тавернье, еретика. И я тоже села у очага вместе с Азалаис и этой женщиной из Разес...

И (еретик) сказал тогда Азалаис, и я это слышала, чтобы она сказала мне, чтобы я оказала ему почтение, которое в обычае у верующих в еретиков, то есть, чтобы я поклонилась ему, и встала перед ним на колени и сказала: «Благословите, Добрый Христианин, молитесь за нас». Когда я ответила, что не знаю, как это делать, Азалаис научила меня способу, которым поклоняются еретикам, и становятся на колени, и кладут руки на землю, и склоняют голову на руки...

И когда я так поклонялась еретiku, то Азалаис помогала мне, и подсказывала, что нужно делать и что говорить...

Когда я вышла из дома, Азалаис последовала за мной и дала мне большой кусок хлеба, чтобы я дала своему ребенку, и маленький кусочек хлеба... и сказала мне его съесть... но я не помню, или Азалаис назвала этот хлеб хлебом, благословленным Добрым Христианином.

Я разозлилась. Азалаис сказала мне: «Почему ты недовольна тем, что сделала? Твой отец принадлежит к секте людей добрых и святых, и только их вера добрая, и они одни могут спасти души... Они не лгут, никого не убивают, и не едят мяса». После чего она мне еще сказала: «Ты что, не веришь? Скажи, что ты веришь!» И тогда я ей сказала, что я верю. И в тот момент я верила всем своим сердцем, но потом, выйдя со двора этой Азалаис, я вернулась обратно, и сказала ей: «А как они могут спасти души, если они все время прячутся?»...»

Ч. III ИСКОРЕНЕНИЕ ИЗ ИСТОРИИ ПОД КОНЕЦ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ОТСУТСТВИЕ ДОЛЖНЫХ АРГУМЕНТОВ?

«Он также говорил о чудесах, что никакое чудо, видимое глазу, не считается, и что ни святой Франциск, и никто иной не совершал никаких чудес. Что Бог не желает такой справедливости, когда кого-либо осуждают на смерть, и он порицал за это проповедника крестового похода, который добился того, что семь сотен человек взяли крест в Овилар, говоря, что вовсе не хорошо отправлять крестоносцев против Фридриха, или против сарацин, или еще против замка, как Монсегюр, когда он был против Церкви, или в какое-либо другое место, чтобы убивать там людей...»

Слова Пьера Гарсиаса, тулузского горожанина, жителя нового бурга, который в 1244 году спокойно обсуждал свои катарские убеждения в зале францисканской школы с одним из братьев, которому он полностью доверял, на самом деле подслушивались. За прикрытым доской отверстием находилась целая когорта монахов, которые, два или три года спустя, наперебой докладывали о ходе диалога инквизитору Бернарду де Ко, когда он проезжал через Тулузу (1246 и 1247).

Эти пацифистские аргументы доброго верующего, который, между прочим, прекрасно разбирался в дуалистической метафизике и предлагал своему католическому собеседнику личные, но хорошо осмысленные версии доктрин катаров, имеют особое звучание именно в 1244 году, когда они произносятся. В 1244 году, Монсегюр, осажденный французской армией сенешаля дез Арсес, не надеясь больше на помощь императора Фридриха, который тогда сам был под отлучением, и против которого папство собирало крестовый поход, Монсегюр, оставленный бессильным графом Тулузским, который все больше терял свой вес, пал. Уже тридцать пять лет шла медленная, тяжелая, тотальная война, обескровившая землю, князья которой отказывались быть нетолерантными к христианам, восставшим против всякого человекоубийства.

Si ill han persequi mi, e vos persegran (Ио. 15, 20) (Если Меня гнали, будут гнать и вас)... Катарские проповедники демонстрировали на примере Евангелия, что преследования, выпавшие на долю их Церкви на протяжении стольких лет, наилучшим образом доказывают, что их Церковь – истинная Церковь Христова, и что Церковь Римская полностью утратила, из-за насилия, которое она совершала, всю легитимность апостольского наследия...

Католическая Церковь против логики евангельской аргументации катаров не имела ни готового теологического ответа, ни умелых проповеднических кадров, способных шаг за шагом, то в одном месте, то в другом, на площадях, в залах, на папертях церквей, противостоять Добрым Людям, проповедующим с Книгой в руках. Потому она ответила на эту проблему готовым имевшимся у нее решением – военным крестовым походом, который в течение предыдущих ста лет против сарацин с Востока или Испании, стал для нее привычным, а для христианского рыцарства был возведен в ранг обычая. К тому же, в конце концов, в ее недрах зародилось новаторское движение, способное ходить по дорогам со Словом Божьим и состоящее из клира, немного лучше подготовленного к подобной пастырской деятельности. Правда, они бродили по землям, разоренным войной, прочесываемой военными отрядами, и пользуясь помощью и защитой употребляющих принуждение властей. И если послания этих клириков было воспринято, то теперь трудно понять, что же стало решающим аргументом: убеждение или сила. Однако это послание было услышано, и тоже породило, в свою очередь, в сердце христианского народа, как и в недрах Церкви, новые движения и новые семена диссидентства. В XIV веке Инквизиция уничтожила окситанский катаризм, но, несмотря на новые проповеди нищенствующих орденов, появились францисканцы-спиритуалы, бегины и бегинки, апостолики, затем гуситы, и всегда вальденсы, отражая внутренние противоречия католического христианства и его вечные мутации.

XVI ОГНЁМ, МЕЧОМ И ПРОЦЕДУРАМИ: ВОЙНА И ЗАВОЕВАНИЯ

Общее мнение таково, что крестовый поход против альбигойцев был простым религиозным предлогом для завоевательной войны, порожденной аппетитами северных баронов, крупных клириков и даже короля Франции, их жаждой захватить богатые и процветающие окситанские земли, любовью грубых французских сеньоров к наживе и тонкими расчетами власть имущих. Это – грубая и преувеличенная карикатура, лживая во всех смыслах. Эта война не была простым следствием алчности и жадности, помноженных на нетолерантность. Действительность, разумеется, была бесконечно более сложной.

Средневековая Франция на север от Луары была не менее богатой и не менее процветающей, и даже не менее культурной, чем основные территории окситанского языка, как уже в ту эпоху называли Окситанию (*in partibus lingue occitanice*, в этой земле языка ок...). Разумеется, существовали нюансы и культурные особенности этих цивилизаций. Но ничего подобного, чтобы оправдать фундаментальную ненависть между некими двумя несовместимыми типами, не существовало. Когда Бушар де Марли, знаменитый сеньор Иль-де-Франс, товарищ Монфора, попал в плен из-за превратностей войны и содержался в замке Кабарец, принадлежавшем Пьеру Роже и его брату Журдену – все они были людьми одного мира, рыцарями, носившими шелковые одеяния под кольчугами. Сир де Кузи писал любовные песни. Кастелянку де Вержи любили как Фламенку. Кретьен де Труа придал Ланселоту, «лучшему рыцарю в мире», преувеличенно куртуазный облик – ради своей дамы он не поколебался ни подняться на повозку бесчестья, ни пройти по мосту, являвшемуся переброшенным через пропасть мечом. Потому следует учесть то, что если эти «грубые северные бароны» позволяли своим дамам наслаждаться подобной литературой, то это значит, что в основном обычаи в замках Шампани, Бургундии, Пуату, Вексена или Урпуа тоже сочетались с законами любви и юмора.

Война, к которой всё шло с 1200 года, была крестовым походом, священной войной, религиозной войной. Не стоит сомневаться в искренности ужаса, охватившего папу Иннокентия III, когда он понял, что целые куски христианского мира готовы выскользнуть из-под Римской гегемонии – именно в тот момент, когда император тоже выступил против него, или, по крайней мере, делал вид, что выступает. Конечно же, Иннокентий III был папой во времена стремления институции Римской Церкви к «империализму», если мне вновь простят не очень подходящий и достаточно анахроничный термин (я уже осмелилась на этих страницах говорить о «предкапитализме»). Однако это не мешало ему быть человеком веры, и если он все же решил воззвать к священной войне против князей христианской земли, то это далось ему не без труда. Ни одна миссия – легатов, контрпроповедей, запугивания, принуждения и репрессий, не дала результата, на который он надеялся. На трех крупных территориях, причем не самых бедных, ересь придала дополнительный аргумент яростному и распространенному антиклерикализму местных сеньоров: права Церкви высмеивались, нарушались, отнимались, церковная десятина не поступала в церковную казну, а самое главное, эта ересь претендовала на то, чтобы организоваться в контр-Церковь, и ее проповедники знали Евангелие лучше, чем большинство католических клириков. Чтобы противостоять им в окружении поддерживающего их общества, не было никакой возможности с помощью клира, аргументы которого не были приспособлены к дискуссии, а их практика, от приходского ректора до цистерцианского прелата, не соответствовала евангельским требованиям, популярным среди народа.

Если папа Иннокентий III призвал к крестовому походу против крупных феодалов, отказавшихся бороться с ересью на собственных землях, то это на самом деле было потому, что он не видел другой возможности защитить свою Церковь, Церковь католическую, апостольскую и Римскую, от большой опасности. Не менее ясно, что на его призыв откликнулись бароны, которые, взяв крест, видели в этой экспедиции заодно и способ обогатиться – но в какой пропорции? Однако, война, которая разразилась, была все же священной войной, войной с религиозной мотивацией, целью которой было защитить святую Веру.

Разумеется, поскольку мы имеем возможность перенестись через время, можно констатировать, что война всегда является только военными действиями, а средства войны всегда приводят только к военным результатам: нужно нечто большее, чем война, чтобы искоренить веру, и папство изобрело для этого другие инструменты и механизмы. На этом переломе XII-XIII веков Иннокентий III еще не понимал, что будущее его Церкви подобно будущему Церкви Добрых Христиан, которую он собирался уничтожить, и что придут новые люди, к примеру, Лионские Бедные, Франциск Ассизский или Доминик де Гусман. Нет сомнений, что вряд ли он предвидел, что через несколько десятилетий король Франции, который в 1209 году остерегался скомпрометировать себя подобным мероприятием, решит фактически воспользоваться плодами «примирения этой земли с верой». Аннексия земель виконтов Тренкавель и графа Тулузского французской короной не замышлялась преднамеренно ни Иннокентием III в 1209 году, ни Симоном де Монфором в 1215 году.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД 1209 ГОДА

Тем не менее, еще когда Иннокентий III не призывал к крестовому походу, он побуждал к подобной интервенции на объятых ересью землях Филиппа Августа, и потому в 1204 году писал об этом королю Франции: «Конфискуйте имущество графов, баронов и граждан, не желающих искоренять ересь на своих землях или осмеливающихся поддерживать ее. Не медлите с тем, чтобы полностью присоединить их земли к королевскому домену...»

Но надежды папы быстро угасли, потому что он никогда не получил ответа от такого искусного политика, которым был Филипп Август. Наконец, в марте 1208 года, сразу же после убийства в Сен-Жилле легата Пьера из Кастельно, погибшего, как говорили, от рук людей графа Тулузского, Иннокентий III торжественно отлучил Раймона VI и объявил его земли «законной добычей». Это был прямой призыв к крестовому походу, адресованный королю Франции, а также всем графам, баронам и рыцарям королевства. Филипп Август, наконец, ответил, но сухо: он напомнил папе, что ему одному, сюзерену графа Тулузского, принадлежит легитимное право объявлять законной добычей и призывать к священной войне на земли своего вассала. В течение многих месяцев он блокировал все возможности крестового похода и запрещал французским баронам в нем участвовать. И только под конец 1208 года, измученный своими вассалами, желавшими воспользоваться такими выгодными возможностями, король согласился разрешить герцогу Бургундскому и графу Неверскому участвовать в крестовом походе. Сам он ограничился тем, что наблюдал за событиями издалека, остерегаясь компрометировать себя, ввязавшись в серьезные и политически значительные предприятия, как, например, чистка в рядах высшего клира, который ограничивал возможности папы действовать в охваченных ересью землях.

Итак, весной 1209 года, под критическим взором короля Франции огромная армия крестоносцев двинулась на юг, вдоль долины Роны, под командованием папского легата Арнода Амори, аббата Сито, бывшего неудачного антикатарского полемиста. Раймон VI Тулузский, чтобы избежать худшего, предпочел продемонстрировать свою покорность Риму, сам предстал перед крестоносцами в Сен-Жилль и публично подверг себя унижению, чтобы искупить убийство легата Пьера из Кастельно. Более того, он поклялся сам изгнать еретиков из своих владений и даже попросил о том, чтобы лично взять крест... Потому, внезапно, граф Тулузский оказался под прямым протекторатом Святого Престола, как и все лены и владения крестоносцев. У легата не осталось иного выбора, кроме как повернуть крестоносную армию против земель Раймона Роже Тренкавеля, еще одного защитника еретиков, который даже и не собирался подвергать себя процедуре, через которую пришлось пройти его дяде Раймону VI. Всё выглядело так, как если бы папский легат, Арнод Амори, аббат Сито, не так уж и разделял ужас понтифика, пытавшегося разрешить любыми средствами проблему катаров, а скорее удовлетворял свои воинственные страсти и алчность.

В течение двух месяцев, июля и августа 1209 года, при пассивном соучастии графа Тулузского, который носил крест на груди, но не участвовал в событиях в качестве военного, пали Безье и Каркассон. Людей объял ужас после истребления всего населения Безье, преимущественно католического, и ошеломление, когда юный виконт Тренкавель был предательски взят в плен во время попытки переговоров, брошен в подвалы собственного города и быстро там уморен, после чего был провозглашен лишенным всех своих земель и титулов во имя Церкви. Предводители крестоносцев, граф Неверский и герцог Бургундский, несколько удивленные быстротой и размахом этих событий, и немного озабоченные тем, чтобы не быть слишком скомпрометированными перед Филиппом Августом участием в сомнительных операциях, легко позволили менее богатому и более амбициозному французскому сеньору занять вакантную должность виконта Каркассона. Теперь, наконец, были расставлены точки над *i*: Симон де Монфор отныне стал предводителем крестового похода под чрезвычайным духовным руководством аббата Сито.

Под конец года Монфор практически завоевал все владения Тренкавеля, покорив Монреаль, Фанжу, Лаурак, Сайсак, Кастр и юг Альбжуа; совершенные и верующие бежали в Тулузу, в Мирпуа, в Монсегюр, или даже не столь далеко, под защиту трех цитаделей вассалов Тренкавеля, которые еще держались: Минерва, Термез, Кабарец. На следующее лето Минерва и Термез пали, став жертвой длительных осад, града каменных ядер и пересохших источников; опять массовые убийства и массовые костры. Пьер Роже де Кабарет ведет переговоры о сдаче.

Башни Кабретц. Бывшая деревня находилась на западном склоне главного замка.

Раймон VI не сумел надолго охранить свои земли от ужасов войны: под первым же предложением он был вновь отлучен от Церкви, и на третий год крестоносная армия ринулась на земли графа Тулузского. Весной 1211 года первой мишенью солдат Монфора и Церкви стал Лавор; Лавор, бывший первым престолом катарских епископов Тулузен, город-замок Жеральды, дочери совершенной Бланши, которую пришел защищать ее брат Аймери де Монреаль с рыцарями-фаидитами из Каркассес. После взятия города, убийства хозяйки замка, казни всех рыцарей и костра, на котором погибло четыре сотни совершенных, мужчин и женщин, Монфор осмелился явиться со своим войском к стенам Тулузы, но выдержал там не более пятнадцати дней. Понадобилось два года нерешительных военных действий, пока граф Тулузский, граф де Фуа и граф Комминж объединили свои силы, но Монфор медленно и последовательно завоевывал Керси, Аженэ, делал вылазки в графство Фуа, Комменжей, Кузеран, подавлял восстания в Лаурагэ и Альбижуа.

Решающим стал 1213 год. Раймон де Мираваль, трубадур, выразил это в воззвании всей Тулузы, графа и консулов, к адресату, который символизировал для него последнюю надежду в противостоянии папской воле: королю Педро II Арагонскому, Педро-Католику, одержавшему победу над сарацинами при Лас Навас де Толоса, брату графини Элеоноры Тулузской, сюзерену виконтов Тренкавелей, который только через восемнадцать месяцев интенсивного давления со стороны папы согласился принять оммаж нового виконта Каркассона, Симона де Монфора. Педро Арагонский вступил в Тулузу 27 января 1213 года, и все, Раймон VI и его сын, консулы, граф де Фуа, граф Комминж, принесли ему оммаж. Как король Арагонский и граф Барселонский, Педро отныне стал сюзереном всех

северо-пиренейских графств, на которые уже давно французский король не имел возможностей предъявлять свои права. Теперь все объединенные силы Южных князей могли положить конец войне... «а дамы и возлюбленные вернуть себе радость любви, которую они утратили.»

13 сентября 1213 года в долине Мюре, к югу от Тулузы, крестоносная армия одержала победу над армией коалиции, значительно превышавшей ее по численности. Сам Педро Арагонский был убит. Монфор занял Тулузу. В ноябре 1215 года Латеранский Собор официально лишил Раймона VI всех его прав, и объявил Симона де Монфора графом Тулузским, как он уже был объявлен виконтом Каркассона, Безье, Альби... И тогда военный предводитель крестового похода и его духовный предводитель, Арнод Амори, аббат Сито, не поделили графство Нарбоннское, принадлежавшее Тулузе. Они из-за этого рассорились, и духовный предводитель отлучил военного предводителя. Однако король Франции в 1216 году принял от Монфора оммаж за завоеванные территории, легитимизировав таким образом все, что он совершил.

И ТОГДА ГРАФ ВСТУПИЛ ПОД АРОЧНЫЕ СВОДЫ

В то же самое время, в 1216 году, когда Монфор склонялся перед королем Франции, «юный граф», Раймон, сын Раймона VI, взял Бокер. Тулуза восстала. Епископ Фулько подстрекал Монфора стереть город с лица земли. Монфор ограничился тем, что обложил тулузцев тяжелыми штрафами и срыл укрепления: но в сентябре 1217 года Раймон VI сам вступил в город, с войсками де Комминжей и де Фуа...

E cant lo comte s'en intra per los portals voltitz / Ladoncs i venc lo poble, lo maier e.l petitz...

«И когда граф вступил под арочные своды, говорится в *Песне о крестовом походе*, весь народ бросился к нему, великие и малые/ бароны и дамы, женщины и их мужья/ становились перед ним на колени и покрывали поцелуями его одежды/ его ступни и ноги, руки и ладони./ Со слезами радости он принимал их радость/ибо радость, которая наступила, принесла цветы и всходы/ и каждый говорил другому: отныне Иисус Христос с нами/ и утренняя звезда, звезда, возвещающая нам рассвет/ ибо вот наш господин, которого мы было утратили/ тогда Награда и Паратже, погребенные было,/ вновь воскреснут...»

И каждый схватил палку, камень или нож, чтобы изгнать французов вон из Тулузы. Апогеем народного восстания, воодушевленного Раймоном – юный граф, одержав победу в Провансе, присоединился к своему отцу в городе – стала смерть Монфора, наступившая на десятый месяц осады Тулузы, 25 июня 1218 года. Напрасно сын короля Франции, принц Людовик, пришел помогать сыну Монфора, Амори: было взят Марманд, а его население вырезано, как десять лет назад население Безье, но Тулуза не сдалась.

Началась окситанская реконкиста: один за другим, замки и бурги, вновь признавали своих законных владельцев; и постепенно там вновь селились совершенные, мужчины и женщины. В 1224 году, Амори де Монфор, полностью деморализованный, передал все свои права на Южные земли королю Франции Людовику VIII. Тем временем, катарская Церковь сумела восстановиться после массовых костров. Открывались новые религиозные дома. В 1226 году Собор в Пиоссе создал новую катарскую Церковь, Церковь Разес, несмотря на начавшийся королевский крестовый поход. Людовик VIII не собирался упускать подвернувшийся шанс: это была уже совсем другая ситуация, чем в 1209 году. Гонорий III, разумеется, вновь отлучил графа Тулузского, Раймона VII и совсем юного виконта Тренкавеля, и с 1226 по 1228 год, крестовый поход, возглавляемый королем Франции, практически опустошил земли, едва восстановившиеся после пятнадцати лет войны. Несмотря на очаги яростного сопротивления, как, например, в Кабарец, и решимость «юных фаидитов», сыновей побежденных в 1209-1211 гг., сыновей совершенных, новые массовые убийства мирного населения и новые костры сломили всю волю к сопротивлению.

ПАРИЖСКИЙ ТРАКТАТ И ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

12 апреля 1229 года в Париже, на паперти Нотр-Дам, Раймон VII торжественно вручил регентше Бланш Кастильской и молодому королю Людовику IX (будущему Людовику Святому) трактат, который он подписал в Мо тремя месяцами ранее. Так была достигнута точка невозврата. Конечно, Раймон VII номинально и фактически оставался графом Тулузским, и за ним сохранялись его владения в Верхнем Лангедоке (епархия Тулузы), Аженэ, Руэрже и Керси, а французской короне отходили только его владения в Нижнем Лангедоке: Бокер и Ним, а также сеньория Мирпуа. Однако, политическая карта между Роной и Гасконью сильно изменилась за прошедшие двадцать лет: если владения графа де Фуа остались нетронутыми, то виконств Тренкавель больше не существовало, они полностью были присоединены к владениям короля Франции и сделались его сенешальствами. Графство Тулузское уменьшилось в размерах: Нижний Лангедок стал королевским, маркизат Прованс перешел в папские владения, а сеньория Мирпуа была отдана господам де Леви, бывшим товарищам де Монфора, но являвшимся непосредственными вассалами короля Франции. Разумеется, за оставшийся ему тулузский двор Раймон VII должен был принести оммаж и клятву верности французской короне.

Однако, то, что Раймон VII пообещал в Париже, выходило далеко за рамки подготовительного документа в Мо, оговоренного заранее: была ли это ложь, беспринципность, непонимание, бессилие, уныние? В любом случае, обещания, данные в Париже в добавок к документу в Мо, подготовили непоправимое: Раймон VII самым торжественным образом, так же, как и формально, пообещал не только не поддерживать больше еретиков на своих землях, но преследовать их, уважать имущество, права и приговоры Церкви, и даже совершить личное паломничество в Святую Землю, но он еще и обязался санкционировать своим поручительством систему доносительства и первое полицейское сотрудничество между светскими и духовными властями в этой области: «Мы обещаем без промедления совершать правосудие над лицами, признанными еретиками, и что наши балы будут неустанно разыскивать их, не щадя своих сил; что с тем же рвением будет проводиться розыск возможных еретиков, их верующих, пособников и укрывателей, согласно указаниям, данным по этому поводу сеньором легатом. И чтобы лучше и легче их выявлять, мы обещаем чеканить две марки серебром в течение двух лет, и по прошествии этого периода давать марку каждому человеку, который поможет арестовать еретика...»

Кроме перспектив полицейской борьбы против ересей, в качестве первого этапа образования Инквизиции, граф Тулузский также был вовлечен в финансирование из собственных средств открытия и содержания Тулузского университета, основным предметом которого была теология, долженствующая внести вклад в пастырскую деятельность, что являлось вторым этапом католической *реконкисты*.

И, наконец, в Париже, еще более, чем в Мо, Раймон VII вовлек себя в безвыходную ситуацию, приведшую в итоге к поглощению графства Тулузского французским королевством. Он обещал выдать свою единственную дочь Жанну за одного из братьев короля и обязался не передавать тулузское наследство никаким другим детям, которые могли бы у него появиться, в любом случае сохраняя это наследство за братом короля или его наследниками, или же за королем Франции, если Жанна и ее муж умрут без наследников. И в самом деле, Жанна Тулузская вышла замуж за Альфонса де Пуатье, младшего брата Людовика Святого. До конца своей жизни Раймон VII изо всех сил пытался обойти или нарушить необратимые условия договора, возложенные на него в Мо и Париже, и которые, возможно несколько легкомысленно, он считал неоднозначными. Но ему так этого и не удалось сделать.

ПРОРЫВ ФАИДИТОВ

Крестовый поход был завершен. Священная война, война с религиозной мотивацией, война, развязанная религиозными людьми, война, когда христианским воинам Римская Церковь обещала обеспечить их спасение отпущением грехов заранее, была всего лишь войной. После ряда военных операций она завершилась, как и всякий вооруженный конфликт, соглашением. Как и все войны, она изменила границы. Наиболее эффективной эта война была в следующем: виконтства Тренкавель и Восточный Лангедок стали королевскими сенешальствами Бокер-Ним и Каркассон; графство Тулузское переходило по наследству к Капетингам. Но никакого религиозного результата. В 1229 году, во время подписания мира, катарская Церковь, пережившая массовые костры, была спаяна еще более ревностным союзом между верующими и совершенными, между семьями верующих; молчанием убежищ, памятью ужасов и надежд; и ее новый духовный порыв вовсе не ослабел. Меч редко бывает эффективным средством для убийства веры. Однако исчезли многие линияжи. Сама Церковь на огромных массовых кострах потеряла более тысячи Добрых Христиан, среди которых была и часть иерархии. Но динамика роста Церкви не сократилась, и за несколько лет мира в Окситании, предшествующих военному вмешательству короля Франции, беженцы вернулись в города-замки Лаурагэ и Альбижуа, фаидиты отстроили свои стены и башни, а катарская Церковь вновь структурировалась с помощью таких известных деятелей, как Гвиберт де Кастр. Собор в Пиоссе, создавший новое епископство Разес, состоялся в том же году, когда погиб на костре епископ Каркассес, Пьер Изарн, в Конес, то есть в 1226 году. И это тоже было началом необратимого процесса: вступление в игру Людовика VIII и королевский крестовый поход 1226-1228 гг. были теми семенами, из которых взойшли всходы логического конца этой истории. Войны между феодальными армиями, между рыцарями, завершились в итоге, в пользу окситанских баронов, а Церковь, мотивировавшая военную агрессию, ничего не выиграла в религиозном плане. А вот вступление в войну короля Франции, Капетинга, освященного в Сен-Дени, харизматического короля, старшего сына Церкви, персонажа, имевшего в XIII веке такой священный авторитет, который и не снился английскому или датскому королям, вызвало глубокий шок.

Капитуляция Раймона VII в Мо-Париже в 1229 году полностью изменило всю картину: отныне Тренкавели становились исключительно фаидитами, а катарская Церковь неминуемо должна была уйти в подполье. Даже в землях, временно оставшихся под графом тулузским, Римская Церковь получила свободу действий и репрессий, поскольку имела поддержку светской власти. Была образована Инквизиция, которая стала прочесывать местность, организовывая следствие и заводя реестры, чтобы обезглавить катаризм и его пастырей. Начиная с теологических школ нового Тулузского университета, доверенного новому доминиканскому ордену, репрессии и обращения в католицизм шли рука об руку. Семьи верующих, разрушенные войной, скрывались в Монсегуре или цитаделях

земли Саулт. Совершенные, мужчины и женщины, вели подпольную жизнь, в укрытиях и опасности доносов, мужественно продолжая нести Слово Христово и утешение.

Раймон VII все продолжал выдумывать средства, строить планы и проекты, как matrimониальные, так и военные, чтобы сбросить, силой или хитростью, дьявольское иго Парижского трактата. У Раймона Тренкавеля терпения не хватило.

Летом 1240 года сын виконта Раймона Роже Тренкавеля, убитого в 1209 году, выросший в арагонском изгнании, вернувшийся на несколько лет в свой город Каркассон между 1224 и 1229 гг., затем вновь лишенный имущества, и вновь вынужденный бежать, перешел Пиренеи со всеми «молодыми фаидитами» второго поколения – Оливье де Термез, Пьером де Мазеролль, Пьером Роже де Кабарет, Пьером де Фенуийет, Журденом де Сайссак, Жеродом и Бернаром От де Ниорт, Гийомом де Лаилль... Всё сенешальство Каркассон восстало при их приближении. Однако осаждая два месяца город, Тренкавель не смог взять Каркассон, обороняемый королевским сенешалем Гийомом дез Орме. В октябре прибыло подкрепление – армия под предводительством Людовика Святого: Раймону Тренкавелю и его фаидитам пришлось снять осаду и самим укрыться в Монреале, в свою очередь осажденном королевской армией. Неспособные сломить сопротивления восставших, королевские офицеры стали вести с ними переговоры, и, наконец, заключили почетный мир, позволивший тем уйти обратно за Пиренеи с армией и имуществом.

В бывших владениях Тренкавелей, жители городов, в окружении французской администрации и солдат, под присмотром агентов Инквизиции, не имели другого выхода, кроме как держать дулю в кармане, и, оставаясь добрыми верующими, обращать свой взгляд к далекой линии Пиренеев.

У подножия Пиренеев, Монреаль, (Од), где Тренкавель и его фаидиты укрылись в 1240 году.

ПОСЛЕДНЕЕ ПОРАЖЕНИЕ ГРАФА

Отныне все события стали разворачиваться очень быстро. Французская корона осознала скрытую опасность, а Римская Церковь поняла, что катаризм и «партизанщина» спаяны теперь одной волей. Со своей стороны, граф Тулузский знал, что отчаянно играет последними картами. В 1240 году он воздерживался от всяких действий. Ему было хорошо известно, что единственным шансом победить короля Франции является организация широкомасштабного вооруженного наступления, а не спонтанный бунт лишенных имущества рыцарей. В 1240 году он мог рассчитывать только на собственные силы, чрезвычайно ограниченные в результате трактата 1229 года, финансовые положения которого опустошили его казну. Вот почему он не пришел на помощь восстанию фаидитов. В 1242 году он был готов действовать. Но ответный удар французской короны был сокрушителен.

Цель Раймона была тройной: еще раз жениться, несмотря на придирки понтифика – папство делало все возможное, чтобы воспрепятствовать его поискам подходящих невест – в явной надежде дать жизнь другому наследнику, кроме бедной Жанны, вышедшей замуж во Франции; плести против капетингского короля международные союзы, достаточно мощные, чтобы нанести французской короне военное поражение; и, наконец, поднять страну на восстание против франко-клерикальной оккупации – это последнее, разумеется, было наименее трудным.

В 1241 году он вступил в союз с графом де Ла Марш, Гуго де Лузиньяном, породненным с королевской семьей Англии, и обещавшим выдать за него свою дочь. Южные князья тоже предложили свою поддержку: король Арагона, Раймон Тренкавель и его вассалы в изгнании, затем граф де Фуа, граф де Комменж, король Кастилии, король Наварры, и возглавил всю эту коалицию король Англии Генрих III. Разумеется, войну должно было поддержать народное восстание: граф Тулузский мог рассчитывать на мелкую катарскую знать, рыцарей – сыновей совершенных, из линьяжей Фанжу, Ма-Сен-Пуэль, Лаурагэ; беженцев Монсегюра, верующих рыцарей, которые могли стать вдохновителями этого восстания. По сигналу Раймона VII под конец мая 1242 года, отряд фаидитов, рыцарей и сержантов, выехал из Монсегюра: Пьер Роже де Мирпуа, Гийом де Лаилль, Бернар де Сен-Мартен, Жорданет дю Ма, братья дю Конгост, братья де Массабрак, Брезильяк де Каийявель и другие, встретились в Гайя-ля-Сельве с Пьером де Мазеролль, другими рыцарями и вооруженными людьми. Свою цель они четко определили в Монсегюре за несколько дней до того. Согласно плану Раймона д'Альфара, бальи Раймона VII, этой целью был Авиньонет в Лаурагэ.

В Авиньонет уже некоторое время находился инквизиционный трибунал во главе с доминиканцем Гийомом Арнодом и францисканцем Этьеном де Сен-Тьибери, архидиаконом Раймоном Эскриб и всей их бюрократией, которая в то время на широкую ногу вела следственные дела в Лаурагэ. Ночью в город ворвались рыцари из Монсегюра с людьми Раймона д'Альфара, инквизиторы и их свита были убиты, а их реестры, в которых было столько имен, фальшивых признаний, настоящих доносов, обещаний и вынужденных отречений, реестры, грозившие тюрьмой, мучениями, конфискациями и смертью, были уничтожены. Раймон VII не мог вообразить себе лучшего сигнала к восстанию.

Два года спустя, в Кастельсарацин, Жан Видаль, местный житель, так вспоминал об этих событиях преемникам убитых инквизиторов:

«Когда стало известно о смерти брата Гийома Арнода и его товарищей, я видел, как Гийом Фор из Пеш-Эрмье, Понс де Монмират, Гийом Одберт и Гийом Фаржу очень радуются смерти этих братьев. В тот же день, когда Этьен Мазелье прибыл из Мойссак, то Гийом Одберт, увидев его на улице Кастельсарацин, сказал ему: «Хотите послушать хорошую песенку?... *Frere Guillaume, cogot, es escogotatz e pessejatz!*» (Брату Гийому, рогоносцу, отпилили рога и разрезали на кусочки!) Тогда Этьен ответил: «Да, какая хорошая песенка! И разорвали эти проклятые реестры!»...

«Я слышал однажды, как Гийом Фор из Пеш-Эрмье сказал мне, после смерти брата Гийома Арнода: «Ну погодите теперь, вы, католики, бешеные лицемеры! Мы были слепы, но теперь мы вновь хорошо видим, и теперь мы понимаем, что нужно вас остерегаться!»...»

Этот символический удар сделал свое дело, и страна восстала, в то время, как Раймон VII выступил против французского сенешаля, находившегося в Каркассоне. Явился и Раймон Тренкавель со всеми фаидитами из Каркассес, освободил бывшее виконтство Минервуа, Корбьер, Разес и Монтань Нуар, как и сеньорию де Мирпуа, которую он потерял в 1229 году. С народной поддержкой его кампания была молниеносной: 8 августа граф Тулузский вступил в Нарбонну.

К несчастью для него, могущественные союзники, которых он приобрел, оказались неспособны противостоять мощи французской армии. Они атаковали беспорядочно, предоставив королевским войскам достаточно времени, чтобы укрепиться и достичь стратегических регионов Аквитании и Западных Марок: король Англии был побежден в Тайебурге 20 июля, Гуго де Лузиньян и его вассалы, осажденные в Фонтенэ, запросили мира. Понемногу все союзники графа Тулузского, деморализованные и обработанные королевской дипломатией, оставили его, в частности, граф де Фуа сделал это в начале осени 1242 года, несмотря на то, что весна была такой многообещающей.

В январе 1243 года Раймон VII подписал в Лоррес, во Франции, капитуляцию, возобновлявшую положения трактата 1229 года. К тому же, он, разумеется, обещал регентше Бланш Кастильской вновь обеспечить полную свободу инквизиционным процедурам на всех своих землях, а также всячески им содействовать.

Теперь граф Роже де Фуа был на стороне французской короны. В Каркассоне французский сенешаль Умберт де Божо вновь расселил свой гарнизон и установил свою администрацию. Раймон Тулузский, еще более изолированный, чем обычно, не имел больше возможности ни противостоять действиям армии и Церкви на своих землях, ни найти способа вырвать свое графство из неумолимых французских объятий. В Монсегюре вся катарская иерархия, не бежавшая в Ломбардию, все семьи совершенных и фаидитов, не находящиеся в Арагоне, сформировали последнее ядро сопротивления под непосредственным сюзеренитетом графа Тулузского. Бланш Кастильская не рассчитывала на помощь последнего в уничтожении этого очага и на «обезглавливание гидры». В 1244 году французская армия после долгой осады взяла Монсегюр и отправила на костер 210 совершенных, которые жили своей верой на вершине горы вместе с епископами Тулузен и Разес под защитой своих братьев, сыновей, друзей и родственников.

В 1246 году Раймон Тренкавель передал все свои права Людовику IX и, в 1247 году, в Париже, сломал в присутствии короля печать виконта Безье и Каркассона. Сыновья великих фаидитов понемногу были преданы забвению, оставшись в Арагоне, а некоторые даже пробовали просить у королевских властей остатки своего наследства, что им не очень удавалось, потому что семьи французской знати уже завладели их землями и правами, за исключением разве что слишком бедных замков. Некоторые из этих фаидитов понравились Людовику Святому, как например, «великий фаидит» Оливье де Термез, который выступал на стороне короля Арагонского во время завоевания Майорки, но ушел в крестовый поход с королем Франции и добился его дружбы. Последним, кто оказывал сопротивление, был его товарищ Шабер де Барбейра, возможно, родственник Оливье де Термез, владевший Керибюсом еще десять лет после падения Монсегюра. Именно благодаря Керибюсу, Пьер Парейр, один из последних иерархов окситанского катаризма, избегая костра и отказавшись от бегства, еще некоторое время мог исполнять свою роль диакона Фенуийидес.

В 1254 году, вернувшись из крестового похода в сопровождении Оливье де Термез, которому вернули замок Агийар, Людовик Святой вновь обязал сенешаля Каркассона, Пьера д'Отеуй, взять Керибюс с помощью архиепископа Нарбоннского. После короткой осады в 1255 году, Шабер де Барбейра сдал цитадель королю при мало известных обстоятельствах, причем Оливье де Термез играл там неясную роль (некоторые акты упоминают о «войне» между Шабером и Оливье). Неизвестно, что случилось с гарнизоном и катарами, которые нашли там убежище. Шабер де Барбейра удалился в арагонскую ссылку и в 1257 году передал королю Жаку свои права на Фенуийидес. Что до Оливье де Термез, то он, влезши в долги из-за военных расходов, мало-помалу продавал Людовику Святому все, что последний вернул ему из его владений в Терменез. Теперь его жизнь состояла только из крестовых походов в Святую Землю на службе у королей Франции.

В 1249 году Раймон VII Тулузский умер, не оставив иного наследника, кроме дочери Жанны. После 1271 года, когда эта супружеская пара, соединившаяся после трактата в Мо, Альфонс де Пуатье и тулузская наследница, тоже умерли, с интервалом в несколько недель, графство совершенно естественно перешло в королевский домен. Подпольный катаризм больше не мог пользоваться ни поддержкой великих князей, ни верностью мелких сельских линияжей, уничтоженных войной.

XVII ОГНЁМ, МЕЧОМ И ПРОЦЕДУРАМИ: ПАСТЫРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И РЕПРЕССИИ

Римская Церковь не сумела использовать настоящую пастырскую деятельность, последовательные и систематические проповеди как оружие против укоренившегося в сердце окситанского общества катаризма. Она только посылала отдельные миссии, ограниченные в пространстве и времени, преимущественно состоящие из цистерцианских легатов – проповедников, действовавших в силу данных папой полномочий и при поддержке

властей предержавших. Состоялось несколько принудительных и показательных процессов: унижение Пьера Морана в Тулузе должно было особо подействовать на воображение. До начала XIII века не было никаких настоящих евангелизаторских действий, и нет сомнений, что диссидентский евангелизм успешно пользовался сложившейся ситуацией.

Наоборот, конец XII столетия знаменовался последовательными этапами организации репрессий и принуждения, при сотрудничестве духовных и светских властей: уже в 1179 году на Латеранском Соборе, Александр III призвал верных Христу поднять оружие против еретиков; Веронские Декреталии 1184 года – соглашения между папством и императором Фридрихом Барбароссой (папа и император объединили свои усилия и политику, что было весьма необычным делом!) – создали предварительные юридические основания для принуждения: Луций III и Фридрих договорились, что убежденные еретики должны быть преданы в руки светской власти; что епископы должны проводить особую инспекцию своих епархий и регулярно заслушивать доносы; что светские власти должны поддерживать и приводить в исполнение церковные приговоры.

Таким образом, возникли все ментальные предпосылки, которые сделали возможным не только крестовый поход в христианские земли, но и возникновение бюрократической институции Инквизиции.

Однако, на Латеранском Соборе в 1179 году во всей своей евангельской бедности предстали лионские вальденсы, просившие права проповедовать. Но в 1184 году в Вероне вальденское движение, этот религиозный всплеск, выбросивший на дороги в порыве веры мужчин и женщин, искавших Христа не в кафедральных соборах, официально было объявлено еретическим. Через несколько лет папство начало подумывать о том, чтобы поддержать новую добровольную инициативу в области позитивных шагов «убеждения» еретиков...

УПУЩЕННЫЙ ШАНС ДОМИНИКА

Между 1204 и 1206 годами забрезжила новая надежда: в 1204 году в Каркассоне состоялся традиционный диспут между катарами и католиками, не окончившийся ничем. На стороне Римской Церкви были цистерцианские легаты, имевшие полномочия участвовать в этом диспуте, Пьер из Кастельно и Рауль из Фонфруад. В 1206 году те же легаты в унынии жили, восстанавливая моральные силы в очень католическом Монпелье, и тут встретили епископа Осма, Диего, и его товарища Доминика де Гусмана, двух испанцев, возвращавшихся из путешествия на Север Европы, где они исполняли миссию Ватикана. Имели ли последние, будучи клириками, и даже представителями иерархии, как Диего из Осмы, разрешение от Иннокентия III опробовать новые методы? Как бы там ни было, они убедили легатов принять более непосредственную манеру проповедей против еретиков в облике людей Евангелия, а не представителей власти, пусть даже и духовной: «Они предстали в смиреннии, идя босиком, без золота и серебра... чтобы они не делали, во всем они подражали образцу апостолов...»

Хронист Пьер де Во де Серней описал Доминика и его первых товарищей, проповедовавших с помощью свидетельств, а не власти, бродячих и нищенствующих, словами, которые удивительно напоминают образ вальденсов, встреченных Уолтером Мэпом на Латеранском Соборе в 1179 году. Когда оба цистерцианских легата решили следовать за Диего и Домиником по новому пути, противостоя катарским проповедникам «на их территории», это открыло Римской Церкви перспективы будущего и надежды. Во второй половине 1206 года они вместе выступали на диспутах в Сервиан и Верфей, а их предприятие было официально поддержано Иннокентием III. До 1209 года, пока война не прервала этого процесса, они ходили, проповедовали и спорили с христианами-дуалистами и их верующими. Пьер де Кастельно, не являвшийся «голубем», и убитый в 1208 году, был сразу же заменен дюжиной цистерцианцев, которые тоже ходили и проповедовали босиком.

Оригинальность инициативы Диего и Доминика, по сравнению с инициативой лионских вальденсов, состояла в том, что они стремились проводить свою кампанию евангельских проповедей бедности в рамках официальных действий Римской иерархии против диссидентов-христиан и признавали авторитет папы. Они были клириками, а не светскими людьми, посягающими на полномочия клириков. В то же время Франциск Ассизский, хотя никогда и не выходил за рамки понтификального надзора, все же оставался, так долго, как только мог, простым светским человеком среди «братства» своих товарищей, наиболее смиренным из служителей Христовых, и до конца своих дней пытался не допустить «юридизма» орденских правил, которые могли исказить его евангельский порыв.

Тем временем, зимой 1206-1207 гг., Доминик основал возле Фанжу, прямо под носом города-замка, где обитали совершенные и любовные радости, на территории разрушенной до основания бывшей церкви святой Марии де Пруилль, дом, предназначенный для катарских женщин, обратившихся под влиянием его проповедей. К нему сразу же присоединились Гийом Кларет из Памье и его сестра Раймонда, передавшие новой fundации все свое имущество, а также чета Гаск из Виллесискл. Тем не менее, сам Доминик никогда не жил в еретическом гнезде, которым ему казалось Фанжу, пока туда не пришла армия крестоносцев в поисках катарской знати. Он ходил по

стране вместе со своими товарищами и добивался обращений. Нам известны как минимум четверо мужчин и восемь женщин, которые впоследствии вернулись к катарской вере, свидетельствуя в 1242-1246 гг. перед Инквизицией о своем рецидиве: среди них были На Сегура Видаль из Ма и Гильельма Ломбард, из Фанжу.

Кажется, по крайней мере, в публичных дебатах Доминик и его товарищи достигали обнадеживающих результатов: «сто пятьдесят катаров», как уверяет свидетель, обратились в результате диспута в Монреале, длившегося две недели в 1207 году.

В 1211 г. в Пруилль жило девятнадцать монахинь, известные нам только по имени, за исключением Раймонды Кларет из Памье. Мы также знаем, что одна из этих монахинь была благородного происхождения: Рикарда, кастелянша де Барбейра.

Возможно, то, что разгорелась война, свидетельствовало об упущенном шансе Доминика. Было окончательно отдано предпочтение методам принуждения, а не методам убеждения, причем именно тогда, когда его пастырская деятельность едва начала приносить плоды. У него не осталось возможности показать триумф своей глубокой убежденности, что терпеливым, последовательным и всеобщим опровержением можно преодолеть теологические разногласия и диссидентство: 12-13 обращений за 2-3 года его миссионерства было недостаточным, чтобы убедить папу, пребывавшего в страхе и уверенного в том, что ересь можно уничтожить только силой. И это ввергло доминиканцев и францисканцев в авантюру, которая смогла разрушить послание Доминика и Франциска. Товарищи Франциска Ассизского по настоящему стали пастырским орденом только после смерти «Поверелло». Что до Доминика, то он получил исторический шанс умереть в 1221 году, задолго до основания Инквизиции. Однако он стал основателем ордена, призванного к опровержению ереси и защите ортодоксии, который более непосредственно, чем францисканцы, впоследствии тоже вмешавшиеся в драку, сделался приводным ремнем Римской реконквисты на землях ереси.

НИЩЕНСТВУЮЩИЕ ОРДЕНА

Латеранский Собор 1215 года, посвященный лишению прав династий Тренкавеля и Раймона де Сен-Жилль в Западном и Восточном Лангедоке в пользу Симона де Монфора и его наследников, фактически ознаменовал и новое направление в жизни Римской Церкви на весьма длительный период, а именно институализацию двух первых нищенствующих орденов, более или менее одновременных инициатив кастильца Доминика де Гусмана и тосканского умбрийца Франциска Ассизского.

В 1215 году община, *fraternitas*, Франциска и его товарищей не была еще по-настоящему религиозным орденом: но постепенно она им становилась и, в середине XIII века, клерикализовалась. Уже в 1210 году образ жизни согласно модели апостольской бедности Франциска получил устное одобрение Иннокентия III. Эти кающиеся, светские и клирики, добровольно ушедшие на маргинез всякого общества, чтобы разделить судьбу парий – прокаженных! – не просили иного права проповедовать, кроме как примером своей жизни, а также простого признания евангелизма молитвы в полном самоотречении. Это движение внезапно разрослось и стало шириться с помощью энтузиастов в Италии, а еще во Франции, Англии, Германии. Отныне заговорили о братьях – и сестрах – миноритах.

В отличие от братьев Франциска, клириков или мирян, доминиканцы, товарищи, сформированные и сгруппировавшиеся вокруг Доминика на основе идеологической и теологической борьбы, в ходе непосредственных столкновений с христианскими диссидентами, знающими Святое Писание, были изначально организованы в религиозный орден с целью опровержения ереси, имея полномочия от папы и поддержку властей – местных епископов и гражданских властей, если последние были не слишком норовисты. Всякий брат доминиканского ордена был по своей природе призван проповедовать: потому их и называли орденом «Братьев-Проповедников», так же, как францисканцев называли «братьями миноритами» в смысле, самыми бедными и смиренными среди служителей Христовых.

Братья-Проповедники Доминика обучались этому искусству: чтобы с пользой убеждать христианский народ, доверившийся еретикам, мало было одного энтузиазма молодости и простого рвения. Генеральный капитул ордена соглашался давать право проповеди только тем братьям, которые как минимум год проходили теологические студии. С самого начала молодой доминиканский орден оттачивал теологические аргументы своей пастырской деятельности в университетах Парижа и Болоньи. Создание Тулузского университета в 1229 году как логическое следствие трактата в Мо-Париже, отвечало необходимости теологической и теоретической подготовки молодых доминиканцев, в попытках реконквисты знанием, убеждением, основанном на четких аргументах из Писания. Инициатива Доминика в области природного призвания привела к теологическим исследованиям и организации

ордена и милиции многочисленных проповедников, хорошо вооруженных интеллектуально. В год смерти святого Доминика, в 1221 году, папа Гонорий заявил, что «братья ордена Проповедников полностью посвящены евангелизации Словом Божьим».

Великая евангельская волна XII века, выплеснувшая в своем апогее вальденсов, мужчин и даже женщин, мирян, пытавшихся следовать Христу и вести жизнь в абсолютной бедности, а также желавших свободно проповедовать Слово Божье, в случае Доминика обернулась оружием Слова, убеждениями-уговорами против еретиков. Но никогда идеал жизни в бедности, который Доминик принял и возвел в ранг правила, не приобретал у Братьев-проповедников абсолютного и непримиримого характера, как у вальденсов или францисканцев. Франциск Ассизский, наоборот, в полном самоотречении братьев-миноритов, не владевших ничем, кроме рубахи и препоясывающей их веревки, предпочитал ценность молитвы и аскезы теологическим аргументам, к которым он всегда питал некоторое недоверие. Несмотря на это, между его братьями становилось все больше и больше клириков, и среди миноритов незадолго до его смерти вошло в привычку выбривать тонзуру – правило, дозволенное папой.

Однако, францисканцы тоже могли становиться проповедниками. Святой Франциск умер в 1226 году, а через несколько лет первые монастыри миноритов начали открываться в Окситании: в Арле, в Монпелье, Мирпуа, Тулузе, Лаворе, Кастре, потом в Нарбонне, Агд, Безье, Каркассоне. Теологи Парижского университета начали вступать в орден, клерикализировали его окончательно – мирян вытеснили в так называемый «третий орден» - но при этом и повысили его интеллектуальный уровень, сделав его горнилом размышлений и аргументов. Под конец XIII века спиритуал Джакопоне да Тоди восклицал: *О, проклятый Париж, разрушивший Ассизи!* Он имел в виду представителей Сорбонны, погубивших и выхолостивших евангельский идеал, духовный и радостный порыв товарищей «Поверелло». Тем не менее, именно эти «новые философы» францисканцы, и особенно, выходцы из Лангедока, стали ядром духовного сопротивления от Пьера Дежана-Олею до Убертина Казальского...

Новый образ Церкви Римской, представленный ею после великого поворота 1210-1220 гг., когда произошло призвание Доминика и Франциска, отображал определенный тип евангельской модели, но отбросил в лагерь гетеродоксии столько христианских инициатив. Пастырская деятельность Проповедников, бедность миноритов в бургах и городах стала существенно подрывать достижения вальденсов и катаров: еретики не могли больше эксклюзивно претендовать на аутентичность христианской жизни. Но не стоит создавать лживых проблем, превращая Историю в роман и задавать вопрос, можно ли было проповедями, возражениями, примером, а также убеждением и аргументами восторжествовать над христианами-катарами без применения меча и костра. Историческим фактом является то, что сыны Доминика и сыны Франциска стали проводниками репрессий.

ИНКВИЗИЦИЯ

До 1230 года молодой доминиканский орден проводил кампанию проповедей из мест своего зарождения: монастыря Пруиль и монастыря Сен-Ромен в Тулузе, при поддержке и под надзором епископов – Фулько Марсельского, а потом Раймона дю Фога. Создание университета дало им возможность привлечь магистра теологии, Роланда из Кремоны, который в те бурные времена встал на их сторону: тогда епископы проповедовали с кафедр о христианской добродетели доносительства на еретиков, а память о черных и белых братствах еще не угасла. В этот период, когда репрессии вводились всерьез и надолго, становились систематическими, политика диалога с еретиками была весьма трудной, и потому Братья-проповедники столкнулись с проблемами совести и внутренних противоречий, которые создание Инквизиции не могло не обострить.

Институция «Инквизиции» появилась в истории в 1231 году на германских землях, когда папство доверило уничтожение рейнских катаров Конраду Марбургскому. В 1233 году в Окситании, *Inquisitio heretice pravitatis*, «следственная деятельность в области еретических извращений», была официально создана Григорием IX, и функции этого святого учреждения были доверены Братьям-проповедникам и братьям-миноритам.

Слово Инквизиция означает, собственно говоря, расследование. Процедура, проводимая настоящим трибуналом, с судьей, «сведущим» в каждом деле, допрашивающим свидетелей, вынужденных под присягой говорить правду о себе и других, представляла собой значительный прогресс по сравнению с практикой обычного права германского происхождения, состоящей из судов Божьих, ордалий, доказательств с помощью раскаленного железа и погружения в воду; а также по сравнению с коллективной истерией толпы или солдат и их «судами Линча», когда в огонь бросали просто диссидентов, «других». Однако, она давала меньше гарантий обвиняемому, чем традиционная процедура Римского права *accusatio*, каравшая обвинителя, если он не мог доказать своих слов. Две первые попытки папства послать таких особых следователей окончились похожим образом: миссия доминиканцев Конрада Марбургского в Германии и Робера ле Бугра в Шампани в 1233 году знаменовались такими сценами

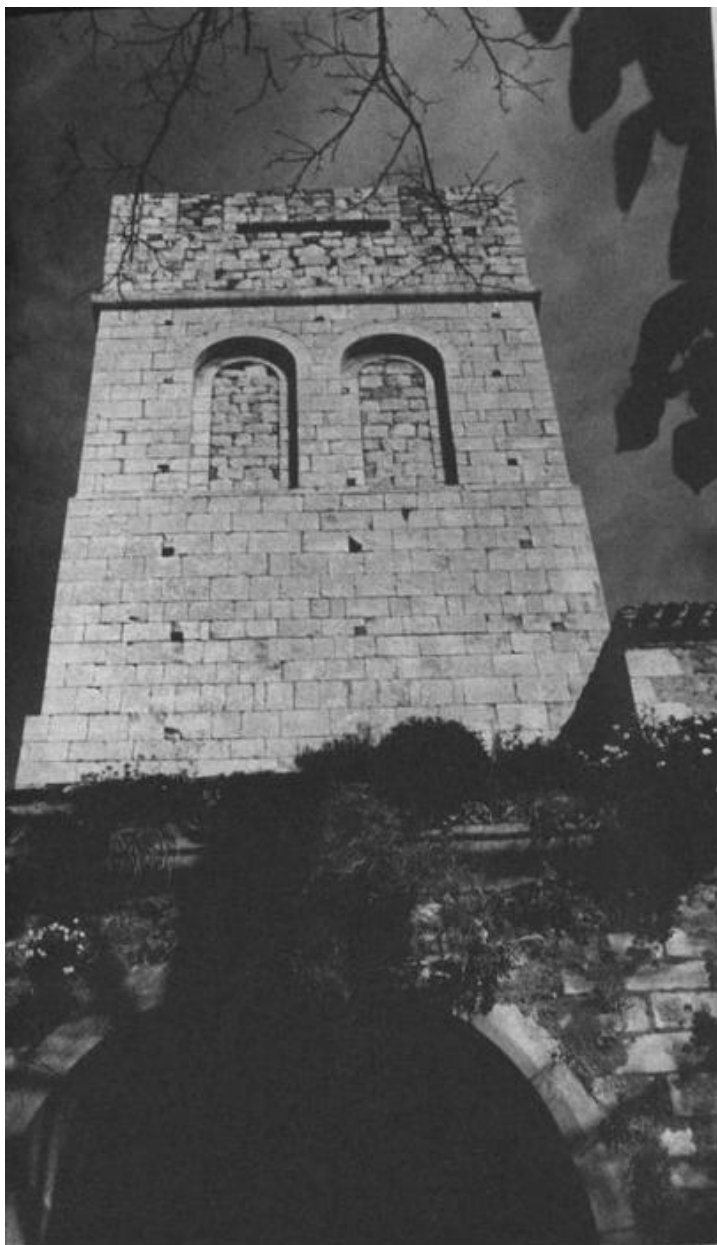
ужаса и насилия, что первый инквизитор был убит, а второй лишен сана. В Окситании, территории обычного права романского происхождения, дела пошли иначе.

Когда в апреле 1233 года Григорий IX обратился к Южным прелатам и провинциалу доминиканцев в Тулузе с письмами, в которых он доверял Братьям-проповедникам всю власть вести следствие и вершить суд в области ереси, а светские власти, как епископы, так и гражданские власти должны были оказывать им обычную поддержку. В Тулузе доминиканский епископ Раймон дю Фога, естественно, поддержал Проповедников и их новые университеты, и даже заручился призрачным сотрудничеством графа Раймона VII, который, когда ему было выгодно, через несколько лет после подписания Парижского трактата, демонстрировал некоторое рвение. Епископ и граф начали процесс против семьи Ниорт-Лаурак, и организовали охоту на еретиков в горах, закончившуюся арестом девятнадцати совершенных, среди которых был Паган, бывший сеньор Лабесед.

Первыми инквизиторами были Пьер Сейян из Тулузы, один из первых товарищей Доминика, и Гийом Арнод, юрист из Монпелье. Роланд из Кремоны стал их компетентным сотрудником. Появился и третий доминиканец: Арнод Катала, из города Альби. Всё началось плохо: выкапывали трупы для сожжения, умирающую старую женщину, привязанную к ложу, бросили в огонь. 15 октября 1235 года тулузцы, объединившись и получив поддержку консулов, изгнали из города всех доминиканцев, начиная с их епископа. Подобные выступления против нетерпимых монахов были почти повсюду: в Нарбонне, в Альби – и мы уже видели, какое значение для населения Юга имела казнь двух инквизиторов, доминиканского и францисканского, вместе с их свитой в Авиньонет в 1242 году.

Невидимая институция, в каком-то роде пришедшая в обозе оккупантов, прочесывающая страну так тщательно, что каждый крестьянин чувствовал себя подозреваемым, превратившая Церковь Добрых Христиан в подпольную Церковь, Инквизиция, тем не менее, разрасталась и понемногу реорганизовывалась. Она становилась все более бюрократической, все более систематической, а ее процедуры – все более отлаженными. Парадоксально, но в этой стране юристов она пыталась доказать каждое свое действие, каждое обвинение: ее процедуры, неоднократно кодифицированные еще до окончательной редакции *Учебника инквизитора* Бернарда Ги, написанного в начале XIV века, внесли довольно большой вклад в обычное романское право, которым тулузцы так гордились. В то же время их машинообразная рутин превратилась в жесткий и грубый механизм, из которого можно было выскользнуть только путем мимикрии. Нужно сказать, что в то время, в начале XIV века, осталось уже не так много настоящих катаров. Потому окситанская Инквизиция естественным образом потихоньку перестала функционировать после последнего крупного расследования Жака Фурнье (1318-1325).

Цель следственных действий была простой: выявить, путем сопоставления показаний, всех совершенных мужчин и женщин подполья, всех служителей и пастырей диссидентской религии. Реестры допросов и показаний, таким образом, представляли собой настоящие досье, где были собраны имена и названия местностей. Всякий выявленный совершенный/ая арестовывались, а затем систематически «передавались светской власти», то есть, шли на костер, если отказывались отречься. Если они отрекались, то наказание было меньшим: их осуждали на «мур», тюрьму, пожизненное заключение или тюремный срок, «тесный» или «общий» мур («тесный мур» приравнивался к осуждению на медленную смерть); если они отрекались и решали сотрудничать с Инквизицией, их освобождали, но они жили под вооруженной защитой, как в случае с Арнодом Прадье. Разумеется, огромное большинство совершенных не отреклось, и так, страна понемногу теряла свою катарскую Церковь. Некоторые бежали в Ломбардию или Каталонию, а остальных, одного за другим, уничтожил огонь.

Конес Минервуа (Од). Инквизитор Феррье установил свой трибунал в этом маленьком аббатском городке.

Костер был главным наказанием для *heretici perfecti*, совершенных мужчин и женщин. Целью Инквизиции вовсе не было уничтожить всех верующих: прежде всего, для следователей верующие были основным источником свидетельских показаний - главного механизма выявления подпольных Добрых Людей. Само собой, они делали все, чтобы запугать и отвратить их от веры. У них требовали исповеди в том, поклонялись ли они совершенным, верили ли в то, что те – добрые мужчины и добрые женщины, ели ли хлеб, благословленный ими, участвовали ли в *consolament* или других катарских церемониях. Наказания, которым подвергали верующих, были мягче: ношение крестов из желтой ткани, нашитых на одежду, штрафы. Однако, в случае рецидива, наказания были более тяжелыми (мур) или даже смертная казнь, в принципе применявшаяся только к убежденным еретикам. Так, мать Арнода Сикре, который выдал Белибаста, была сожжена, а имущество всей семьи конфисковано, хотя осужденная никогда не была совершенной.

Реестры показаний помогали определять вновь впавших в ересь. Поскольку нотариус инквизитора записывал и подписывал первое покаяние, то часто бывало так, что если, возвратившись к бывшим заблуждениям, несчастный вновь был вызван в суд, например, по доносу злого соседа, то новый инквизитор и через десять лет мог сравнить показания: ведение реестров-досье было в превосходном состоянии. Инквизиция, как следственная процедура, основанная на свидетельских показаниях и требующая имен, нуждалась в системе доносительства. Ее целью было убить религию через уничтожение ее пастырей и разрушение связей солидарности. Это было смыслом ее функционирования, так она исполняла свою роль. Тщетно было предъявлять ей какие-либо иски. Используя те же методы, она организовывала посмертные процессы с целью эксгумации и сожжения трупов. Она была инструментом защиты и идеологической контратаки доминирующей религиозной власти, а не машиной для

убийства. Сохранилось довольно большое количество реестров ее приговоров, а также реестров допросов, и хотя трудно определять статистические данные по этим документам, ясно, что за почти сто лет своей деятельности, с 1234 по 1325 год Инквизиция против еретиков-альбигойцев убила относительно небольшое количество людей. Просто она точно целилась и делала все возможное, чтобы не ошибаться.

Избирательные репрессии, общий террор, возведенное в систему доносительство из страха и жадности были, к тому же, поддержаны новой пастырской деятельностью Римской Церкви среди населения, которое она пыталась реевангелизировать. Ее Братья-проповедники и минориты должны были словно заменить собой Добрых Людей, о которых здесь еще долго помнили. Начиная с середины XIII века, с падения Монсегюра, с последнего огромного массового костра, на котором погибло почти все, что оставалось от катарской Церкви, - в смысле ее организационная иерархия – в Окситании уже не надо было применять оружие. Инквизиция и нищенствующие ордена без труда могли преодолеть религию без пастырей, поддерживаемую простым благочестием крестьян в стране, где власть перешла на другую сторону.

XVIII МОНСЕГЮР

Изгнанные из Тулузы и едва не ставшие жертвами самосуда в Альби и Нарбонне, первые инквизиторы, доминиканцы, усилили и систематизировали свои действия при поддержке францисканцев. Первое крупное следствие «зачистило» Лаурагэ, начиная с 1240 года. Уже с 1237 г. брат Феррье, имевший проблемы в Нарбонне в 1235 г., осел в Конес Минервуа, откуда посылал в тюрьмы Каркассона верующих в еретиков. Однако его следственный трибунал перемещался, и сначала он действовал из Брама, затем из Сайссака. А когда его коллеги в Лаурагэ были убиты в мае 1242 года – а их архивы уничтожены – ему пришлось придти им на смену, и до конца 1244 года он терпеливо готовил путь обширному расследованию Бернара де Ко и Жана де Сен-Пьер 1245-1246 гг.

Во время этого грандиозного следствия в Лаурагэ, Бернар де Ко и Жан де Сен-Пьер допрашивали подозреваемых из Тулузен, Аженэ и даже Керси.

Реестры брата Феррье и Бернара де Ко, копии которых (в фондах Доат Парижской Национальной Библиотеки) и даже оригиналы (рукопись 609 Муниципальной Библиотеки Тулузы) дошли до нас, свидетельствуют о первых процедурах инквизиторских процессов, которые постепенно становились все более изощренными и богатыми подробностями, вплоть до *Practica Inquisitionis* Бернарда Ги. Показания записывались небольшой группой писарей, в присутствии свидетелей, среди которых были даже квази профессионалы, и собственно членов трибунала. Таким образом, следствие неуклонно разворачивалось по заведомо установленному порядку: имя и приход, откуда происходил дающий показания; клятва говорить всю правду о ереси, как о себе, так и о других; вопросы: встречали ли Вы еретиков? каких? когда? где? с кем? Слушали ли Вы их проповеди? Поклонялись ли им согласно ритуалу *melhorament*? Разделяли ли Вы с ними трапезу и ели ли хлеб, благословленный ими? Сидели ли Вы с ними за одним столом? Участвовали ли Вы в *consolament*? И если да, опишите этот обряд. Сопровождали ли Вы еретика, пытались ли его защитить, увести в безопасное место? Делали ли Вы ему подношения или давали еду? Сговаривались ли Вы в другими подозреваемыми, чтобы укрыть правду? Исповедовались ли Вы уже перед другим инквизитором? Верили ли Вы, что еретики – это добрые люди, и их вера благая, и что в ней можно спастись? Встречали ли Вы вальденсов и верили ли в их заблуждения?

Разумеется, всякий утвердительный ответ вызывал следующую серию вопросов, где уже требовались точные имена и места (где? в чьем доме? в присутствии кого? и т.д.). Они запустили когти в самые потаенные места этого общества. Они вывернули наизнанку его сердце.

Одним из мест «интенсивной катарской жизни», которую наиболее ярко открывают нам реестры Бернара де Ко и Жана де Сен-Пьер, опосредованно, а реестры Феррье непосредственно – был Монсегюр, где в течение сорока лет население было исключительно катарским. Если в Фанжу или Ма-Сен-Пуэлль жили католические семьи, то Монсегюр был укрепленной деревней, где как религиозное, так и гражданское общество было полностью вовлечено в жизнь Церкви Добрых Христиан. И как таковое, оно вызывало особый интерес у инквизиторов. Когда, под конец 1244 года, брат Феррье закончил допрашивать выживших в Монсегюре верующих, которые видели костер своих совершенных, он отказался от должности инквизитора и стал приором монастыря доминиканцев в Каркассоне. Еще в течение двух лет Бернар де Ко и Жан де Сен-Пьер продолжали допрашивать подозреваемых из Лаурагэ и Тулузен, которые обрисовали красоту и силу связей солидарности и надежды, соединявших Монсегюр с катарскими архипелагами.

УБЕЖИЩЕ

Деревня-замок Монсегюр, наиболее целостно и аутентично катарский из всех мест обитания мелкой сельской окситанской знати, общество, история и повседневная жизнь которого известны лучше других, не был обычным *castrum*. Мало того, как это ни парадоксально, несмотря на точность и богатство источников, он подвергся наибольшему произволу поэтического и не совсем воображения, коммерции и фальшивых тайн. Но именно его Гвиберт де Кастр избрал как безопасное место для своей Церкви в годину бедствий, и место обитания стало духовным центром; кроме того, именно его тонкий силуэт является символом всех этих голубых гор.

Возвышаясь над цепью нагорий Плантаурель, над землей д'Ольме и территорией Мирпуа, скала Монсегюр контролирует дорогу, пересекающую массив святого Варфоломея через перевал Пейре и соединяющую Лавеланет с землями д'Айю и даже с Каталонией. На вершине этой скалы была наблюдательная башня, которая, так же как и Рокфиксад к западу, была одной из пограничных крепостей между Окситанией и Каталонией, цепью протянувшихся к морю через Корбьер. В 1200 году эта башня была уже разрушена.

Маленький разрушенный замок, возвышавшийся над отвесными склонами скалистой горы, принадлежал семье де Перейль, которая зависела от графа де Фуа, «за исключением должной верности графу Тулузскому», то есть его сюзереном был граф Тулузский. Около 1200 года титул его сеньора принадлежал совсем молодому человеку, Раймону де Перейлю, мать которого, Форнейра, дама де Перейль, решила стать совершенной в Мирпуа, забрав с собой самую младшую дочь, маленькую Адалаис. Ее старший брат, Арнод Роже, стал наследником имущества и прав их отца, Гийома Роже, совладельца Мирпуа. Раймон, сохранивший имя и имущество своей матери, владел, таким образом, собственно замком де Перейль (сегодня Перейль- д'Эн-Бас, возле Лавеланет), и всеми маленькими фортефицированными постами, зависящими от него – в том числе и Монсегюром.

В 1244 году Раймон де Перейль заявил инквизитору Феррье во время допроса, что «более сорока лет назад», то есть до 1204 года, два катарских иерарха, Раймон, диакон Мирпуа, и его *socius* Раймон Бласко, пришли просить его отстроить Монсегюр, и он удовлетворил их просьбу. Раймон де Перейль фактически отстроил *castrum*, и сразу же поселился там сам, а его мать Форнейра управляла там домом совершенных в небольшой монашеской общине. Можно задуматься над тем, зачем катарская Церковь, между 1200 и 1204 годом, когда ее общины гармонически жили в обществе маленьких городов-замков в низине, счастливых землях торговли и обмена Лаурагэ, Тулузен, Альбжуа, нуждалась в горном поселении на вершине дикой скалы. Некоторые современные историки, как Фернан Низель и Мишель Рокберт, сопоставили это заявление Раймона де Перейля и показания рыцаря графа де Фуа перед Бернардом де Ко и Жаном де Сен-Пьер в 1246 году: Пьер Гийом д'Арвинья видел в те же годы «более сорока лет назад», в Мирпуа, «большое собрание еретиков, до шестисот человек. Они пришли, чтобы разрешить между собой один вопрос...»

Конечно, мы никогда не узнаем, каким был этот вопрос, и говорили ли они о восстановлении поселения на вершине скалы Монсегюр. Как бы там ни было, замок Раймона де Перейль в начале XIII века не так уж отличался от любого места обитания «горной» окситанской знати: он просто по своей топографической конфигурации и силуэту был ближе к цитадели Ниортов или к Уссон, чем к «замку де Фанжу». Так же, как и они, он был семейным обиталищем, где жили члены аристократических кланов и располагались катарские дома и жили их близкие из той же среды. Ничего особо священного или религиозного не отличало Монсегюр от других мест.

Песнь о крестовом походе вкладывает в уста епископа Тулузы Фулько, во время спора с графом де Фуа на Латеранском Соборе 1215 года, лишившего собственности Тренкавелей и Сен-Жиллей, следующие слова: «Господа... я говорю вам... что граф всегда любил, предпочитал и принимал еретиков / что все его графство переполнено и наводнено ими;

E.l pog de Montsegur fo per aital bastitz

Qu'el les pogues defendre, e.ls hi a cossentitz.

(«и что скала Монсегюр специально была застроена/чтобы служить им защитой, и чтоб допустить их туда...»)

Граф де Фуа просто ответил, что он не может нести никакой ответственности за все, что происходит в Монсегюре, поскольку он никогда не был его *senher poestaditz* (законным сеньором). Если эти слова действительно были произнесены в 1215 году, то они бросают интересный след на репутацию Монсегюра в достаточно раннюю эпоху. Но *Песнь* была отредактирована поэтом, принадлежавшим к «тулузской партии», незадолго до капитуляции 1229 года, в то время, когда все знали, что во время крестового похода 1209-1218 гг., а потом королевского крестового похода 1226-1228 гг., Монсегюр – как Ниорт или Уссон – служил убежищем как еретикам, так и фаидитам.

Наиболее скомпрометированные фаидиты Лаурагэ, дамы из Фанжу, совершенные и верующие, первыми нашли там приют, а иногда приходили, чтобы послушать проповеди Старшего Сына Гвиберта де Кастра и его епископа

Госельма. Но во время окситанской реконквисты все вновь вернулись в бургы в низине и когда Гвиберт де Кастр реорганизовывал Тулузскую Церковь из Фанжу, а Пьер Изарн – Каркассонскую из Кабарец, Монсегюр оставался семейным гнездом Раймона де Перейля, который тем временем женился, у него стали рождаться дети, и они росли в окружении своих совершенных бабушек, вполне естественно для того мира.

Раймон женился на богатой наследнице из семьи верующих, Корбе Унод де Ланта, мать которой, Маркезия, поселилась как совершенная в Монсегюре, вместе с другой родственницей этой пары, свекровью Форнейрой де Перейль. У них родилось четверо дочерей и сын. Во времена крестового похода несколько совершенных женщин благородного происхождения оставались там в своих домах: Гарсенда дю Ма-Сен-Пуэлль и ее дочь Гайларда, Наварра де Сервиан, дочь Бланши де Лаурак. Кроме того, несколько представителей иерархии уже с того времени начали постоянно жить в Монсегюре: Бернард де Ламот, Старший Сын Гвиберт де Кастр, Раймон Мерсье, диакон Мирпуа, Жан Камбиаир, Младший Сын, и потому туда стекались верующие рыцари, чтобы их навещать, как сеньоры дю Ма, приходившие к своей бабушке и тете, Сикард де Дюрфор из Фанжу, сын совершенной Фэй, или Пьер де Фенуийет. Теперь мы подошли к тому моменту, когда была отредактирована *Песнь о крестовом походе*...

Королевский крестовый поход и его последствия привели в Монсегюр всех родственников Раймона де Перейля, лишенных собственности: его брата Арнода Роже де Мирпуа, с женой Сесиль и тещей, совершенной Брайдой де Монсервер; его шурина Бернарда дю Конгост, сеньора де Пюиверт и Парижа в Керкорб, вдовца его сестры Арпей де Перейль, умершей, получив утешение перед крестовым походом; отца его будущего зятя, Пьера Роже де Рабат; его кузена Беренгера де Лавеланет, и всю их семью. Около 1230 года церемония *consolament* другого шурина сеньора Монсегюра, Альзю де Массабрак, супруга Адалаис де Перейль, в замке самого Перейля, собрала вокруг Жана Камбиаира, который ее проводил, весь знатный катарский клан, спустившийся из Монсегюра. Из показаний перед братом Феррье перед нами словно вырисовывается последняя групповая фотография перед поворотными событиями 1232 года, несущая память обо всех этих парах верующих, соединенных узами крови, союзами, дружбой, до конца своего пути и судьбы. Раймон и Корба де Перейль, Арнод Роже и Сесиль де Мирпуа, Изарн де Монсервер, брат Сесиль, и Пелегрин, внучка Гарсенды дю Ма. Будучи местом обитания катарской знати и катарских семейств, Монсегюр очень естественно сыграл роль убежища, в какой-то степени определившуюся его исключительным положением орлиного гнезда в горах, и потому оказался в центре политических и военных событий. Его сеньор, Раймон де Перейль, не мог противостоять тому, что произошло вскоре.

МЕККА И МЕДИНА

В 1232 году Гвиберт де Кастр, катарский епископ Тулузен, все еще жил в Фанжу, но теперь уже подпольно. Он наблюдал за тем, как усиливается опасность: суровые антиеретические положения трактата в Мо (Парижского), исполнения которых все жестче требовала от Тулузского графа Римская Церковь; политическая ситуация, вновь превратившая в фандитов большинство естественных защитников катарской Церкви. Католические власти инициировали репрессии нового типа – лучше скоординированные, безжалостные, имеющие особые механизмы и трибуналы, зависящие только от папской власти, действующие со всеми полномочиями, выносящие безапелляционные приговоры; все больше появлялось монастырей новых орденов – Братьев-проповедников и братьев-миноритов. Все вышеперечисленное было частью огромного плана контратаки на эти земли. Гвиберт де Кастр стал думать о Монсегюре.

В один прекрасный день 1232 года он попросил рыцарей из Фанжу сопровождать его самого и его товарищей, и отправился в Монсегюр со своим Старшим Сыном, Бернаром де Ламот, епископом Аженэ, Тенто, диаконом Вигоро де Ля Боконь и тридцатью совершенными, под защитой Изарна де Фанжу и Пьера де Мазеролль. Предупрежденный, Раймон де Перейль, выехал им навстречу со своим балли, рыцарем и несколькими солдатами своего эскорта: тогда рыцари из Фанжу отправились обратно в Лаурагэ, а совершенные и сеньор Монсегюра остановились на ночь в Массабрак, потому что Гвиберт де Кастр, уже в возрасте и возможно уставший, замерз и хотел согреться. На следующий день они достигли Монсегюра.

Гвиберт де Кастр попросил Раймона де Перейля предоставить ему и его товарищам постоянное пристанище в *castrum* де Перейля, «чтобы Церковь могла иметь там свою столицу и престол, и могла оттуда посылать и защищать своих проповедников». Церкви нужно было безопасное место, чтобы сосредоточить иерархию и реорганизовать деятельность. Монсегюр принадлежал линияжу, где все были глубоко верующими, Монсегюр был укрепленным местом, его легко было оборонять, и он располагался на границах графства Фуа, все еще вдали от военных тягот и репрессий. Монсегюр казался островом среди моря голубых гор, независимым и плывущим над отчаявшейся и прочесываемой низиной. Но Раймон де Перейль долго колебался. У него фактически попросили бросить вызов одновременно Церкви Римской и французской короне. На что он мог рассчитывать в 1232 году? Раймон VII Тулузский, связанный трактатом Мо-Париж, позволил сиру де Леви распространить свою власть

маршала де Мирпуа до Лавеланет – и теоретически именно он был сеньором Монсегюра по праву завоевания. Другой королевский сенешаль со своими офицерами владел Каркассоном и территориями, ранее принадлежавшими виконтам Тренкавель. Можно ли было предвидеть, как повернется политическая и военная ситуация?

Однако Раймон де Перейль принял предложение. И Монсегюр стал средоточием и престолом катарской Церкви, видимым всем, под указующим перстом Святого Варфоломея, но все же еще недоступным для армии.

Первым деянием Гвиберта де Кастра в Монсегюре было торжественное обновление его Церкви в присутствии сеньора, его бальи и рыцарей: он наново рукоположил епископа Аженэ Тенто, двух Старших Сыновей – Вигоро де Ля Баконь для Церкви Аженэ и Жана Камбиаира для Тулузской Церкви, а Бернарда Боннафу он рукоположил в диаконы. На следующий день он сказал торжественную проповедь для благородных семей замка – дам, молодых девушек, рыцарей. Когда несколько месяцев спустя бальи Раймона VII в Фанжу, Массип, часто приходивший на проповеди совершенных, приехал от имени графа Тулузского арестовать на месте Жана Камбиаира и троих его товарищей, которые были сожжены в Тулузе, Гвиберт де Кастр рукоположил Бертрана Марти как своего Старшего Сына. Поскольку никто не сопротивлялся аресту Жана Камбиаира, следует предположить, что граф вынужден был таким образом заплатить Церкви Римской часть своих долгов, и в то же время дать понять людям Монсегюра, что только он один может их защитить.

Монсегюр не был обычным местом обитания катарского общества, как любое укрепленное поселение в Лаурагэ или Разес; он также не был просто укрепленным убежищем, как Дурн, Ниорт, Уссон или Лордат: Монсегюр был престолом катарской Церкви, светской деревней, половина населения которой была монашеской, а другая половина – военными или членами аристократических семей; деревней без крестьян; деревней, в которой ремесленники были одновременно священнослужителями, проповедовавшими и почитаемыми... Это был странный, но страстный союз. Около двухсот совершенных, мужчин и женщин, жили в «домах» вместе со своей иерархией, епископом Гвибертом де Кастром, потом Бертраном Марти, Сыновьями, диаконами, которые тоже управляли домами. Все жили трудом своих рук, снабжая деревню одеждой и различными полезными вещами; совершенная у печи и совершенный на мельнице делали хлеб для всех.

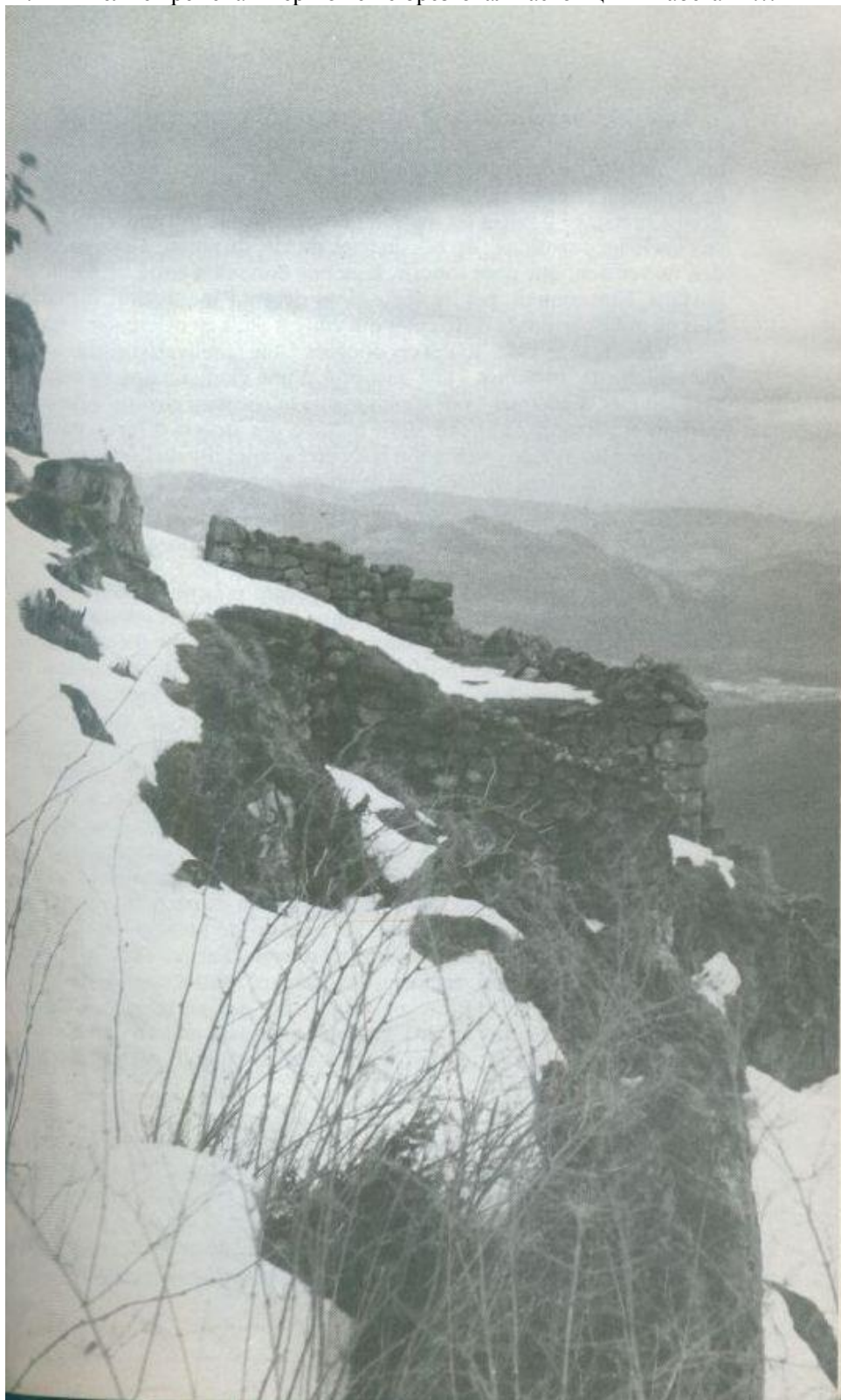
Раймон де Перейль думал о том, как бы обеспечить безопасность и защиту этого места; он призвал для этого своего кузена, Пьера Роже де Мирпуа, одного из лишенных собственности совладельцев, еще молодого человека, с большими политическими и военными способностями. Отец его умер, получив утешение, а сестра, Серена, вдова Атона Арнода де Шатоверден, стала совершенной. Он прибыл в 1232 году, и взял управление Монсегюром в свои руки; Раймон де Перейль выдал за него свою дочь Филиппу, чтобы скрепить клановый союз и разделить право владения с тем, кто стал военным вождем.

Пьер Роже де Мирпуа организовал, поддерживал в хорошем состоянии, вооружил и экипировал настоящий гарнизон солдат, приблизительно около пятидесяти, из которых кое-кто пришел сам, других наняли по случаю: но все они были хорошими еретическими верующими, а у многих мать, сестра или дядя были совершенными. Рыцарство Монсегюра, на тот же манер, состояло из членов семей сеньоров – всего около одиннадцати – и пяти или шести рыцарей-фаидитов, добрых верующих и часто сыновей совершенных, как Гийом де Лаилль, из Лаурак, или Бернар де Сен-Мартен. Семнадцать рыцарей и девять оруженосцев, вместе с лошадьми; отряд из пятидесяти солдат, вместе с несколькими арбалетчиками. Некоторые были с женами, некоторые с подругами.

Среди рыцарей семей сеньоров были: сын Раймона де Перейля Жордан, зятья Раймона – Жерод де Рабат, супруг его дочери Арпэй, и конечно же, Пьер Роже де Мирпуа; его племянники – Альзю де Массабрак, сын его сестры Азалаис, Гайлард дю Конгост, сын его сестры Арпэй, и его кузен Бертран, сестра которого, Сайса, была совершенной. Кузены со стороны Арнода Роже де Мирпуа, молодые фаидиты из Ма-Сен-Пуэлле, внуки Гарсенды – Жордан дю Ма и Жордан де Квидерс. Три пожилые совершенные избежали Инквизиции и костра и скрылись в Монсегюре, в то время, как Гарсенда и Гайларда дю Ма были пойманы и сожжены около 1235 года – бывшая владелица замка Форнейра де Перейль, мать Раймона, которая практически не покидала этого места со времени его реконструкции; Маркезия Унод де Ланта, которая, став вдовой, сделалась совершенной, и жила рядом со своей дочерью, Корбой де Перейль; Брайда де Монсервер, теща Арнода Роже. Кроме того, у них оставались еще родственники и кузены в низине, как Изарн де Фанжу, владелец Кейе, или Пьер де Мазеролль, владелец Гайя-ля-Сельв: эти взаимоотношения были основой прочных связей солидарности, без которых Монсегюр не мог бы жить.

Деревня, где обитало четыреста-пятьсот человек, поднимавшаяся ступенями по отвесной горной скале, без источников, без обрабатываемой земли, нуждалась в постоянном подвозе провизии. Соседние деревни могли снабжать ее, но в неурожайные годы, или во время опасности возникали сложные проблемы. Зима 1233-1234 гг. была очень суровой – по-видимому, замерзли всходы. Монсегюр страдал от голода: Изарн Бернард де Фанжу,

Бернард От де Ниорт и Понс де Вилленев (Ля Комталь) организовали большой сбор провизии среди верующих Каркассес и Тулузен, свезя в Монсегюр сто сорок буассо ячменя и пшеницы, а Пьер Роже де Мирпуа и его люди спускались вниз воровать коров... Другой сбор, более или менее принудительный, был организован в 1240-1241 гг. В тяжелые времена Пьер Роже не брезговал настоящими набегами...

Монсегюр, 16 марта 1988 года. Катарская деревня.

В эту странную деревню постоянно приходили паломники, - некоторые просто чтобы навестить мать или тетю, ставших совершенными, и задерживались только на несколько дней, а другие находили себе настоящее духовное пристанище, многие месяцы пребывая подле Церкви Добрых Христиан: всех их надо было разместить и кормить. Многие приносили с собой кое-какие продукты: зерно, мед, вино, перец. Некоторые, будучи больными, приходили только чтобы умереть, достичь счастливого конца на руках совершенных. Нам известны, из показаний перед

Инквизицией, имена более тысячи разных людей, совершавших паломничество в Монсегюр между 1232 и 1242 годом. Все эти данные: о семье сеньора, состоящей из сорока человек; о гарнизоне из пятидесяти солдат с женами и возлюбленными; о религиозной общине из двух сотен совершенных, мужчин и женщин; о растущем рыцарстве, которое экипировали мастерские Церкви; о неустанных проповедях и ритуальных церемониях; о бесконечных приходах и уходах близких, верных, знатных родственников, обозах больных и караванах живых – все эти данные рисуют картину бурлящей жизни на *поз* Монсегюр, которую сейчас трудно себе представить.

Сегодня там находится маленький замок, возможно, все еще «Леви», с хорошо отделанными стенами и четкими очертаниями, занимающий верхнюю платформу скалы. Но это всего лишь иллюзия. Монсегюр катаров не был маленькой крепостью, а настоящим крупным и обширным укрепленным поселением, которое строилось и развивалось понемногу вокруг основного центра - каменного дома сеньора, отстроенного Раймоном де Перейлем в начале XIII века. И даже сам этот дом был достаточно большим, чтобы там уместилась семья из сорока человек, со своей свитой, балы, слугами, хирургом, кормилицей... Этот собственно говоря «замок» дающие показания называли *castrum*, или *hospitium*, «отель», и уточняли, что он имел донжон: *caput castri*. А вокруг была деревня, с улицами и дорогами, деревня с хижинами и домами, достаточно большая, чтобы там разместилось более трехсот человек: крупный средневековый бург, однако, заселенный исключительно совершенными, солдатами с небольшими семьями и паломниками. Конюшни, курятники, амбары с продовольствием, склады оружия: копья, мечи, секиры, луки и арбалеты; ремесленные мастерские, достаточно широкие помещения для небольшого швейного и прядильного производства совершенных, а также для хранения материалов и товаров. Каждый женский и мужской «дом» совершенных был как местом обитания, так и общественного труда.

Показания также позволяют нам предположить существование оборонных приспособлений намного более сложных, чем простые стены укрепленного замка: археологи нашли остатки редутов и других сложных укреплений, а тексты говорят даже о рве и барбакане, размещая его «на уступе горы». Нет сомнения, что вся поверхность скалы, а не только маленькая платформа на вершине, была заселена и застроена. Верхняя часть катарской деревни сегодня видна на террасах вокруг современного замка. Остальное заросло лесом или находится под остатками стен. Между каменным донжоном и последним укреплением, которое, несомненно, возвышалось неподалеку от поста на Рок де ла Тур, раньше находился целый мир деревянных и глинобитных домов и пробитых в известняковой скале дорог.

В этой странной деревне даже военачальник, Пьер Роже де Мирпуа и его аристократический клан, его рыцари и оруженосцы, признавали духовный авторитет и высшую мораль – авторитет и мораль Церкви. Епископ и его коадьюторы приходили в залу донжона. Там они давали советы, примиряли спорящих, говорили о политике. Они также проповедовали для семьи сеньора и открывали собственные дома для паломников и людей, приходивших послушать, поучаствовать в церемониях, получить поцелуй мира, отведать за их столом хлеб, благословленный ими. Эта странная деревня жила в ритме Церкви Добрых Христиан. Верующие чувствовали себя на дороге Добра, границы между мирами размывались, а счастливый конец казался так ясно осязаемым, как неизбежный проблеск зари. Каждый день они видели и навещали этих мужчин и женщин, свободных от зла, которые, кроме всего прочего, приходились кому-то братом, или дядей, или сестрой, или матерью; которые говорили о Боге и работали в общине, шили камзол для солдата или вышивали вуаль для дамы.

Епископы Монсегюра, вначале Гвиберт де Кастр, а потом, с 1238-1240 гг., Бертран Марти, организовывали миссии проповедей, посылая по всей прочесываемой низине подпольных совершенных, распространяющих Слово Божье и дающих утешение; они сами, не колеблясь, подвергали себя опасности: до 1236 года включительно Гвиберт де Кастр, уже в чрезвычайно преклонном возрасте, регулярно появлялся в Лаурагэ, Кабардес и даже Монтань Нуар. Бертран Марти часто показывался в городах, тайно остававшихся верными: Лавор, Сен-Поль-Кап-де-Жу, Фанжу, Лаурак. В 1241 г. Раймон Агуйе, епископ Разес, тоже поселился в Монсегюре.

КОСТЕР

После неудачного восстания Тренкавеля и фаидитов, граф Тулузский должен был в 1241 году в Монтаржис возобновить свою клятву перед королем Франции, который небезосновательно ему не доверял. Поклявшись «разрушить замок Монсегюр», он организовал нечто вроде пародии на осаду, во время которой больше велись разговоры на тему политики и религии, чем наносились удары. В конце концов, после заключения мира в Лоррэ, знаменовавшего серьезное дипломатическое и военное поражение Раймона VII, в 1243 году французская корона сама решила «обезглавить гидру» и поручила дело разрушения Монсегюра своему каркассонскому сенешалю Гуго дез Арсес.

Сигналом к войне, проигранной Раймоном VII, фактически послужил рейд в Авиньонет рыцарей из Монсегюра. Уже получившие заочно приговоры Инквизиции, семьи верующих, жившие в замке и отомстившие Гийому Арноду и Этьену де Сен-Тьибери за смерть стольких матерей и сестер совершенных, стянули на свои головы громы и молнии короля и Церкви. Гнездо военного сопротивления, символ религиозной надежды, Монсегюр превратился в вызов, который нельзя было больше терпеть.

Сенешаль Каркассона, Гуго дез Арсес, организовал мобилизацию, добровольно или принудительную, по всему Восточному Лангедоку; епископ Альби Дюран вооружил за свой счет четыреста человек; Братья-проповедники внесли свой вклад и призвали к крестовому походу. Чтобы собрать огромную армию как минимум из пяти тысяч человек, искали рекрутов даже на землях Мирпуа, например, в деревне Камон, и кроме того, привлекли наемников-гасконцев. Армия, замкнувшая кольцо осады вокруг пог в конце месяца мая 1243 года, как и всякая армия крестоносцев, имела своего духовного предводителя в лице архиепископа Нарбоннского, Пьера Амиеля. Пока происходило рекрутирование, Пьер Роже де Мирпуа собирал в Монсегюре провизию и амуницию.

Более чем пять тысяч хорошо вооруженных, но не всегда преисполненных энтузиазма людей, растянулись в тонкую цепь, заняв небольшие ключевые посты вокруг большой горы, на вершине которой находилась маленькая деревня с четырьмя или пятью сотнями жителей, с женщинами, детьми, и особенно стариками, защищаемая гарнизоном, состоящим из чуть более семидесяти решительных воинов. Как это ни парадоксально, несмотря на вопиющее неравенство сил, такая осада могла длиться достаточно долго. Кольцо крестоносцев почти до самого конца было проницаемо для защитников, которые имели возможность получать провизию и письма, посылать эмиссаров и миссии. Рельеф горы, чрезвычайно крутой, являлась лучшим защитником этого места, остававшегося вне досягаемости любого метательного снаряда. Если бы армия крестоносцев не получила возможности сжать кольцо осады в начале зимы, а именно в декабре 1243 года, и поставить ногу на гребень горы, никакой реальный штурм не был бы возможен.

Решительное сопротивление осажденных практически до самого конца было порождено надеждой на освободительное появление графа Тулузского. Он был их сюзереном, их естественным защитником. Нет никаких сомнений в том, что искренне или нет, но граф не спешил гасить в защитниках Монсегюра эту надежду, тем более, что она соответствовала его собственным интересам. Но мог ли он еще что-нибудь сделать? Непокорные обитатели *пог* были скомпрометированы вместе с ним событиями в Авиньонет и участием в его проигранной войне. В первые недели осады сержант Эскот из Белькер послал им весточку, - зажег огонь на вершине Бидорте (гора Лафру?), чтобы сообщить, что граф придет на помощь. Изарн де Фанжу объяснил это немного позже: «Граф Тулузский хочет жениться, и придет перед Рождеством, продержитесь до того времени...» В ноябре Эскот из Белькер пришел в Монсегюр и принес то же самое послание.

Несмотря на осаду, Монсегюр оставался связанным со внешним миром: благодаря друзьям, союзникам на горе и в низине, как Изарн де Фанжу и Раймон де Ниорт, благодаря подпольным сетям Церкви. Дважды Бертрану Марти приносили письма от катаров из Кремоны, окситанской Церкви в изгнании в Ломбардии, которые спрашивали его о сложившейся ситуации. Даже когда крестоносцы укрепились на горе и клещи сжались, люди все равно проскальзывали, новости доходили, а мужество не покидало защитников.

В течение шести месяцев не происходило никаких решающих событий. Несколько раненных – оруженосец, двое или трое сержантов – получили утешение у совершенных перед смертью. Но однажды ночью, в начале зимы, крестоносцы взяли инициативу в свои руки и, как рассказывает хронист Гийом де Пьюлоран:

«После того, как долгое время ничего не происходило, они решили послать легко вооруженных слуг в сопровождении людей, хорошо знавших местность; те вскарабкались ночью на скалы над ужасными пропастями, а потом, с помощью Божьей, проникли на фортифицированный пост, расположенный на уступе горы; убрали часовых, захватили это место и предали мечу всех, кого там нашли. Когда настал день, они обнаружили, что находятся практически на том же уровне, что и большинство осажденных, и решили храбро их атаковать: но тогда они с ужасом осознали, по какой дороге они взобрались сюда ночью, и убедились в том, что никогда бы не осмелились этого сделать при свете дня...»

Взятие вооруженного поста, который охранял уступ горы – скорее всего, современную Рок де ла Тур, - прорвало оборону и позволило армии осаждающих взобраться на хребет и продвигаться к самому *castrum*. Вскоре у его стен были установлены машины для метания каменных ядер, «кошки» и «собаки», забрасывающие осажденных каменными ядрами. У осажденных было всего лишь несколько небольших механизмов, чтобы отвечать на удары; но через несколько недель, сразу же после Рождества, в Монсегюр прибыл Бертран де ля Вакалери из Капденак, инженер, *machinator*, о котором ходили слухи, что его послал граф Тулузский, и он «построил машины против

машин короля и епископа Альби». Это была настоящая артиллерийская дуэль, но условия жизни осажденных становились все более опасными, а линия осады, хоть медленно, но сжималась.

За несколько дней до Рождества было эвакуировано сокровище Монсегюра. Иерархия во главе с двумя епископами решила отправить в надежное место, пока еще оставалось время, финансовые резервы Церкви, хранимые на протяжении десяти лет в укрепленной деревне и умножавшиеся благодаря дарам верующих и торгово-ремесленной деятельности совершенных. Оно, как правило, использовалось для покупки провизии и оплаты подпольных проводников. Эта эвакуация является признаком того, что грозящая опасность стала очень близка. Двое совершенных были ответственны за эвакуацию, и они воспользовались тем, что у них были сообщники в рядах осаждавших: «Когда еретик Мэтью и Пьер Бонет, диакон еретиков Тулузы, вышли из замка Монсегюр, унося с собой золото и серебро, и монеты в бесчисленном количестве, они прошли через место, охраняемое людьми из Камон, и те указали им дорогу, по которой они могут спокойно пройти; означенные еретики отправились тогда в один из гротов в Сабартес, который принадлежал Понсу Арноду де Шатоверден. Все это произошло под Рождество...»

Сержант Имберт де Салль, который дает эти показания перед инквизиторами несколькими месяцами спустя, и остальные осажденные, фактически должны были знать, что эта миссия успешно завершилась, потому что совершенный Мэтью вернулся в Монсегюр в феврале 1244 года. Мы не знаем, о каком именно укрепленном гроте в Сабартес, послужившем временным укрытием для сокровища, идет речь: этих гротов очень много, и их часто укрепляли кастеляны графа де Фуа для организации обороны высокогорной долины Арьежа. Понс Арнод де Шатоверден был племянником Пьера Роже де Мирпуа, сыном его сестры, совершенной Серены.

После Рождества ситуация осажденных становится невыносимой. Посланцы еще могли проходить через линию осады, как это было с Жаном Рей, из Сен-Поль-Кап-де-Жу, который принес второе письмо от катаров из Кремоны. Все более и более многочисленных раненных приносили в дома совершенных, чтобы их лечить или дать им утешение, если они были в агонии. Рыцарь Жордан дю Ма, внук Гарсенды, был смертельно ранен. Альзю де Массабрак, племянник Раймона де Перейля, описывает инквизиторам его счастливый конец в таких словах:

«Когда Жордан дю Ма был ранен в Монсегюре, так, что он от этой раны умер, у барбакана напротив машины, туда пришли Раймонд де Сен-Мартен и Пьер Сервен, еретики, которые дали утешение умирающему, хотя он уже не мог говорить, и возложили ему руки и книгу на голову, и читали тексты, совершали перед ним коленапоклонения, молились и передали ему поцелуй мира дважды в лицо, а в этом *consolament* участвовали, кроме свидетеля, еще Пьер Видаль, Бернард де Сен-Мартен, Гийом Раймон Голайран, Б. Роаинь и Гийом де Лаилль, и все они поклонились означенным еретикам. Все это произошло в канун Рождества...»

Жордан дю Ма мог получить *consolament*, хотя он уже не мог произносить ритуальных молитв с совершенными, потому что он заключил с ними, как и большинство защитников Монсегюра, *convenenza*, пакт, который обеспечивал счастливый конец даже в случае внезапной смерти вдали от рук Добрых Людей. Кольцо осады смыкалось все плотнее, и в Монсегюре должна была начаться нехватка продовольствия, еще и в условиях суровой горной зимы и под постоянным обстрелом военных машин. Вернулся совершенный Мэтью. Он был последним, кто еще мог прорваться. Он принес от Изарна де Фанжу два арбалета, деньги, чтобы поддержать осажденных, и послания: «От Изарна де Фанжу Пьеру Роже де Мирпуа и всем в замке Монсегюр: продержитесь до Пасхи, ибо граф Тулузский придет вас выволить с большим подкреплением от императора". "Это было во время Великого Поста...»

Итак, еще в феврале 1244 года была эта последняя безумная надежда: на помощь императора Фридриха II, о чем сообщает Имберт де Салль. Утопия? Посмотрим. В феврале 1244 года Раймон VII Тулузский был в Италии, где действительно встречался с Фридрихом, своим сюзереном за маркизат Прованс. Но просил ли он у него когда-либо помощи для Монсегюра? Если быть более прозаичными и заходить не так далеко, то вот еще один факт: Бернард д'Айю и Арнод д'Уссон, с высокогорного плато Саулт, заплатили каталонскому наемнику Корбайро, чтобы он пробился в Монсегюр с двадцатью пятью людьми – но он не смог пройти. Бомбардировка ядрами становилась все более интенсивной. Внутри стен все собирались поближе друг к другу из-за непрестанных атак. Умирающие получали утешение у совершенных, и совершенные заменили дозорные посты. Дамы приходили к Бертрану Марти заключать с ним *convenenza*, или дежурили у ложа Гийома де Лаилль, тоже тяжело раненого. Провизия практически заканчивалась. Епископ раздал гарнизону всё, что у него оставалось. Тогда Бертран де ля Вакалери обратился к солдатам на укреплениях: это было около первого марта: «Однажды, на стенах, этот Бертран де ля Вакалери воскликнул, обращаясь ко всем: —слушайте, люди, я больше не буду скрывать этого от вас – это Сикард Аламан и Бертран Роке, бальи графа Тулузского, по его приказу послали меня в Монсегюр, чтобы вам помочь: если мы сможем сопротивляться армии и продержаться еще семь дней, мы будем свободны!... Это было в середине Великого Поста...»

Продержаться еще семь дней... Люди Монсегюра никогда не теряли надежды. Даже если мифическое освобождение и помощь графа Тулузского была для Пьера Роже де Мирпуа и его друзей средством оживления сопротивления осаждаемых и поддержки их боевого духа, то сам он должен был тоже в это верить, потому что, когда через два или три дня после речи Бертрана де ля Вакалери, о которой рассказывает Имберт де Салль, он затеял переговоры и переговоры с сенешалем дез Арсес, чтобы избежать худшего для Монсегюра – то есть, взятия штурмом и всеобщей резни. Прежде всего он попросил пятнадцатидневного перемирия, передышки, во время которой могло случиться всё, что угодно, например, появление подкрепления от графа или императора, в котором они так нуждались.

Но не следовало ожидать слишком многого от этих переговоров. И так уже, чудом, со стен были сняты осадные лестницы. Монсегюр не мог больше держаться «семь дней». То, чего достиг Пьер Роже – это сохранение жизни мирянам, отмена заочных приговоров большинству из тех, кто пал их жертвой, и амнистия за рейд в Авиньонет. Пятнадцатидневная передышка должна была быть обеспечена передачей заложников: Арнода Роже де Мирпуа, Жордана де Перейль и, возможно, обеих замужних дочерей Раймона де Перейля – Альпей де Рабат и Филиппы де Мирпуа с их кузиной Фэй де Плаинь. Разумеется, что во время передышки, они должны были отвечать на вопросы инквизиторов. Также, разумеется, что судьба убежденных еретиков, совершенных мужчин и женщин, вообще не могла быть предметом переговоров.

Между 2 и 16 марта 1244 года у Монсегюра было две недели, чтобы собраться с мыслями, привести все в порядок, подготовиться в наступившем молчании. Совершенные, которые должны были умереть, раздали все свои пожитки и личные деньги мирянам, которые их так долго защищали, всё, что оставалось у них из продовольствия: зерно, перец, соль, масло. Бертран Марти подарил Пьеру Роже де Мирпуа пятьдесят камзолов, скроенных и сшитых руками совершенных, а также их инструменты, а Церковь передала ему сундук, полный монет. Зарплата для гарнизона? Или, скорее, возврат банковских депозитов, отданных Церкви верующими на хранение. Собственное сокровище Церкви было эвакуировано Матью и Бонетом еще до Рождества. Бертран Марти передал, со всей скупуплезной честностью совершенных, все депозиты военному правителю Монсегюра, обязывая его передать их владельцам. У Монсегюра было две недели, чтобы подготовиться к разлуке. Кастеляны и солдаты приходили навещать всех этих матерей, сестер, дядьев, друзей совершенных, которые должны были быть окончательно освобождены от зла огнем, или проще говоря, должны были умереть. Они подолгу оставались с ними в их маленьких домиках: они молча собирались в этой деревне, которая должна была быть опустошена.

В воскресенье 13 марта 1244 года около двадцати верующих, мужчин и женщин, попросили о *consolament*, чтобы следовать за совершенными до последних врат, чтобы быть вместе с ними. Акт отчаяния мужчин и женщин, которым нечего было терять, которые не хотели пережить своих близких? Но Гильельма Айкарт оставила мужа и троих детей, Корба де Перейль – всю свою семью. Акт веры мужчин и женщин, устремленных ввысь после долгого и тесного контакта с Добрыми Христианами и питавшихся каждый день духовным хлебом Слова Христова, напоминавшего о том, что «Царствие не от мира сего»? Но даже воители избрали дорогу костра: вместе с раненым Гийомом де Лаилль трое других рыцарей-фаидитов, – Брезильяк де Каильявель, Гийом де Марсейль и Бернард де Сен-Мартен, как и солдаты – Гийом Гарнье, посвятивший свою жизнь защите совершенных, Арнод Тёли из Лиму; а также скромные супружеские пары – Понс Нарбона и его жена Арсендис, Арнод Думержу и его жена Бруна. И вместе с Корбой де Перейль этот путь избрала и ее младшая незамужняя дочь, Эсклармонда. Обе они присоединились к престарелой Маркезии Унод де Ланта, их матери и бабушке: сеньоральная семья Монсегюра отдала костру три поколения.

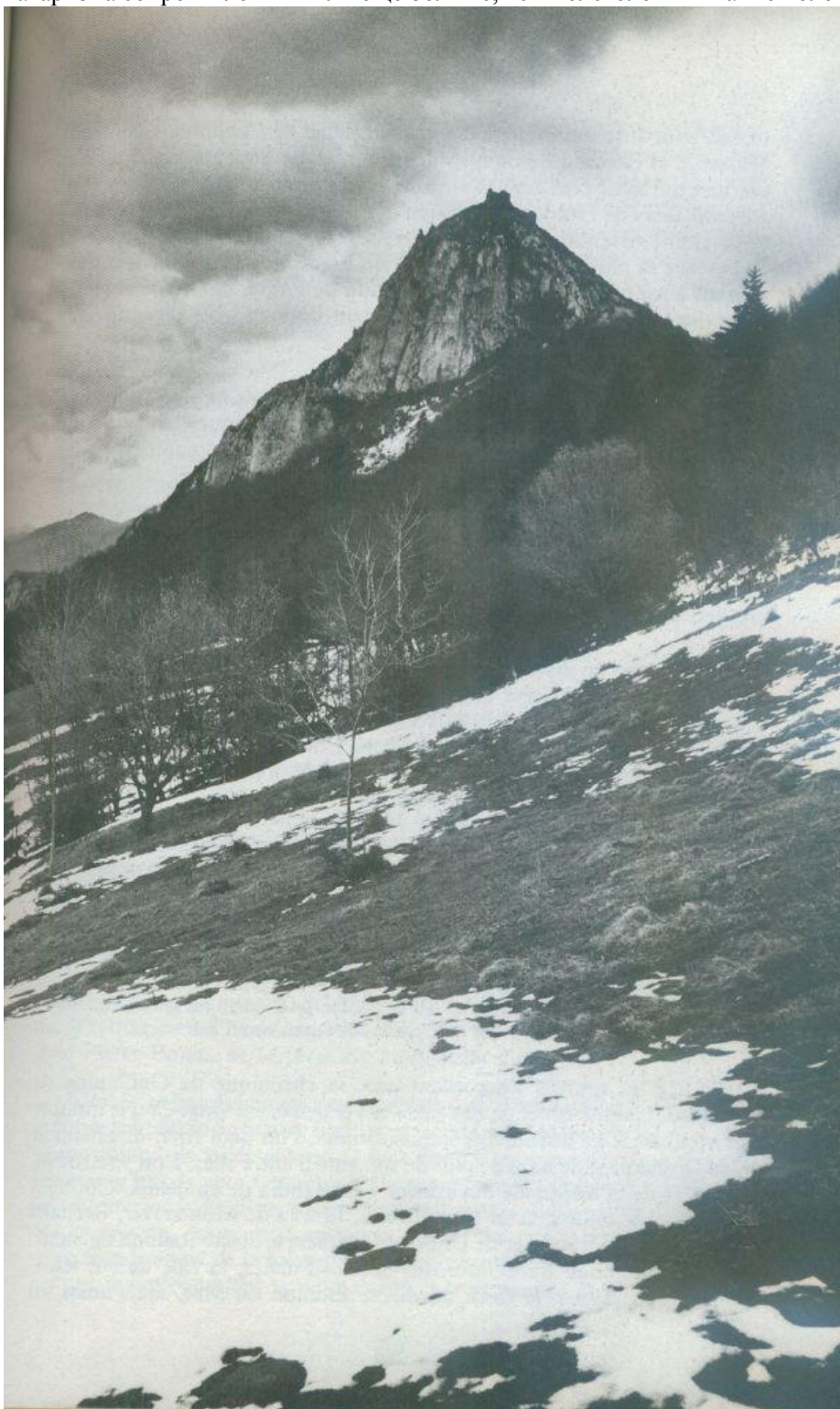
Епископы, Бертран Марти и Раймон Агуйе, совершили последние посвящения и, конечно же, сказали последнюю проповедь. Новые совершенные, мужчины и женщины, в тот вечер ушли в дома Церкви. Разделение началось.

Нет другой тайны у Монсегюра, чем этот акт веры и сердечный порыв последнего дня. Этот жест человека, который выбирает, сметает все фальшивые мистерии, все еще пятнающие простую и суровую историю Монсегюра – место жизни, превратившегося в место смерти.

В среду утром 16 марта, сенешаль короля Франции и архиепископ Нарбонны пришли принять замок, который отныне принадлежал им. Они ожидали, когда вооруженный отряд покинет укрепления. Совершенные, мужчины и женщины, были собраны у стен. Их схватили всех без разбора, связали кожаными ремнями и, едва выведя из Монсегюра, бросили в костер. «Осажденные, не имея передышки ни днем, ни ночью, не могли больше, эти неверные, противостоять атакам солдат Веры, и предпочли спасти свою жизнь, сдав осаждавшим замок и облеченных еретиков, которых нашли там в количестве около двух сотен, как мужчин, так и женщин. И среди них был Бертран Марти, который был их епископом. Когда они отказались обратиться, как им предлагали, они были

сожжены за частоколом из стволов и кольев, куда бросили огонь, и они прошли прямо в огонь адский. Замок же был возвращен маршалу де Мирпуа, которому он раньше принадлежал...»

Все источники сходятся с хроникой Гийома де Пьюлоран, оценивая количество жертв между двумястами и двумястами двадцатью пятью. Из инквизиторских документов можно, прямо или косвенно, узнать имена шестидесяти из них. И там мы встречаем вместе с иерархией, Индию де Фанжу, Гийома де Лаилль из Лаурак и его сестру Бруну, Брайду де Монсервер, Бернарда де Сен-Мартен, рыцаря из Лаурак и его брата, диакона Раймона де Сен-Мартен, Раймонду Барб, из Ма-Сен-Пуэлла, дочь де На Рика, жену брадобрея, сестру диакона Раймона из Ма, но также Пьера Робера, бывшего торговца из Мирпуа, Мартена Роланда, брата сержанта Бернара из Жоку, еще одного Раймона, из хутора Турнебуа, Гийома Дежана, сына брадобрея из Тарабель, и Гийома дель Пеш, сержанта, родом из Фанжу. Все поколение Лаурак и Фанжу погибло в Монсегюре. После них только представители катаризма сопротивления жили еще больше, чем полстолетия в тайне полей и скромных очагов.

Монсегюр, 16 марта 1988 года.

МЕСТО СЛАВЫ

Еще до костра, инквизиторы Феррье и Пьер Дюран, жившие в шатрах крестоносцев, начали допрашивать заложников. Главное расследование среди выживших, от которых сохранилось девятнадцать показаний, началось на следующий день, и продолжалось до мая 1244 года. Допросили всю семью Перейлей. Мы не знаем, как обстояло дело с Пьером Роже де Мирпуа. Он удалился в замок Монгальярд, возле Фуа, и о нем говорили еще около 1260 года, как о «фаидите и лишенном наследства». Мы также не знаем, что случилось с Раймоном де Перейль, его дочерьми и зятьями. Сам же граф Тулузский, на которого возлагали столько надежд, вернулся из Италии только осенью 1244 года.

Многие показания, как Беренгера из Лавеланет, Арнода Роже де Мирпуа, или сержанта Гийома из Буан, содержат сведения о том, что четверо, или, возможно, пятеро совершенных из Монсегюра избежали костра, чтобы выполнить важную миссию: заняться сокровищами Церкви, эвакуированными до Рождества и спрятанными недалеко в одном из укрепленных гротов в Сабартес. Согласно свидетельствам, в ночь, предшествовавшую костру Монсегюра – или на следующую ночь, если верить Арноду Роже, двое, трое или четверо совершенных - Амиель Айкарт, Уго и Пейтави - спрятались «под землей», а затем «спустились на веревке со скал под замком Пьера Роже»... Это было сделано, уточняет Арнод Роже, «чтобы Церковь еретиков могла воспользоваться своими сокровищами, спрятанными в лесу, и только эти двое знали, где». Беренгер из Лавеланет добавляет, что они достигли деревни Кассу, а потом «пошли в Праде, и в замок Уссон, где встретились с еретиком Матью». Этот самый Матью отвечал, вместе с Пьером Бонетом, за первую эвакуацию сокровища.

Тот же самый Беренгер в том же показании отмечает, что беглецов было четверо, и что Матью уже был в Уссоне, когда они с ним встретились. Таким образом, можно допустить, что Матью смог еще раз проникнуть через кольцо осады и покинуть Монсегюр в последние дни осады, поскольку он вернулся во время Великого Поста. Все эти приходы и уходы, весь этот ажиотаж по поводу сокровищ Церкви, хорошо демонстрируют заботу иерархии о судьбах катарских общин, которые должны были продолжать дело проповеди и спасительного таинства после физического исчезновения почти всей окситанской Церкви в Монсегюре. Добрые люди считали, что апостольское наследие возложило на них миссию передачи Слова и крещения Христова до конца времен. Церковь не могла исчезнуть. Иерархия Монсегюра, зная о своей судьбе, тем не менее, считала себя ответственной за историческое выживание Церкви: сокровища были средством выживания, особенно в эти опасные времена. Очень возможно, что беглецы из Монсегюра должны были отвезти сокровища в Ломбардию, где находилась практически вся окситанская Церковь в изгнании. Катары из Кремоны, конечно же, получили ответ на свои письма от Бертрана Марти.

Инквизиторские документы дают нам возможность проследить путь совершенного Пейтави в Ломбардии после 1250 года. Даже еще в 1252 году мы встречаем, в обществе диаконов Раймона из Ма и Раймона Мерсье в их изгнании в Павии, совершенного по имени Пьер Сабатье, которого показания выживших в Монсегюре определяют как присутствующего на пог во время перемирия в марте 1244 года. Мишель Рокберт выдвинул очень правдоподобную гипотезу, что этот Пьер Сабатье и есть тот самый четвертый анонимный совершенный беглец из показаний Беренгера из Лавеланет. Нет никаких сомнений, что сокровища Церкви Монсегюра достигли своего места предназначения в Ломбардии, и были использованы для выживания и укрепления Церкви в изгнании, сыгравшей свою роль, посылая в Окситанию столько подпольных совершенных до начала XIV века.

Если Церковь не обладала больше безопасным местом после падения Монсегюра на территориях, оккупированных или подчиненных сенешалю Каркассона, маршалу Мирпуа, примкнувшему к Риму графу де Фуа или бессильному графу Тулузскому, она еще могла рассчитывать на относительную эффективность проповедников, тайно рассеянных по сельской местности, которые периодически сменялись уходя и приходя из Италии. Эта подпольная Церковь была настолько укоренена, что потребовалось еще шестьдесят лет Инквизиции, чтобы уничтожить ее. Этот последний катаризм становился все более и более «горным», все более пиренейским. Потому настал черед графства Фуа привлечь внимание инквизиторов.

После костра в Монсегюре новый епископ Тулузский, Арнод Роже, укрылся в укрепленных местах Шатоверден и Мирмонт, где знатные семьи все еще были сильны, все еще были верующими. Стефани де Шатоверден, золовка Пьера Роже де Мирпуа и сестра Атона-Арнода, который получил утешение в Монградай в присутствии их кузины На Каваерс из Фанжу в начале XIII века, тоже вскоре сделалась совершенной, как и ее свояченица Серена де Мирпуа.

Тем временем, Ги II, маршал де Леви, принес оммаж королю Франции за свой лен Монсегюр, перешедший в его владения после июля 1245 года. Деревня на пог, скорее всего, была разрушена после сдачи, как это в принципе происходило со всеми местами, где обитали еретики. Леви интересовал только «замок Пьера Роже», укрепленная сеньоральная башня на вершине, которую он полностью перестроил, чтобы возвести закрытую крепость, где до конца XV века содержался небольшой гарнизон. В 1510 году замок Монсегюр еще описывался как «способный к защите». Впоследствии он больше не упоминается ни в каких текстах до XIX века: в 1862 году развалины были классифицированы как памятник истории. Это случилось незадолго до того, как Наполеон Пейра опубликовал свою *Историю альбигойцев* (1872 г.), внезапно открыв ворота монсегюрской мифологии. Будучи едва открытым вновь, Монсегюр словно провалился в фантастическое четвертое измерение. Но каким образом место славы, привлекавшее все взгляды под вершиной Святого Варфоломея и на протяжении черных лет символизировавшее молчаливую надежду, могло избежать головокружения, которым современная эпоха награждает всё, похожее на поэтический ответ на страх перед пустотой?

Труды Наполеона Пейра затмили работы Карла Шмидта, который с середины XIX века стал изучать фонды Доат в Национальной Библиотеке, содержащие копии показаний выживших в Монсегюре перед братом Феррье. После столетия бредовых идей, более или менее эстетических, более или менее безосновательных, Фернан Ниэль, а затем Мишель Рокберт, наново прочитали отрывки воспоминаний, вырванные Инквизицией у Раймона де Перейля, его семьи, его товарищей: Монсегюр стал рассказывать свою собственную историю. Потому нужно дать ему слово, замолчать и только смотреть на голубизну гор.

ХІХ ЦЕРКОВЬ В ПОДПОЛЬЕ

Раймон VII Тулузский старел, опутанный своими отношениями с папой, императором, королем Франции, проблемами с браком и отлучениями, маниакальным желанием добиться реабилитации своего отца Раймона VI, умершего без церковного таинства и оставленного без христианского погребения. Конец его жизни, если верить Гийому де Пьюлоран, был отмечен прокатолическим рвением, заставившим его устроить последний массовый костер для восьмидесяти катарских верующих на берегу Гаронны возле Ажена в 1249 году. В тот же год он умер. Ему наследовала единственная дочь Жанна и его зять Альфонс де Пуатье, брат Людовика Святого: на случай, если граф и графиня Тулузские не будут иметь детей, Парижский трактат имел четкие и недвусмысленные положения, которые вполне можно было предвидеть. После почти одновременной кончины графа и графини в 1271 году, графство Тулузское и всё, что осталось от зависимых от него земель, было присоединено к королевскому домену. Эта передача тулузских территорий была скреплена инвентарным описательным актом, где перечислялись все местности и сеньории – актом, чрезвычайно ценным для историка – *Saisimentum Comitatus Tholosani*. Экономически страна становилась процветающей, а население росло. Крестовые походы и войны не привели к опустошению и обескровливанию, как это часто воображают: экономический подъем, начавшийся в XII веке, не был прерван, и продолжался до середины XIV века, до самой Великой Чумы.

В 1271 году край был еще вполне жизнеспособным, но Церковь Добрых Христиан была очень ослаблена.

БЕГЛЕЦЫ

Тулузская Церковь находилась в изгнании: с 1250-х годов, епископ Вивент, преемник Арнода Роже, жил в Ломбардии со своим Старшим Сыном, Гийомом дель Пеш и диаконом Тулузы, Раймоном Мерсье; известно, что они были в Пьяченце и Кремоне. Последний известный нам епископ Тулузен, Бернард Олью, живет в Сирмионе, а потом в Генуе до 1278 года, а его Старший Сын, Филипп Катала, исполнял свои обязанности в Павии. Некоторые диаконы, однако, даже после Монсегюра, решили скрываться в подполье в Лаурагэ, во Вьельморес, в Тулузен: Раймон дю Ма, сын На Рика из Ма-Сен-Пуэльль и брат Раймонды Барб, сожженной в Монсегюре; Пьер Доат, Арнод Ук, Раймон Донат, тоже из Ма-Сен-Пуэльль, и Арнод Прадье, проповедовавший у Видаля перед 1244 годом. Некоторые из этих бродячих диаконов отреклись и стали пособниками Инквизиции, к великой опасности для верующих, с которыми они встречались: например, Арнод Ук, Арнод Прадье. То же произошло и в Альбижуа, где Старший Сын епископа Аймери дю Коллет, Сикард де Люнель, обратился перед 1250 годом: его епископ бежал в Ломбардию, но сам он выдал огромное количество верующих, причем из лучших семей Альбижуа – сеньоров Рабастен, Пеннес и Пюйсельси, а также рыцарей де Ломбер, предки которых известны еще с середины XII века. Церковь Каркассес была не в лучшем положении, потому что ее епископ, Пьер Пулэн, как говорили в 1256 г. в Каванаке, бежал вместе с сокровищем «и всеми деньгами», которые он, кстати, нашел в лесу, в двух кувшинах, к великому несчастью местных совершенных и верующих. Его *socius*, Бернард Асье, подпольно проповедовавший между Леук и Риу-эн-Валь, отрекся в 1258 году, как и бывший диакон Кабардес, Бернард Госберт. Церковь Разес

исчезла вместе с Раймоном Агуйе, сожженным в Монсегюре, как и Церковь Аженэ, о которой больше практически не говорили после костра 1249 года.

Бегство иерархии, или того, что от нее осталось, усталость и потеря мужества у оставшихся подпольных совершенных, привели к тому, что во второй половине XIII века для Церкви окситанских катаров настали черные дни. Верующие жили в страхе доносов; травимые рыцари-фаидиты прятались в лесах, как бандиты – так к Пьеру де Мазеролль приходили его жена Эрменгарда и его балы Гийом Фор и приносили продовольствие в его укрытие возле Плаинь. В конце концов, его поймали в 1246 году, признали в нем верующего в еретиков и участника экспедиции в Авиньонет. Он окончил свои дни в тюрьме, а его имущество было, разумеется, конфисковано. Иногда совершенные и фаидиты прятались вместе, маленькими нищими группками, как та, которую рыцарь Амблярд Вассаль из Роке-д'Арифат, в Альбжуа, увидел у своих дверей однажды вечером в 1257 или 1258 гг.:

«Item, приблизительно через восемь дней после того, совершенный Раймон Готье пришел ко мне с девятью или десятью людьми, среди которых были Раймон де Монтрадон, Эрменгод де Рокемор и Роке, трое братьев родом из Берлян, а также Пьер Агийон, из Лагриффуль, фаидиты и беглецы из-за ереси, вооруженные арбалетами, луками, мечами и кинжалами. Они приготовили себе поесть в моем доме, но ели вне дома. Ни я, и никто иной не поклонялся совершенным, которые были среди них. Когда они поели, то ушли, как совершенные, так и фаидиты. Была ночь, когда они пришли, и когда ушли. Я не знаю, куда они направлялись...»

Судьба Амбларда Вассалья, о которой он подробно рассказывает инквизиторам Ренуссу де Плассак, Понсу де Пужет и Понсу де Парнак в 1274 году, соткана из голода и страха. Арестованный впервые Инквизицией после болезни, во время которой он, скорее всего, получил *consolament* для умирающих из рук совершенных, которых он сам и его жена Айселина хорошо знали, он был отпущен при условии и под обещание выдать и помочь поймать беглецов. Но он присоединился к ним, предпочтя тоже стать фаидитом. Он бежал через все Альбжуа вместе со своими бывшими соседями, братьями Пьером и Сикардом Румежу, от одного ненадежного убежища в подпольной сети к другому, от одного дома друзей совершенных, к другому. Часто в таких домах только жена знала, что происходит, а муж не знал, или предпочитал не знать.

«Item, я слышал от Бернарда де Розет, что Раймонда Прадье, жительница Сулье, возле Пюиларок, была верующей в совершенных, и она меня сама кормила, когда я приходил к ней. Я слышал то же самое о Раймонде де Лакомб, жительнице Бастиды-де-Сепфондс, к которой затем Пьер Бес и я приходили дважды в дом, а она давала нам выпить. Эта Раймонда посылала нам также, Пьеру Бес и мне, вино в другой дом в этой бастиде...»

Маленькая группа фаидитов дошла даже до Виллефранш-де-Руэрж, где жила и кормилась в доме Дайды де Брас: «...и я думаю, что Петронилла, жена означенного Дайды, знала, что мы были фаидитами, и продолжали ими быть, но я думаю, что ее муж не знал этого. Этот Дайда был купцом, и почти каждый день его не было в доме, но означенная Петронилла постоянно там находилась, и каждый раз старалась нам услужить. Она дала нам четыре шапки...»

Амблярд Вассаль вел эту жизнь беглеца больше восьми лет, пока вновь не был арестован Инквизицией, и возможно, умер в тюрьме. Его жена Айселина тоже должна была бежать. Рыцарь-фаидит долго ее искал... «Когда я искал мою жену, которая бежала, Бернард де Розет сказал мне пойти в Монпезат, возле Монтальзат, к Дюрану Дюфору или его жене Раймонде, потому что они знают, и скажут мне, где моя жена. Я пошел туда и встретил означенную Раймонду, и она отвела меня в деревню Мондумерк, где была моя жена и ее дочери. И они были там, нищенствовали и просили хлеба...»

Кроме этих отрядов фаидитов, прятавшихся по лесам и полям, разыскиваемых Инквизицией за ересь или защиту еретиков, впавших в крайнюю нужду, поскольку их дома и имущество были конфискованы, были и многочисленные женщины, от которых зависело выживание самих подпольных сетей, и которые умудрились собрать кое-какие деньги, чтобы передать их в Ломбардию. Совершенных становилось все меньше и меньше. Верующие защищали их, крестьяне, арендаторы домов, кормили своих бывших сеньоров-фаидитов, снабжали их продовольствием и всем необходимым. Возле Сорез, в Рокфор-де-ля-Монтань-Нуар, бывшем фьефе катарской семьи, а затем католического епископа Каркассона во время крестового похода, агент аббата однажды поймал двух совершенных женщин, которые прятались там, Раймонду Отье из Виллепонт и ее подругу...

«Женщины из Рокфор объединились и, напав на этого агента с камнями и палками, вырвали совершенных из его рук и позволили им свободно бежать... (Спрошенные), правда ли, что они отбили этих совершенных у агента, они ответили, что агент арестовал вовсе не совершенных, а двух уважаемых замужних женщин из замка, и как последний дурак, обвинял их в том, что они совершенные... И агент, не имея доказательств, оказался в глупом положении...»

Узы солидарности, спаянные к тому же общими бунтами против новых властей и их репрессивных методов - конфискации и тюремных заключений - не просто обеспечивали выживание подпольщиков, но и их переходы в безопасные места, в убежища Ломбардии, где Церковь еще не особо беспокоили. Аресты совершенных, обеты которых запрещали лгать, были очень опасны для наиболее заангажированных верующих. Судьба трех дам из Шатоверден во второй половине XIII века является драматическим примером того, насколько трудным был выбор, предоставленный подпольным христианам. Эти три свояченицы были совершенными, происходя из одного из последних благородных линияжей, скомпрометированных катаризмом, но еще защищаемых горами графства Фуа. Серена, сестра Пьера Роже де Мирпуа, была вдовой Атона Арнода, а Агнес де Дюрбан – Пьера де Шатоверден. Обе они решили вместе бежать в Ломбардию. Арестованные во время пребывания в Тулузе, они были сожжены. История, возможно, чуть приукрашенная, об их аресте и мужестве, кружила среди верующих высокогорного графства Фуа еще в начале XIV века: они были узнаны и выданы хозяйкой корчмы, где остановились, поскольку предпочли выдать себя, чем нарушить обеты и зарезать курицу. Третья свояченица, Стефани де Шатоверден, сестра бывших мужей Агнес и Серены, принимавшая в своем замке совершенных после падения Монсегюра, тоже решила стать совершенной: она получила *consolament* в Рабат, в 1245 году из рук диакона Лаурак, Арнода Прадье. В 1255 году ее подробные показания перед Инквизицией Тулузы дают нам понять, что Арнод Прадье и она сама отреклись и вынуждены были пожениться: эти сведения содержатся в специальном реестре, где собраны показания обращенных совершенных. Между костром Серены и Агнес и отречением Стефани, существовала еще трудная и опасная дорога изгнания.

ИЗГНАННИКИ

1250-е годы были временем потери мужества, отречений и массового бегства. В течение нескольких лет Инквизиция сменила тип управления: между 1249 и 1253 годами она находилась в обычном распоряжении епископов, которые буквально вымогали из подозреваемых огромные суммы в качестве условия их временного освобождения или залог явки в суд. Находящиеся под угрозой верующие предпочитали использовать последнюю возможность, чтобы нанять проводника и добраться до Ломбардии, где часто селилась иерархия Тулузской Церкви. Соседи и родственники вместе селились в городах изгнания: Генуе, Кунео, Кремоне, Пьяченце, Павии...

Упоминания о путешествии в Ломбардию встречаются практически во всех показаниях перед Инквизицией конца XIII века: это стало массовым явлением, а путешествия были коллективными, сопровождаемыми переброской средств. Бедняки, прятавшиеся возле разбросанных то тут, то там домов семей добрых верующих, мечтали найти средства, чтобы совершить «переход»; купцы продавали свое имущество и уезжали вместе с детьми и семьями, рыцари-фаидиты, не колеблясь, брались за ремесла, чтобы обеспечить себе возможность вести новую жизнь в Италии: нет сомнений, что в то время огромные экономические и человеческие ресурсы покинули тогда Окситанию, и внесли огромный вклад во взлет и экспансию экономики Италии, которая расцвела и укрепилась в XIV веке.

Показания перед Инквизицией бывшего купца из Авиньонет, Пьера де Бовилль, остававшегося в Ломбардии около тридцати лет, поскольку он искал укрытия после убийства инквизиторов в 1242 году, дают прекрасное описание подробностей изгнания. Переселяясь из города в город, и живя в каждом городе не больше нескольких лет, за исключением Павии, где он жил четырнадцать лет, окситанский купец встречает старых знакомых, верующих и совершенных из Фанжу, Тулузы, Кассес, Ланта, а также всю иерархию Тулузской Церкви. Бежав в изгнание с семьей, со своей женой Гильельмой и сыном Арнодом де Майоржес, он продолжал в Ломбардии свое купеческое ремесло:

«Я принял от совершенного Этьена Доната, моего кузена, сто имперских ливров для ведения коммерции, и хранил их некоторое время, а ему отдавал половину доходов. В конце концов, я передал эти деньги, и еще другие, в целом сто пятьдесят ливров, своему сыну Арноду: но он все эти деньги промотал...»

В Кремоне Пьер де Бовилль часто встречал в обществе Вивента, катарского епископа Тулузен, совершенного Атона Арнода де Шатоверден, сына Серены де Мирпуа, сожженной в Тулузе вместе со своей свояченицей Агнес. Если через тридцать лет он решил вернуться на родину, то это потому, что после облавы в Сирмионе и массового костра на аренах Вероны в 1278 году, итальянская Инквизиция стала очень интересоваться окситанскими верующими. Он также рассчитывал на посредничество своего второго сына Понса, католического монаха, в том, что тот поможет ему избежать тулузской Инквизиции, но, как и большинство изгнанников, был арестован сразу же по возвращении. Он встречал в Ломбардии многих фаидитов, и среди прочего рассказывает инквизиторам об интересном случае:

«Проживая в Кунео, я видел Бертрана де Кидерс из Авиньонет, бежавшего в связи с убийством инквизиторов, совершенном в Авиньонет. Я слышал, как он хвалился тем, что Монсеньор граф Раймон Тулузский, и еще Сикард Аламан, дали ему денег для его отбытия из Тулузен, и что они и дальше продолжают посылать ему средства в его изгнание. Я, шутя сказал ему, что сам бы не прочь пожить за их счет...»

Сам он, Пьер де Бовилль, бежал из Тулузен после убийства в Авиньонет, по совету Раймона д'Альфара, агента Раймона VII, организовавшего рейд рыцарей из Монсегюра... Даже через тридцать пять лет эта история не потеряла своей актуальности для доминиканских инквизиторов.

Под конец XIII века наблюдается процесс, обратный тому, который вел в изгнание утративших мужество людей: если в 1250-х гг. лишенные имущества Инквизицией верующие, изолированные друг от друга и жившие в страхе перед отречением оставшихся в подполье совершенных, массово выбирали возможность присоединиться в ломбардской ссылке к катарской иерархии, избравшей это место как убежище, то в 1260-1270 гг. та же иерархия в изгнании посылала в Окситанию совершенных, крестившихся ранее или недавно, чтобы оживить Церковь в опасности, потому что верующие были еще многочисленны. Так, совершенный Гийом Прунель, появлялся в Тулузен, в Лаворе, в Сен-Поль-Кап-де-Жу в 1270 году и давал утешение как знати, так и людям из народа. Вынужденный вновь бежать в Италию в 1274 году, после ареста проводника Пьера Мореля, в связи с чем возобновились расследования, он вернулся через несколько лет, потому что мы встречаем его в Каркассоне в 1280-х гг.: в 1283 году он дает утешение кожевеннику из Вилльмустансу.

Гийом Пажес, из Туретт, вернулся из Ломбардии в 1262 г., оживив катаризм в Кабардес, Монтань Нуар и Каркассес. Он долгое время избегал Инквизиции, потому что развивал активную деятельность еще в 1283 году. Он дал утешение огромному количеству верующих из высшего общества: сеньору и бальи де Куксак, нотариусам, рыцарям де Сиран, де Лоре; Бланше, даме де Виллегги, дочери Оливье де Термез и внучке Гийома де Минерва, в присутствии ее дочери Раймонды и местного попа; приходским священникам Рокфер и Леспинассер; аббату Монтолью и даже королевским кастелянам Кабарец. Каркассонская Инквизиция 1280-х гг. кроме того арестовала странных совершенных: бывшего приходского священника Сальсинь, брата Изарна де Кануа, который втянул в ересь значительных персон, католических иерархов и монахов, как Гийома Арнода Морлян, каноника Каркассона, будущего епископа; его родственника, мэтра Арнода Морлян, ректора Пеннотье, и его брата, Санса Морлян, архидиакона Каркассона. Другим арестованным был Бернард де ла Гарригью, Старший Сын епископа Альбижуа, который также вернулся из Ломбардии, но отрекся, и стал чем-то вроде двойного агента в Каркассес для Инквизиции. Например, он организовал заговор, целью которого было выкрасть архивы трибунала Каркассона, могущие скомпрометировать высокопоставленных персон кафедральной Церкви и городских консулов. Дело, правда, не выгорело, но здесь на сцене появляются лица, которых мы встретим через несколько лет во время восстания в Каркассоне против злоупотреблений доминиканских инквизиторов.

В целом, катарская Церковь и ее преследуемые верующие избрали Ломбардию в качестве убежища, несмотря на удаленность этого изгнания и трудности дороги; Каталония была намного ближе, но в Ломбардии окситанские совершенные нашли вполне жизнеспособные Церкви, еще мало потревоженные Инквизицией. Каталонское и испанское изгнание предпочитали в начале XIV века бедные люди из горных деревень, привычные к перегонам скота через Пиренеи. Будучи отрезанными от мира, они жили в Каталонии небольшими бедными общинами. В то же время более богатые люди, как например, братья Отье, нотариусы из Акс-ле-Терм, предпочли все же Ломбардское изгнание и, в Италии, встретили совершенных для своего обучения.

«Каркассонское безумие» (Сите Каркассона)

В 1285 году в Каркассоне вспыхнул заговор с целью похищения архивов Инквизиции, поскольку пошли «слухи» о неподобающем нарушении процедур инквизиторами Каркассона и Альби, проявляющими максимальное рвение в компрометации лиц, обладающих либо крупным имуществом, которое можно было конфисковать, либо влиянием на местной политической арене, которое можно было бы дискредитировать. Еще и сегодня историки с некоторым сомнением изучают реестры Жана Галанда, инквизитора Каркассона, и Бернарда де Кастане, инквизитора Альби, а

также некоторых их последователей. Антиинквизиторская акция скомпрометированных именитых лиц, или тайных «друзей совершенных», как Морлян из Каркассона, в этот период совпала с духом бунта, который все больше и больше вдохновлял население Юга на восстание против доминиканцев и их злоупотреблений.

В то время Арнод и Санс Морлян написали папе Гонорию IV, королю Франции Филиппу Красивому и архиепископу Нарбоннскому о растрате подотчетных средств Жаном Галандом и его собратьями. В 1295 году Бернард Делисье, молодой лектор францисканского монастыря в Каркассоне, вывесил на дверях инквизиционного трибунала призыв к папе с требованием справедливости для Кастиеля Фабра, каркассонского горожанина, умершего на руках францисканцев в 1278 году, но впоследствии ставшего объектом посмертного процесса со стороны доминиканцев. Никола д'Аббевиль, сменивший Жана Галанда, потребовал эксгумировать покойного, как он уже поступал со многими другими, чтобы сжечь его останки и конфисковать имущество, переданное по завещанию братьям-миноритам.

Ключевую роль, которую сыграл Бернард Делисье, следует поставить в тройной контекст – открытого соперничества между францисканцами и доминиканцами с 1250-60-х гг., наличия движения спиритуалов внутри самого францисканского ордена, и общей народной враждебности к Инквизиции в южных городах: Каркассоне, Альби, Лиму. Прежде всего, Бернард Делисье представлял требования низов своего ордена – который затем обернулся против него, но особенно он был рупором народного гнева, «каркассонского безумия», как и консул Элия Патрис, «маленький король бурга». Выступив с рьяными проповедями против лихоимства инквизиторов, он не остановился на этом. Бернард Делисье смог собрать свидетельства семей жертв из различных городов с намерением передать их королевским следователям Жану де Пикиньи и Ришарду Ленивию, которые передали их самому королю, уже проинформированному Морлянами, с которыми тот встречался в Санлис. Филипп Красивый приказал своим сенешалям не арестовывать больше никого просто по требованию инквизиторов без согласования с обычным правом: после чего в Альби Бернард де Кастане был изгнан из города, а доминиканцы между 1302 и 1308 годами оказались заложниками в своем монастыре.

В Каркассоне разгорелся настоящий народный бунт, возглавляемый Элия Патрисом, организовавшим городскую милицию, и Бернардом Делисье, который произносил речи на площадях, вследствие чего были разгромлены домов тех, кто сотрудничал с Инквизицией, и добился у Жана де Пикиньи перевести узников святого учреждения под защиту короля. Как в Тулузе, Альби и Нарбонне в 1235 году, люди и городской патрициат вместе выступили против злоупотреблений доминиканцев, не в состоянии больше выносить их бесконечных эксгумаций и посмертных костров. Однако, в Каркассоне и Лиму дело окончилось плохо: после изменения настроений короля и попытки окситанцев прибегнуть к помощи инфанта Майорки – потомка каталонской династии, на которую во времена Педро II Арагонского перед Мюре возлагалось столько надежд – пятнадцать горожан Каркассона и сорок горожан Лиму были повешены королевскими агентами. Бернард де Кастане добился реванша, а доминиканская Инквизиция, испытывавшая временные потрясения, вновь вернула себе репутацию бесстрастной эффективности, благодаря действиям Бернарда Ги и Жоффри д'Абли. Бернард Делисье, отправленный в забытье во францисканский монастырь в Безье по чьей-то неожиданной милости, вновь попытался стать защитником спиритуалов – диссидентов своего ордена. Осужденный на тесный Мур и публичный позор на рыночной площади бурга Каркассона 8 декабря 1319 года, он очень быстро умер в застенках.

Жоффри д'Абли, родом из Иль-де-Франс, был назначен инквизитором Каркассона в 1303 году, а Бернард Ги из Лимузен – инквизитором Тулузы в 1307 году. Их беспристрастные и масштабные акции были направлены уже на объект непосредственной деятельности Инквизиции: в начале XIV века катаризм еще не умер в Окситании.

РЕКОНКИСТА БРАТЬЕВ ОТЬЕ

На землях Каркассона и Тулузы, прочесываемых политическими и церковными властями, катаризм мог разговаривать только шепотом: в графстве Фуа, правитель которого оставался относительно независимым, он мог еще пользоваться некоторой свободой. Трагедией верующих было отсутствие совершенных, невозможность счастливого конца, духовный голод: как услышать голос Добра? У них оставалась только память о проповедях; а те, кто умели читать, пытались услышать его в книгах. И вот, около 1295 года, Пьер Отье, нотариус из Акс-ле-Терм, человек богатый, просвещенный, успешный, имевший многочисленную семью, двоих незаконнорожденных детей и целую родню именитых нотариусов, братьев, зятьев, свояков, живший в Сабартес и заверявший акты самых знатных семейств графства Фуа, почувствовал необходимость вернуться к истокам. В катарской книге, возможно, купленной в разнос – а возможно, находившейся в библиотеке семьи, которая издавна была верующей – он нашел эхо старинных надежд, и, оставив всё свое имущество, отправился с братом Гийомом в Ломбардию, на поиски совершенных.

В Кунео они встретили Понса Арнода де Шатоверден, а потом установили контакт с последним представителем Церкви, Старшим Бернардом Одуэ, родом из Монтегут в Альбижуа, и его товарищем Пьером Раймоном, из Сен-Папуль. С 1297 по 1299 год горстка окситанских катаров в изгнании организовала свое «великое возвращение»: Бернард Одуэ, после надлежащего обучения, уделил *consolament* Пьеру и Гийому Отье, так же, как и собственному племяннику, Мэтью Герма, и двум другим послушникам, пришедшим из графства Фуа – Праде Тавернье и Амиелю из Перль. Тогда все они отправились назад, домой, куда прибыли под конец 1299 года. Совершенный Пьер Раймон их сопровождал.

Почти десять лет эта маленькая группа из шести совершенных возобновляла и оживляла катарскую веру в Сабартес, Тулузен, Разес. В 1300 году, в первый год своего возвращения, Пьер Отье крестил своего сына Жака, оставшегося в Акс-ле-Терм, как и верующего из старой катарской семьи, Понса Бэйля, из Аксата. Из многочисленных подпольных баз в Тулузе, в земле д'Айю, в Разес, они совершали пастырские визиты, а узы старой дружбы укреплялись; подпольных совершенных поддерживали люди, которым они доверяли – Пьер Санс, Пьер де Лузенак. В землях Фуа мы можем говорить о настоящей реконкисте: вновь семьи сильных мира сего защищали и слушали совершенных – как всегда, Шатовердены, Рабаты, Лордаты, Нио. В 1302 году умер граф Роже Бернард III де Фуа, явно получивший утешение из рук Пьера Отье.

Трое Отье – Гийом, Жак и особенно Пьер, были душой этой реконкисты; прекрасно воспитанные, ученые, хорошо проповедующие – о Жаке говорили, что он «проповедует как ангел» - они представляли собой эталон катаризма, который пытались распространить. Это было тем более важно, что в то время изолированные и напуганные верующие, лишённые совершенных, начали вдаваться в практики, граничащие с отчаянием и предрассудками. Часто они благочестиво хранили реликвии исчезнувших совершенных, и даже хлеб, благословленный ими, веря в то, что он поможет им обеспечить «счастливый конец». Отье проповедовали чистый и настоящий катаризм, как в хижинах, так и в благородных домах, от Аженэ до Альбижуа, от земель Фуа, до Лиму. Появлялись новые служители: Филипп д'Алайрак, из Кустауссы, посланный в Италию как послушник, вернулся совершенным, в обществе женщины из Лиму, Одой Бурель, называемой Жаклин (Жакоба), последней известной окситанской совершенной. Она поселилась в Тулузе, постоянно пребывая в контакте с маленькой группой остальных совершенных, но без ритуальной компаньонки. В 1306 году Пьер Отье крестил Пьера Санса, а затем юного ткача Санса Меркадьё. Пьер Санс крестил Пьера Фильса, Гийом Отье – Арнода Марти; Филипп д'Алайрак – Гийома Белибаста, молодого крестьянина из Кубьер.

Но трудности и опасности все возрастали; Инквизиция, со своими агентами, в том числе и двойными агентами, своими процедурами моральных пыток и физического давления (именно тогда она начала применять при допросах физические пытки), смогла принудить людей к доносам или скорее, сломить их решимость не доносить, разорвала дружеские связи, расторгла родственные узы. Впервые Жак Отье и Праде Тавернье были арестованы в Лиму в 1305 году, но смогли бежать. Еще в 1308 году Гийом Отье и Праде Тавернье едва сумели ускользнуть от большой инквизиторской облавы в Монтайю. Но в 1309 году почти все совершенные были пойманы, один за другим. В марте 1309 года Жак Отье был сожжен в Каркассоне; в августе, Пьер, его отец, был пойман и переведен в «мур» Тулузы, где он увиделся с Амиелем из Перль. Его брат Гийом, тоже пойманный, был сожжен в декабре вместе с Праде Тавернье. В тулузской тюрьме, Пьер Отье и Амиель из Перль могли поделиться своей печалью: Бернард Ги почти уничтожил их Церковь.

23 октября Амиель был сожжен «в порядке особой спешности», потому что он начал *endure* – голодовку, чтобы ускорить свой конец, и чтобы его не заставили слишком много говорить. Что до Пьера Отье, то он выдерживал допросы долгие месяцы, пока 9 апреля 1310 года Жоффри д'Абли и Бернард Ги зачитали ему его приговор. Его последними словами, перед тем, как он умер на костре, было «если ему дадут говорить и проповедовать толпе, то вся она обратится в его веру».

Узнав о его смерти, Санс Меркадьё покончил с собой. Пьер Санс продолжал подпольно проповедовать, по крайней мере до 1312 года, а потом, скорее всего, перебрался в убежище, в Каталонию или Ломбардию. Филипп д'Алайрак и Белибаст, которым удалось бежать из «мура» Каркассона, добрались до Каталонии через Фенуийидес.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ДУАЛИЗМ ГОР

Через сто лет после Гвиберта де Кастра в Фанжу, Пьер Отье предстает перед нами великим катарским проповедником, способным реставрировать и оживить настоящую Церковь во всей стране всего лишь с горсткой неустрашимых Добрых Людей. Между Гвибертом и Пьером пролегал столетие войн, массовых костров, разбитых надежд, систематических репрессий, доносов, пыток, вырванных признаний, страха, смертей в застенках, подпольных *consolament* и бегства. Но и через сто лет после Гвиберта, когда Пьер проходил послушничество в

Ломбардии, вера и обряды остались теми же. Подпольная Церковь, после периода неуверенности и упадка середины XIII века вновь воспряла духом и обрела уверенность истинной Церкви Божьей. Бланш де Роде из Тараскона так описывает последних Добрых Людей в 1308 году перед инквизитором Жоффре д'Абли:

«Однажды вечером, в час, когда люди обычно ужинают и ложатся спать, Раймон Отье, брат означенных еретиков, и Бон Гийом, внебрачный сын означенного Пьера Отье, привели означенных еретиков Пьера и Гийома Отье в мой дом и дом моего мужа, расположенный возле замка, и там они оставались приблизительно пятнадцать дней, и там они ели и пили... Гийом, мой муж, покупал им всю необходимую провизию, но на их деньги. Три дня в неделю они постились на хлебе и воде, а именно: в понедельник, среду и пятницу; в другие дни они ели хлеб, вино, рыбу, фрукты и овощи... Они не ели ни мяса, ни яиц, ни сыра... Они сами готовили себе, и у них были сковородки и миски, из которых никто другой больше не ел...»

Братья Отье, как и все их товарищи, так же скурпулезно соблюдали правила, как и Добрые Христиане конца XII века. Малейшее нарушение обетов, данных при крещении, открывало доступ злу. Они ели из собственной посуды, чтобы избежать всякого соприкосновения с животным жиром, и соблюдали все ритуальные посты. Они проповедовали в домах друзей, где находили временное убежище, и не стоит сомневаться, что их проповеди были полностью основаны на Писании, согласно традиции Церкви; впрочем, кажется, некоторые вещи ускользали от понимания свидетельницы:

«На Гайя, жена Раймона Фабра, моя дочь Раймонда и я... мы слушали их проповеди и увещания: они говорили много, но я почти ничего не помню, об апостолах и о Евангелии. А потом я им кланялась, встав на колени, трижды, и говорила: «Добрые Христиане, прошу благословения Божьего и Вашего». И они отвечали: «Пусть Бог Вас благословит и приведет Вас к счастливому концу!»

Гильельма Гарсен из Акса перед тем же Жоффре д'Абли и в том же 1308 году более подробно вспоминает проповеди совершенных:

«Эти еретики говорили, что Римская Церковь – это не Церковь, потому что она заперлась, и если кто туда ходит, то встречает только прах и тернии, и что она усохла. Они говорили, что они и есть истинная Церковь Божья, которая состоит из Добрых Мужчин и Добрых Женщин, как они. Они даже говорили, что никто, кроме них, не может спасти души, потому что они не причиняют вреда никому, не говорят и не делают никакого зла, в то время как Проповедники и минориты говорят и делают зло...»

Братья Отье не ограничивались проповедями против Церкви Римской. Гильельма Гарсен описывает на свой лад перед инквизитором, менее любопытным, чем Жак Фурнье десять лет спустя, дуалистические теории Добрых Людей:

«Я слыхала, как означенные еретики говорили, что есть два бога, один добрый, а другой злой, и что благой Бог не дает ни зерна, ни цветения, и ответственен только за духов; что духи или души были созданы уже очень давно, и они выходят из человеческих тел, чтобы сразу же войти в тела других мужчин и женщин; они мне говорили, что я, может быть, даже была королевой...»

Реестр инквизитора Жоффре д'Абли, который проводил допросы в высокогорном графстве Фуа людей из окружения Отье и даже членов их семьи, непосредственно перед поимкой последних Добрых Людей, передает нам главные и основные положения проповедей, общие для всех катарских доктрин, которые нам известны с конца XII века: полный дуализм, отрицающий то, что Бог несет хоть какую-то ответственность за создание и функционирование видимого мира и за воспроизводство жизни. Через десять лет, инквизитор Жак Фурнье, ведущий допросы в том же регионе, собирает более необычные показания. Жак Фурнье, который был епископом Памье перед тем, как стать Авиньонским папой под именем Бенедикта XII, и который был инквизитором своей епархии, систематически допросил, между 1318 и 1325 годами, население деревень графства Фуа и Сабартес, среди которых наиболее известны допросы людей из Монтаю. Дающие показания перед Жаком Фурнье в целом были более скромного происхождения, чем те, кого допрашивал Жоффре д'Абли в поисках братьев Отье. В течение десяти лет они не видели и не слушали совершенных, за исключением тех, кто совершил путешествие в Каталонию и встретил Белибаста в его изгнании. Они помнили, хорошо или плохо, отрывки проповедей того же Белибаста или Праде Тавернье. С другой стороны, инквизитор поощрял их, чтобы они говорили подробнее.

Если Жоффре д'Абли ограничивался тем, что ставил шаблонные вопросы, определяющие то, насколько дающий показания является катарским верующим, и что писцы терпеливо записывали надлежащими формулировками, выработанными опытом прежних десятилетий и зафиксированными в *Учебнике инквизитора*, авторства Бернарда Ги, Жак Фурнье, епископ Памье, демонстрировал интерес по поводу мнения и верований этих странных христиан с гор, хотел знать больше и пытался записать эту информацию более обстоятельно. Изучая его тщательно

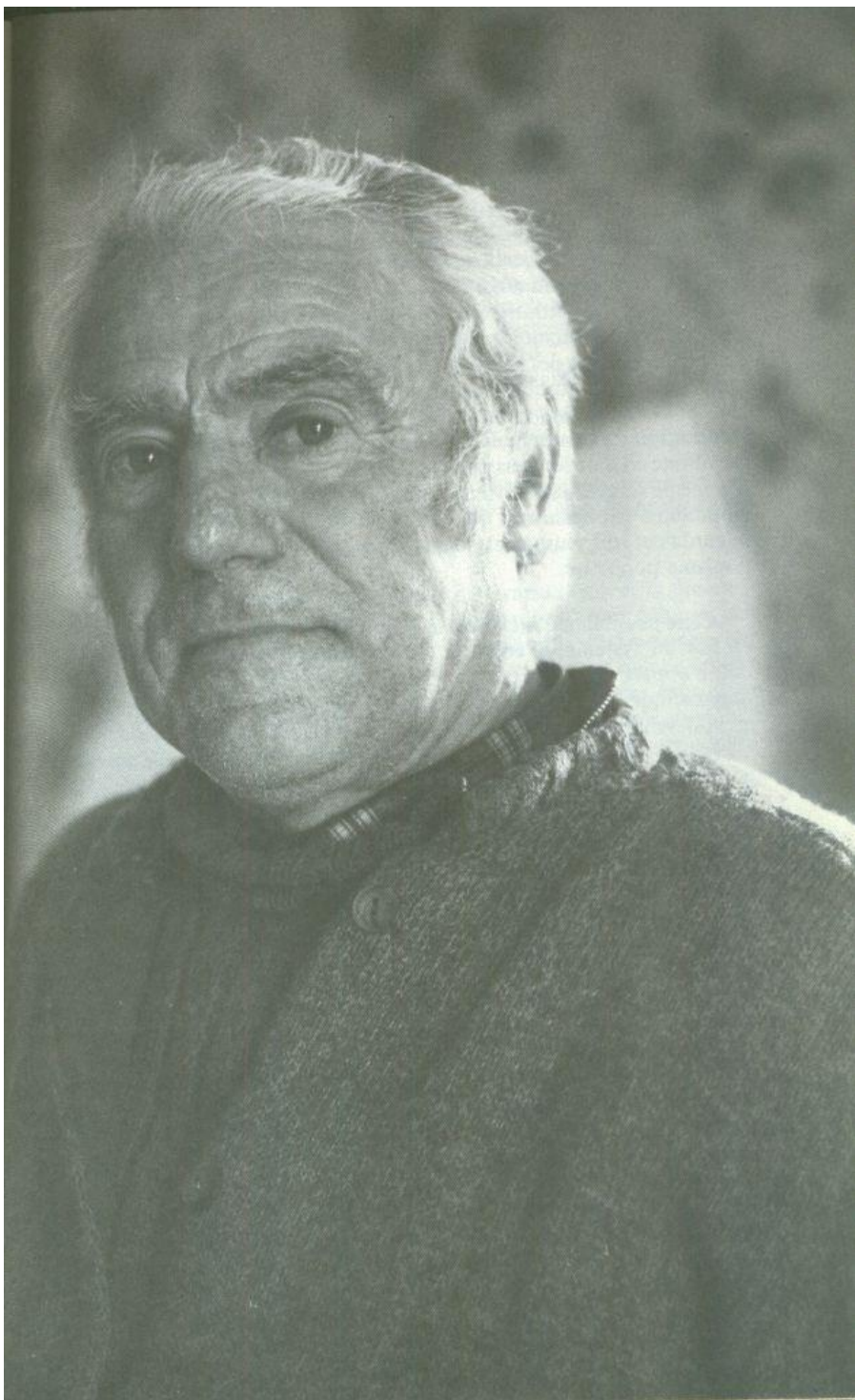
составленный реестр, переведенный и отредактированный Жаном Дювернуа, словно углубляешься в мир, полный жизни. Мы встречаем сильных личностей, в их речах видна индивидуальность, они придают личное толкование тезисам, квалифицируемым писарями Инквизиции как катарские. До того момента эти тезисы записывались несколько автоматически.

Кроме того, мы видим, что последним совершенным, с которым встречались эти верующие-горцы, был Белибаст, человек из их среды, сын крестьянина из Корбьер, в короткий срок обученный Филиппом д'Алайраком, и не имевший большого личного призвания. Добрый Человек и его верующие представляют собой универсум, отличающийся от образца Фанжу-1204, и даже более позднего, зафиксированного в реестре Жоффре д'Абли в качестве взглядов образованной паствы Пьера Отье.

По свидетельству Пьера Маури, пастуха из Монтайю, Гийом Белибаст, «покойный еретик», проповедовал, что после физической смерти тела душу жжет огонь Сатаны, «чужого бога», и она пытается воплотиться как можно быстрее, чтобы не страдать больше от этого огня: «Она как можно быстрее вселяется в другое тело – первое попавшееся тело из плоти, которое ей представится; будь это тело другого человека, животного или птицы, чтобы найти какое-то отдохновение в этом теле...»

На другом допросе, через несколько дней, тот же пастух объясняет чуть подробнее концепцию Белибаста о переселении душ: «Я слышал, как Г.Белибаст говорил, что убивать каких-либо животных, кроме крыс, змей, жаб и им подобных, это грех, потому что в этих животных вселяются людские души...»

Кажется, что эта теория воплощения божественно-человеческой души в тела животных была специфической чертой «катаризма гор»: Пьер Отье говорил только о человеческих телах. Реестр Жака Фурнье доносит до нас, к примеру, размышления на эту тему Пьера Клерга, попа Монтайю. Об этом сообщает его любовница Беатрис де Планиссоль, на которую они произвели в свою время сильное впечатление: «Еще он мне говорил, что Бог создал всех духов небесных. Эти духи согрешили грехом гордыни, желая сравниться с Богом, и по причине этого греха они пали с неба в пространство и на землю. Они живут, попадая в тела, которые встречают на пути, все равно какие, как получится, как в тела грубых животных, так и в тела людей. И эти духи, попав в тела грубых животных, все равно обладают разумом и сознанием, как и те, что попали в человеческие тела, разве что в телах грубых животных они не могут говорить. А то, что духи в телах грубых животных обладают разумом и сознанием, явствует из того, говорил он, что они бегут от того, что им вредно, и ищут то, что им полезно. Вот почему убивать какое-либо грубое животное является таким же грехом, как и человека, ибо и в том, и в другом есть дух, обладающий разумом и сознанием...»

В течение шести лет я пребывал в вере в то, что если Бог благ и прост, то от Него не может произойти никакое зло, и что это не Бог создал такое злое животное, как волк...

Пьер Клерг, человек более образованный, чем простой пастух, оригинальная, сильная личность, по-настоящему ни католик, ни катар, представляет здесь натуралистическую, донаучную рефлексию, основанную на опыте: животные наделены разумом, как и человек, и потому у них есть душа, хотя он не может этого полностью объяснить. Встречаемся ли мы здесь с отклонениями в катаризме, из-за отсутствия пастырей и служителей, приведшими к тому, что крестьянское население верующих стало рассуждать в категориях, чуждых средневековому христианству? Или же наоборот, антикатарские полемисты XIII века, по крайней мере, Петр Веронский, были правы, и из-за состояния источников, а также по причине сокрытия слишком компрометирующих тайн, только Белибаст и круг его последних верующих-горцев выдает нам верования в возможность воплощения божественно-человеческой души в телах животных? А, возможно, Петр Веронский, как и жители Монтайю, просто исходил из одного источника, из древних общих «коллективно-бессознательных предрассудков», еще несущих следы язычества, которых образованные катары, как и образованные католики, остерегались, но которые яркими красками расцвечивали народное христианство.

Эта возможность воплощения души в телах животных фактически породила систему взглядов на творение и функционирование видимого мира, уже мало похожую на катаризм: здесь, скорее, можно говорить о «прагматическом дуализме»... Как бы там ни было, остатки язычества и народного – и даже интеллектуального, в случае Пьера Клерга – здравого смысла прекрасно соединились с остатками катарского христианства и близким к атеизму натурализмом, о котором, к примеру, свидетельствуют показания Раймона Делейра, из Тиньяка, о чем его сосед Бернар Жуффр сообщил инквизитору в 1322 году:

«Он говорил, что у человека нет иной души, кроме как крови, и что после смерти от человека более не остается ничего;
что у животных та же душа, что и у людей;
что Господь наш Иисус Христос был зачат вследствие соития мужчины и женщины, как это происходит с другими людьми;
что видимый мир – это и есть Бог, и нет иного Бога, кроме этого мира;
что ни месса, ни всё, что делается в храме, не имеет никакой ценности;
что нет ни ада, ни рая в другом мире;
что познавать женщин телесно не является грехом...»

Столь же удачные ответы и свидетельства мы наблюдаем у Гразиды Лизье, молодой крестьянки из Монтаю, у которой Жак Фурнье спрашивал, считает ли она, что совершает грех, предаваясь любви со священником – разумеется, Пьером Клергом – как до замужества, так и во время оно:

«Поскольку в то время это нам нравилось, мне и этому попу, то я не верила, и мне вовсе не казалось, что это грех. Но теперь, поскольку мне это уже не нравится, то если бы он познал меня телесно, у меня бы возникло чувство греха...»

- Считаете ли Вы, что подобное поведение не нравится Богу?

- У меня чистая совесть, и я не считала, что это может кого-то оскорбить, то, что я спала с этим священником, потому что нам ведь это нравилось, мне и ему... Конечно, всякий телесный союз между мужчиной и женщиной Богу не нравится, однако я не считаю, что люди (которые соединяются телесно) грешат, если это приносит им взаимное удовольствие.

- Верите ли Вы в ад и рай?

- Я не знаю. Я слыхала, что есть рай, и я в это верю. Мне также говорили, что есть ад, но я не верю в это, хотя и отрицать не могу. Я верю в то, что есть рай, потому что это хорошая вещь, как я слыхала, но я не очень верю в ад, потому что это плохая вещь...

- Кто научил Вас этим заблуждениям?

- Никто, я сама додумалась.

- Учили ли Вы этому кого-либо другого?

- Нет, если меня никто не спрашивал...»

В этом оригинальном диалоге ответы Гразиды отдают провокацией. Однако, епископ-инквизитор покарал ее только тюремным заключением, откуда она очень скоро освободилась, сменив приговор на ношение креста. Естественно, она признала, что ее заявления были заблуждениями, и что она теперь верит, что есть ад, «где злые люди и злобные демоны будут наказуемы вечно». А кроме того, в другом показании, она предъявила Жаку Фурнье собственную интерпретацию творения: «Те материальные вещи, которые являются хорошими и полезными для человека, созданы Богом, как, например, сами люди, животные, которых они едят или которые служат им для перевозок, как быки, козы, лошади, мулы, плоды земли и деревьев, которые они едят. Но я не верю, что Бог создал волков, мух, ящериц и другие вещи, вредные для людей. Я не верю, что Бог создал дьявола, потому что это очень плохое дело, а Бог не делает никаких плохих дел...»

Привкус язычества, укорененного как в здравом смысле, так и в предрассудках населения, христианизированного лишь поверхностно, и одновременно интеллигентность, жажда жизни и юмор, - все это придает особую колористику жизни горцев, свидетельством которой является страх, охвативший Белибаста – как рассказывают – в тот день, когда сорока трижды пересекла его дорогу: дурной знак! дурной знак! Или знаменитая притча о подкове и лошади, которой последний окситанский Добрый Человек доказывал существование переселения душ и в тела животных: душа, обитавшая в теле лошади, после смерти последней вселяется в человека, который становится Добрым Христианином; а этот Добрый Христианин, попав на то самое место, где он, будучи лошастью, потерял подкову, вспомнил об этом вслух, и на глазах своего совершенного товарища стал искать подкову и нашел ее.

Мы, фактически, видим, что в универсуме реестров Жака Фурнье исповедуемый катаризм переходит из метафизического плана в план конкретики. Двойное творение переносится в этот мир. То есть, не всё *visibilia et corruptibilia*, не весь видимый мир, воспринимается как творение зла, но в этом видимом мире различают доброе и дурное творение.

Как Гразида Лизье из Монтайю, Бернард Франк, из Гулье в Викдессус, объясняет, что благой Бог создал все благие творения (ангелов, души, тела, небо, землю, воды, огонь, воздух, полезных животных), а злое божество ответственно за лягушек, демонов, мух и змей. К этому он добавляет: «Но это во власти человека – встать на сторону благого Бога или злого божества. Если он встанет на сторону злого божества, оно будет ему помогать; если же он встанет на сторону благого Бога, Он будет ему помогать, хотя злое божество не может помогать так, как благой Бог...»

Как Арнод Когуль из Лордата мог поверить, что Бог создал волка, который постоянно режет его овец и коров? Вредные животные явно происходят от демона: волки, крысы, змеи, мухи... Кстати, и Белибаст говорил, что божественная душа не может в них вселиться, потому убивать их не является грехом. Ну, а полезные животные – овцы, коровы и рыба – являются, конечно, дарами неба. Божественные души могут вселиться в кое-кого из них, что, впрочем, не мешало катарским верующим убивать их, для того, чтобы есть. Таким образом, прагматический дуализм как таковой, породил метафизику, больше не принадлежавшую катаризму, даже умеренному, поскольку допускал, что Бог вмешивается в этот мир, чтобы заселить его благими творениями, соседствующими с творениями зла, и что человек может свободно выбирать, становиться ему на сторону добра или зла... Прагматический дуализм противопоставляет хороших и полезных животных, созданных Богом, - вредным и ядовитым, созданных дьяволом, в то время, как метафизический дуализм катарских трактатов все телесное творение относил к творениям зла и ограничивал божественную часть мира человеческими душами, заключенными в дьявольские одежды кожаные.

И если Гвиберт де Кастр, которому однажды дама Каваерс из Фанжу принесла в дар угрей, не ел мяса, так это вряд ли из-за того, что он боялся, что в теплокровных животных могла найти приют душа его бабушки, но просто чтобы избежать слишком возбуждающей пищи: всякая плоть, в том числе и плоть рыб, была для него делом рук зла, как и все видимое. Потому ничего удивительного, что во времена Белибаста поп-анархист Пьер Клерг пылко сравнивал католических епископов с волками, а Братьев-Проповедников доминиканцев – с собаками; мы даже с некоторым злорадством, но без удивления, отмечаем, что Пьер де Нио, дворянин графа де Фуа из окружения братьев Отье, грубо назвал всех католических клириков (доминиканцев, францисканцев и священников вместе), по крайней мере, так рассказывают инквизитору, «мерзкими жирными гусеницами». Гусеницы были для него, без сомнения, творениями дьявола...

Однако и в XIII столетии катарские доктора без колебаний сравнивали Церковь Римскую с Церковью волков, по сравнению с малой отарой Христовой, которую составляли они сами. Катары, будучи в некотором отношении догматичными и формалистичными, тем не менее, представляли собой реальных, живых людей, совершенных и верующих, мужчин и женщин определенного средневекового периода. Периода, когда религиозные концепции решительно обновлялись, когда сплетались между собой основы языческой и раннехристианской культур, где новые идеи «заражались» духом времени и, как всегда, брали на вооружение вечный народный здравый смысл. В сказках о волке и ягненке, как писали последние катары конца XIV столетия, никогда не видано было, чтобы овцы пожирала волков...

ОГОНЬ ТЕРЗАНИЙ

Велика должна была быть тоска, велико горе Пьера Отье в тюрьме «мур» в Тулузе. Бернард Ги не преминул дать ему понять, что маленькая Церковь, которую он пытался восстановить, практически уничтожена. Его сын Жак, его брат Гийом были сожжены, и эта судьба вскоре ожидала и его самого. Он не мог не понимать, что следует оставить всякую надежду, что даже Италия не представляет уже собой надежного убежища для совершенных, и что его маленькая группа, потерпевшая поражение, была последним шансом. Как он мог жить? Он знал, что его Церковь была Церковью Добрых Христиан, Церковью апостолов, которым Христос поверил миссию передавать послание и таинство Спасения до конца времен. Как можно представить себе, что эта Церковь может исчезнуть до того, как исполнит эту миссию? Что Слово Христово умолкнет еще до конца времен? Как вообразить, что последний совершенный умрет до того, как сможет передать Духа-Утешителя?

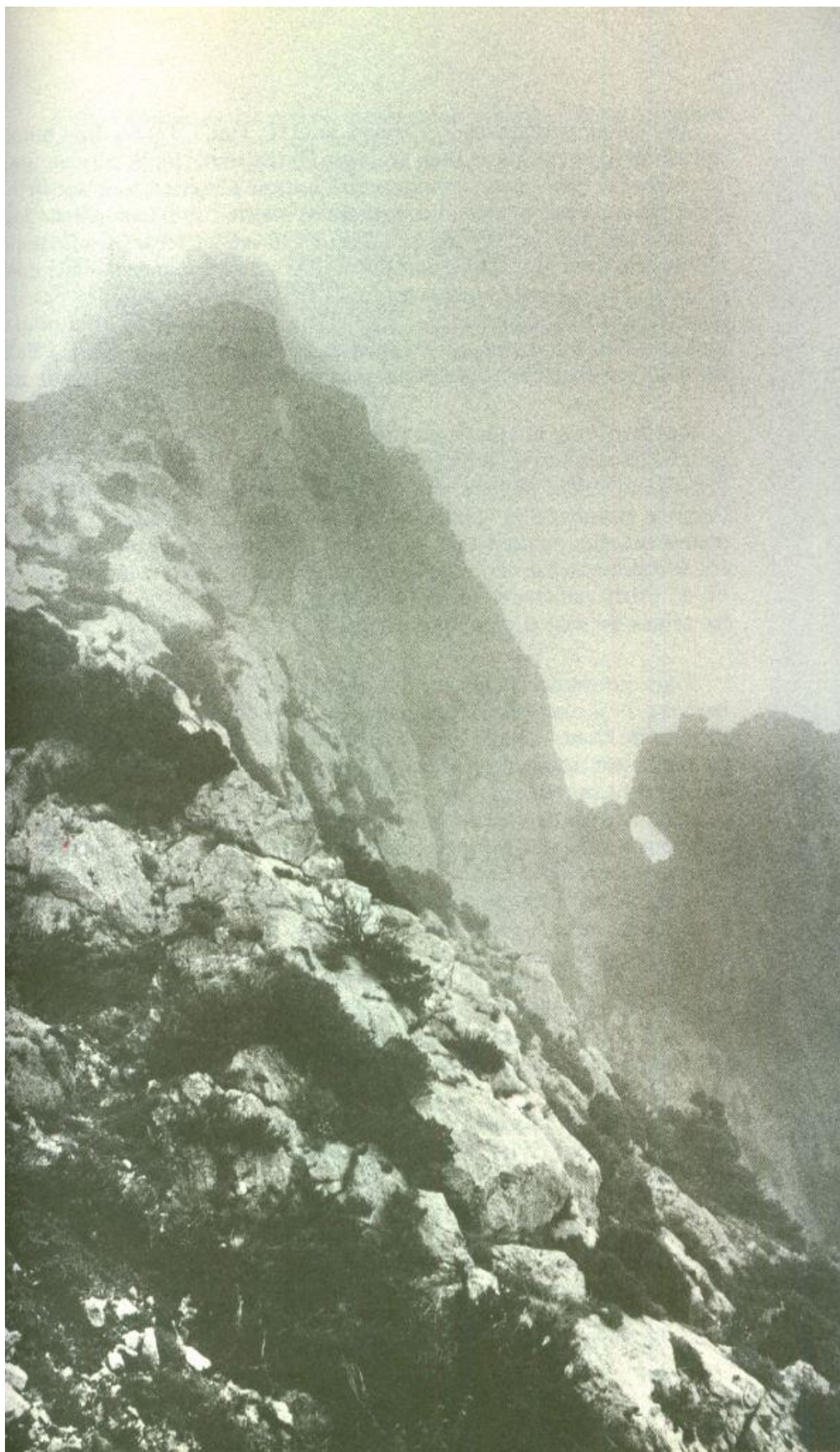
Конечно, ни в одном протоколе Инквизиции не сохранились внутренние диалоги Пьера Отье, но у нас остался отрывок Ритуала на окситан, сохранившегося в Дублине – позднего, по пасхальной таблице его можно датировать концом XIV века. Он содержит красноречивые пассажи о том, как катарская Церковь терпит преследования, которым ее подвергают. Эта рукопись, существование которой является единственным доказательством, что группы катаров еще жили тогда в окситаноязычных землях, - скорее всего, в Пьемонтских Альпах – пятьдесят лет спустя после исчезновения маленькой Церкви братьев Отье, определяют Церковь Божью, сравнивая ее с лживой Церковью – Церковью Римской: Церковь Божья является таковой не только потому, что она придерживается всех

заповедей Закона Жизни, но и потому, что она «терпит преследования и гонения и принимает мученичество во имя Христа».

Впрочем, цитата из Иоанна: «Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Ио. 15, 20) постоянно присутствует в катарской литературе, начиная от *Книги о двух началах*, где есть глава, посвященная гонениям. Во все времена малая отара Господня была гонима, и трактат школы Джованни де Луджио посвящает два раздела сначала рассказу о мученичестве пророков, а потом Страстям Христовым из-за дел злого духа, вычитывая у святого Павла (Деян. 24, 14), что уже Церковь апостолов считали еретической: «Но в том признаюсь тебе, что по учению, которое они называют еретическим, я служу Отцу Моему».

Проповедь о Церкви Божьей, *la Gleisa de Dio*, в Дублинском Ритуале катаров излагает концепцию истинной христианской Церкви, определяемой по отношению к проблеме насилия, приводя доказательства из Евангелия о том, какие трудности испытывает в этом мире Церковь угнетенных и кротких, тех, которым Христос предписал подставлять другую щеку и отвечать Добром на зло. *Vevos, yo vos trameto aiscom las fedas al mey dels lops* («Вот, Я посылая вас как овец среди волков»), напоминает катарский автор, цитируя святого Матфея (10, 16). Наоборот, Церковь Римская не только не гонима, но ее боятся сильные мира сего, и она пытается установить свою власть над язычниками, евреями и иноземцами, и осуждает на смерть святую Церковь. Она, однако, не может полностью игнорировать Евангельское послание:

«Но вопреки всему этому, священники Церкви Римской не имеют ни стыда, ни совести, утверждая, что это они – овцы и агнцы Христовы; и они говорят, что Церковь Христа, которую они преследуют, это Церковь волков. Но эта мысль отдаст безумием, ибо во все времена волки преследовали и убивали овец. Но очевидно в наши дни мир перевернулся, и овцы взбесились, и стали кусать, преследовать и убивать волков, а волки стали терпеливы, и дают возможность овцам пожрать себя... Ведь ясно, что с начала мира волки преследовали и убивали овец, злые преследовали благих, а грешники преследовали святых...»

История забыла катаризм (Керибюс в тумане)

И катарский автор еще цитирует Павла (2 Тим. 3, 12): Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы». Новый Завет учит, что добрый Христианин должен страдать от преследований, а не «преследовать», настаивает он. Евангелие от Иоанна тоже говорит о временах, когда будут убивать верных Христу, думая, что тем самым служат Богу – но Он не требует от верных убивать: «О братья, не дивитесь, что мир

вас ненавидит». (1 Ио. 3, 13). Этот мир – мир зла, а Церковь Римская, которая от мира сего, сама является Церковью зла. Преследования и насилие – это признак и проявление зла.

Святые Писания ясно дают понять, что Церковь Божья всегда будет гонима злом, что ученик Христа, жаждущий Добра, не может ответить на насилие иначе, кроме как кротостью и любовью. Как и евангельские общины, преследуемые Римом, не могли отвечать на огонь терзаний ничем, кроме кротости веры и уверенности в том, что они и есть истинная христианская Церковь, малая отара овец Христовых перед лицом доминирующей «злой» Церкви, применяющей средства зла и, таким образом, совершающей зло.

В этом злобном мире злобная Церковь, *la Gleisa malignant romana*, «злая Церковь Римская», изначально преследовала Церковь Божью, чтобы удержать божественные души в телесном рабстве ложью и насилием. Преследования порождены только духом зла, и не могут быть оправданы божественным позволением. Потому Бога в этом мире, где одно зло противостоит другому, нет, потому что зло онтологически чуждо Богу, и отара овец Христовых не может отвечать насилием на насилие Церкви волков. Пьер Отье, в своей последней земной тюрьме, мог черпать из своего познания Евангелий и катарских книг определенную моральную поддержку и философское оправдание своих страданий. Но вряд ли это облегчало его тоску, когда он видел, как из этого мира исчезает Церковь Спасения. Может быть, он знал, что где-то, на границах Италии, еще жива христианская община, возможно, окситанского происхождения, в изгнании, которая оказалась способна и через пятьдесят лет после его смерти разрабатывать литургические и теологические труды его Церкви?

Реестр Жака Фурнье хранит отголосок живого диалога между Пьером Отье и пастухом Пьером Маури, выраженный в следующих словах:

«Пьер Отье, еретик, взял меня за руку и усадил рядом с собой... Он сказал мне тогда: «... И я скажу тебе причину, по которой нас называют еретиками: это потому, что мир нас ненавидит. И неудивительно, что мир нас ненавидит (1 Ио. 3, 13), ибо так же ненавидел он Господа Нашего, Которого он преследовал, как и апостолов Его. И нас ненавидят и преследуют по причине Закона Его, которого мы твердо придерживаемся. Ибо если кто желает добра и крепок в вере, враги, когда такие попадают им в руки, распинают их и побивают камнями, как они это делали с апостолами, когда те не желали отречься ни от одного слова своей веры, которой твердо держались. Ибо есть две Церкви: одна бежит и прощает, другая владеет и сдирает шкуру...». Я ответил ему: «Если вы следуете дорогой правды апостолов, почему же вы не проповедуете в храмах, как это делают священники?» Он мне ответил: «Потому что... Римская Церковь сожгла бы нас незамедлительно, ибо она смертельно нас ненавидит».

Я ответил: «Но почему же Церковь Римская так вас ненавидит?» Он ответил: «Потому что, если бы мы проповедовали публично, Церковь Римская потеряла бы всю свою паству; люди предпочли бы нашу веру их вере, ибо мы не говорим и не проповедуем ничего, кроме правды, а Церковь Римская говорит большую ложь...»

Но как умереть в мире, веря в то, что правда должна победить, и зная, что ты – последний, исповедующий эту правду?

XX ЕВРОПА ЗАБЫВАЕТ О КАТАРИЗМЕ

Катаризм, выявившийся на территории практически всей Европы в эпоху Тысячелетия, хорошо различимый среди других размытых евангельских движений того времени, в течении двух столетий исчезал между Рейнскими землями и Болгарией, когда поднялась новая волна новаторских и диссидентских движений, доживших до эпохи великой Реформы. На северо-востоке Европы он пал первой жертвой зарождавшейся Инквизиции: Роббер ле Бугр и Конрад Марбургский не оставили после себя ни одного катара. В привилегированных зонах распространения, на территории европейского Средиземноморья, его методически искореняли и вытесняли на восток: последние Добрые Люди из Окситании уходили принимать посвящение в Италию; последние итальянские совершенные уходили для этого в Боснию.

ОТ КУБЬЕР ДО ВИЛЛЕРУЖ: БЕЛИБАСТ

Реестр Инквизиции Жака Фурнье содержит длинные показания о жизни и карьере последнего известного окситанского совершенного, Гийома Белибаста, которого мы оставили в момент его бегства в Каталонию в обществе Филиппа д'Алайрака, в то время, как Жоффри д'Абли и Бернар Ги добились разгрома подпольной сети реконквисты и сожгли Жака, Гийома и Пьера Отье. Белибаст был одним из последних «новобранцев» этой группы. Он принял посвящение после короткого послушничества в Рабастен, непонятно, под чьим руководством. Он отдался катарской Церкви и подполью, поскольку обязан был совершить покаяние за убийство пастуха во время

драки. Если бы не это, то всё могло сложиться иначе. Гийом Белибаст был абсолютно не предрасположен к призванию совершенного. Родом из семьи богатых крестьян с Корбьер, в землях архиепископа Нарбоннского, он женился и только-только стал отцом семейства, когда его жизнь внезапно изменила свое течение.

В 1309 году он ушел вместе с Филиппом д'Алайраком в Каталонию, через Фенуийидес и Альберес, чтобы оказаться вне досягаемости Инквизиции Тулузы и Каркассона, в Торозья де Монгри. Филиппу все же пришла в голову не очень удачная идея вернуться в Доннезан, к верующим, которых там было еще множество. Его очень быстро схватили, когда он проходил через плато Саулт, и, вне всякого сомнения, сожгли. Белибаст же решил остаться в Каталонии, где он жил в мире десять лет как проповедник для горстки окситанских беженцев, совсем один, как в хорошем, так и в плохом смысле этого слова. Вначале своего изгнания он встретил совершенного высокого ранга, беглого диакона из Аженэ, умершего затем в Гранаделья, Раймона де Кастельно. Потом, после смерти последнего, он один исполнял функции доброго человека, живя трудом рук своих: он делал гребни для ткацких станков из рога и тростника; проповедуя и соблюдая ритуальные посты, обмениваясь поцелуями мира и принимая *meliorament* от нескольких добрых верующих родом из Монтайю – Пьера и Жана Маури, пастухов дальних перегонов скота, их дяди и тезки Пьера Маури, его сестры Гийометты Марти и двоих ее сыновей.

Все эти мирные годы Белибаст вел довольно странную жизнь: человек Божий без истинного призвания, плохо обученный проповедник без особого дарования, он жил в одном доме со спутницей, Раймондой Пикьер из Аксат, фиктивной супругой, чтобы избежать ловушек Инквизиции и ввести в заблуждение ее агентов. Однако она стала его настоящей любовницей, и когда она забеременела, он выдал ее замуж за Пьера Маури. Все же, осознавая свою роль Доброго христианина, он попросил Раймона де Кастельно дать ему повторное утешение, потому что грехи обесценили его первое посвящение, совершенное Филиппом д'Алайраком, а потом, после смерти последнего, и после того, как он вновь впал в этот грех, он искал и надеялся встретить другого совершенного, чтобы жить вместе с ним согласно правилам, как *socius*. И особенно, чтобы ему вновь уделили посвящение. Достоинство Доброго Христианина он сохранил до самого костра.

Фактически, его продал Инквизиции двойной агент, Арнод Сикре, надеявшийся также заслужить благосклонность церковных властей и получить назад семейное имущество, конфискованное после осуждения его матери, Сибеллы Бэйль, из Акса, сожженной за то, что она была преданной верующей из окружения Отье. Впрочем, другой ее сын, Понс, был посвящен около 1300 года Пьером и Гийомом Отье. С такими «бонусами» - сожженной матерью и совершенным братом, которых все знали – Арнод Сикре не побрезговал втереться в доверие узкого круга верующих из Монтайю – ведь по его выговору «из Монтайю» распознала его Гийометта Марти на рынке в Морелье. Он довел Белибаста до Тирвии, анклава графа де Фуа в каталонских землях, где совершенного арестовали. Это произошло в 1321 году. Белибаста перевели в распоряжение инквизитора Памье, затем в «мур» Каркассона, и, наконец, поскольку его затребовал светский сеньор, архиепископ Нарбонны, его сожгли в Виллеруж-Терменез, в епископском замке. Тем временем Арнод Сикре быстро вернул с помощью Жака Фурнье имущество своей матери, доброй верующей Сибиллы Бэйль.

Сам Арнод Сикре, так же, как Пьер Маури и его брат Жан, двое пастухов дальних перегонов, арестованных немногим позже, чем Белибаст, рассказали Жаку Фурнье об этой маленькой эпопее последнего окситанского Доброго Человека. Пьер Маури, который, как видно, очень его любил, несмотря на то, что попался на удочку этого брака с Раймондой, жаловался, что тот не умел хорошо проповедовать. По сообщениям же Арнода Сикре, который каким-то образом унаследовал некоторые семейные катарские традиции, видно все же, что катаризм, исповедуемый Белибастом, был в целом хорошей пробы: он учился у братьев Отье, и оживляя свою память, завершал образование у Раймонда де Кастельно. Когда в Кастельбон его сковали вместе с предателем, то Добрый Человек оставил ему, как рассказывает сам Арнод Сикре, моральное завещание очень высокого уровня:

«Если ты вернешься к лучшим чувствам и раскаешься во всем, что сделал против меня, то я приму тебя (сделаю совершенным), и потом мы вместе бросимся с вершины этой башни; и сразу же моя душа вместе с твоей поднимутся к Отцу Небесному...

Я не забочусь о том, что станет с моим телом, ибо в нем нет ничего от меня, оно принадлежит другому. Самому Отцу Небесному не нужно мое тело: Он не желает видеть его в Своем Царствии, ибо тело человека слишком зависит от князя мира сего, который его создал... От Отца Небесного нет ничего в этом видимом мире, кроме духов, которых дьявол некогда стянул с неба... Отец Небесный не производит ничего в этом мире – без него все наливается зерном, цветет, зачинает, рождается, производит зародыш...»

Эта последняя проповедь Белибаста очень далека от того, что рассказывал о нем Жан Маури, свидетельствуя о его весьма фольклористическом дуализме. Это дает нам возможность счесть, что изложенное перед инквизитором является, скорее, отражением собственной внутренней культурной парадигмы дающего показания, чем реальности веры. Конечно же, Жан Маури, пастух, не сам это выдумал, а строил свои фольклоризированные концепции на

учении Белибаста, которое тот ему иногда передавал. А вот Арнод Сикре, знакомый с катаризмом доносчик, рассказывает Жаку Фурнье о других, более удачных фразах и проповедях последнего Доброго Человека, свидетельствующих о его приятно вольнодумном и антиклерикальном стиле мышления, отмеченном интеллигентностью и юмором. Вынужденный играть в католика, чтобы избежать ловушек Инквизиции, он просит священника исповедовать умирающего Раймона де Кастельно, а потом, смеясь, рассказывает Арноду Сикре, как сам участвовал в погребальном шествии, а наутро не побоялся съесть облатку:

«Сам он, Гийом Белибаст, нес на похоронах кропильницу со святой водой, и обрызгивал ею людей, потому что, говорил он, не будет никакого вреда от трех-четырёх капель воды, ведь намного больше попадает на человека во время путешествия, когда его застанет дождь на дороге... Я спросил тогда Белибаста, верил ли другой еретик, и верит ли он сам, что освященная облатка является телом Господним, и он ответил мне: «Можешь быть уверен, что нет, но надо ведь совсем не иметь аппетита, чтобы не попробовать эту вафельку!» И, говорил он, он ходит в храм, чтобы казаться католиком, а также потому, что в храме можно молиться Отцу Небесному точно так же, как и в любом другом месте...»

Когда Белибаста продали Инквизиции, а архиепископ Нарбоннский сжег его в Виллеруж-Терменез в 1321 году, окситанский катаризм стал понемногу исчезать из документальных свидетельств. Теперь Инквизиция заинтересовалась другими диссидентами. В реестре приговоров Бернарда Ги, написанному чуть ранее реестра Жака Фурнье, в копии реестра допросов инквизитора Жана дю Пра, помогавшего Жаку Фурнье в Каркассоне, содержится последнее упоминание о катарских верующих в Лангедоке. Еще в 1325 году простая верующая, Гильельма Турнье, из Тараскона-на-Арьеже, осужденная на вечное заточение в «муре» Каркассона, была сожжена за то, что призналась в застенках, доверившись двойному агенту, что братья Отье и Белибаст были добрыми и святыми людьми, и что их вера ведет к Спасению...

Большинство последних верующих Каркассес и Тулузен закончили свои дни в застенках «мура» Каркассона и Тулузы, а те, кто был родом из графства Фуа – в «муре», который Жак Фурнье построил в Аламанс, возле Памье. В 1328 году тело Арнода Морлян, ректора Пеннонтье и брата Санса Морлян, архидиакона кафедрального собора Каркассона, было осуждено на посмертное сожжение. На следующий год трех катарских верующих живьем сожгли в Каркассоне: это были Изарн Райнод из Альби, Гийом Серр из Каркассона, и Адам Бодет из Конкес.

ИТАЛИЯ, ДЖАКОМО БЕШ И ВАЛЬДЕНСЫ

Италия долгое время играла роль убежища, где укрывалась запрещенная в Окситании вера катаров, потому что таковы были тамошние политические и культурные структуры, чрезвычайно затруднившие систематическую работу Инквизиции. Италия не стала жертвой крестового похода, завершившегося вначале вторжением, а потом полной заменой ее феодалов иностранной, подчиненной Риму сословной кастой. С другой стороны, никакая власть, ни светская, ни церковная, долгое время не оказывалась достаточно сильной – поскольку папа и император нейтрализовали друг друга – чтобы потревожить квази-независимость итальянских городов и их патрициата, оказывавшего существенную социальную поддержку итальянскому катаризму, как оказывала ее мелкая сельская знать катаризму окситанскому. К тому же, вскоре между патаренами и гиббелинами – сторонниками императора – установилось молчаливое согласие, позволившее и дальше защищать катаризм.

Поворот в ходе Истории произошел в 1266-1268 гг., в ходе интервенции и победы Карла Анжуйского, когда гвельфская партия одержала в Италии верх. Хотя в некоторых городах, где гиббеллины остались у власти, как в Пизе, катары и дальше существовали, но в целом, под конец XIII века, итальянские Церкви были искоренены почти полностью, как и окситанские Церкви. На аренах Вероны, после розыскной операции в Сермионе, в 1278 году разом исчезли в огне общины Баньоло и Дезенцано, на таком же огромном, как в Монсегуре, костре. Восстановление папской власти, как и шаги, предпринятые против сторонников императора, были дополнены действиями и юрисдикцией Инквизиции, не зависящей ни от кого, кроме папы, а также нищенствующих орденов доминиканцев и францисканцев. Произошло несколько городских восстаний, подобных тем, что были в Каркассоне и Лиму: около 1300 года Парма и Болонья взбунтовались против Братьев-Проповедников и их костров. Но последние катары уже смешались с более молодыми диссидентскими движениями, рожденными из духовного обновления XIII века, в котором они, собственно, сами и участвовали. Под конец XIV века, в Чьерри, местный житель Джакомо Беш дал показания перед Инквизицией о том, как он искал апостольскую преемственность у катаров – и даже ходил учиться в Боснию – а потом у вальденсов. В Джавено в 1335 году, в Пиньероль и Турине в 1388-89 гг. обвиняемые отрицали перед Инквизицией Воплощение и реальное присутствие Тела Христова в евхаристии, а также верили в «огромного дракона, творца земли и господина мира»; некоторые говорили о *consolament*; кто-то придерживался смешанных верований о переселении душ, немедленном воскрешении тел и продвижением определенных сексуальных свобод.

Еще в 1412 году инквизитор Фра Джованни из Сузы вынес в Чьери приговор обвиняемым, которые явно выглядят как катары, и трое из которых были сожжены. Вне всякого сомнения, катаризм участвовал в этом последнем бурлении, где смешались старые и новые диссидентские религиозные пульсации конца Средневековья, вместе защищавшиеся от Инквизиции, и неотъемлемые уже от народного синкретизма, особенно на Севере Италии. В высокогорных долинах-убежищах альпийского Пьемонта, выходящих ущельями к Провансу и Дофинэ, в конце XIV века поселились вальденские общины. Они дожили до протестантской Реформации, в которую влились, утратив, однако, свою идентичность. Именно среди их собраний религиозной литературы на окситанском языке был найден фрагмент катарского Ритуала, находящийся сейчас в Дублине, и датируемый 1375 годом. То, что катарские и вальденские беженцы жили в те времена вместе в высокогорных долинах, и что вальденсы сохранили после исчезновения (естественного?) катаров среди своих книг проповедей евангельский катарский труд – это практически установленный факт. Однако, в вальденской теологии и экклезиологии, в том виде, как она предстает перед нами во время присоединения общин Альпийских Долин к Реформации в 1532 году, уже нельзя выделить ни одного специфически катарского тезиса.

БОСНИЯ И ТУРКИ

В Боснии, куда под конец XIV века патаренские жители Чьери ходили получать обучение и *consolament*, дуалистическое христианство было официальной религией до конца XV столетия, благодаря поддержке и принятию ее именитыми людьми: крупными феодальными семействами, близкими к власти, и коммерсантами, тяготеющими к Рагузе. Сами боснийские *баны* (правители) были к ней благосклонны. Однако, в конце XIV столетия они заметили приближение турецкой опасности: в 1393 году турки заняли Тырново, столицу Болгарии, и начали нападать на Сербию. Боснийские правители оказались перед выбором: примириться со Святым Престолом и опереться на поддержку венгерской армии, или, наоборот, вести переговоры с турками – стать католиками или мусульманами...

Бан Стефан Фома в середине XV века избрал католический лагерь, обратился и получил крещение из рук кардинала. Против боснийских христиан были даже организованы некоторые репрессии; они были смещены со всех политически важных постов, а их имущество конфисковано. В 1460 году *бан*, ставший католиком, вынуждал их обратиться или ссылал в Герцеговину.

Однако венгерская армия ничего не могла сделать против турок, которые продвигались вперед. В 1439 году была оккупирована вся Сербия; в 1453 году пал Константинополь, каковое событие, с нашей точки зрения, означает конец Средневековья. Хотя сама Босния была завоевана только в 1463 году, стало ясно, что репрессии, которым власти подвергли катарское население, не особенно побуждали последнее сопротивляться захватчикам.

Проблема в том, что когда Босния становилась мусульманской, не отмечено никаких религиозных репрессий против боснийских христиан. В то время, как православные в Сербии и Болгарии более или менее соблюдали свои уставы, боснийские катары без особых потрясений растворились в исламе. Хранили ли они подпольно свою веру, или в тайне своего сердца им было легче найти компромисс с этой религией, чем с католическими властями? У катаров и мусульман было много общего в теологическом плане, как минимум концепция о природе Христа и Страстях, а также некоторый общий вкус к простоте.

Эта интеграция в ислам, искренняя или рассчитанная, скорее всего, не была насильственной. Но все же она остается последней неразгаданной загадкой, загадкой этого благосклонного к катарскому христианству места, где это христианство развивалось на протяжении трехсот лет. В любом случае, боснийский опыт свидетельствует против обычных для современных историков утверждений, согласно которым катарская утопия не смогла бы долго продержаться, не скатившись к анархии, или не сделавшись, в свою очередь, репрессивной. В той же степени, сведения о том, что мирное сосуществование катаризма и ислама в Боснии тоже свидетельствуют, что политика репрессий не является ни необходимой, ни обязательной, ни единственно возможной.

XXI СОЦИАЛЬНЫЕ ЕРЕСИ

Катаризм появился и получил свое развитие в XI-XII веках, в контексте великого евангельского пробуждения, среди бурлящих всплесков других движений, более или менее новаторских, более или менее народных. В то время он выявился как наиболее абсолютистское из этих движений, и, разумеется, он и был таковым: непримиримый касательно невинности Бога Любви в существовании зла и смерти, требовавший буквальности прочтения евангельских заповедей и их применения, он до самого конца придерживался своей логики спиритуальной интерпретации Слова Христова. Он единственный отбросил всякую возможность компромисса с Римом, заявив о

себе как о контр-Церкви со всей легитимностью апостольского наследия. И он также единственный не имел возможности эволюционировать, в связи с абсолютным и завершенным характером его доктрины Откровения и Спасения.

Поэтому, к примеру, он остался в стороне от великого апокалиптического и пророческого урагана, сотрясавшего западноевропейское Средневековье, начиная с трудов и особенно комментариев к трудам Иоахима Флорского между XIII и XV веками: другие движения, вдохновленные теми же голодом и жаждой Евангелия – вальденсы, францисканцы – могли интегрировать его элементы, пропуская их через собственную рефлексию; а новые движения, рожденные уже после опыта этих первых евангельских порывов, довели апокалиптические надежды до предреволюционных крайностей; а катаризм так и остался на дороге исключительно небесных надежд.

Что может быть более несовместимо, чем дуалистическая метафизическая система, помещающая вечность Добра в другой мир, единственный, истинный мир, и надежды на осуществление Добра в этом мире (мире зла, согласно катарам), в Царствии Духа (а также социальной справедливости, как это преображалось в народной религиозности), которое должно, наконец, настать после Царствия Отца и Сына? Францисканцы-спиритуалы и итальянские апостолики, подхватившие и расширявшие пророчество о трех эпохах Иоахима в XIII и XIV веках, создали миф о новом императоре Фридрихе, восшествие на престол которого будет означать разрушение развращенной Церкви и начало эры Духа. Вальденсы включили персонаж Антихриста в свою религиозную мысль, но, когда они развивали эту символическую и рационалистическую концепцию, близкую к гуситской логике, чем больше они размышляли об извращениях Церкви Римской, тем больше Антихрист принимал у них образ папы и императора.

Возможно, это тоже было исторической причиной гибели катаризма – то, что в ходе Истории он оказался неспособен эволюционировать?

СПИРИТУАЛЫ, БЕГИНЫ И ИОАХИМИТЫ

Три эпохи, семь состояний Церкви... Пророчество, полученное в результате озарения, Иоахим Флорский основывает на подробном библейском и апокалиптическом символизме. Три эпохи истории соответствуют следующим периодам: эпоха Отца – периоду Ветхого Завета; эпоха Сына – периоду Нового Завета; эпоха Духа – периоду благодати и свободы, который только должен наступить. Семь состояний Церкви связаны с тем, как будут сломаны семь печатей в Откровении Иоанна: Ангел шестой печати возвестит эпоху Духа. Эта эпоха Духа станет, согласно Иоахиму, временем «изобилующей благодати, полноты разума, освобождения, созерцания, любви, друзей, детей, света дня, лета, лилий, пшеницы, и слова, всецело преисполненной свободы, согласно тому, что сказал апостол Павел: «Где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3:17).

Ученики и комментаторы Иоахима, «иоахимиты», во второй половине XIII века написали такие толкования – исследования его текстов, которые соответствовали вполне земным надеждам на наступление золотого века. В эпоху Духа счастье не удаляется в другой мир после смерти и воскресения. Кроме того, эта эпоха, как связанная с эпохой Сына и Его Евангелием, должна означать глубинное обновление Церкви, и даже ее новое основание. Основание на Иоанне, евангелисте Апокалипсиса и духовного Евангелия, но уже не на Петре, апостоле преходящей и построенной Церкви? Наиболее значительные из иоахимитов произвели большое впечатление на францисканцев с так называемой «спиритуальной» тенденцией. Эти последние своим рвением к евангелизму и абсолютной бедности противостояли послаблениям братьев своего же ордена в Лангедоке и Италии.

Этих спиритуалов характеризует прежде всего уверенность в том, что орден Франциска Ассизского – это новаторский орден в истории Церкви, провозвестник эры Духа и шестого состояния; понемногу сама фигура основателя стала ассоциироваться для них с ангелом шестой печати и даже с Христом, раны Которого отразились в стигматах Франциска. Это достаточно далеко от катарского Христа без распятия. Спиритуалы особо расширили видение и переживание распятия, которое францисканская чувствительность собственно привнесла в средневековый католицизм.

Орден обновленной Церкви ни в коем случае не мог быть скомпрометирован или испорчен компромиссами века сего: спиритуалы были сторонниками возвращения к чистоте идеалов Франциска, как в области бедности, так и в области евангелизма. Они упрекали францисканскую общину в том, что она принимала все более и более клерикальные правила, и понемногу соглашалась на владение движимостью и недвижимостью: они, наоборот, восхваляли верность Франциску и его первым товарищам, видя в *Usus pauper*, абсолютном «обычае бедности», единственное истинное францисканское правило, соответствующее Евангелию. Они ходили одетые как

«Поверелло» из Ассизи, в одну и ту же грубую шерстяную ткань, которая со временем превращалась в лохмотья, и проповедовали Евангелие в выражениях, близких к народным чаяниям.

Их лидером в Лангедоке был Пьер Дежан-Олею, который, несмотря на определенное количество неприятностей, как со стороны генерала, так и провинциала францисканского ордена в Провансе, окончил в мире свою жизнь в монастыре Нарбонны в 1298 году. По прошествии нескольких лет, его могила стала объектом благочестивых паломничеств и церемоний, и даже начала почитаться как место упокоения святого. При жизни он написал множество комментариев к Писаниям, которые были осуждены орденом и сожжены, но большое количество все же дошло до нас, особенно либеллы и опускулы, переведенные с латыни на окситан, для большего понимания не очень образованных братьев и верующих, в характерной для лангедокских спиритуалов заботе о близости к христианскому народу. Его последователи в Безье, Каркассоне, Нарбонне, как братья-спиритуалы, так и их светские друзья – бегины и бегинки третьего францисканского ордена – в начале XIV столетия тоже столкнулись с проблемами.

После того, как лангедокские спиритуалы, с молчаливого согласия своего ордена, стали участвовать в народных городских бунтах против злоупотреблений Инквизиции, особенно в Каркассоне на рубеже XIII-XIV веков, они пали жертвами различных следовательских миссий в 1300 и 1304 гг. Тем более, что они все резче обличали распущенность францисканских обычаев, по сравнению с духом святого Франциска. В 1312 г. Папский Авиньон достаточно серьезно одернул их защитников, особенно итальянского теолога Убертино де Казале. Затем последовали преследования и насилия протестующих братьев, которых их орден назвал «недисциплинированными». Из монастырей в Безье, Нарбонне и Каркассоне в 1316 г. они были приведены в распоряжение Римской курии, которая двадцать пять из них передала Инквизиции, а Бернат Делисье отправился с ними, чтобы их защищать. Анжело Кларено, итальянский спиритуал, так свидетельствует об их мученичестве: «Братья наложили на них покаяние, согласно правилам ордена; они передали двадцать пять братьев в руки Инквизиции, а четверо из них были сожжены живьем, за то, что они утверждали, что правила святого Франциска имеют ту же ценность, что и Евангелие...»

С костра в Марселе в 1318 г., когда погибли четверо обвиненных курией, начались казни спиритуалов. В то время, как францисканцы в Провансе были такими же эффективными инквизиторами, как и доминиканцы в Лангедоке, лангедокские францисканцы, в массе своей спиритуалы, стали на сторону угнетенного населения, и хотя их орден больше их не поддерживал, все равно выступали против злоупотреблений доминиканской Инквизиции. С тех пор они стали новыми жертвами травли, иногда организуемой их собственными иерархами. Тезисы теологов-спиритуалов – Жерардо де Борджо Сан Доннино, Пьера Дежана-Олею (через двадцать пять лет после его смерти), Убертино де Казале, Анжело Кларено были официально осуждены одни за другими. Дорога святого Франциска, показавшего высочайшее выражение идеала евангелизма и бедности, какое только могло дать то время, в своей абсолютной форме вела на костер точно так же, как катарский или вальденский евангелизм. Нищенствующие ордена не могли обновить католическую Церковь, не заплатив цену соглашательства.

Следует сказать, что с точки зрения Римской Церкви, спиритуалы проповедовали анархию. Хотя они были учеными клириками, которые всегда и безусловно, от начала до конца, стремились сохранить право на евангельские поиски за клиром, и никогда не предавались эксцентричным пророчествам, а их писания - по крайней мере, Пьера Дежана-Олею – свидетельствуют о ревностной и достойной религиозности, за ними всегда следовали, охваченные несколько большим энтузиазмом, толпы христианского народа, которые их слушали. Это привело также, в Провансе и Лангедоке, к возникновению параллельного светского движения, францисканского третьего ордена, духовно вскормленного диссидентскими братьями - бегинов и бегинок, судьба которых, в отличие от северных бегинов доминиканского третьего ордена (бегинки Брюгге), была трагической.

И еще раз женщины продемонстрировали большее рвение, а движение бегинов, как в своем выражении, так и в завершении, в Лангедоке характеризовалось наличием очень сильной составляющей женской религиозности. Однако бегинки были не очень похожи на совершенных катаров предыдущего столетия. В первой четверти XIV века в Безье, Монпелье и Нарбонне это были очень экзальтированные женщины, чрезмерно вовлеченные в споры о бедности, требуемой спиритуалами, смешивающие видения и апокалиптические пророчества, и даже имеющие личный мистический опыт. Если вначале их бьющая через край спиритуальность была вызвана собранием либелл Пьера Дежана-Олею, которые были переведены для них на окситан, то вскоре бегины и бегинки полностью отбросили авторитет францисканского ордена, после чего папство распустило этот третий орден, как слишком неудобный, и даже объявило его еретическим. Последние реестры Инквизиции Каркассона сохранили для нас ужасные реалистичные свидетельства о кострах бегинов и бегинок в Безье, Нарбонне и Люнеле в тот период, когда среди жертв Инквизиции уже оставалось мало катаров. Местные жители приходили смотреть, как сжигают их родителей, друзей, матерей, сестер, а потом благоговейно собирали их останки из едва остывших костров.

Известно, что «еретики» имели обычай собираться на могиле Пьера Дежана-Олею, участвуя в церемониях годовщины его смерти в Нарбонне и комментировать его апокалиптические писания.

Реестр инквизиторов Жана де Бёна и Жана дю Пра (1323-1327), где упоминается о печальном конце последней известной катарской верующей, Гильельмы Турнье, в «муре» Каркассона, почти полностью посвящен бегинам и бегинкам. Так, к примеру, мы можем прочесть свидетельство Эрмессенды Грос, из Гиньяка, относительно На Прус Боннет, бегинки из Монпелье, находившейся в то время в заточении в Каркассоне.

«Означенная Прус Боннет говорила, что она получила Дух Святой, и что она имеет благодать Божью столь же совершенную, сколь и благословенная Мать Господа Нашего, и что она может перемещаться в любое место в мире, в то время, когда люди будут говорить, что она остается на месте, и тем не менее, где бы она ни была, Святой Дух следовал за ней, и что веря в это, она не умрет плохой смертью; и поступая так долгое время, она никогда не желала исповедоваться, поскольку она говорила, что таинства Церкви... ничего не дают для Спасения души!»

Та же дама Прус Боннет, допрошенная инквизитором в 1325 году, рассказывает о своих многочисленных личных мистических видениях: четыре года назад? она была на монашеской службе в церкви Братьев-миноритов в Монпелье. Под конец мессы церковь словно бы опустела:

«Господь Наш Иисус Христос перенес ее Дух, то есть душу, на первое небо, и там она увидела означенного Иисуса Христа в человеческом образе и в Его божественности, и когда Он явился перед ней, то словно бы пронзил ее сердце... и от Него исходили лучи света, более ясные, чем лучи солнца, которые осияли ее и все вокруг; и тут она увидела ясное и четкое видение божественности Божьей, которое проникло в ее сердце и дух...»

Прус, в своих показаниях рассказывает, что тогда она обратилась к Христу на интересной смеси языка ойль и окситан, который писарь Инквизиции достаточно тщательно переписал: *Ne sunt de mi, Seigneur, tant gratias causes* («Господи, столь великая благодать не для меня»), и Господь ответил ей на том же языке: *Si bien les ty donneray maiours sol que tu mi siees fidels* («Я одарю тебя еще большей благодатью, лишь бы ты оставалась Мне верной»). И в свете своего видения Прус положила голову к ногам Христа.

Из этого простого примера, взятого из показаний На Прус Бонет, а также многих других, как и из допросов многих бегин и бегинок Лангедока, видно, что духовность этих новых жертв Инквизиции не имеет ничего общего со спиритуальностью катаров. Потому ошибкою является сблизать совершенных женщин и бегин, пришедших им на смену в проповеди евангелизма. Если францисканское движение спиритуалов не распространилось на западе за пределами Кастильядари, то движение бегин было еще более географически ограничено, задев только Прованс, а в Лангедоке – самые восточные части виконтства Тренкавель, Безье-Каркассон, то есть, именно те территории, которые в эпоху наибольшего распространения катаризма находились вне его сферы влияния, за исключением самого города Каркассона.

Кроме того, мистическая и страстная окраска религиозности бегин сильно контрастирует с логикой холодного света, пронизывающего все показания о катаризме. Тело Христово, человеческое и измученное, а затем божественное и преображенное – все это термины из арсенала новой, чувствительной теологии, которую францисканцы, и особенно спиритуалы, привнесли в обновление католицизма, а бегин, без сомнения, развили в своей страстной манере, используя конкретные элементы из творений Пьера Дежана-Олею. Но уже во второй половине XIII века святая Дуслин, сестра спиритуала Уго Достойного и основательница движения бегин Прованса, посвятила свою жизнь и учение мистическому и почти исступленному созерцанию окровавленного тела Христового: искупительное страдание – это положение, наиболее противоречащее интерпретации Евангелия Добрыми Христианами – сделалось главной ценностью католической теологии, ортодоксальной или нет, на переломе XIII-XIV веков. Как это объяснить – реакцией на обостренный спиритуализм катаров? Наступлением времен, когда томизм с трудом, но преодолел Абельяра с его Духом Святым-Параклетом? Историческим развитием христианской духовности, которой катаризм стал чужим, и остановка в развитии означала его историческую гибель?

В любом случае, конец XIII века стал свидетелем глубинной революции в религиозной ментальности, которая в предыдущем столетии была статической и метафизической. Это было наступление воображения и вещественности: апокалиптические надежды, открытие наново тела Христового и пролитой Им крови – об этом, к примеру, свидетельствует расцвет литературы о Граале, особенно под пером цистерцианских последователей Кретьена де Труа, тоже используемых как арсенал антикатарских аргументов. Тем не менее, наиболее значительные выражения этой новой религиозной чувствительности, означавшие смерть старых ересей, были возведены Римом в ранг тех же ересей, и те, кто поклонялись ранам Христовым, пошли на костер точно так же,

как и те, кто отказывались признать за Богом малейшую ответственность за зло, и считали, что у Христа, Посланца Отца, было только тело света.

ВАЛЬДЕНСО-ГУСИТСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Тех, кто зашел слишком далеко в конкретизации интерпретаций пророческих видений иоахимитов, уничтожали так же жестоко, как и бегинов. Миф о золотом веке смешивался у них с мифом об эпохе Духа, и двойственном, двусмысленном персонаже Антихриста, а также с мифом о возвращении нового императора Фридриха. Что якобы перед своим падением, и тот, и другой, должны будут провозгласить и привести к уничтожению извращенной Римской иерархии.

После смерти Фридриха II, личность которого, собственно и породила один из этих мифов в 1250 г. (то есть за десять лет до 1260 г., на который наиболее неистовые иоахимиты из низшего клира назначили приход *Миллениума*, тысячелетия земного счастья, которое должно было наступить благодаря вмешательству императорского меча, направленного против папства) регулярно, до самой середины XIV века, являлись то псевдо-Фридрихи, то «воскресшие Фридрихи».

В Северной Италии, после того, как около 1300 года погиб на костре Жерардо Сегарелли из Пармы, вобравший в себя милленаристские надежды первых «апостоликов», светские люди снова стали проповедовать, как мужчины, так и женщины. Фра Дольчино из Новары принял эстафету, и, со своей подружкой Маргаритой, собирал толпы в Тоскане и Ломбардии, тоже пророчествуя и требуя всеобщего покаяния: *Penitenciam agite! penitenciam agite!*

К трем эпохам Иоахима он добавил четвертую: предпоследнюю, когда эпоха Сына и Евангелия была извращена, и настала эра извращенной христианской Церкви, несмотря на усилия Доминика и Франциска. В ожидании последней эпохи, эпохи апостоликов, спиритуалов и абсолютной бедности, Дольчино пророчествовал между 1300 и 1307 годом об уничтожении папы Бонифация VIII и Римской иерархии третьим Фридрихом, доном Федрике Арагонским, который станет императором и будет править до времен Антихриста.

Интересно, что в своем каталонском убежище, если верить словам двойного агента Арнода Сикре, через несколько лет после этого, Белибаст проповедовал следующее:

«... что выходец из рода королей Арагонских накормит своего коня с Римского алтаря, и тогда Римская Церковь будет унижена, а их Церковь будет прославлена, а сами они и их доктрины будут проповедуемы среди бела дня, и их будут повсюду почитать...»

В этих словах видно непосредственное влияние пророчеств Фра Дольчино, который со своей стороны уточнял, что он сам собирается занять понтификальный трон. Все же удивительно видеть, как служитель катарской Церкви – а мы видели, что Белибаст не проповедовал такого уж упаднического катаризма – возлагал надежды своей Церкви на миф, абсолютно касающийся этого мира. Возможно, догматические несовместимости в метафизическом плане иногда, таким образом, совпадали на практике, на уровне личной религиозности. Но как бы там ни было, всех этих людей ждал один и тот же конец на кострах Инквизиции: Жерардо Сегарелли, Гийом Белибаст, Фра Дольчино и Маргарита.

Тем не менее, конец XIV века был отмечен новыми религиозными перспективами, рождением новых идей. Вскоре Уиклиф в Англии, Ян Гус в Богемии будут проповедовать самую радикальную реформу доминирующей Церкви, распространяя по всей Европе евангельские идеи социального характера, менее укорененные в апокалиптическом мистицизме, чем идеи апостоликов. Однако, после костра Яна Гуса в 1415 году в Констанце, его ученики и последователи разделились на множество направлений, более или менее реформаторских, более или менее радикальных, среди которых были Богемские братья и табориты, восстававшие и применявшие насилие против католических властей в течение всего XV века, и история которых завершилась кровавой баней и ужасными трагедиями, напоминающими опыт Фра Дольчино и словно предвещающими историю анабаптистов Томаса Мюнцера в Мюнстере в XVI веке. Между тем, гуситы встретились с вальденсами.

Движение, известное нам из обращения Вальдо из Лиона в конце XII века, в евангельском контексте времен распространения катаризма, осужденное и радикализировавшееся в противостоянии с Римской Церковью и после обращения его более умеренных последователей в Католических «Бедных», смогло пережить Средние века и не исчезнуть. Преследуемые Инквизицией XIII- XIV веков менее систематически, чем катары, вальденсы распространились из долины Роны по всей Европе: в Провансе, в Восточном Лангедоке, где они соседствовали с бегинами, в Гаскони, в Бургундии, в Северной Италии, в Немецких землях, и даже в Центральной Европе –

Польше, Богемии. Там в XV веке они без особых трудностей были приняты реформаторскими общинами последователей Яна Гуса: к примеру, известен факт, что в 1468 году вальденские общины Бранденбурга и Богемии объединились с Церквями Богемских братьев, и этот процесс привел к еще большей радикализации их доктрин, особенно в области таинств (например, о бесполезности выслушивания исповеди ?).

Эти восточные вальденсы никогда полностью не порывали отношений со своими западными собратьями, главным центром которых в XV веке были общины высокогорных долин Пьемонта, «вальденских долин», тех самых, что несколькими десятилетиями ранее служили убежищем «еретического синкретизма», в котором принимали участие последние катары. Религиозная литература на окситан, которой пользовались эти общины, несет на себе ясный отпечаток работ самого Яна Гуса, называемого там *Mestre Joan de sancta recordancza* (святой памяти Мэтр Иоанн), и это было намного раньше установления официальных отношений между Богемскими братьями, объединившимися с вальденсами Центральной Европы и вальденскими Церквями в Пьемонте: в 1497 году гуситы послали в Италию делегацию, включавшую, в частности, Лукаса из Праги и Томаса Германоса. Окситаноговорящие вальденсы Долин передали в Богемию сохранившееся до наших дней письмо к королю Ладисласу, которого просили стать их защитником – *Epistola al serenissimo rey Lancelau*.

Таким образом, в XV столетии было создано реформаторское религиозное движение, которое по праву можно классифицировать как «первую Реформацию» или «вальденско-гуситский интернационал», создавший по всей Европе базы огромного движения, возникшего через несколько десятилетий и представлявшего собой собственно Реформацию. Поражение этой «первой Реформации» обычно объясняется ее далеко идущим социальным и революционным характером: гуситы всегда отказывались идти на компромисс со светскими властями, симпатии которых определили успех протестантской Реформы. Следует ли считать это широкое движение последним всплеском средневекового евангелизма между реформизмом и гетеродоксией, или наоборот, предвестником новой христианской Церкви нашего времени? По-видимому, оно было и тем, и другим. Как бы там ни было, вначале благодаря гуситской, а затем протестантской Реформе, к которой на синоде в Шанфоран в 1532 году торжественно присоединились гуситы, общины вальденских беженцев смогли продержаться несколько столетий в высокогорных долинах Пьемонта и дожить до современной эпохи, не утратив полностью своей идентичности, или по крайней мере, сознания своей идентичности. Даже если Вальдо из Лиона был всего лишь мифическим персонажем, Церковь вальденсов существует до сих пор. Ее престол находится в Пьемонте, в Торре Пеллисе, а в Риме есть факультет вальденской теологии.

Во всяком случае, в этой последней «еретической» литературе на окситанском языке, принадлежащей к средневековой эпохе, в вальденском трактате о «терзаниях мира сего», датированном серединой XV века, мы находим образ того, как Римская Церковь в Средневековье определяла всех диссидентов духа и совести:

«Они накладывают печати на свою церковную власть, и всякого, кто захочет им противоречить, они полагают ослушником, заочно осужденным, схизматиком, бунтовщиком, безумцем и одержимым; и они жаждут свести огонь божественного гнева на тех, кто им противоречит. Напротив, они жаждут низвести огонь святого апостольского престола даже на своих единомышленников, и объявляют всякого, кто отказывается их слушаться, отлученными от Церкви, преследуют их и предают светской власти...»

И вместо заключения мы опять дадим слово анонимному вальденскому автору, который писал от имени христианской общины, преследуемой Инквизицией уже два столетия, и не знавшему, что предстоит еще три столетия драгонад и галер; автору, который писал в самом конце Средневековья, все еще раздираемого порывами христианского рвения, к которому не желали относиться терпимо: «Евреи преследовали Христа, а не Христос евреев; еретики преследовали христиан, а не христиане еретиков. Итак, по плодам их узнаете их.»

Хороший урок? И это не только урок теории. На самом деле, на протяжении столетий, общины катаров и вальденсов пытались практиковать провозглашенный выше идеал, заботясь о том, чтобы не нарушить ни одной буквы из Закона Христового, из страха вечного проклятия или по другой причине, глубоко укорененной в их сердце. Катарские верующие или вальденские крестьяне могли защищаться с оружием в руках против агрессии католических армий; но никогда ни катарская Церковь, ни вальденская Церковь не зажигали костров и не устанавливали трибуналов для инакомыслящих.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: МИФ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Я бы не могла с интеллектуальной честностью размышлять о катаризме, не проведя расследования исторической эпохи протяженностью в пять веков, особенно в контексте общеевропейских спиритуальных движений средневекового христианства, поскольку только это могло дать мне возможность поставить его на должное место

и рассмотреть в характерных для него пропорциях. Не то, чтобы я питала большие амбиции воссоздать катаризм на трех с лишним сотнях страниц и в течении трех месяцев работы. Просто я попыталась связать между собой факты, события, идеи, соединить коннотации, показавшиеся мне новыми, упорядоченно изложить сведения и рассказы, разбросанные по источникам и публикациям. Книга, которая получилась – это всего лишь набросок, а огромный труд еще впереди.

Истинный образ катаризма не может быть выявлен иначе, чем в добровольной попытке принять в себя весь средневековый универсум, являющийся носителем этого феномена: в открытии горизонтов. Но при этом, не выходя за рамки средневекового мира, к которому этот феномен принадлежит, и за рамки документальных свидетельств. Следует открывать горизонты, избегая того, чтобы глядеть на подводные рифы истории в уменьшенном виде, потому что это все еще не история; но к тому же следует избегать худшей ловушки, а именно, открывать горизонты без ограничений, без всякого отношения к документам, без критического духа, в отсутствие которого история растворяется в мифологии, более-менее туманной или невротической.

Впрочем, намного больше наград, как интеллектуальных, так и эмоциональных, сулит процесс, когда мы просим рассказать о катаризме самих катаров. Это лучше, чем переводить бумагу, тщетно трудиться и подвергать тяжелым испытаниям внимание читателя, вещая о мифологии современных катаров с небольшим привкусом коммерции. Потому позвольте мне просто сказать несколько слов о четырех писателях и исследователях, которым во Франции принадлежит наибольшая заслуга в том, что они извлекли катаризм из отливающей всеми цветами радуги мифологической породы.

Прежде всего, я хочу вспомнить незаслуженно забытого Фернана Ниэля, которому принадлежит сомнительная честь открытия солярной ориентации замка Монсежюр. В пятидесятых-шестидесятых годах еще не знали, что замок, который мы видим сегодня, не был замком Раймона де Перейля, а мода на солярный катаризм уже была распространена. Оказалось, что ориентация знаменитых арок донжона на заходящее солнце во время летнего солнцестояния и в самом деле была подтверждена, с помощью весьма сложных инструментов: Фернан Ниэль не ошибся в своих расчетах. Просто следовало поставить эту ориентацию замка по солнцу на свое место, среди приемов (или кунштуков) средневековых строителей, без всякого отношения к катаризму. К сожалению для Фернана Ниэля, теории о «солнечном храме», которые стали распространять о Монсежюре разные комментаторы и толкователи, затмили серьезность его работы, ту искренность и честность, с которыми его в 1965 г. называли «человеком, лучше всего знающим Монсежюр». На самом деле, он открыл путь не романизированной истории Монсежюра – в эпоху, когда еще доминировали романтические и поэтические видения Наполеона Пейра и Мориса Магра, он систематически использовал свидетельства из инквизиторских источников, показания выживших перед братом Феррье из фондов Доат, которые он сам переписал в Национальной Библиотеке, чтобы попытаться впервые воссоздать действительную историю места и осады.

В свою очередь, Мишель Рокбер, через пятнадцать лет после Фернана Ниэля, пошел по тому же пути и углубил его, систематически сверяясь с постоянной работой над документами, все расширяя микроскопическое поле общего видения средневековой истории. Он смог расчистить историю Монсежюра, воссоздать реалии его жизни, опубликовав первые тома *Эпопеи катаров*, настоящей Суммы, основанной на источниках, тщательно выверенных, исследованных, изученных: его взгляд историка связал религиозные, военные и политические события в полном и завершеном интеллектуальном синтезе.

Что касается более внутреннего плана жизни катарской Церкви, ее мышления, догматов, обрядов, иерархии, верующих, то Сумма Жана Дювернуа *Катаризм*, отвечает Сумме Мишеля Рокбера, посвященной более событийной истории крестового похода и репрессий. Кроме того, Жан Дювернуа заложил ни с чем не сравнимый фундамент в исследования катаризма, опубликовав три тома на латыни, а три тома во французском переводе, грандиозного и подробного реестра допросов Жака Фурнье. Неустанный труженик, он переписал и перевел с латыни некоторое количество менее известных реестров Инквизиции. Из этих рукописей, сданных им на хранение в библиотеку Национального Центра исследований катаризма, я почерпнула множество точных упоминаний и цитат.

Все они трое – Фернан Ниэль, Мишель Рокбер, Жан Дювернуа – «вольные стрелки» Истории, не являющиеся выходцами из французских университетов, которые, будучи отпугнутыми коммерциализацией бредовых мифов, долгое время считали катаризм опасным и скользким предметом, и исключили его из своих курсов и тем. Потому без их основополагающих работ катаризм мог еще долгое время оставаться в «индексе запрещенных тем».

Рене Нелли был таким же вольным стрелком на свой манер и, несмотря на его необычную докторскую работу об *Эротике трубадуров*, его трудно определить, «замкнув» в какой-то заранее установленной категории: он был поэтом, романистом, философом, этнологом, эрудитом, каким можно было еще быть в девятнадцатом столетии, но чрезвычайно трудно в наше время. Он посвятил всего себя науке и литературе, вдохнув дух и душу в

средневековую цивилизацию Юга. Его переводы *Писаний катаров*, его комментарии и толкования *Философии катаризма*, в точных и ясных словах разъясняют мысль школы Джованни де Луджио, высшего достижения катаризма.

Без работ этих четырех друзей, мне было бы намного труднее и намного дольше писать эту книгу. Но если я могу поблагодарить Мишеля Рокбера и Жана Дювернуа, то Фернан Низель и Рене Нелли уже покинули нас. Потому позвольте мне проявить свои чувства хотя бы в воспоминании о том августовском дне 1965 года, когда я встретила их обоих в «Гестии», всегда открытом доме Ниты де Пьерфо, последней великой дамы Монсегюра. И кроме того, мне не хотелось бы обходить молчанием имя Деодата Роше, который, вместе с Обществом памяти катаров, основанным им после войны, всегда добровольно оставался «за скобками» научного исследования, оставляя за собой поиски духовности катаров, и пытаюсь универсализировать ее для современного мира. Хочу подчеркнуть, что этот отец новой катарской духовности и создатель этого Общества всегда остерегался фантазмагорических увлечений фальшивыми коммерциализированными тайнами и сохранял ироническое достоинство.

Сегодня, благодаря приведенным выше работам французских исследователей, и в других странах начались интенсивные научные междисциплинарные изыскания филологов, теологов, ересиологов, историков менталитета, экономики и общества, от Соединенных Штатов Америки до Польши, и потому уже больше невозможно видеть в катаризме только способ спекуляции, в двойном смысле этого слова. Созданный во Франции, возле Каркассона, Центр исследований катаризма – Центр Рене Нелли – является символом этого обновления исторического исследования, благодаря своим коллекциям микрофильмов документальных средневековых источников, своей огромной специализированной библиотеке, международному персоналу и изданию ежеквартального сборника средневековой ересиологии *Heresis*.

ЖЕНЩИНЫ И ВЕДЬМЫ

Перечитав все, что я хотела написать, совершив это трехмесячное путешествие как в глубины катаризма, так и в его окрестности, как в Окситании, так и в других землях, позволившее мне реализовать и проложить дорогу в собственном смысле этого слова, дорогу исключительно благодатной рефлексии, я хочу остановиться на двух векторах исследования, которые кажутся мне особенно многообещающими для дальнейшего изучения.

Первый вектор – это изучение и подтверждение женского измерения религиозного движения. Это измерение постоянно присутствует в центре евангельской требовательности, толкнувшей вперед христианство между XI и XIV веками. Уже в Монтефорте, около 1030 года, женщины занимают видное место. Анна Комнина шокирована их присутствием среди еретиков богомилов Византии в начале XII века, как и клирики и хронисты Шампани и Рейнских земель в середине того же столетия. Вальденские женщины, женщины-совершенные у катаров и бегинов словно составляют вместе печальную цепь «прекрасных еретичек», которых пожрал огонь господствующей Церкви. Они были душой христианского рвения, как в семье, так и в обществе, почти всегда более zaangażированные, более поглощенные своей верой, чем мужчины, которые, со своей стороны, конечно же, представляли культурный и интеллектуальный элемент распространения этой веры через проповеди и писания.

Женщины у первых вальденсов, кажется, проповедовали, мирянки среди мужчин-мирян. В окружении Роббера д'Арбрисселя, как женщины из народа, так и дамы из высородной аристократии искали более непосредственный ответ на свои надежды на духовное призвание. Разделяя ортодоксальные или неортодоксальные взгляды, женщины смогли продвинуться в религиозный мир в XII столетии так далеко, как никогда раньше, а начиная с XIV столетия, они перестали это делать. Пробуждение женщин в XII-XIII веках, разумеется, очень относительное, но тем не менее, бесспорное, от Элоизы до поэтессы Марии Французской, от дам из Фонтенвро до катарских матриархинь и совершенных. Это движение приобрело привкус мистики и пророчеств в конце XIII века у бегинок и женщин-апостоликов в Северной Италии. Однако после них всё затихло.

Начиная с середины XIV века, женщины, искавшие дорогу самовыражения и обретавшие голос – это только одиночные диссидентки: Инквизиция обрушила на них бесконечные охоты на ведьм. Присутствия женщин больше не видно в коллективных движениях наподобие бегинок. Только семантическое производное от слова *вальденс* в смысле «колдун», фигурирует в «вальденсии» Арраса – огромном процессе о колдовстве, в котором были задеты, следует сказать, как мужчины, так и женщины. Этот процесс является очень характерным, и демонстрирует ту связь, которую Инквизиция «установила» между бывшим «еретиком», бывшей «еретичкой» и колдовством. И так продолжалось до XVII века.

Женщины не играли значительной роли ни во время первой, вальденско-гуситской Реформации, ни во время второй, протестантской. После первой половины XIII века следовало ожидать XX века, чтобы женщины-вальденсы, как признак времени, вернули себе право проповедовать и даже получили доступ к пастырской

функции. До тех пор во всей общей истории христианской религии, с ее различными ветвями и направлениями, только катарская женщина, как совершенная, смогла закрепить и удержать за собой право на духовное призвание.

Бывший завод в Шалабр

ЗАМОК, ГДЕ БОГ ИНОЙ

Следующей темой для размышлений, которая кажется мне особенно ясной, когда я заканчиваю эти страницы, является безусловный спиритуализм христианства катаров, черта, из-за которой, возможно, это религиозное движение застыло в неподвижности, остановилось в развитии, а с точки зрения Истории, всегда подвижной, такая остановка неизменно означает смерть.

Будучи бесспорно раннехристианским в своем обряде и глубинном происхождении своей доктрины, христианство катаров можно воспринимать как одну из христианских Церквей ранних времен, в той или иной степени застывшую на каком-нибудь Востоке и воскресшую в собственном смысле этого слова, когда в эпоху Тысячелетия настали благоприятные культурные условия. В XII и даже XIII столетии катаризм прекрасно соответствовал своему времени, будучи наиболее представительным из первых евангелизмов и духовных порывов «интеллектуального» характера в эпоху Абельяра. Можно сказать, что он был даже прогрессивным элементом, благодаря вовлечению класса нарождающейся буржуазии, своей практике денежного обращения и жизни в труде, а также своей пастырской деятельности свободного проповедования и распространения Писания на народном языке.

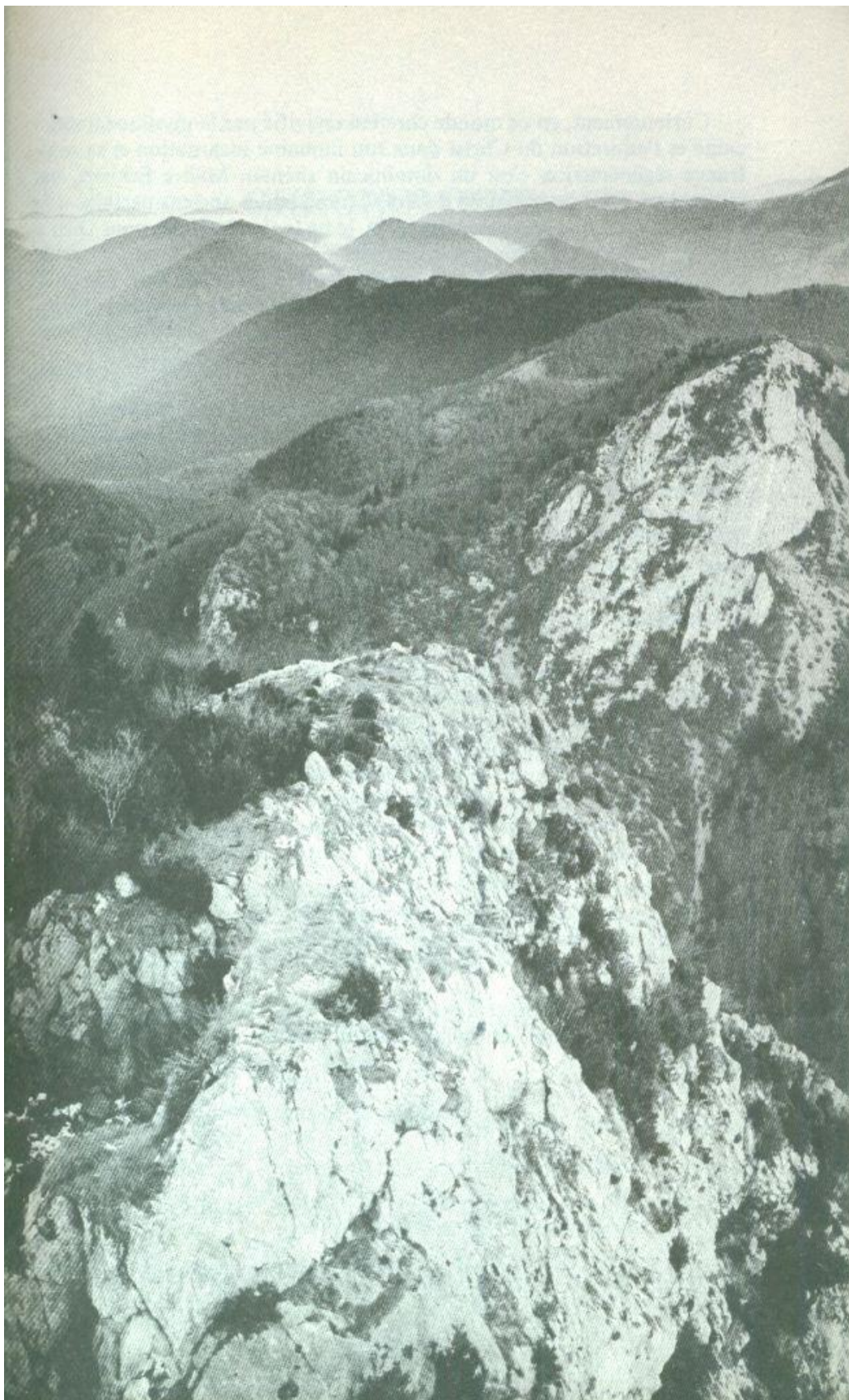
Однако, с середины XIII века евангельские порывы, как ортодоксальные, так и нет, характеризуются новой формой духовности. Эта новая религиозность, мистическая, апокалиптическая, преобразила романский католицизм и обрела собственные радикальные формы, с которыми тоже стали обращаться как с «ересями», уничтожая их огнем. Катаризм по своей природе не был способен адаптироваться к ним. Всякая мистика была ему фундаментально чужда, поскольку мистика предполагает целую сеть чувственных связей между божественным бытием и воплощенной душой, в то время, как катаризм – это христианство, где Бога в этом мире нет, христианство, которому чужда всякая материя, всякое смятение чувств. В нем нет никаких пророчеств относительно этого мира, никаких надежд на земное воплощение эпохи божественного счастья, где социальный мир является предвестником чего-то большего, поскольку катаризм - христианство невидимого мира добрых духов, а его единственное Добро – в вечности. Поставив во главу угла полную невинность Бога по отношению к злу, миру преходящих иллюзий и смерти, катаризм стал христианством абсолютного спиритуализма, и не мог эволюционировать без того, чтобы просто перестать быть собой.

Начиная с середины XIII века, именно тогда, когда Римская Церковь организует против него систематические и методические репрессии, катаризм фактически сталкивается с менее непосредственным, но без сомнения, более радикальным противником: новой иоакимитской и францисканской мистикой, которая отвела религиозное вдохновение как простецов, так и ученых, в русло логики войн, костров и страданий – а вскоре настала Чума, банды рутьеров вереницами выстраивались с факелами, восклицая «Покаяния! Покаяния!», повсюду бродили процессии флагеллантов, и всё захлестнула эта готическая волна культа искупительных страданий и Спасения путем кровотока ран и поцелуев с прокаженными. Возможно, катаризм на свой, не очень гибкий манер, оставался христианством романских времен? Его метафизика была логикой холодного света, он выявлял себя в мирной безмятежности, хотя, возможно, не без некоторого высокомерия, иногда с иронической полуулыбкой, юмором и рационализмом, высказываясь о «лжи и предрассудках» Церкви Римской, что полностью соответствовало эпохе Абельяра и нового открытия Аристотеля.

Когда Белибаст со своей благородной иронией замечает, что можно молиться Богу и в католическом храме, как и в любом другом месте, то некоторым образом он кажется нам ближе, после «века Просвещения»: но в XIV веке он выглядит анахронизмом... Так и Жак Отье говорит Пьеру Маури, дающему показания перед Жаком Фурнье, подтверждая, что благословение хлеба катарским служителем или священником в любом случае не сделает из благословленного хлеба тела Христова. Ведь мы благословляем его на тот же манер, добавляет Белибаст в том же свидетельстве:

«Наш хлеб – тот же, что и их, но мы говорим правду, называя хлеб, который мы благословляем, просто благословленным хлебом, в то время, как эти, из Церкви Римской, говорят ложь, заявляя, будто их благословленный хлеб – это тело Божье...»

«Современный» рационалистический привкус этого абсолютного спиритуализма, как это ни странно, кажется нам ближе, чем чувственные излияния католической мистики XIV века. Однако, катары были христианами чужого Бога: Бог был не от мира, как и мир был не для Него; и наоборот, князь мира сего был чужим миру истины и вечности: «не дай нам умереть в мире чужого бога, но дай нам познать то, что Ты знаешь и полюбить то, что Ты любишь», - такая просьба к «Отцу Святому, Богу праведному добрых духов» содержится в анонимной катарской молитве, которую по памяти цитирует Жан Маури Жаку Фурнье.

Вид с Монсегиора на голубые горы

Удивительно, но в этом христианском мире, возрожденном францисканской мистикой и поклонением Христу в человеческом воплощении и Его искупительным страданиям, только рейнский доминиканец, Мэйстер Экхарт, вновь вернул отзвук слов холодного света давних совершенных. «Если бы был бог, которого я мог познать, я бы не считал его Богом», писал он, тоже снимая с Бога ответственность за все невзгоды «мира сего», и видя Бога только

в непознаваемом, другом мире, который не может постичь никакое воображение, куда не долетит никакая молитва. Бесплотная доминиканская мистика и дуалистическая метафизика парадоксально сближаются, перебрасывая мост через век страданий.

Мираж этой средневековой спиритуальности, не придающей Богу никакого образа ни в камне, ни в плоти, не воображающей никакой сакрализации видимого, очаровывает и привлекает толпы туристов к голубизне Монсегюра или солнечно-охряным Корбьерам. Мы не достигли конца парадоксов, имеющих вкус к жизни. Ничего сегодня не осталось от мира катаров, кроме света, который они вбирали в себя, как и мы можем его еще вбирать. Как нам найти хотя бы отблеск их взгляда в вещах мира сего, если они признавали их – хотя красота этих вещей говорит нам именно об их мире – творением зла?

Хотя с другой стороны... Рене Нелли, в поэзии которого слышен голос пророка, смог открыть божественный смысл иллюзорной красоты мира, как если бы его видели давние совершенные. «Замок, где Бог Иной», как он назвал Монсегюр в длинной поэме, где Бог – это не столько библейский Бог, но Иной, из иного мира, ведь мы не от мира и мир не для нас. И Нелли тоже перефразирует Мэйстера Экхарта, как тот перефразировал старые катарские тексты. Но Нелли отыскивал просвет божественной надежды в красоте мира навыворот:

«Кто несется с ветром следует в недвижимом путешествии
Смерть не приносит с собой ничего кроме странника которого приносит
Я вижу башню медленно поднимающуюся на собственную цитадель
И всякая изнанка этого мира открыта для встречи с нами...»

Настало время умолкнуть. Наступила ночь, и воркуют горлицы. И мы никогда не узнаем, кто из них, Франциск или Гвиберт, слушал их с большей любовью и очарованием.

Виллегги, 30 мая 1988 года, 1 час ночи

Хронология

ДАТЫ	ЦАРСТВОВАНИЯ И ПОНТИФИКАТЫ	СОБЫТИЯ
конец X в.		«Слово» пресвитера Козьмы, о богомилах.
1000		Крестьянин Лиотар проповедует в Шампани.
1022		10 каноников сожжены в Орлеане.
1030		Еретики из Монтефорте сожжены в Милане.
1073	Понтификат Григория VII (1073-1085)	Григорианская реформа.
1100		Ок.1100, первое сожжение еретиков-богомиллов в Константинополе.
1101		Учреждение Робером д'Абрисселем ордена Фонтевро.
1114		Двое крестьян-еретиков сожжены в Суассоне.
1115		Между 1115 и 1125 гг. костры еретиков в Тулузе.
прибл. 1120-1125		проповеди Пьера де Брюи по долине Роны до Лангедока.
прибл. 1135-1145		проповеди монаха Генриха в Тулузэн.
1137		Людовик VII, король Франции (1137-1180)
1143		Массовое сожжение дуалистов в Кельне.
1144		Массовое сожжение дуалистов в Льеже.
1145		Миссия Бернарда из Клерво в Тулузэн и Альбижуа.
1148	Раймон V, граф Тулузский (1148-1194)	
ок. 1150		Арнод из Брешии поднимает Рим против папства.
1152	Понтификат Александра III (1159-1181)	
1163		Костер еретиков в Кельне, Экберт де Шонау изобретает слово «Catharos».
1165		Теологический диспут между катарами и католиками

		в Ломбере.
до 1170 г.		обращение Вальдо из Лиона.
1180	Филипп-Август, король Франции (1180-1223)	
1181	Понтификат Луция III (1181-1185)	Антиеретическая экспедиция кардинала-епископа Генриха де Марси. Осада Лавора, отречение катарских епископов Церкви Тулузэн.
1184		Веронские Декреталии, подготовившие создание Инквизиции.
1190		Сумма против еретиков Алана Лилльского
1194	Раймон VI, граф Тулузский (1194-1222)	
1196	Педро II, король Арагона (1196-1213)	
1198	Понтификат Иннокентия III (1198-1216)	
ок. 1200		<i>Liber anti-heresis</i> Дюрана де Уэска.
1200		П в Труа и в 1204 в Браине костры публикан в Шампани.
1202		Смерть Иоахима Флорского, автора <i>Вечного Евангелия</i> .
1204		Рукоположение дам из Фанжу Гвибертом де Кастром. Диспут в Каркассоне.
1205		Диспут в Сервиане
1206		Диспут в Монреале. Собрание шестисот совершенных в Мирпуа.
1207		Диспут в Памье (с вальденсами).
1208		Отлучение Раймона VI. Убийство папского легата Пьера де Кастельно.
1209		Начало крестового похода, подчинение Раймона VI, резня в Безье, падение Каркассона, смерть Раймона Роже Тренкавеля. Симон де Монфор виконт Каркассона. «Братство» Франциска Ассизского было признано Иннокентием III.
1210		Взятие Миневры, 140 катаров были брошены в огонь. Взятие Термез.
1211		Взятие Лавор, казнь защитников и от 300 до 400 «еретиков». Еще 60 «еретиков» сожжены в Кассес.
1212		Завоевание Аженуа, Керси и Коммендж Симоном де Монфором.
1213		Оммаж Раймона VI королю Арагона Педро II. Битва при Мюре, смерть короля Арагона и разгром окситано-арагонской коалиции.
1215		Капитуляция Тулузы. Латеранский Собор. Симон де Монфор становится властителем этих земель. Официальное утверждение нищенствующих орденов
1216	Понтификат Гонория III (1216-1227)	Начало войны Раймона VI и его сына за освобождение.
1218	Симон де Монфор погибает во время осады Тулузы.	
1219		Крестовый поход принца Людовика, резня в Марманде.
ок. 1220		Дюран де Уэска, ставший «католическим бедным», пишет <i>Liber contra Manicheos</i> .
1221		Смерть брата Доминика.
1222	Раймон VII, граф Тулузский (1222-1249), смерть Раймона VI.	
1223	Людовик VIII, король Франции (1223-1226), смерть Филиппа-Августа. Реконкиста	

	Раймона Тренкавеля.	
1224		Поражение Амори де Монфора, который передает свои права короне. 1224-1229, Кабарец становится крепостью фаидитов и укрытием для Церкви Каркассес.
1226		Катарский Собор в Пиоссе, возникновение епископства Разес. Королевский крестовый поход. Сожжение Пейре-Изарна, епископа Каркассес, перед Людовиком VIII в Конес-Минервуа.
1226	Людовик IX, король Франции (1226-1270)	Смерть Людовика VIII. Смерть Франциска Ассизского. Резня в Лабесед войсками Умберта де Божо.
1227	Понтификат Григория IX (1229-1242)	Предиквизиторская миссия Конрада Марбургского в Германии.
1229		Трактат в Мо (Парижский Трактат), подчинение Раймона VII, французский залог наследия графа Тулузского. Создание Тулузского университета, доверенного братьям-проповедникам.
1232		Монсегюр становится, по просьбе катарского епископа Гвиберта де Кастра, «главою и престолом катарской Церкви».
1233		Создание Инквизиции, доверенной папой ордену братьев-проповедников.
1235		Восстание против Инквизиции в Тулузе, Альби и Нарбонне.
1239		13 мая 1239, костер в Мон-Эме (Шампань), сожжено 183 катара.
1240		Тщетная попытка Раймона Тренкавеля и фаидитов из Каркассес вернуть свои земли.
1242	Понтификат Иннокентия IV (1242-1254)	Рейд на Авиньонет рыцарей из Монсегюра, сигнал к войне Раймона VII.
1243		Капитуляция Раймона VII в Лоррисе. Начало осады Монсегюра.
1244		2 марта 1244, капитуляция Монсегюра, Пьер Роже де Мирпуа договаривается о перемирии на пятнадцать дней. 13 марта двадцать верующих попросили о получении <i>consolament</i> . В среду, 16 марта 1244 у подножия «пог» (скалы) были сожжены двести двадцать «облеченных еретиков».
1245		1245-1247: грандиозное инквизиционное расследование Бернара де Ко и Жана де Сен-Пьер в Лаурагэ. Катарская Церковь разбита, ее иерархия бежит в Ломбардию.
1249		Восемьдесят катарских верующих сожжены в Ажене по приказу Раймона VII. Смерть Раймона VII без наследника мужского пола; Альфонс де Пуатье, брат Людовика IX наследует его владения.
1254	Понтификат Александра IV (1254-1261)	
1255		Шаберт де Барбайра сдает Керибюс после вмешательства Оливье де Термез.
1261	Понтификат Урбана IV (1261-1264)	
1262		1262-1283, Гийом Пажес возвращается из Ломбардии, проповедуя в Каркассес и Кабардес.
1265	Понтификат Клементя IV (1265-1268)	
1270	Филипп III, король Франции (1270-1285)	Смерть Людовика IX.
1271	Понтификат Григория X (1271-1276)	Альфонс де Пуатье и Жанна Тулузская умерли без наследников. Французская корона унаследовала

		графство Тулузское.
1276		Облава в Сирмионе (Северная Италия).
1278		Двести катаров были сожжены на аренах в Вероне.
1280	Филипп IV Красивый, король Франции (1285-1314)	1280-1285 злоупотребление процедурами и заговор против архивов Инквизиции в Каркассоне.
1294	Понтификат Целестина V (август-декабрь) Понтификат Бонифация VIII (1294-1303)	«Спиритуальный» папа.
1295		Пьер и Гийом Отье отправляются в Ломбардию.
1300		Бернард Делисье и «Каркассонское безумие». 1300-1307 проповеди Фра Дольчино.
1301		Начало духовной реконквисты Отье в Окситании.
1303		Жоффри д'Абли, инквизитор Каркассона.
1305	Понтификат Клементя V (1305-1314)	
1307		Бернард Ги, инквизитор Тулузы
1309		Разорение Церкви братьев Отье. Бегство Белибаста в Каталонию.
1317		Прибл. 1317-1330, костры бегинов и бегинок в восточном Лангедоке.
1318		1318-1325, инквизиторская кампания Жака Фурнье в епархии Памье.
1321		Сожжение Белибаста, последнего известного окситанского совершенного в Виллеруж-Терменез.
1325		Последняя катарская верующая сожжена в Каркассоне.
1329		Последний костер катаров в Каркассоне (3 мужчин-верующих).
1334	Понтификат Бенедикта XII (Жака Фурнье) (1334-1342)	
1375		Ок. 1375, последняя редакция катарского Ритуала на окситан.
1388		Показания Джакомо Беш, из Чьери: катары, апостолики, фратичелле и вальденсы.
1412		Последние приговоры против дуалистов в Чьери.
1415		Сожжение Яна Гуса в Констанце.
1463		Завоевание Боснии турками.
1468		Вальденско-гуситский интернационал.
1532		Синод в Шанфоран: присоединение вальденских общин Пьемонта к протестантской Реформации.

Жан-Луи Гаск